ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

СОЗЕРЦАТЕЛЬ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ТЕНЬ ИНГЕНИУМА

Annotation

Ингениум – новое будущее человечества. Он появился на волне индустриального прорыва – мотории, его боготворят романтики, за ним следят политики, его желают использовать дельцы и военные. Все ждут от ингениума чудес, забывая о том, что у него есть обратная сторона – тень, приводящая своего владельца к безумию и смерти.

Итан Шелби, оказавшийся в Риерте – городе каналов и мостов, стал невольным участником событий, в которых ингениум и его тайны играют не последнюю роль.

- Алексей Пехов
  -
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46

- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55

Алексей Пехов
Тень ингениума Фантастический роман

У меня есть и свои спички и своя сера, и я сумею сам устроить себе ад.

Редьярд Киплинг

Глава первая
СДЕЛКА

Был конец ноября, и при всем желании я не мог бы назвать сезон в Риерте приятным. У нас в Королевстве каждый первый – погодный эксперт, о погоде знают всё и охотно обсуждают за завтраком, обедом, ужином и, разумеется, пятичасовым чаем.

Порой доходит до смешного.

Окружен грабителями в подворотне недалеко от Слаудж-стрит? Поделись своим мнением о качестве дождя с преступниками.

Нечего делать, в то время как снаряды искиров роют землю вокруг твоей траншеи? Обсуди с ротой град в Дредводшире, который в прошлую весну был куда мощнее, чем артиллерия косоглазых.

Тонешь вместе с лайнером, нарвавшимся на айсберг в океане? Не забудь сказать капитану, прежде чем корма скроется в волнах:

– Вода нынче довольно прохладна. Вы не находите, сэр? В любом обществе ты сразу прослывешь благовоспитанным, образованным и вежливым человеком. Даже если спустя секунду тебе под ребро вобьют нож, снаряд угодит прямо в каску, а океан заполнит твои легкие. Окружающие всенепременно отметят:

– А Итан Шелби был вполне себе порядочным и воспитанным джентльменом. Какой на улице, однако, дождь.

В Риерте же к традициям, принятым в Королевстве, относятся с равнодушием и погоду редко обсуждают даже в сезон высокой воды, когда та стучится в окна, оккупируя первые этажи зданий и скрывая под собой пешеходные мостовые. Здесь больший интерес для светских бесед вызывают контаги, мотория, недовольство рабочего класса, бессмысленные попытки бунтовщиков пошатнуть положение местной аристократии, заводские стачки, карнавалы и открытие какого-нибудь ресторана на линиях Бурса. То есть о погоде чаще всего поговорить просто не с кем.

Не то чтобы я страдал от этого, но обсудить происходящее все же стоило. Моросил мерзкий дождь, и зябкий ветер прыгал по кронам деревьев, отскакивая от них, точно мячик от голов регбистов. Южные районы города укутались густой прогорклой дымкой, в тумане ощущались едкие режущие запахи из труб фабрик Стальной Хватки, чертовы лужи больше напоминали озера, и привыкнуть к подобной осени было не так-то

просто ни с первого, ни со второго, ни даже с сотого раза.

Подняв воротник плаща, я расположился на поваленном стволе старого клена, сунув недочитанную и неаккуратно сложенную газету в карман и время от времени поглядывая в бинокль. Местность была лесистой, со множеством возвышенностей. С них открывался чудесный вид на Пушечный канал и находящийся за ним Арсенал. Берег там изрезан так, словно ножницы и бумажный лист попали в руки одному из безумных пациентов Кавардака. И он создал рваные бухты, в которых теперь стоят боевые корабли, расположены верфи и ремонтные цеха Флота Бурной воды[1].

Мое внимание привлекала железнодорожная ветка, проходящая через лес. Она вела в Арсенал и на всем протяжении своего пути через городские районы надежно охранялась. Но здесь, рядом с лесом, был шанс перелезть через ограду, оставшись незамеченным армейскими патрулями.

Я подготовился. Сейчас была пересменка, тот короткий промежуток времени, когда охрана точно не заинтересовалась бы нами, но, как назло, обстоятельства изменились…

Кроуфорд появился из кустов, точно карликовый кабан, ломая ветки, цеплявшие его пальто. Смачно харкнул, основательно вытер подошвы испачканных грязью ботинок о толстый ковер влажных опавших листьев. Выглядел мой бывший сослуживец, как всегда, неряшливо и мрачно. Возможно, потому, что не прикасался к серому порошку вот уже пару недель и его снова донимал стук скальных молотков, раздававшийся в ушах. Холода Юэн, казалось, совсем не чувствовал, полупальто, похожее на флотский китель, у него нараспашку круглый год.

Он плюхнулся рядом со мной, все такой же хмурый и невысокий, каким я его всегда помнил, пожевал челюстями и словно бы вытолкнул из себя слова:

– Ну, что там?

Я протянул бинокль, и Кроуфорд с апатией приложил его к глазам, чуть подкрутив колесико настройки.

– Хреново, – выдал он свое резюме через долгую минуту наблюдения. – Людей многовато. Нас увидят.

– Да.

– Будем надеяться, что они свалят как можно быстрее, – он внезапно рассмеялся, будто полузадушенная курица. – До прихода патруля.

С Юэном вечная история – порой на него находит. Из котомки, перекинутой через плечо, он достал вязаные перчатки из коричневой шерсти с обрезанными пальцами, натянул их с неспешной

основательностью, затем извлек газетный кулек, в котором оказались жареные орешки, облитые карамелью. Протянул мне. Я скривился и покачал головой. Когда в моих жилах остается «Якорь», аппетит отсутствует, но зато тень не донимает.

– Что-то не хочется.

Он печально цокнул языком, словно я отказался по меньшей мере от причастия, закинул один орешек себе в рот, сосредоточенно прожевал, хмуря густые брови:

– Твои демоны тебя погубят, ганнери.

– Избавь меня от очевидных банальностей, капрал.

Кроуфорд хмыкнул, вновь сунул руку в недра сумки, выудил на свет стальную армейскую фляжку, потряс ее так, что там многозначительно булькнуло.

– Может, она сделает твое настроение чуть лучше?

Я не стал отказываться, в конце концов это невежливо. Открутил крышку, понюхал, чертыхнулся про себя. Сделал скупой глоток грубого и безжалостного, как удар кувалдой по башке, джина.

Настала очередь Кроуфорда пить, и в отличие от меня он надолго слился с фляжкой, запрокидывая ее все выше и выше, пока кадык на его тощей шее не заходил точно маятник.

Я поднял бинокль, рассматривая далекую поляну, и Юэн проронил:

– Кто у нас сегодня приобрел шанс прокатиться на трамвае в объятия Сатаны?

– Отчего сразу Сатаны? – поинтересовался я.

– А ты видел у трамвая крылья, чтобы он воспарил к райским вратам? – ухмыльнулся тот и вынес вердикт: – В ад. Нам всем там самое место.

– Нам?

– Человечеству, – охотно пояснил мой сослуживец.

– Любовь твоя к двуногим меня поражает.

– С людьми мои отношения как-то не сложились. Ну, так кто?

– Тощий. В цилиндре. И бугай с тростью.

– Интересно. – Интереса в его голосе не чувствовалось. Лишенный сана святой отец больше был занят орешками из кулька. Выбирал самый крупный.

– Твое экспертное мнение?

Пожатие плечами было едва заметно. Я его скорее угадал, чем увидел.

– Какая разница?

– А как же азарт? Все равно ждем. Давай хоть обсудим.

– Хм… Ну-ка еще раз гляну. Если бы в «Кувшинке» принимали ставки на дуэли, я бы сказал, что вперед ногами вынесут господина с тростью.

– Шутишь? Доходяга по сравнению с ним выглядит жалким заморышем.

Юэн бросил бинокль мне на колени:

– Взгляни сам. Парень в цилиндре постарше, но вроде довольно ловок. А драться они намереваются на саблях, а не на пистолетах. Решай все пуля, я бы сомневался. А так тощий его уделает в два счета.

Я более придирчиво изучил дуэлянтов. Затем врача, секундантов, немногочисленных свидетелей, собравшихся в лесном массиве Риерты, подальше от посторонних глаз (как они думали).

– Ты что-то знаешь, – решил я.

Он хитро прищурился и промолчал. Пришлось проявить внимательность. Наконец я догадался:

– Тощий парень кавалерист?

– Ага, – заулыбался мой приятель. – Заметил, как он стоит и ходит? Кавалерист, а значит, знает, как держать саблю.

– Что-то я не вижу тут лошадей, – с иронией проронил я. – Удары здоровяка будут серьезным аргументом в его пользу. Такого остановишь только танком.

– Поверь моему опыту. Доходяга остается опасным противником, даже если его лошадь будет вкопана в землю вверх ногами за тысячу миль отсюда. Кто он?

– Понятия не имею. И про его соперника ничего не знаю.

– Ну, точно не простые люди. Такие, как мы, бьют друг другу рожу или втыкают нож в сердце. А эти – эстеты. Сабли, романтика, все дела.

Я посмотрел на Кроуфорда. Он необычайно разговорчив сегодня. И тот, понимая, о чем я думаю, буркнул:

– Вернусь домой и запалю трубку. Без серого порошка что-то я разболтался.

Он помолчал. Но совсем немного. И снова заговорил:

– Вроде они решились пустить друг другу кровь. Не понимаю я аристократию. Живем в «прогрессивном» веке. В любой лавке можно купить револьвер за мелкую монету, но некоторым только дай возможность, и они с радостью нашинкуют друг друга полосками железа ради какой-то призрачной чести.

– Не ты ли тот человек, который таскает при себе искирский нож? И иногда у тебя руки чешутся пустить его в дело, как тогда, в Компьерском лесу?

Он поморщился от воспоминаний, которые не любил.

– Забываешь, что я убивал не из-за того, что какой-то кретин наступил мне на ногу или сказал скабрезность о моей жене.

Господин, так и не снявший цилиндр, отбил пару сильных пробных атак здоровяка, а затем внезапно «взорвался» чередой ударов, двигаясь быстро и легко, точно не кривоногий кавалерист, а балерина Королевского театра. С такими скоростями он мог нарубить человека на десяток сэндвичей, но, как оказалось, поступил куда гуманнее. Нанес противнику несколько глубоких кровоточащих порезов, так что тот не смог продолжать бой и сдался, оказавшись в руках врача и секундантов.

Я посмотрел на Кроуфорда. Тот следил за действом без помощи бинокля и чуть нервно облизал губы. Чужая кровь, не говоря уже о смерти, выбивала святого отца из колеи.

– Ну? – мрачно спросил он, покосившись на меня и желая знать, что я думаю.

– Ты бы уделал кавалериста.

– С чего ты так решил? – Он не стал отнекиваться, но и не подтвердил мое мнение.

– Помнишь, мы как-то обходили периметр вокруг крошки «Матильды», надеясь, что ветер принес к нам один из сброшенных с дирижабля ящиков с припасами?

– А… – Юэн помнил. – Ну тогда я был моложе, злее и не пришел к Господу.

Мой мотовагон торчал у искиров точно кость в горле, и им позарез нужен был кто-то из нашего отряда, чтобы узнать про нас как можно больше. В голову имперцам пришла идея захватить языка. Так что в один холодный денек мы нос к носу столкнулись с засадой. Их было пятеро, а нас двое. Никто из врагов не стрелял, в ход пошли сержантские мечи и примкнутые штыки. Но… искирам не повезло.

Со мной был Кроуфорд.

Пока я возился с одним, он выпотрошил троих, словно мясник, и принялся за четвертого. Легко противостоя людям, которых с детства учили обращаться с мечами. А затем пришла очередь пятого… И эта картинка порой всплывала у меня перед глазами, особенно в те минуты, когда Юэн балансировал на грани пробуждения своих демонов, едва не срываясь в кровавую пропасть жестокости. Ее хватило бы в нем на половину мира, стоило лишь потерять над собой контроль.

– Сейчас они будут расходиться. – Кроуфорд отряхнул ладони. – Сколько времени до появления патруля?

– Семь минут.

– Успеем.

Пришлось довольно сильно ускориться, чтобы преодолеть подлесок, открытую поляну и оказаться возле высокого деревянного забора.

Действовали мы по давно отработанной схеме. Я подкидываю капрала, а он втаскивает меня.

Когда мы оказались на той стороне, то скрылись в кустах, ожидая, пока солдаты пройдут мимо.

Мы услышали шаги, патрульные двигались по насыпи, и щебень скрипел у них под подошвами. Кроуфорд подобрался, но я покачал головой. Если он нападет на них, это не останется незамеченным, и мы точно не досидим до ночи без назойливого внимания со стороны армейских.

– Ну что, ганнери, – усмехнулся он, когда они ушли. – Давно я не гулял по Закрытым кварталам Земли Славных.

Мне потребовалось много сил, чтобы найти человека из тайной полиции, которого я видел не больше минуты в тот неприятный день, когда меня закрыли в Гнезде. Эти ребята из «единорогов» были почти так же неуловимы, как и парни, что берут у вас в долг крупную сумму, а затем исчезают, не оставив адреса.

Я умел находить людей, но на этот раз задача оказалась не самой простой. Риерта чужой для меня город, и я был довольно ограничен в возможностях. Поэтому и провозился куда дольше, чем если бы все происходило в Хервингемме.

Капитана тайной полиции, как-то навестившего меня в Гнезде, звали Ричардом Рэком. Он арендовал квартиру в приличном доме Земли Славных, на тихой парковой улице. Старые отсыревшие особняки, сонные дремучие скверы, мраморные лестницы, сейчас скрытые поднявшейся водой, высокие кованые ограды, газовые фонари, в свете которых матово блестят мостовые. Казалось, что эта часть Риерты существует в совершенно иной реальности. Время тут застряло где-то в середине прошлого века, еще до развития мотории и постройки большинства фабрик Стальной Хватки.

Особенность подобных мест характеризуется фразой: «Здесь никто никого не беспокоит и предпочитает дремать, встречая последнее десятилетие своей жизни в тишине и увядании». Каждый из нас мечтает обитать в кварталах, похожих на эти, так как они дарят удивительное чувство покоя, уверенности в завтрашнем дне и незыблемости существования нашего мира.

Ну… если только некие отморозки не заглядывают на огонек, когда их

никто не ждет.

Признаюсь честно, чтобы пробраться сюда ночью – пришлось здорово поработать головой. Закрытые кварталы Земли Славных место хорошо охраняемое. Здесь на каждой улице по посольству, а если ткнуть пальцем, обязательно попадешь в какой-нибудь комитет, суд, министерство или квартиру чиновника. К тому же тут же находится зимний дворец дукса, Центральный банк Риерты, казармы гвардии и логово плакальщиков.

Поэтому в целях безопасности на территорию части кварталов впускают только по пропускам, выданным Министерством вод. А мы с Кроуфордом рожами не вышли, чтобы получить допуск, особенно в ночное время.

Последние месяцы обстановка в городе была не очень. Забастовки, бунты, попытки убийств крупных чиновников, взрывы возле жандармских участков. Несколько дней назад какой-то студент швырнул ручную бомбу в мобиль префекта западных районов. Так что теперь Земля Славных находилась под усиленным контролем жандармов, сторожевых постов, броневиков, конной гвардии и ребят из тайной полиции.

Но я нашел способ обойти жандармские посты.

В северной части района, на высоченных опорах, над домами, возвышался переброшенный через Олений канал железнодорожный мост. Поезда, несущиеся от порта и станции дирижаблей, проходили над трамвайным депо Земли Славных, спускаясь с моста уже в Дикости. Здесь линия множилась, превращалась в разветвленную сеть, отправляя паровозы через Ветродуй, в Гетто и Трущобы, а дальше в Стальную Хватку либо на запад, к Арсеналу.

В отличие от Королевства, железка в Риерте в основном используется для грузов. Пассажирских составов здесь раз-два и обчелся, не такие уж и огромные расстояния, чтобы нельзя было воспользоваться лодкой или трамваем. Зато товарняков, из-за производства, с избытком.

Попасть на такие поезда невозможно – они идут на предельной для города скорости, и их всегда сопровождают команды наемников, охраняющих собственность промышленников. По сути, подобные ребята такие же безродные псы, как мы с Кроуфордом, – прошедшие войну и умеющие убивать. Им хорошо платили, а они метко стреляли, защищая чужие интересы. Лезть к ним на прицел – совсем не вариант.

Но каждую третью ночь, без двадцати два, в перерыве между движением составов, по путям проходила «Кукушка»[2],тянущая за собой несколько тяжеленных вагонов в Метель, к станции дирижаблей. В них была почта и грузы, отправляемые воздушными судами в другие страны,

топливо для двигателей, баллоны с водородом или гелием, запасные импеллеры и многое другое. Охрана отсутствовала, и это мой шанс добраться во время комендантского часа до нужного места без лишних проблем.

Я торчал под дождем возле железнодорожной насыпи, чувствуя, как шпалы остро пахнут свежим дегтем. Кроме меня, кажется, на целую милю не было ни души. Кроуфорд отправился на разведку и пропал без вести. Я то и дело поглядывал на слабо светящиеся стрелки наручных часов, гадая, что с ним случилось.

До поезда оставались считаные минуты, и я стоял под деревьями, прислушиваясь. За несколько часов на холоде мне порядком надоело мокнуть и хотелось оказаться где-нибудь подальше от леса Дикости.

Юэн появился, когда паровозный гудок разнесся по окрестностям, пронзая своим тоскливым, надрывным воем округу.

От него сильно разило джином.

– Сколько фляг в твоей сумке?

– Недостаточно, чтобы я был пьян.

Паровоз шел тяжело и неспешно, шипя паром и стуча колесами, освещая единственной фарой пути перед собой, волоча с десяток облезлых вагонов. Кроуфорд легко вскочил на подножку последнего, подтянулся, перебрался на ударно-тяговое сцепление. Я, догоняя, вцепился в поручень и устроился так, чтобы не соскользнуть вниз с ненадежной опоры.

– Вид у вас подозрительный, – раздался сверху голос Мосса.

Я выругался от неожиданности, а бывший священник даже не дернулся, только сказал:

– Я твою тушу на крыше увидел загодя. Что ты тут забыл?

– Решил подсобить двум знакомым.

– Ты ему сказал? – недовольно спросил я у Кроуфорда, зная ответ.

– Я всего лишь поделился планами на этот вечер, когда доканчивал бутылку «Болдса»[3]. Не думал, что он вылезет из-за кальяна. И переберется через забор.

– Значит, пора начинать думать. – Я разозлился на них обоих. – Какого черта, Мосс?!

Тот несколько неуклюже спустился к нам по скобам, вбитым в деревянную стенку, поправил шерстяную вязаную шапочку.

– Вы два идиота, – с печалью произнес он. – Один свихнулся на боге, порошке и крови, другой на ненависти к иски-рам. Вам требуется хоть кто-то с головой, чтобы прикрыть ваши задницы, когда начнутся неприятности.

– Не ты ли говорил мне неделю назад, что не хочешь никаких стрессов

и предпочитаешь жить долго, сыто и желательно счастливо? – спросил я у него.

– Именно я, – подтвердил владелец «Кувшинки», не стушевавшись. – Но стресс вы мне уже устроили. Или кто-то из вас считает, что после у тайной полиции не возникнет вопросов?

Мы оба промолчали. Чего уж тут отвечать на банальные очевидности?

– Вот! – поднял палец мой второй капрал, точно учитель сельской школы. – Если вас, как говорят в лабиринте переулков Верхнего, «запалят», то ваши следы приведут ко мне. Кроуфорд то и дело накачивается джином под моей крышей, а ты, Итан, тоже человек не посторонний и стоял со мной и Арви плечом к плечу, когда мы восстанавливали заведение после окончания войны. Что случится дальше, рассказывать? Жандармы начнут досаждать мне, а это вредит и делу, и финансам. Вызывает недовольство Старухи, и проблемы множатся точно снежный ком, катящийся с горы. Так что я первый, кто заинтересован, чтобы ваши дурные делишки не всплыли в канале вместе со всей той дрянью, что плавает в воде в осенние месяцы.

– Ты слишком разъелся, чтобы быть полезным, – безапелляционно заявил Кроуфорд, точно пятилетний ребенок, у которого что на уме, то и на языке. – Праздная жизнь не пошла тебе на пользу.

– Как и серый порошок тебе, – беззлобно усмехнулся Артур. – Но нам приходится мириться со слабостями друзей.

Юэн подставил лицо ветру, несущему за собой запах паровозной топки, и смилостивился.

– Пистолет взял?

Мосс похлопал по карману пальто. Кроуфорд кивнул, на этот раз выражая одобрение, и вопросительно взглянул на меня.

– Ну не скидывать же его на ходу, – проворчал я.

– Почему сегодня, ганнери? – Артур поглядывал по сторонам, и, казалось, чувствовал он себя не очень комфортно.

– Этот парень неуловим. На работу к нему я прийти не могу, по городу он перемещается с сопровождением. Ночует обычно в особняке на Холме, а туда без перышек Вороненка я никогда не сунусь – охраны еще больше. Но раз в неделю, по вторникам, он приходит сюда.

– Встречи с любовницей?

– Не знаю.

Колеса застучали громче, и старый паровоз, тяжело втаскивающий вагоны в горку, то и дело разражался гудками, тревожа холодную ночь. Он пыхтел и начал «уставать», так что машинисту пришлось открыть дымовытяжное устройство, обеспечивая приток воздуха в топку, усиливая

горение, повышая мощность машины.

Юэн первым соскользнул вниз, даже не интересуясь, готовы ли мы. Я спрыгнул сразу за ним, удачно приземлившись, сделал кувырок, гася скорость. Мосс замешкался и покинул поезд, когда тот уже почти миновал мост.

– Сидел бы он лучше дома, – сокрушенно покачал головой Кроуфорд.

– Ты больше беспокоишься о нас или о нем? – уточнил я, глядя, как Артур спешит назад, немного припадая на левую ногу.

– О себе. – Как я уже упоминал не раз, Юэн не тот человек, который пытается подсластить правду. – Если его прикончат, то хрен я найду бесплатного джина и угол, где можно отоспаться в тепле. Он не берет с меня денег за выпивку по старой дружбе.

– Шкурный интерес, значит.

– Плоть слаба, Итан. Нам всем это прекрасно известно. А уж я точно не тот, у кого трезвый образ жизни главная добродетель. – Кроуфорд достал из сумки моток веревки, выкрашенной темной краской, и начал обматывать вокруг низких перил. – Когда следующий поезд?

– Через пятнадцать минут в Стальную Хватку пройдет состав с торфяным коксом для сварочных цехов.

– Сто раз успеем.

Мосс остановился рядом со мной, вытащил из кармана портсигар с ребристой крышкой, повертел в руках и с сожалением отправил обратно, решив, что сейчас не время курить.

– Выглядит ненадежно, – прокомментировал Артур происходящее. – Итан?

– Есть немного. Но придется доверить этому узлу наши кости.

Кроуфорд с равнодушной вялостью пастуха, обреченного общаться исключительно с баранами, подергал веревку.

– В горах Рампонгтоха такой узел отлично выдерживал не только нас, но и вес горной пушки. Так что побольше веры, друзья мои. Вам ее вечно не хватает.

– Погоди! – Мосс положил руку на плечо Кроуфорда. – Каждую ночь из депо выходит ремонтный трамвай. Он привычен для всех патрулей и не вызывает у них интереса. Человек, который сегодня будет в кабине, любит игру в карты и задолжал «Кувшинке» довольно приличную сумму. По его меркам, разумеется.

Я негромко, без всякой радости рассмеялся:

– И после этого кто-то смеет утверждать, что азартные игры несут лишь зло. Надеюсь, ты ему не выкручивал руки?

– Что ты! Когда он услышал, что требуется для прощения долга, то едва не пустился в пляс.

– Ему можно доверять?

– В наших районах не принято сообщать жандармам о таких вещах. Ты же понимаешь.

– Нельзя исключать ситуации, когда тот, кто сообщает, – не понимает.

Мосс посмотрел на меня с обреченным сочувствием:

– Мне показалось или со мной делится опытом бывший коппер?

– Не показалось. Любой может оказаться осведомителем. Именно благодаря помощи стукачей ловится множество плохих парней.

– Вот только теперь плохие парни – мы. А я настолько плох, что плачу Старухе и, находясь под ее покровительством, предлагаю людям азартные игры и девчонок. И, по сути, долги клиента «Кувшинки» в какой-то степени принадлежат ей. Ни один человек, живущий выше Оборотного канала, не хочет, чтобы его проведала кукла.

Тут можно было спорить, говорить об исключениях и прочем. Но из дальнего переулка показалась квадратная коробка старого трамвая. У него была открытая кабина и грузовой кузов, заваленный запчастями. Горела лишь одна из двух защищенных проволочными решетками фар, да и та светила так слабо, словно подача тока по проводам вот-вот должна прекратиться.

– Точно как я просил, – довольно улыбнулся Артур. – Минута в минуту.

Трамвай остановился перед воротами депо, из кабины вышел человек, отправился отпирать замок и снимать цепь со створок, чтобы выехать на улицы.

Я первым спустился по веревке и не скажу, что это было просто. Слишком тонкой она оказалась, и я болтался из стороны в сторону, точно маятник часов.

Мосс медлил, осторожничал, а время утекало, точно тростниковый ром, исчезающий в глотке негра.

Кроуфорду, как и всегда, помощь не требовалась. Только что он был на мосту – и вот уже стоит рядом, а веревка, за которую он дернул, падает к его ногам, несмотря на все уверения в надежности узла. Артура аж передернуло, когда он представил, как приземляется на мостовую и ломает себе все кости.

– Ну не бросать же ее здесь, – буркнул Юэн, видя лицо однополчанина.

Борта ремонтного трамвая оказались высокими, сильно

проржавевшими и ледяными, что ощущалось даже сквозь перчатки. Внутри кузова, насколько я мог разобрать впотьмах, лежали ящики с инструментами, запчасти к переключателям стрелок, обрезки рельс, несколько пахнущих старой краской шпал, целая демонтированная колесная пара и фрагменты тягового двигателя.

Как только мы разместились, раздались шаги, сверху на нас упал брезент, трамвай низко загудел, набирая ход, и пошел по ночным улицам, гремя колесами.

– Ощущаю себя некомфортно, – пожаловался Кроуфорд, но сочувствия от нас, ясное дело, не дождался.

Время растянулось, превратилось в тонкую, но нервущуюся нитку. Под старым брезентом было холодно, острый металл запчастей норовил впиться в ребра, порвать одежду. Дважды колымага сбавляла ход, и я слышал окрики жандармов, когда мы проезжали мимо постов, но никто, по счастью, не спешил заглядывать в кузов.

Безалаберность и расхлябанность окружающих – это те вещи, на которые всегда рассчитываешь, когда собираешься совершить преступление.

Наконец трамвай остановился, треснул переключатель отключения подачи электричества, и я услышал удаляющиеся шаги.

Мосс выбрался из укрытия, не дожидаясь приглашения, сказал нам негромко:

– Пошевеливайтесь.

Когда мы уходили в ближайший переулок, я обернулся, но человек, оплачивающий Артуру долг, не смотрел на нас, целиком и полностью занятый проверкой ручной стрелки.

Чтобы не привлекать лишнего внимания нашей «большой» компанией, Юэн сильно отстал, почти на два квартала. Мосс курил на ходу, убивая уже третью папиросу и свои легкие. Последний окурок он щелчком отправил в канал, вода в котором, точно ловкий мангуст, забралась почти на набережную, грозя вот-вот подтопить улицу. В этом году наводнение обещало быть самым долгим и сильным за полвека и не собиралось сдавать свои позиции, несмотря на скорую зиму.

Конный патруль жандармерии мы услышали загодя и ушли в неосвещенный проулок, а затем перебрались на противоположную сторону канала по связанным между собой лодкам, из которых местные жители собрали на скорую руку ненадежный мост.

– Ты подумал, как мы будем уходить, Итан?

– Через склады на границе с Ветродуем. Легко пройдем через свалку и

окажемся у железки, в пять утра у них смена патрулей.

– Зря ты вытащил Кроуфорда. В последнее время он слишком много чудит.

– В последнее? – изогнул я бровь. – Он странный малый все те годы, что я его знаю.

– С той лишь разницей, что после войны подсел на серый порошок, который превращает его мозги в губку. Удивительно, что ради тебя он сделал усилие и выбрался из своих вечных дурманов.

– Ради меня?

– Это же Кроуфорд. Командир для него подобен богу. Ты как надежный островок в болоте, и он цепляется за тебя из последних сил ослабевшими пальцами. – Мосс убрал руки в карманы, заговорил с деланым равнодушием, словно о событии незначительном и неважном: – Юэн сорвется. Это вопрос очень близкого будущего. И либо он утонет в сизых дымах, либо захлебнется в чужой крови.

Я поднял брови, одновременно следя, как Кроуфорд, появившийся на противоположной стороне канала, перебирается по лодочному мосту.

– О, да. И меня это пугает до чертиков, друг. Остатки нашего отряда редеют на глазах, что заставляет меня задумываться о скоротечности жизни и о том, что я что-то упускаю. Живу не так, как бы мне хотелось. И беда в том, что я не знаю как. Боюсь, пойму это, когда будет слишком поздно, а последний вагон поезда уже скроется за поворотом.

– Обычно тебе не присущи столь сильные приступы меланхолии.

– Поэтому я и предложил ему сидеть дома. – Кроуфорд оказался рядом с нами и слышал мою фразу. – Меланхолия, депрессия, упадничество и еще жалость к самому себе. Лучшие спутники для адских грешников, желающих покончить жизнь самоубийством.

– Право, ты куда дружелюбнее, когда я наливаю тебе джин.

Тут Юэн не стал спорить:

– А уж после трубочки я целую неделю словно агнец. Лежу и никого не трогаю. Но пока это только мечты, и мне приходится цепляться к окружающим по любому пустяку.

– Хорошо хоть ты в состоянии это понять. Этот дом?

Я сверился с адресом:

– Да.

– Кто-нибудь еще есть в квартире?

– Нет информации.

– Консьерж внизу?

– Не знаю, Артур. Никто, с кем я смог поговорить, не обладал такими

сведениями.

– Ладно… Будем импровизировать. Кстати, как вы собирались попасть в дом без меня?

– Так, как мне посоветовали опытные люди. – Я указал на соседнее здание и пожарную лестницу. С нее можно было перепрыгнуть на балкон нужной квартиры.

– М-да. Давайте уж войдем по-нормальному, а не как обезьяны.

Кроуфорд достал из кобуры револьвер, стал накручивать на ствол армейский поглотитель звука, напевая что-то себе под нос. Покосился на нас, осекся, понимая, что его унесло куда-то не туда. Артур сокрушенно вздохнул, опустился на колени возле входной двери, щелкнул зажигалкой, изучая замок. Через несколько мгновений погасил огонек и достал отмычки.

– Надо пару минут.

Работал он на ощупь, почти бесшумно, и на его лице было точно такое же спокойствие, словно он приканчивал очередной яблочный кальян, а не лез в чужой дом. Еще один привет из прошлого. До того как Мосс отправился сражаться с искирами, он занимался не слишком порядочными делами. Впрочем, как и многие из нас в молодости.

Уверен, на левом предплечье моего второго капрала все еще набита выцветшая татуировка толстого кота, держащего в лапах связку ключей. Знак людей, промышлявших посещением чужих домов без приглашения хозяев. В нашем батальоне, да что уж там скромничать – во всей бригаде не было никого лучше, кто умел бы так ловко вскрывать замки.

Вот и тут он тоже справился, повернул ручку, впуская нас в подъезд, окутанный синим мраком. Подумав об этом, я понял, что ко мне только что вернулось осознание цвета. «Якорь» полностью выветрился из моей крови, а значит, несколько дней я буду наслаждаться теми же чувствами, что и все остальные нормальные люди.

Пока в голове все опять не перемешается.

– Третий этаж, – сказал я тихо и, когда мы оказались на лестничной площадке, указал Моссу на дверь.

Артур действовал все так же мастерски, замок сдался, и Юэн первым скользнул в приоткрытую створку. Здесь было еще темнее, чем в подъезде, шторы на окнах закрыты, но Кроуфорда это мало смущало. Он коснулся моего плеча, вытянул руку, которую я с трудом различил, указав на помещение справа, чтобы я не спускал с него глаз. Дождался моего кивка и, осторожно ступая, направился по коридору.

Он вернулся меньше чем через минуту, проверил оставшуюся комнату,

и в его руке загорелся маленький карманный фонарь.

– Никого, ганнери. Не только нам не сидится дома в такую ночь.

– Ждем или уходим? – спросил Мосс.

– Ждем. Два часа у нас есть, потом уйдем, чтобы успеть до рассвета. Может, еще появится.

Артур запер замок:

– Постарайтесь ничего не трогать и не двигать. Хозяину ни к чему знать, что приходили гости.

После этого он по старой привычке заглянул в каждую из трех комнат и выдал свой вердикт:

– Все несколько старомодно и запущено.

– Нашел чему удивляться, – сказал я. – Обычное жилище холостяка. Если заглянуть в те берлоги, что являются нашими домами, вид будет не лучше.

Кроуфорд кудахтнул, точно кто-то жестокий неожиданно отвесил ничего не подозревающей курице смачного пинка.

– Подежурю первым. – Мосс сел у окна, из которого открывался вид на улицу.

Я расположился на стуле, если честно, серьезно раздосадованный неудачей. Просто чувствовал, как Сайл дышит мне в затылок и вот-вот опередит на повороте в поисках технологии мотории.

Юэн все никак не мог успокоиться. То и дело вскакивал, ходил из комнаты в комнату, бормотал какую-то ерунду себе под нос.

– Угомонись наконец, – попросил я.

– Мне позарез нужен глоток джина, – оправдался он и, словно пес, которому отказали в игре, лег на коврике возле входной двери. Кажется, заснул, во всяком случае, его дыхание стало глубоким и ровным.

За час Мосс отметил шесть патрулей жандармов. Еще раз проехал бронированный мобиль, а по каналу дважды прошла лодка с гвардейцами, освещая прожектором берега.

– Я так и не спросил, как ты собираешься действовать, Итан, – негромко произнес Артур, все так же продолжая наблюдать за улицей. – Забраться в дом – это всего лишь первый шаг. Но что дальше?

– Рассчитывал задать вопросы.

– Но вот с ответами… беда. Даже если он не станет сопротивляться, что довольно сомнительно для человека из тайной полиции, с чего ты решил, что кто-то из подобных людей раскроет тебе душу? Мы все жесткие ребята и большую часть времени лишены сантиментов, особенно к тем, кто нам не дорог, но подумай сам – чем ты сможешь на него надавить? Семьи

здесь нет, хотя не думаю, что ты со своими принципами пошел бы на такое.

Он слишком хорошо меня знал, признаю.

– Ты ведь понимаешь, что случится дальше, – спокойно произнес я, глядя в потолок. – Именно поэтому я не собирался брать тебя с собой. Лучше запачкаться двоим, чем троим. Кроуфорд умеет заставлять людей говорить, даже если те не желают этого. Помнишь ведь, как он развязывал языки искирам.

Артур кашлянул негромко:

– Оставил бы ты эти шпионские игры к чертям собачьим, глядишь, и прожил бы подольше. Маховики государств перемалывали и куда более крутых парней, чем ты.

– Я и не спорю с этим. Но иногда надо просто делать то, что должен.

– Должен кому?

– Себе.

– Оставь войну в прошлом, в конце концов.

– Не могу, – искренне сказал я. – Она – все, что у меня есть.

Он печально цокнул языком:

– Мы снова возвращаемся к старому разговору. Жизнь идет, и надо находить новый смысл в своем существовании, а не застревать в прошлом.

– Хотел бы я сказать, что ты не прав.

Кроуфорд за время нашей беседы успел вновь прийти в движение, пронесся по квартире и вернулся озадаченным:

– Слова Артура о том, что здесь все запущено, не давали мне покоя. Я тут пошуршал… В верхнем ящике стола он хранит револьвер, под кроватью закреплен дробовик, и это я еще не проверял кладовку.

Эти открытия никого из нас не поразили.

– Человек просто заботится о своей безопасности. Разумная предосторожность в наши суровые времена.

– Ага, – несколько задумчиво протянул Юэн. – В буфете нет никакой еды. Вообще. Выпивки. Воду в питьевом баке не меняли уже пару недель. О таких вещах, как мыло или зубной порошок, просто нет смысла говорить.

– Ну прямо как у тебя в доме, друг, – улыбнулся Мосс. – Правда, в твоей лачуге еще и крыша протекает.

– На постели никто не спал вечность. Она отсырела, и одеяло все в пыли. Пыль на тарелках и стаканах, в кресле, вентиль крана в ванной скоро проржавеет намертво, а зола в печке старше моей прабабки. Никаких книг, бумаг, даже чернил. Скажи мне, Итан, как ты нашел это место?

– Старые связи в Садах Маджоре и некоторое количество цинтур.

– Тебе сдали явочную квартиру, друг. Быть может, она принадлежит тайной полиции, а может, предназначена для каких-то иных встреч. Но мы сильно рискуем, находясь здесь. Куда сильнее, чем ты даже думаешь.

У Кроуфорда, с его опытом, послужным списком и тем, чем он занимался до войны, нюх на подобные вещи.

Принимал я решение меньше секунды:

– Уходим. Прямо сейчас.

– Погоди. – Мосс поднял руку, останавливая меня от шага в коридор. – К крыльцу идет человек. Наш клиент?

Я выглянул в окно:

– Непохоже.

– В доме пятнадцать квартир. Он может направляться в любую из них.

– Конечно, – сказал я, когда мужчина скрылся в подъезде. – Но что-то мне подсказывает, что в комендантский час по улицам шастает лишь тот, кому нужно именно сюда. Кроуфорд, постарайся не прихлопнуть его в первый же момент.

– Если только он не начнет палить. – Мой капрал занял позицию в коридоре, частично спрятавшись за выступом шкафа, и не забыл натянуть себе на лицо шапку, превратив ее в маску с двумя прорезями для глаз.

Я сделал то же самое, встав рядом с дверью и сняв пистолет с предохранителя.

Он не скрывал своего приближения, я слышал усиливающиеся шаги на лестнице, а затем раздался стук. По тому, как человек стучит в дверь, можно многое о нем сказать. Смел ли он, не уверен в себе или же вежлив.

Этот стук отличался вежливостью, но в то же время говорил, что пришедший в курсе – в квартире кто-то есть. Надо сказать, не очень обнадеживающее открытие.

Я быстро глянул на Мосса, но тот покачал головой, показывая этим, что не видит из окна других людей.

– Мистер Хеллмонк, сэр. Это Маклиди. Вы должны меня помнить.

Разумеется. Тяжело забыть личного помощника (или проще сказать громилу) Уилбура Уитфорда. Он, как и я, принял участие в незабываемом веселье в «Сладком мире», откуда плакальщик едва не вынес меня вместе с Мюр вперед ногами. С тех пор я ничего не слышал ни о слуге, ни о его хозяине.

И на тебе.

– Надо поговорить, сэр, – вкрадчиво произнес голос за дверью. – Чтобы не случилось недопонимания в возникшей ситуации.

Я все еще колебался, как следует поступить правильно, но не

Кроуфорд. Он не нашел ничего лучше, чем вякнуть:

– Никого нет дома, Бафф. Проваливай.

Очень захотелось заорать: «Ты охренел?!», но я лишь скрипнул зубами от досады. Какой смысл спрашивать, если я и так знаю ответ на свой вопрос.

– Все строишь из себя клоуна, Юэн? Так вы пустите меня или будем, как дебилы, общаться через дверь?

– Смотрю, вы знакомы.

– Бафф был сержантом в четвертом отряде. А я в первом. Служили в одном эскадроне[4] под Рампонгтохом.

Это многое объясняло. Ну… хотя бы то, что господин Уитфорд знает, каких людей надо нанимать себе на службу. И что Маклиди опаснее, чем я предполагал.

Я знаком показал Моссу, чтобы он отпер замок, все еще думая, как нас смогли найти? Выходит, опять следили, а я этого не заметил? Называется, почувствуй себя идиотом второй раз за месяц.

– Только давай без глупостей, Бафф, – предупредил его Юэн. – Все мы люди нервные, а случись непонимание, извиняться будет уже не перед кем.

Тот даже не счел нужным подтверждать очевидные вещи. Вошел, держа руки на виду и стараясь двигаться плавно и аккуратно, словно шагал по тонкому льду.

Кроуфорд, подняв пистолет на уровне груди, спросил негромко:

– Оружие?

– Да. Правый карман.

Юэн кивнул мне, я забрал у гостя коротконосый револьвер и на всякий случай обыскал его.

– Осторожность не помешает, – возможно, мой капрал счел, что его слова звучат как извинение, но тон его говорил, что ему плевать, если Маклиди внезапно все же обиделся. – В столовую. Садись на стул.

Мы с Кроуфордом сняли маски, в них не было нужды, а вот Мосс не стал. Пришедший его не знал, и Артур не спешил раскрывать свою личность.

– Мундир жандарма, – отметил я.

– Что поделать, сэр. Виновен, – с усмешкой произнес Маклиди, осторожно присаживаясь и кладя руки на колени.

– Как ты нас нашел? – Я сел напротив, Юэн остался стоять в коридоре и пистолет убирать не спешил.

– Довольно просто, мистер Хеллмонк. У нас наблюдательный пункт в доме напротив, и конечно же от нашего внимания не укрылось, что кто-то

заглянул в квартиру, где мой наниматель иногда обсуждает дела с господином Рэком. К которому, как я понимаю, вы пришли без приглашения.

Значит, у Уитфорда какие-то дела с Рэком. Нет, конечно, ничего странного, что аристократ и чиновник из Министерства вод общается с кем-то из тайной полиции, но отчего такое происходит столь секретно? И как это связано с тем, что Уитфорд одновременно ведет какую-то игру с Вилли, человеком, который спит и видит, как устроить в Риерте революцию и сместить дукса?

– Вы следите за Рэком?

– Скорее время от времени обеспечиваем безопасность квартиры, которую иногда используют в качестве… – Он задумался, подбирая слово. – Места для переговоров. Я узнал Кроуфорда и вас, так что мы не стали предпринимать никаких действий. Я просто позвонил своему нанимателю.

Я отметил, что он достаточно умен, чтобы не называть имя Уитфорда публично, особенно когда рядом Мосс – человек для Маклиди незнакомый.

– Он был бы очень благодарен вам, если бы вы оказали любезность и покинули квартиру. А также забыли о Ричарде Рэке и не причиняли ему вреда. Этот человек полезен, и мой наниматель был бы очень опечален, если бы с ним произошла какая-нибудь досадная случайность.

– «Досадная случайность»? – переспросил Кроуфорд.

– Так и есть. Там, где появляются такие, как мы с тобой, иногда происходят досадные случайности.

– Хорошо, – вздохнул я. – С вежливостью покончим и перейдем к угрозам.

– Угрозам, мистер Хеллмонк? – не понял меня Маклиди. – А… Вы о том, что будет, если начнете упрямиться? Поверьте – ровным счетом ничего. Во всяком случае, ни я, ни мой напарник не получали от нашего нанимателя никаких распоряжений на этот счет. Просто ваше возможное упорство усложнит моему нанимателю жизнь и дальнейшие проекты.

– О. Я бы этого не хотел. – Даже я не знаю, сколько в моих словах было искренности. – Но есть вопрос, который я желаю задать господину Рэку. И по этой причине мы оказываемся в патовой ситуации, так как, даже уйдя отсюда, я не перестану искать встречи. При всем моем уважении к вашему нанимателю.

Этот ответ ему не понравился, было видно по глазам, но Маклиди продолжал говорить все с таким же дружелюбием:

– Узнайте интересующие вещи еще у кого-нибудь, сэр. В Риерте полно

людей, в том числе и тех, кто работает в тайной полиции.

– Увы.

Маклиди на несколько мгновений нахмурился, изучил меня внимательно, понял, что полудурки, лазающие на шоколадную фабрику и не отступающие перед контаги, разумных доводов не понимают, и сменил тактику:

– Если вы получите ответ, обещайте забыть о существовании господина Рэка.

Это честная сделка. Ну кроме того, что я был не уверен в том, что мне не наврут, а Маклиди не был уверен, что я не нарушу свое слово. Так сказать, обоюдные риски, когда джентльмены полагаются лишь на слово друг друга.

– Охотно. Но возможно ли это?

– Юэн? Могу я встать, не опасаясь получить свинцовый гостинец в затылок? – не оборачиваясь, поинтересовался Маклиди.

– Чувствуй себя как дома.

Его никто не остановил, когда он снял слуховую воронку и крутанул ручку телефона.

– Тремонт семь один ноль шесть[5], – сухо попросил он телефонистку, и после долгой паузы: – Сэр? У него есть вопрос к нему… Сейчас, сэр.

Ночной гость пригласил меня к телефону.

– Говорите. – Голос Уилбура Уитфорда на том конце провода был отнюдь не добрым.

– В ночь взрыва в Гнезде Рэк забрал из него человека. Я хотел бы знать, куда его увели.

– Где мой помощник?

Я передал слуховую воронку обратно Маклиди.

– Понимаю, сэр… Хорошо… Как скажете, сэр. Он прервал соединение и сказал мне:

– Сейчас я выведу вас всех из Земли Славных, а утром вы узнаете то, что хотите.

Утро было так же приветливо, как утопленник, которого обнаружили в канале после долгой ночи. Серое, тягучее и такое холодное, что вот-вот должен был пойти снег. Я устал и не выспался, но новый день, пришедший на смену тоскливой ночи, обещал быть долгим.

Я отпустил Артура и Юэна при первой возможности, сразу после того, как Маклиди провел нас через зону действия комендантского часа, нарядив в форму жандармов и выдав настоящие шейные жетоны[6]. Кроуфорд

остался недоволен результатом вылазки, заявив, что чертова дипломатия никогда не приводила ни к чему хорошему, хотя и дал уговорить себя уйти. На его лице читались явные сомнения в моих умственных способностях, раз я отправляюсь на переговоры без поддержки, но у него не было сил сопротивляться своим соблазнам. Мечты о сером порошке занимали все его мысли, а желание принять наркотик куда навязчивее, чем стремление сопровождать меня на встречу с Уитфордом.

Впрочем, вряд ли он смог бы мне помочь, если запахнет жареным. Аристократ на то и аристократ, что способен окружить себя любым количеством охраны. И, отправляясь в пасть льву, оставалось надеяться, что он достаточно сыт, чтобы не обращать внимания на то, что ты перебегаешь ему дорогу.

Если вы ощущаете в моих словах некий фатализм и безумие, то… первого нет и в помине, а второе присутствует в должной мере.

Уже знакомый мне огромный катер с щучьим носом и рубкой-надстройкой вошел в канал Меча из пролива Дукса, замедлил ход, но не остановился, проплывая мимо пристани. Я, а следом за мной и Маклиди запрыгнули на борт, двигатель прибавил оборотов, и берег стал удаляться.

Уилбур Уитфорд встретил меня в гостевой каюте. Лицо у него было землистое, осунувшееся, с кругами под глазами. Похоже, не я один веду активный образ жизни, сутками не прерываясь на сон.

– Мистер Хеллмонк, – он не встал из-за стола, не протянул руку, но самолично налил из кофейника чашку темного кофе мне, чем немало удивил. Обычно люди его круга не опускаются до хлопот ради таких, как я. – Вы до черта назойливы и портите мне планы. Что самое досадное – неожиданно.

– Благодарю, – сказал я, забирая напиток и никак не комментируя сказанное.

Оправдываться перед ним? Вот уж увольте. Я вообще до последнего часа не знал, что он заинтересован в Рэке.

– Вы, что называется, мелкая и досадная неприятность. И такие проблемы я привык решать быстро и не заостряя на них личное внимание. Для этого есть тот же Маклиди.

Вполне себе прозрачный намек.

– И все же мы здесь и говорим друг с другом.

– На это есть три вполне весомые причины. Мисс Бэрд ясно дала понять, что вы ее близкий друг и она будет опечалена, если вы внезапно пропадете на дне какого-нибудь канала. А я, что поделать, ненавижу огорчать женщин и нарушать слово.

Я очень вежливо хмыкнул, думая о том, когда это они успели поговорить обо мне.

– Ну а другие причины?

– Они более прозаичны. Вы человек, который в будущем может оказаться полезен. Хотя бы потому, что редко кто способен противостоять плакальщику. А я не тот, кто собственными руками уничтожает полезные инструменты.

– Инструменты… интересно.

– Уж простите. Привык называть вещи своими именами. И использовать людей ради собственной выгоды, – он сказал это без сожаления, просто ставя перед фактом. – К тому же избавиться от человека, работающего на Королевскую службу, – невероятная головная боль. Ваши не любят, когда без веской причины задевают людей на службе Ее Величества.

Вот тут он меня чертовски удивил. Пришлось сохранить каменное лицо и допить кофе. Если я из Королевства, так сразу шпион?

– Вы не отрицаете.

– Я и не подтверждаю. Любые слова сейчас не пойдут на пользу моим делам.

Он на мгновение прикрыл глаза.

– Разумно. Но вы, мистер Хеллмонк, человек-никто. Разумеется, после нашей встречи я начал наводить справки. И… как вы понимаете, никакой Хеллмонк не въезжал в Риерту. Эта история с мистером Рэком довольно многое прояснила. Мне пришлось с ним побеседовать, и я описал, как вы выглядите. – Он позволил себе улыбку. – Хеллмонка он не припомнил, а вот Итана Шелби, который, как считалось, погиб при взрыве Гнезда, узнал.

Этого развития событий следовало ожидать.

– Интересные вещи он о вас рассказал, мистер Шелби. – Теперь он называл меня настоящим именем.

Мне оставалось ждать, куда приведет наша беседа. И если эта дорога мне не понравится, стоило подумать, как в Риерте отнесутся к внезапному взрыву катера аристократа.

– Теперь я понимаю ваши слова об инструменте и выгоде.

Он поднял кофейник, предлагая мне еще кофе, но у меня что-то пропало желание.

– Мистер Шелби, думаете, вы единственный человек с ингениумом, которого я знаю? – с легкой укоризной спросил Уитфорд.

– Ингениум в Риерте незаконен.

– И вас арестовали по досадной случайности, – устало продолжил мой

собеседник. – Потому что ваша организация допустила утечку, которую перехватила тайная полиция моего государства.

Я уже вообще ничего не понимал. При чем тут я и Королевская служба?! Они реально считают меня сотрудником разведки?

– Не знаю ваших целей, мистер Шелби. Шпионские игры не моя ответственность. Но, как я уже говорил, вы можете быть полезны. Уже полезны, раз помогли мисс Бэрд и спасли ее от плакальщика. Господин Рэк не будет предпринимать на ваш счет никаких действий.

– Потому что он служит не государству, а вам?

– Вы все ловите на лету. Он выполняет мои приказы и крайне важен для меня, иянежелаю, чтобы вы искали с ним встречи.

Я пожал плечами:

– Мы уже договорились об этом, если я получу ответ. Нет нужды повторяться.

Он испытующе посмотрел на меня, не увидел лжи и ответил:

– Господин Рэк забрал человека, которым вы интересуетесь, и передал его людям Брайса по личному запросу ученого. Вопросов, как вы понимаете, не задавал. Брайс во многих делах обладает влиянием дукса, и, если он говорит, другие исполняют. Это все, что я могу вам сообщить.

В каюту вошел невозмутимый Маклиди, встал в дверях. Аудиенция была окончена.

– Откройте секрет, мистер Шелби. Вы это делаете ради мисс Бэрд? – спросил меня Уитфорд.

– Нет. Я преследую свои интересы, никак не связанные с нашей общей знакомой.

Не знаю, смог ли я его убедить, но он потерял ко мне интерес, и пора было убираться отсюда.

Что я сделал с превеликим удовольствием.

Глава вторая
ПРИГЛАШЕНИЕ

В мире существуют тысячи приятных вещей.

Кофе по утрам. Виски в долгую дождливую ночь. Свежая газета (желательно с хорошими новостями). Раскрытое дело. Гонорар от щедрого клиента. Солнечный свет на лице. Запах свежескошенной травы и морского ветра. Чистка пистолета, в конце концов. Перечислять можно до бесконечности. У каждого из нас с вами свои предпочтения.

Еще приятно просыпаться, зная, что не надо никуда торопиться и что в постели с тобой кто-то вполне подходящий моменту.

Ее рука лежала на мне, я слышал спокойное, ровное дыхание и чуть повернул голову. Она, словно чувствуя мой взгляд, пошевелилась, обнажая плечо, на котором были буквы, сделанные голубой, уже немного побледневшей краской.

QARANC[7].

Забавно.

Я так ей и сказал, удивленный тем, что она принимала участие в войне в качестве медсестры.

– О, – протянула она, отвечая на это странной улыбкой. – Разве не мечта каждого солдата оказаться рядом с сестрицей из QARANC, VAD или RAMC?[8]

– Возможно, – не стал я отрицать. – Но только когда искиры делали перерыв и появлялись еще хоть какие-то мысли, кроме как выжить и их прикончить.

– Вот видишь. Некоторым мечтам суждено сбываться, пускай и спустя тринадцать лет после войны.

Она порой цинична, иронична и насмешлива. И над другими, и над собой. Как и все, кто принял участие в Великой войне, Рин вспоминала то время с неохотой, болью и… тоской. Поэтому я так и не спросил у нее, как получилось, что она поменяла синее платье и белый передник[9] на «Лонгерфильд»[10]. Да, впрочем, это и не важно теперь. Когда нам удавалось пересечься, то появлялись более интересные темы для беседы.

Дверь комнаты внезапно распахнулась, я даже удивиться не успел.

– Привет! – сказала мне Мюр, которую я ожидал увидеть здесь в самую последнюю очередь. Ее взгляд с интересом скользнул по нам. – Рин,

могу я его одолжить?

– Он весь твой, – сонно ответила Рианна, не поднимая головы с подушки, и в ее голосе послышалась тень улыбки. – Ну… почти весь.

Не знаю, кого из них двоих это позабавило больше. Но точно не меня.

– За что я заслужил такое? – спросил я у Провидения, выбираясь из-под одеяла.

– Ты недоволен тем, что я не постучала? – Девчонка сочла веселым позлить меня с утра пораньше.

– Какие условности могут быть между друзьями? Просто у меня плохое предчувствие, будто ты собираешься втянуть меня в неприятности.

– Ты в Риерте, и здесь всегда неприятности, ты ведь сам решил остаться, а не уплыть вместе с контрабандистами.

– В твоем напоминании нет нужды. Кыш. Она фыркнула, но дверь закрыла.

– Тебе скоро уходить? – спросил я у Рианны. – В смысле, хочу проводить тебя до причала.

– Приятная забота, – промурчала она. – Но я справлюсь. Местные акулы – настоящие джентльмены и не обижают приличных девушек. Кто их так выдрессировал?

– В Верхнем вообще живут приличные люди. – Я зашнуровывал ботинки, цепляя шнурки за железные крючки. – Когда увидимся?

– Через пару недель, надеюсь. – Она всегда ничего не обещала и появлялась внезапно, как и исчезала. – После праздников.

Наши отношения не заходили дальше ночей. Нас это вполне устраивало. И я не стал ей говорить, что не знаю, сколько еще пробуду в городе. Ни к чему ей мои заботы.

В коридорах «Кувшинки» уже было пусто. Рабочая ночь закончилась, и основной зал приводили в порядок несколько крепких уборщиков.

Надутый Пшеница восседал за дальним столом, перед ним стоял полный стакан молока. Мюр торчала у стойки, опершись на нее обеими руками, и что-то обсуждала с Сибиллой. Увидев, что я иду к ним, они прекратили разговор, и партнер Мосса поставила передо мной кофейник.

– Займи себя делом. Мы скоро договорим.

Я, возможно, такой же мрачный, как и Пшеница, даже спорить не стал. Присоединился к нему, гадая, что вообще эти две женщины, не знакомые друг с другом до сегодняшнего дня, могут обсуждать?

– Ты-то здесь какими судьбами? – спросил я у парня.

– Подвез ее. Ну и… вот. – Более подробного объяснения он предложить не захотел, хлебнул молока и с трудом не покривился. –

Вообще мне надо бы домой, но твоя Сибилла меня чуть ли не за шкирку цапнула, обещав накормить.

С кухни пришла Чой, в шелковом халате на голое тело, принесла две тарелки омлета с сосисками, поставила перед нами, мило улыбнулась Пшенице, так что у того вытянулось лицо и на щеках появился румянец.

– Ну, может, и неплохо, что я сюда заглянул, – пробормотал он, берясь за вилку, когда мандаринка ушла.

Я усмехнулся, занявшись едой и периодически поглядывая на Мюр и Сибиллу. Скажем так: зная характер этих двоих, мне стоило опасаться сговора и возможных неприятностей сразу с обоих флангов.

Сметя с тарелки завтрак со скоростью летящего снаряда и допив молоко, уже не морщась, Пшеница вскочил и пожал мне руку.

– Свобода! Пора на работу.

– О. Так ты сознательный гражданин? И кем трудишься на благо Риерты?

Парень отчего-то смутился, но ответил:

– Почтальоном. На севере Метели. Ладно, увидимся. Пока!

Он мышкой прошмыгнул мимо Сибиллы к выходу.

Через несколько минут ко мне подошла Мюр, плюхнулась на рядом стоящий диван.

– Привет, Итан. Милое местечко вы с Рин выбрали. Я думала, ты снимаешь квартиру.

– Здравствуй. Не успели добраться туда из-за начала комендантского часа. А «Кувшинка» всегда гостеприимна к старым друзьям. Я почти месяц тебя не видел, как твоя нога?

Она пожала плечами чуть более небрежно, чем следовало:

– Не так плохо, как я думала. Мне больше неприятностей доставила реакция Вилли, когда он узнал, что я сделала.

– Но ты хромаешь.

Девушка серьезно кивнула:

– Конечно. Нож плакальщика умеет доставить хлопот, но я уже почти здорова. В конце концов, я люблю врача, и он заботится о моем здоровье. По сравнению с этим, – она провела пальцем по шраму у себя на лице, – нога – не самое страшное в жизни, и царапина стоит результата, которого мы добились.

– В смысле того, что мы узнали о контаги? Или ты о смерти ручного чудовища дукса?

– Обо всем.

– Ты читала вчерашнюю газету? Готовится закон об отмене

обязательного многочасового труда, промышленников лишат возможности охотиться на профсоюзы и запрещать их на своих фабриках, будут повышены пособия тем, кто работает на тяжелом производстве, и обучение для одного из детей в семье станет в школах бесплатным. Простым людям в Риерте станет жить легче.

– Станет ли? Мотория травит нас и превращает в чудовищ. И никуда не делся закон «Город без контаги». А это значит, что правительство все так же может без суда и следствия хватать любого гражданина и отправлять его в Старую Академию. Любого.

– То есть ты не остановишься в своем бесполезном деле.

Ее усмешка вышла отнюдь не злой.

– Отрадно, когда друзья считают, что ты тратишь свою жизнь на ничто.

– Друзья нужны для того, чтобы предостерегать от ошибок, – не смутился я. – Знаешь, к чему приводит подобная игра, если из нее вовремя не выйти?

– К смерти.

– Правильно, Мюр. Рано или поздно результат всегда одинаковый – государство в выигрыше, а те, кто борются с ним, в могиле. Было бы очень печально узнать, что ты погибла в какой-нибудь глупой перестрелке, так ничего и не изменив.

– Ты беспокоишься о моем будущем?

– На свой манер. Как друг.

Еще одна легкая и немного грустная улыбка была мне ответом.

– Каждый выбирает свою цель в жизни, Итан. Я хочу остановить дукса. Ты – искиров. Могу тебя уверить, что не стремлюсь лезть в неприятности в сложившихся обстоятельствах. Сейчас говорят о всеобщей стачке, у Риерты есть шанс для революции, если недовольство рабочих попытаются подавить. Надо лишь, чтобы возмущение народа достигло предела.

Я фыркнул, поражаясь, что она не понимает.

– Возмущение народа такая же капризная вещь, как удача в игорном заведении. На мгновение вспыхивает и тут же гаснет. На возмущении легко можно устроить стачку или скоротечный бунт в Стальной Хватке и Верхнем, но не революцию.

– Да. Я знаю, что для революции нужны деньги, – согласилась девушка, подпирая кулаком щеку. – Много-много чудесных банкнот, которые непонятно откуда взять.

– Прошли те золотые времена, когда на монеты можно было нанять полк кондотьеров, который шпагами и алебардами сместит правителя с

трона. Да и вспомни, когда в последнее время народ смог захватить власть?

– Революция в Республике?

– Тысяча семьсот шестьдесят восьмой год. Больше ста пятидесяти лет назад. И на борьбу их поднял четырехлетний голод, а также череда войн с соседями. Тогда от бед все уже порядком устали. Но чем это обернулось спустя десять лет анархии? Народ успокоился, поняв, что увяз в гражданской войне и коалициях бывших революционеров, которые теперь рвали глотки друг другу. Пришли военные из Ордена Марка, перебили это недоправительство, на трон посадили нового короля из числа республиканских дворян, пускай и называют его теперь первым министром.

– И к чему ты?

– К тому, что с тех пор мир изменился, как и революции. Риерта тому примером.

– Вот как? – не поверила она.

– Возьмем, к слову, убийство прежнего дукса. Все случилось в среде генералов, министров и аристократов, без привлечения горожан. И такое происходило не только в Риерте. Но и в Йевене. Когда князь решил потратить весь бюджет страны на постройку никому не нужных сказочных замков, бароны объявили его сумасшедшим и тихонько придушили в спальне, найдя более равнодушного к архитектуре преемника. А Сплав? Лидеров парламента обвинили в государственной измене и намерении передать восточные рубежи под управление рузцев. Паны успели сбежать в Королевство, организовали правительство в изгнании, но в Сплаве восемь лет уже другая власть, и местные ее легко приняли. О том, что произошло там, – я поднял палец вверх, указывая правильное направление на небожителей, – граждане узнают через неделю или две из утренних газет. Никто в нынешние времена в момент переворота не делает ставку на народ.

Мюр сверкнула глазами, собираясь возражать, но решила послушать дальше, когда я вскинул руку, прося не перебивать.

– Обычных людей, таких как я, в мире больше, чем аристократов и богачей. Мы пашем на заводах, живем простой и незаметной жизнью, платим налоги, сражаемся и умираем в войнах за свою страну, растим детей и стараемся жить. Мы – сила, которая почти всегда спит. И умные люди ее предпочитают не будить без нужды, потому что, проснувшись, мы хотим хорошей жизни, такой же, как у тех, кто получил ее по праву рождения. У нас появляются требования, и, почувствовав свою власть, свою способность смещать то, что казалось незыблемым, самим управлять страной, потому что мы ничуть не хуже богатеев и аристократов, мы

становимся опасными. И хрен заставишь нас вновь уснуть.

Тут она согласилась:

– Да. Народ как паровой кузнечный молот на фабрике. Долго разогревается, сильно бьет и никогда не останавливается мгновенно.

– Вот-вот. И когда во время революций такая сила входит в раж, то ее нельзя взять и убрать подальше с глаз. Она сносит на своем пути даже тех, кто заставил ее пробудиться. После остаются лишь развалины да пепелище, поэтому сильные мира сего предпочитают устраивать перевороты без привлечения черни. Ею сложно управлять. Так что просто наберись терпения, дождись, когда аристократов достанет дукс и они справятся собственными силами, как это делают теперь во всех других цивилизованных странах.

– Знаешь, – сказала Мюр серьезно, – не хочу сегодня говорить обо всем этом. Я вообще пришла к тебе по другой причине. Завтра Праздник Звезд. Как ты относишься к карнавалу?

Я постарался скорчить самую мрачную, скептичную и пессимистичную рожу из своей обширной коллекции «Первый брюзга и главный мизантроп года». Зеркала в прямой видимости не было, но, судя по ее реакции, мне удалось высказать все без слов.

Праздник Звезд – ежегодное торжество в Риерте, посвященное основанию города и первой династии дуксов. Ночь, фейерверки, украшенные огнями лодки на всех каналах, карнавальное шествие, хурма, улитки и шампанское. Народ празднует и на Холме, и в Трущобах. Здесь просто обожают традиции. Но я тот еще бука, так что, когда после войны оказался в Риерте, каким-то образом умудрился пропустить веселье. Если честно, на этот год у меня были примерно такие же планы.

– Понятно, – огорчилась девушка. – Итан Шелби и веселье вещи несовместимые?

– Ну зачем ты так сразу? – рассмеялся я. – Обожаю веселье, но не очень понимаю ваши традиции. Нацепить на рожу маску и прыгать целую ночь, вливая в себя алкоголь, а утром проснуться незнамо где и с кем, это не то, чем я привык заниматься в свободное время. Не думал, что ты любишь такое.

– Мне нужен спутник на праздничную ночь. – Она серьезно посмотрела на меня, не желая отшучиваться.

– Хм… – Я немного удивился и осторожно уточнил: – А как же Айан?

– Я предпочла бы твою компанию.

Тон ее был очень ровным и подчеркнуто нейтральным. Мы секунд тридцать «развлекались» тем, что играли в гляделки, и она предложила:

– Проводи меня до пристани. Поговорим по пути.

На улице шел снег. Крупные хлопья падали на желтые листья и в лужи, исчезая там без следа. Мюр подняла воротник пальто, сунула руки в карманы и, слегка прихрамывая, зашагала рядом со мной. Мы пересекли холодный пустырь, направились вдоль подтопленного берега, где навалили мешки с песком, пытаясь остановить разбушевавшиеся волны. В сером небе кричали редкие чайки, сражающиеся с порывами сильного ветра, и было довольно тоскливо.

– Я заглянула к Кроуфорду вчера. Он витает в грезах и плачет о том, что его донимают молотки.

– Надо зайти к нему, – буркнул я. – Хибара, скорее всего, вымерзла, а ему в таком состоянии плевать на окружающее.

– Поэтому я оставила с ним Айана. Он за ним присмотрит.

– Эм… – протянул я, крайне не обрадованный этой новостью. – Не очень разумное решение. Юэн наркоман и когда оказывается во власти кошмарных грез, то порой не понимает, где вымысел, а где реальность.

– Да знаю я все про него. Поэтому спрятала нож и револьвер. К тому же Айан с ним не в первый раз. Кроуфорд, конечно, со странностями, но своим вреда не причиняет, даже выкурив все запасы серого порошка.

– Помнишь, каким он был на острове Хенстриджа?

Она призадумалась.

– Хочешь сказать, полковой капеллан может стать слишком опасным? Несмотря на то что мой врач сильнее, крепче и моложе его?

Я остановился, посмотрел на нее с печалью:

– Вилли кретин, раз сказал тебе такое. Когда Юэн попал в наш отряд, веры в нем было столько же, сколько в искирах желания прекратить войну. То есть ни капли. Он самый опасный и опытный солдат из всех, кого я встречал. По обе линии фронта. SWS[11]. Лодочный отряд Специальной Водной Службы Ее Величества.

Она несколько мгновений смотрела на меня, пытаясь переварить эту информацию.

– Да… Ты хочешь сказать, что он…

– Подготовленный убийца, которому не нужны нож и револьвер, чтобы прикончить голыми руками крупную гориллу, работающую в доках. Не говоря уже об Айане или мне. Его эскадрон перебила артиллерия искиров на границе Компьерского леса, и он месяц выживал в одиночку, устроив в чаще ад для косоглазых. Пока не нашел нас.

– Знаешь, тогда я, пожалуй, позову Белфоера, и мы перевезем Юэна в дом на болотах. Надо же. Не думала, что он герой войны.

Я улыбнулся криво:

– Все, кто ее прошел, герои… в той или иной степени. Ну и убийцы тоже. Парадокс новых времен, когда всякие границы стерты, а понятия перемешались между собой. Итак. Ты была у Кроуфорда… – Я постарался вернуть ее к началу разговора.

– Да. Он плачет и жалуется на молотки. А еще говорит о разном. В том числе и о том, что ты встречался с Уитфордом.

Я буркнул:

– В Риерте просто не бывает тайн. Особенно если их знает наркоман. Именно поэтому ты пришла ко мне?

– Не хочешь мне рассказать, что происходит? Раз уж Уитфорд не желает распространяться о ваших совместных делах.

– Ты уже и с ним успела побеседовать?

Она развела руками:

– Из бреда Юэна я поняла, что ты помешал его планам. Уитфорд опасный человек, и я должна была убедиться, что он помнит мою просьбу насчет тебя.

– Твое беспокойство приятно. И да. Он помнит. Видишь же, со мной ничего не случилось, и твой богатый знакомый не оторвал мне ни рук, ни ног. Очень любезно со стороны первого заместителя министра вод.

– Не сомневалась, что со временем ты узнаешь о нем все, что можно. Он не стал делиться со мной подробностями, но предупредил насчет тебя.

Я вздохнул:

– Чертов ублюдок решил тебе рассказать мою страшную тайну про ингениум? Он, кстати, в курсе о тебе?

– Про меня он не знает, и я этому очень рада. Кроме ингениума он назвал и другую твою тайну, что ты работаешь на Королевскую службу и твои цели могут быть совсем иными, чем я рассчитываю.

Старина Уитфорд умеет изящно забивать клинья в нужные места. В этом ему не откажешь.

– Просто скажи правду, – попросила она.

– И ты поверишь?

– Тебе – поверю, – твердо ответила Мюр.

– Не имею никакого отношения к шпионам Королевства.

– Хорошо. Впрочем, меня бы не смутило, если бы служил Ее Величеству. Уитфорд ничего не рассказал, так что мне пришлось вернуться к Кроуфорду и просто слушать.

Я сделал себе мысленную зарубку – никогда не посвящать в важные дела людей, сидящих на сером порошке. Раньше не замечал, что Юэн под

кайфом настолько словоохотливый.

Впереди показалась пристань – серая, грубо сколоченная конструкция, сваи которой почти исчезли под поднявшейся водой.

– Что он еще разболтал?

– Ты ищешь Кражовски, и наш общий богатый знакомый пообещал тебе ответы.

– Я удивлен, что вы их не узнали. При таком-то своем человеке в Министерстве вод.

– Все очень просто. У нас с ним разные цели, и они лишь изредка пересекаются. Но есть дела, в которые мы не будем его посвящать, как и просить об услугах.

– Потому, что, сунув руку в пасть крокодилу, можно потерять и голову?

– Всегда знала, что ты очень наблюдательный. Иногда быть обязанным некоторым людям – серьезная ответственность. К тому же у него не было причин нам помогать.

Я прищурился:

– Даже если бы попросила мисс Бэрд?

– Но я бы не попросила. – Ей было неприятно говорить о нашем общем «друге». – Не после того, как узнала, что Кражовски обокрал Хенстриджа. Ради него я не стала бы залезать в долги к Уитфорду. И, как видишь, оказалась права. Ты так очаровал нашего аристократа, что все узнал и без моих умоляющих глаз. И теперь я жду, что поделишься информацией со мной.

Если честно, в моих планах не было посвящать ее в свои дела. Но, зная Мюр, я примерно понимал, чего от нее ждать, если я отправлю ее прочь. У нее останется лишь один вариант – те самые «умоляющие глаза» и Уилбур Уитфорд. Тот, чтобы заработать себе очки, уступит, он ведь не дурак ломаться из-за такой ерунды. Я же не горел желанием, чтобы девушка была чем-то обязана «крокодилу». Да и вообще находилась с ним рядом.

И дело не в ревности, как может кто-то подумать. Отнюдь.

Просто я знаю людей, подобных ему, встречал таких и на фронте, и в Хервингемме, так что могу предугадать последствия близкого общения с данным типом. Такие уничтожают всех, кто подходит к ним слишком близко, потому что их интересуют лишь собственные выгоды. А тьма, что они источают, пожирает любого.

– По словам Уитфорда, Кражовски забрал Брайс.

– Ого! – Она посмотрела на меня одним глазом, сказав с задумчивостью: – Если, конечно, это правда.

– Мне приходится опираться на свое чутье. А оно говорит, что такой

расклад возможен, ведь Брайс легко мог быть в курсе того, чем занимался Хенстридж. И даже больше – Брайс все это знает, потому что Кражовски сотрудничает с ним.

– Смелая версия.

– В смысле нереальная? А ты подумай. Нам часто кажется – не может быть, этот человек не такой, – но люди нередко способны на гнусные поступки. В том числе и работать на врагов своих друзей, если цена подходящая. Так что я не стал бы исключать предательства. Хотя есть и еще одна версия…

– Говори уже. – Она нахмурилась, догадавшись, что я не стремлюсь озвучивать неприятные для нее вещи.

– Либо кто-то донес Брайсу на Кражовски.

– Кто? – Ее голос сел на пару тонов, потому что Мюр была неглупой девочкой и легко складывала два и два.

– Кто-то из тех, кто знал о том, что Кражовски украл у Хенстриджа. А он, насколько я помню, сообщил об этом лишь двум людям: Вилли и его помощнику из Йевена. Как его там? Вильгельм, кажется. Мы встречались в вашем логове.

Девушка гневно тряхнула головой:

– Они не могли! Я уверена.

– Хорошо, – покладисто согласился я. – Не они. Но, возможно, кто-то из ваших. Кто еще знает?

– Я выясню это. Насчет Брайса…

– Да?

– Я хочу попасть к нему в дом.

– Надо полагать, чтобы отправить его в ад?

Она нахмурилась:

– Ты считаешь меня каким-то чудовищем. Хенстридж рассказывал, что у себя в доме Брайс хранит бумаги, касающиеся плакальщиков. Все исследования, описания, их возможности и способности, тесты. Хенстридж мечтал о том, чтобы увидеть эти записи.

– Хенстридж мертв, – напомнил я. – Атынеученый. К чему они тебе?

– Мы столкнулись с этой тварью недавно, помнишь? Она живучая и смертельно опасная. Нам повезло его уничтожить. А что, если в тех документах есть что-то полезное для нас? Мы узнаем их слабые стороны, сможем противостоять на равных? Плакальщики стерегут дукса, и, пока они с ним, никто ничего не сможет сделать. Ни я, ни Вилли, ни твои «аристократы, военные и промышленники».

– Они охраняли и прежнего дукса, – возразил я. – Сама видишь, к чему

это привело.

– Мерген нашел рычаги влияния на них. Теперь мы должны поступить точно так же. Ты заинтересован в поисках Кражовски, а я – исследований. Давай объединим усилия.

– Хм…

– Нет, погоди. Просто подумай над моим предложением. А пока ты размышляешь, мы отправимся на праздник?

– Хорошо.

– Хорошо? – Для нее мое согласие принять участие в карнавале звучало очень неожиданно. – Ну… Здорово! Тогда встретимся завтра, в шесть вечера, в Бурсе. Четвертая линия, дом двенадцать.

Пришлось пообещать, что я приду. Я смотрел, как она уплывает, пока водное такси не исчезло за пеленой снежной круговерти. Стрелка на часах показывала девять утра. Следовало заняться делами.

Глава третья
ПОД КРОВ СОЛНЦА

Облака все так же низко нависали над крышами Риерты, снег сыпался, точно порох из пробитой банки, ветер на улицах сбивал с ног.

Я шел по Восточному, плутая в бесконечном лабиринте улиц, которые то и дело пересекали узкие, но полноводные каналы, перебирался по налаженным деревянным мосткам там, где тротуары оказались затоплены. От воды еще сильнее тянуло холодом, кажется, весь город погружался в нее, пропитывался кирпич за кирпичом. В Хервингемме, как считают в Республике, невозможно жить зимой. Пусть неженки отправятся в Риерту на зимовку, и прекрасный ревматизм – это наименьшее, что их ожидает.

Из-за стылой погоды все топили камины, радуя продавцов угля и дров. Грузовые лодки развозили топливо по кварталам, в воздухе витал запах сгоревшего дерева, к которому примешивался аромат хурмы.

Праздник Звезд уже несколько веков не обходится без этого плода. На лотках, в магазинах, ресторанах – везде можно встретить привезенный из стран алавитов и Империи фрукт. Десятки сортов в совершенно разных видах и формах. Свежие, полежавшие на холоде, а оттого ярко-оранжевые, почти огненные и сладкие. Вяленые, чем-то похожие на финики. Порезанные на дольки, засахаренные. В сиропе, в джеме, в пирожных и даже в виде вина. Эбеновая ягода популярна среди риэртцев.

Я добрался до большой площади, украшенной древней стелой, привезенной невесть сколько лет назад из какого-то завоевательного похода на тогда еще существовавший континент Маса-Арда. Открытое пространство оказалось частично затоплено. Но не критично, так что трамваи продолжали ходить по скрытым под водой рельсам, неспешно минуя опасный участок и, возможно, представляя себя кораблями.

Кондуктор взяла с меня мелочь, выдала бледно-зеленый кусочек картона, приятно хрустнувший в пальцах. Я встал к окну, держась за полированный поручень и слушая, как поскрипывают два сцепленных между собой вагона. Внутри работала маленькая стальная печка, так что пассажирам было относительно тепло, стекла постоянно запотевали, и приходилось протирать их, чтобы не пропустить свою остановку.

Я вышел на самом востоке района, там, где о крутой берег бились волны разбушевавшегося озера. С высоты они казались маленькими и

неопасными, но отсутствие мелких лодок и катеров на открытой воде говорило знающему человеку о многом. В проливах сейчас ходили лишь крупные корабли, способные противостоять беснующейся стихии. Из-за снегопада отсюда не было видно далекого противоположного берега Старой Академии, но никто из живущих здесь не забывал о страшном соседстве, с которым они вынуждены мириться.

В десяти минутах пешей прогулки, возвышаясь над районом, довлел Железный гигант. Самый протяженный, огромный и высокий мост в истории человечества. Он казался чудовищным механизированным существом, уродом, созданным гением, угрожающим великаном, заснувшим перед вечностью и превратившимся в скелет. Нагромождение колоссальных балок, ферм, диафрагм[12], крепившихся на высоченных быках и устоях[13], нависло над проливом, соединяя между собой Восточный и Старую Академию.

Искиры, когда заняли Риерту, планировали взорвать мост, но так и не сделали этого. В городе шутят, что во всей Империи не хватило бы взрывчатки, чтобы поднять на воздух столько тонн металла.

Моя цель – низкое серо-желтое здание, втиснувшееся между двух доходных домов, – находилась недалеко от набережной. Раньше, еще до начала войны, этот район считался довольно престижным среди рядовых граждан, но после того, как Старую Академию превратили в заповедник людоедов, цены на жилье упали. О нет, здесь все так же безопасно, как и прежде, но многие люди стараются не думать о плохом каждый раз, когда бросают взгляд через пролив.

Так что постепенно в округе расселились куда менее щепетильные и более толстокожие жители – алавиты. Район довольно быстро стал этническим и превратился в центр торговли всяким… не самым важным в жизни товаром. Шелковыми халатами, туфлями, расшитыми серебряной нитью, пушистыми коврами, кованой посудой, мебелью из эбенового дерева, дорогими ароматами, золотыми браслетами, полудрагоценными поделками, специями и сладостями. От последних могли бы склеиться зубы даже у контаги.

Несмотря на дурную погоду, на улицах стояли немногочисленные столики кофеен и кальянных. У местных в традиции восседать под открытым небом, на проезжей части, и некоторые из них торчали за столами с утра до ночи и с ночи до утра, просиживая над одной чашкой, и плевать им на дурную погоду. Кальяном, кстати говоря, пахло так же сильно, как в кабинете Мосса, – этот запах обволакивал холодную улицу,

создавая совершенно неповторимое впечатление того, что я нахожусь в каком-то ледяном сне, воздух в котором пронизан ароматами ванильного и персикового дыма.

Дверь в здание, куда я направлялся, выглядела совсем непрезентабельно: ржавые проплешины металла, тусклая ободранная краска. Для очень тупых (таких как я, видимо), повесили бумагу, где уже расползшимися от падающих снежинок чернилами написали, что магазин во время праздников не работает.

Но сделаем вид, что в данную минуту я разучился читать, намеков не понимаю, поэтому начал с того, что крепко подубасил кулаком по преграде. Разумеется, с той стороны никто и не подумал открывать, но с алавитами есть одно правило – следует проявлять настойчивость, даже когда нет никакой надежды.

Это дало свои результаты, как только «там» поняли, что упрямства мне не занимать.

Дверь отворила девушка в ярко-оранжевой, ослепляющей мое восприятие юбке. Я на секунду застыл от этого цвета, пытаясь дать оглушенному мозгу возможность преобразовать оттенки во что-то менее шокирующее. Потом с усилием пришлось заставить себя поднять взгляд и встретиться с темно-карими, подведенными сурьмой глазами. Она была совсем молоденькая, а улыбка у нее оказалась замечательная, и лишь только внимательный человек мог понять, что равнодушия в ней куда больше, чем напускной доброжелательности.

– Мы закрыты из-за праздников, господин. Но на соседней улице есть магазин, который тоже торгует лампами.

– Очень печально, – огорчился я, словно всю жизнь мечтал приобрести алавитскую лампу. – Ну тогда хочу быть вашим гостем под солнцем.

Она засомневалась лишь на краткое мгновение, но законы гостеприимства ее народа не позволяли отказать.

– Конечно. – Вновь улыбка, правда, теперь еще менее радушная. – Лучи его тепла касаются каждого.

Девушка шагнула в сторону, позволяя мне войти, закрыла дверь и показала рукой, украшенной многочисленными серебряными браслетами и кольцами, чтобы я шел за ней.

Мы миновали вход в магазин, свернули в темный и короткий коридор (где-то за тонкой стенкой плакал младенец) и еще через одну дверь вышли в квадратный внутренний дворик. Сейчас заснеженный, с четырьмя старыми, давно уже сбросившими листву вишнями, растущими вокруг белой беседки, чем-то похожей на клетку для канарейки – почти

прозрачные прутья стенок собирались в пологий купол. Толстые ковры, подушки, теплые одеяла, маленький ажурный столик на низкой ножке, чтобы за ним было удобно сидеть тем, кто расположился на полу.

Вообще, беседку точно выдернули из другого мира, так как она оставалась единственным ухоженным и аккуратным местом во дворе, среди сваленных в кучу старых досок с торчащими из них ржавыми гвоздями, пустой собачьей будкой, огромной грудой угля, ничем не прикрытого от непогоды.

– Пожалуйста, садитесь.

Внутри оказалось так же холодно, как и на улице. Рядом на треноге стояла печка, сделанная из маленькой стальной бочки. Сейчас остывшая, так что я, ничуть не стесняясь, накрыл колени одеялом из верблюжьей шерсти.

Ждать пришлось минут пятнадцать, но я всегда отличался терпением. К тому же в данный момент развлекался тем, что изучал все оттенки белого на лежащем во дворе снегу. Наконец хозяйка вернулась с очень маленькой чашкой крепкого кофе, всего на один глоток, стаканом воды и расписным блюдцем, где лежали длинные пастилки из хурмы. Она была столь любезна, что растопила стальную печку, кинув в нее несколько крупных кусков угля.

И снова ушла. Теперь уже на час.

Законы гостеприимства были соблюдены, и, если солнце спросит, ей не в чем будет себя упрекнуть. Я скучал, меланхолично грыз пастилки, прислушиваясь к своим ощущениям и отмечая, как где-то под грудиной начинает пробуждаться огонек моего дара. Только что милая подруга тень отправила мне телеграмму: «Скоро буду тчк».

Мы как любовники, которые причиняют друг другу боль, расстаются, но не могут друг без друга и вновь сходятся. Чтобы причинить новую боль, а со временем и убить партнера. Причем мы оба знаем, кто из нас умрет первым.

Когда девушка вернулась, она спросила у меня негромко:

– Господин всем доволен?

Это был намек, что пора уходить.

– Благодарю, – сказал я, оставаясь на месте. И она, не скрывая досады от того, что я намеков не понимаю, поинтересовалась:

– Господин желает еще кофе?

– Господин желает невинность.

Она опустила глаза:

– Это оскорбительно.

Я вздохнул с отеческой печалью:

– Милая, думаю, ты понимаешь, зачем я здесь. Они достаточно насмотрелись на меня, так что пора переходить к делам.

Девушка села напротив с обреченной покорностью матери, которая должна объяснять очевидные вещи глупому сыну, взяла мою правую руку, сняв с нее перчатку. Посмотрела на ладонь, как опытная гадалка, и сказала уже холодным тоном:

– В богатых кругах Риерты обожают духов. Спиритические сеансы хорошо кормят многих моих знакомых. Я не занимаюсь враньем с хрустальным шаром, в то общество дорога для моей семьи закрыта, мы слишком низки для этого. Обычные жители предпочитают гадание по руке, и в этом я настоящий мастер. Я вижу правду, но всегда лгу. Вот здесь, – она тронула одну из линий, – я говорю, что человека ждет богатство. Вот тут хорошая жизнь. Здоровье. Жена. Дети. Красивые и доступные женщины. Успех. Власть. Везение в азартных играх.

Перечисляя, она двигалась по рисунку на моей коже. Я кивнул, не убирая ладонь из ее холодных пальцев:

– Ты говоришь людям то, что они желают услышать и за что готовы платить.

– Так и есть, господин. Ложь приносит легкие деньги, и все остаются довольны. Но сегодня вам повезло, и я не стану лгать. Нет смысла разбирать рисунок судьбы, чтобы сказать, что вас, возможно, ожидает смерть, если вы не уйдете.

– Я в твоем доме, куда ты пригласила меня по доброй воле, – напомнил я. – Закон запрещает причинять мне зло.

Поняв, что убедить меня не получится, она резко разжала пальцы и не стала скрывать, как тяготит ее беседа:

– Вы ведь не будете сидеть здесь вечно. А закон не распространяется на гостя, если он вышел на улицу.

– Сколько тебе лет?

Ее удивил мой вопрос.

– Пятнадцать.

– Так юна.

– Я достаточно взрослая, чтобы говорить за всю семью. И угрожать от ее имени незнакомцам.

– Юна, – повторил я. – Иначе бы знала, что не всегда стоит расточать угрозы. Вопрос любого выживания заключается в том, чтобы не идти на конфликт, когда для этого нет очень веских причин. И уж тем более не предупреждать о том, что можешь сделать. Так что я все еще желаю

невинности, девочка.

Взгляд у нее был совсем не как у пятнадцатилетней. Все говорят, что дети алавитов взрослеют гораздо раньше. Спорное утверждение для того, кто проводил свое детство на улице, подальше от папаши-пьянчуги.

– И почему же она должна достаться именно вам?

– Хотя бы потому, что невинность стоит дорого. – Я положил на стол толстую пачку банкнот.

Цинтуры ее не впечатлили.

– Вы иностранец.

– Из Королевства.

– А еще вы похожи на убийцу. Вы убийца, господин?

– Время от времени, – пришлось признаться мне. – Думаю, про многих мужчин моего поколения так можно сказать.

Алавитка молчала с минуту, затем посмотрела на далекие темные окна, видно приняв решение, взяла деньги, собрала пустую посуду и, ничего не говоря, ушла. Вернулась назад на этот раз очень быстро, неся в руках массивный поднос из серебра. Поставила на стол передо мной, никак не комментируя.

Я положил на него извлеченный из кобуры «Стук» и складной нож.

– Это все?

– Да.

– Прямо. Вас встретят.

На противоположной стороне двора меня ждали двое. Толстяк, похожий на грушу, щеголял в меховой распахнутой безрукавке, наброшенной на голый торс. Он был моего роста и казался оплывшим снеговиком, но, думаю, этот парень достаточно силен, чтобы побороться с медведем. Его друг – носатый бородач в смешной шапочке с помпоном, держал короткий дробовик с обрезанными стволами, глядя на меня с нескрываемым любопытством.

Толстяк лениво пошевелил пальцем, и я понял, что он просит меня поднять руки. Быстрый и тщательный обыск убедил его, что я не вооружен, и мягкая лапища несильно подтолкнула меня в спину, заставляя идти первым.

По пути он несколько раз очень легко касался моего плеча, заставляя поворачивать в нужном направлении. Наконец мы оказались на кухне.

Огонь гудел в двух больших печах, окна открыть никто не удосужился, и было настолько жарко, что я мгновенно взмок. Готовилась еда, в котлах и кастрюлях булькало, какой-то тип в расшитой бирюзовыми нитками алавитской рубахе жарил лук на чугунной сковородке, пахло бараниной,

сладким перцем и терпким медом.

В дальнем углу сидела необъятная туша, в которой тяжело было узнать человека. Настоящий гигант, состоящий из складок жира, столь непохожий на человека, что на несколько мгновений я решил, будто хозяева завели себе ручного контаги. Но нет. К чудовищам, рожденным от мотории, он не имел никакого отношения. Просто кто-то всю жизнь был очень неуемен в жратве.

Он расположился на маленьком табурете, непонятно каким образом выдерживающим столь колоссальный вес, и вязал из ярко-розовой шерсти… кажется, это был шарф. Хотя сильнее всего получающаяся вещь напоминала палатку. Большому человеку большая одежда.

Жаривший лук убрал сковороду с огня и повернулся к нам. Уже немолодой и невысокий алавит носил на крючковатом носу пенсне, а его редкая и жидкая борода напоминала козлиную. Лицо не слишком приятное, «тертое» жизнью, человека способного на решительные поступки и повидавшего много смертей.

Он бросил на меня безразличный взгляд, вытирая руки полотенцем, взял половник, зачерпнул из кастрюли мясного бульона, налил в высокую светло-синюю миску. Поставил передо мной, положил тут же ложку:

– Хочу узнать твое мнение. Эти могут только нахваливать.

Всегда готов высказать свое экспертное суждение по поводу чужой стряпни, особенно когда мой вкус пока еще при мне.

– Не хватает соли.

Он кивнул, словно бы и не сомневался в том, что я скажу, отправился досаливать бульон.

– Знаешь, что меня всегда злит?

– Когда ты торгуешь щекотливой информацией, но не имеешь никакого представления, кто к тебе пришел? – предположил я.

– Даже не понимаю, о чем ты, иностранец. Моя семья три поколения живет в Риерте и торгует лампами, а не информацией. Мы мирные люди и сейчас, как и все граждане, готовимся к Празднику Звезд. А злят меня чужаки перед праздниками, которые пользуются нашим гостеприимством. Традиции моего народа не позволяют вышвырнуть тебя за дверь, если ты не нарушаешь правил.

– Хочешь, чтобы я ушел?

– Очень обяжешь.

– И даже не поинтересуешься, откуда я знаю о твоем магазине и невинности?

Его колебание можно было и не заметить, таким скоротечным оно

оказалось.

– Невинность… Она устарела уже лет десять как. Откуда ты выкопал такую древность, иностранец?

– Мой друг как-то обмолвился, что за интересными секретами надо идти в магазин ламп и назвать этот пароль.

– Имя у друга есть?

– Арви. И ты ему должен.

Он едко фыркнул, выражая всю гамму своих отрицательных чувств ко мне, к Арви, к моим словам и желаниям.

– Я выплачу долг на той стороне солнца, иностранец! И должен я ему, но не тебе, а так как он завершил свой путь в петле… – Алавит развел руками, показывая, что теперь с него и взятки гладки.

– Долг может потребовать семья. И он священен. Ведь так по вашим законам?

Я начал его порядком раздражать знанием алавитских правил. Но ему пришлось признать с большой неохотой, что я прав:

– Так. Но ты не риертец и не его родственник. Или наберешься наглости назваться троюродным кузеном?

Троюродный кузен – слишком далеко. Мы были как братья, но своему собеседнику я не собирался этого говорить.

– Нет. Но я мог бы попросить Сибиллу. – Я увидел, как сузились его глаза. – А ты, полагаю, достаточно хорошо знаешь ее. Мне придется рассказать, какой долг у тебя перед ее сыном и почему он возник. Твоя тайна словно карточный домик, дорогой торговец лампами. Малейшее дуновение ветра, и все развалится. Ведь Сибилла, поняв, что случилось, вполне возможно, захочет снять с себя ответственность и перекинет это с больной головы на еще более больную. Старуха же до сих пор ищет человека, который продал имя одной из ее кукол «Шильду» Йевена?

После моих слов даже спицы перестали стучать друг о друга. Все очень заинтересовались тем, что я говорил.

– Старуха не склонна закрывать глаза на неприятности за давностью лет. Арви прикрыл тебя, хотя и не обязан был, замел все следы, чтобы никто не пришел к тебе, и все это, – я обвел помещение рукой, – существует благодаря ему. Твой магазин. Ты. Даже та маленькая злая девочка, что столь мило гадала по моей руке.

– Слышал я о тебе, – внезапно сказал алавит. – Рыжий ублюдок, который помог Арви и Моссу восстанавливать их золотую гору. Это ведь ты ударил спятившую куклу? Как думаешь, сколько Старуха даст за твою голову?

Хорошая попытка.

– Понятия не имею. Но ты можешь поинтересоваться об этом у Капитана на старой таможне. Мы с ним мило общались какое-то время назад. Он ужасно любезный человек несмотря на то, что работает на одну даму из Трущоб.

Он сразу скис, понимая, что нужные люди и так уже в курсе, что я вернулся в город.

– Ты достаточно смел, раз пришел сюда с угрозами, иностранец. И мне очень любопытно, что такого важного тебе понадобилось, раз ты стольким рискуешь.

Я красноречиво скользнул взглядом по сторонам, говоря этим, что здесь довольно многолюдно, чтобы обсуждать серьезные дела.

Мы вдвоем вышли в коридор и вернулись назад, во внутренний двор, к беседке. Сопровождающие топтались в отдалении, не желая оставлять своего босса в одиночестве.

– Говори.

– Мне нужен план территории особняка Брайса. Расписание охраны, слабые участки периметра. Любые детали, какие помогут попасть туда и уйти незамеченным.

– Я торгую информацией по Риерте. Иногда. Щекотливой. Порой. Где пройдет фургон инкассаторов. Кто купил дорогое ожерелье, кто с кем спит и когда в порт придет контрабандный товар. Информация слетается ко мне отовсюду. Порой она так и остается невостребованной, бесполезной. А та, что идет от меня дальше, никогда не приводит сюда, а значит, не вредит моей семье. То, что ты просишь добыть, – смертельно опасно.

– Не опаснее Старухи, уж можешь мне поверить. Тогда же ты рискнул, продал секрет другому государству и, как видишь, жив и здоров.

– Не стоит дважды напоминать мне о моих ошибках, гость, – нахмурился он, и я увидел, как ему хочется, чтобы я провалился к чертям.

– Понимаю твою осторожность.

– Что ты там понимаешь! – Он наконец-то показал свой гнев. – Тебя проще убить, чем влезать в нору скорпиона.

– А как же законы солнца? – с иронией полюбопытствовал я.

– Да плевать на законы, рыжий. Я отмолю эти грехи, они мелочь по сравнению с выживанием семьи, – уже без злости, но с видимой усталостью сказал мой собеседник. – Так что я еще подумаю… что сделать. Ты проблема, и от нее проще избавиться, чем искать долгое решение. Ну? Скажи.

– Что сказать? – невинно поинтересовался я.

– Что ты подстраховался и если исчезнешь, то Старуха точно меня достанет.

– Не хочу, – равнодушно ответил я, хотя и не мог игнорировать угрозу. Я знал, на что шел. – Холодает, Меликен. Я, пожалуй, откланяюсь. Добудь мне, что я хочу. Уверен, с твоей сетью осведомителей это будет выполнимой задачей. Оставь для меня сообщение в «Кувшинке». У тебя неделя.

Мне нужен Брайс. Нужны ответы. И для этого приходится стать злым парнем, иначе не будет никакого результата и Сайл обойдет меня.

Вот уж нет.

Я вышел из беседки, так как говорить больше было нечего. Мы обменялись угрозами и застыли напротив друг друга, балансируя на краях опасно раскачивающейся шахматной доски. Проблема для нас лишь в том, что если один постарается сбросить другого, то и сам рухнет вниз.

У выхода меня ждала все та же девушка. Она молча указала на поднос, на котором лежал мой «Стук», нож и пачка цинтур. Последним я не стал удивляться. Некоторые люди, надо отдать им должное, не берут деньги просто потому, что могут это сделать, когда им их предлагают.

Глава четвертая
ЖЕЛЕЗНЫЙ ГИГАНТ

Высокий забор перекрывал путь на Железного гиганта, но власти, явно полагая, что этого мало, соорудили еще и укрепленный жандармский пост. На мощной опоре, обшитый броней, вооруженный двумя станковыми пулеметами, он занимал стратегический перекресток, контролируя подступы сразу с нескольких улиц.

На здание рядом, ближайшее к мосту (раньше, насколько я слышал, там располагалась швейная фабрика) установили три прожектора, каждый мощностью в девяносто миллионов свечей. За забором, пытаясь дотянуться до облаков, торчала нелепая хромированная зубная щетка – сплошь металл, провода и странные стеклянные емкости.

Последний рубеж обороны, какое-то новое детище лабораторий Брайса, обогнавшая время охранная система, принципов работы которой никто не знал. Поэтому такие штуки (еще их поставили вокруг дворца дукса) обрастали мифами, легендами и теориями.

Самые «умные» искренне считали, что Брайс – ставленник Сатаны (ну, репутация ведь великая вещь, а она у него была, мягко говоря, не очень) и, следовательно, эта штука отправляет прямиком в ад всех неугодных. Кроуфорд на подобную теорию лишь сплюнул и проворчал:

– Можно подумать, это они курят серый порошок, а не я.

Ни одну из «зубных щеток» никогда не видели в действии, но газетчики уже объявили ее самым зловещим изобретением человеческого разума за всю историю. И кое-кто из гуманистов сразу же завел шарманку о том, как плохо использовать некоторые способы убийства ближнего своего. Это довольно забавная формулировка, ибо выходило, что убивать другими способами можно сколько угодно. На месте борцов за гуманное оружие я бы перевел свое внимание на газы. Со времен Великой войны прошло до черта времени, но ни один правозащитник не заикнулся о том, что пора запретить эту дрянь. Всех отчего-то страшат лишь новые технологии, хотя старые без всяких проблем способны хорошо проредить человечество, лишь бы дул подходящий ветер.

Впрочем, вернемся к Железному гиганту и его охране. Надо заметить, что при всех этих ухищрениях сторожили его чисто номинально. Исключительно от назойливых туристов, не в меру любопытных граждан и

десятка городских сумасшедших, желающих попасть на ту сторону, чтобы поговорить с контаги.

Газеты писали, что месяц назад какой-то верующий пытался перелезть через забор, дабы наставить чудовищ на путь истинный. Право, когда его поймали, даже арестовывать не стали.

Всех нормальных людей (а я склонен верить, что нас куда больше, чем психов) мост совершенно не интересовал. Ну, в смысле, в том его положении, в каком он находился сейчас – центральная секция поднята, и у чудовищ не имелось никакой возможности перейти на жилую часть города. Прохожие спешили по своим делам, погода портилась на глазах, и вновь начал сыпать мелкий снежок.

Возле бара «Зонт бродяги», напротив жандармского поста, собралось много студентов – по случаю скорого праздника владельцы сбросили цены на свежее пиво. Торговец газетами кричал о новостях из Конфедерации, где завершились скандальные выборы в сенат, и несколько человек окружили его, разыскивая в карманах мелкую монету. Скучал чистильщик обуви, у которого не было клиентов, мимо него, толкая перед собой тележку, груженную дровами, прошел старик в распахнутом пальто. В ближайшем овощном киоске, разумеется, продавали хурму, и дородный продавец перетаптывался на месте, пытаясь согреться.

Гудя клаксоном, проехал мобиль-цистерна крупной пивной компании, затормозил перед баром, ожидая, когда распахнут ворота. Почти сразу же за ним появился еще один мобиль, современный, с закрытой кабиной, на этот раз фургон. На его борту было написано «Бакалея тетушки Маргари». Водитель намеревался припарковаться рядом с цистерной, но машина перекрыла проезд для конных повозок, и ему пришлось переставить фургон на другую сторону улицы, почти в упор к жандармскому посту. Судя по реакции двух жандармов, куривших неподалеку, подобное уже случалось, и они даже не сделали попытки заставить его найти другое место для остановки. Вполне возможно, что благодаря такой «слепоте» владелец бара наливал служителям закона бесплатную кружечку.

А может, и не одну.

Три девушки в сине-белой форме лицеисток выпускного года, с тяжелыми портфелями в руках, обогнали меня, обсуждая предстоящий карнавал в Метели. Они излучали восторг и радость жизни, чего не скажешь обо мне. Мной овладела меланхолия, и я брел, никуда не спеша, сунув руки в карманы короткого пальто да поглядывая по сторонам.

Следующие несколько секунд, а возможно и минут, у меня просто вырезало из памяти. Вот я шел себе по улице, а теперь лежу среди

раскиданных вокруг сотен плодов спелой хурмы и думаю, какого черта в меня влетел таран?

Мозг, к моему удивлению, работал как часы. Я трезво оценивал ситуацию, вполне себе представляя, какую часть пространства занимаю в этом гадком мире. Звуки я слышал, барабанные перепонки остались целы, и от ударной волны, отбросившей меня на пару ярдов в сторону от тротуара, я пострадал не сильно.

Впрочем, тут же пришлось пересмотреть свое мнение на этот счет, стоило лишь попытаться подняться. Ноги словно мне не принадлежали, меня «повело» в сторону, так что я решил повременить и посидеть. Лицо саднило, я приложил к правому виску ладонь, там болело сильнее всего, но кровь отсутствовала. Зато увидел, что из левого предплечья торчит похожий на иголку осколок. Я выдернул его, мысленно благодаря, что он достал меня уже на излете, а толстая ткань пальто послужила неплохой защитой. Я со злостью отбросил эту «занозу» в сторону и наконец-то увидел торговца фруктами. Ему повезло меньше, чем мне – осколок снес верхнюю часть черепа.

На том месте, где находился фургон, теперь распахнулся маленький филиал ада. Я не знаю, сколько в мобиль умудрились напихать мелинита, но рванул он знатно, точно армейский склад, в котором держали снаряды для главного калибра дредноутов. Жандармского поста больше не было. Остались лишь покореженные опоры, груда рваного железа, огромная воронка и бушующее по ее краям пламя.

Забор не выдержал взрыва и упал по всему периметру, открывая дорогу на мост. Казарме тоже не повезло, внешняя стена обрушилась вместе с крышей, большая часть улицы заполнилась пылью и дымом. О таких «мелочах», как выбитые стекла и витрины, повреждения фасадов соседних зданий, разбросанные кирпичи, я просто не говорю.

А еще были трупы. Слишком многие оказались близко к взрыву и попали под удар осколков и камней. Я поискал взглядом обогнавших меня девчонок и, разумеется, никого из них не увидел.

Вокруг меня творилось истинное зло. Люди создают его подобно тому, как муравьи строят муравейник, птицы поют, а совы ловят мышей. Это в нашей природе. И если честно, во мне тоже пробуждалось желание совершить зло тем, кто все устроил. Потому что мы чувствуем себя хорошо, делая плохо плохим людям.

Раненые кричали, кто-то катался по земле, стараясь сбить с одежды пламя. Многие, оглушенные взрывом так же, как и я, сидели на мостовой. Женщина стояла, опираясь левой рукой о стену бара, а вместо правой у нее

была культя, из которой лилась кровь. Прежде чем я встал, к ней подбежал какой-то мужчина, положил на землю, начал накладывать жгут.

Жандарм с закоптевшим лицом за руки оттаскивал своего раненого товарища подальше от огня. Я решил помочь, взял человека за ноги, и мы, не сговариваясь, понесли его в переулок. Раненый беспрерывно ругался и был страшно бледен, но держался молодцом, несмотря на то что форма на его левом боку потемнела от крови.

Пивной мобиль-цистерна, чудом уцелевший, заурчал мотором – водитель намеревался свалить как можно дальше и быстрее.

– Проклятье! – сказал наш «пациент» и знаком попросил товарища зажечь папиросу. – Опять во мне дырка.

– Дай гляну, – предложил я.

Он отвернулся в сторону, не желая смотреть, что у него там, и ожидая самого худшего. Я расстегнул его китель, достал нож, взрезал промокшую рубашку. Чтобы как-то рассмотреть рану, второй жандарм снял шейный платок, протянул мне. Пока я сушил, раненый зашипел, ругнулся и затянулся папиросой.

– Ну?! – наконец не выдержал он.

– Сквозное, – сказал я. – Вышла близко к позвонкам.

– Ног не чувств…

Громкий винтовочный выстрел прервал его фразу. Пуля, прошедшая рядом с моим плечом, угодила жандарму в грудину так, что все тело содрогнулось. Дальше я уже не смотрел, так как загрохотало по всей улице, вокруг засвистело, и надо было спасать свою шкуру. Помочь я больше не мог, попадание оказалось смертельным.

Стреляли часто и с удовольствием, словно какой-то подросток наконец добрался до своей заветной мечты – оружия и теперь просаживал патрон за патроном, ничуть их не жалея. Редкое, сухое, пистолетное гавканье почти терялось в хлестких винтовочных рыках и внезапном деловитом механическом вое автоматов. Эхо выстрелов, множась, отражалось от стен зданий, металось по переулкам, словно стая испуганных летучих мышей. Несколько пуль залетели к нам в проулок, выбив темно-красную пыль из кирпичей, и я пригнулся еще ниже, думая, что надо выбираться.

Когда я достал «Стук», жандарм, с которым я тащил его уже мертвого товарища, направил на меня свой пистолет.

– Эй! – сказал я ему. – Если бы я был с ними, то не стал помогать тебе.

С кем «с ними» мы оба не знали, но прекрасно друг друга поняли.

Он был моим ровесником, а значит лишен в какой-то мере романтики юношей, готовых верить в добрые намерения всех тех, кто внезапно

оказывается с ним рядом. Доверять вооруженному незнакомцу, когда только что кто-то напал на пост, поворачиваться к нему спиной и так рисковать?

Это глупо.

Суровые времена требуют жестоких действий. Даже если есть шанс, что рядом с тобой хорошие люди. Я целиком и полностью его понимал, и, не скрою, велик шанс, что поступил бы точно так же. Он выстрелил мне прямо в лоб с хладнокровием человека, прошедшего войну и не очень-то ценившего жизни незнакомых людей.

Его пистолет лишь сухо щелкнул. Соображали мы оба быстро, он сделал шаг назад, одновременно передергивая затвор, выбрасывая испорченный патрон, а я, наоборот, шаг к нему. Я сбил его правую руку предплечьем левой, так, что грохнуло у меня над ухом, подарив противный звон, и засадил рукояткой «Стука» ему в скулу, в последний момент отказавшись от удара в висок.

Жандарм рухнул с разбитым лицом на землю, но оружие не выпустил, и я наступил ему ногой на запястье, с трудом сдерживаясь, чтобы от души не добавить по ребрам. Как бы я ни понимал его поступок, этот сукин сын чуть не отправил меня к праотцам.

Его пистолет я убрал в карман пальто и приставил свой ему ко лбу, пока жандарм не догадался взяться за саблю или шоковую дубинку. Несмотря на не слишком удачно складывающуюся для него ситуацию, смотрел он на меня волком. Достойно уважения. Парень не трус.

– Попробуем еще раз. В последний. Я не с ними и просто хочу выбраться. Кивни, если понял.

Он кивнул, и я убрал «Стук» подальше от его лица, видя, как злость в его глазах гаснет. Острый край рукоятки рассек сержанту кожу, по щеке обильно текла кровь, и он мрачно вытер ее рукавом кителя, поинтересовавшись:

– Что теперь?

Я все еще не собирался поворачиваться к нему спиной:

– Тебе не кажется, что надо это остановить?

Сержант кивнул:

– Надо. Ты что, готов помочь?

– А то. У меня активная гражданская позиция.

Он лишь хмыкнул и протянул руку, желая забрать пистолет назад. Видя мое скептическое выражение лица, сказал:

– Я не держу зла. А без оружия далеко мы не уйдем.

– Извини. Придется тебе какое-то время обойтись без него. Не привык доверять словам незнакомых людей.

– Я представитель закона…

– Который только что едва не шлепнул гражданского, не разобравшись. Будем спорить, пока они не опустили мост и не открыли контаги дорогу в Риерту?

Сержант скрипнул зубами, показал на противоположный проулок:

– Сперва доберемся туда. Там мои. А дальше… Дальше решим. Молись, чтобы тебя не подстрелили, иностранец.

Не ожидая от меня никакого подтверждения, пригнувшись, он бросился через улицу. Я отставал от него буквально на шаг. Нас заметили через несколько секунд, но не успели перенести огонь, а пули прошли гораздо выше, чем требовалось.

Здесь держали оборону пятеро жандармов. Один из них, с гладко выбритыми щеками, в чине лейтенанта, перезаряжая барабан легкого револьвера, хмуро спросил у сержанта:

– Твой новый друг?

– Да, сэр.

– Тогда бери его и Демпси. Избавьтесь от стрелка, пока мы сдерживаем тех, кто прорывается через Сапожную. Он не дает никому выбраться из казармы. Шевелись!

Никаких разглагольствований. Лишних вопросов. Сомнений. И траты времени.

– Да, сэр.

Сержант вновь протянул руку, и я с неохотой вернул ему пистолет.

Угадать, сколько было нападавших, не представлялось возможным. Сперва я думал, что человек пятнадцать, но, судя по частоте стрельбы, их явно больше сорока. И я очень надеялся, что никто из моих знакомых не принимал участия в разворачивающемся безумии.

Действовали заговорщики не как романтичные студенты, начитавшиеся революционных книжек и обменявшие карманные часы на дешевый револьвер в ближайшем ломбарде. Они были достаточно опытны и профессиональны для того, чтобы организовать грамотную атаку и построить оборону. Их подготовка впечатляла.

Взрыв был лишь началом спланированной операции – способом устранения первого препятствия на пути к мосту. Люди, которые собирались возле бара, чтобы попить пива, оказались совсем не дружелюбными ребятами. Теперь они превратили питейное заведение в опорный пункт, стреляя из окон в тех жандармов, что пытались выйти из полуразвалившейся казармы.

Еще несколько огневых точек устроили на соседних улицах, заняв

нижние этажи зданий, перекрыв подступы. И те, кто спешил на помощь жандармам, должны были прорываться через плотный огонь отрядов заговорщиков. К тому же террористы где-то раздобыли «Канарейку», водрузили ее на балкон, и теперь пространство то и дело разрывали яркие нити-следы от проносящихся пуль да звонкие трели.

И именно она была нашей целью. Отсюда мы бы в жизни не достали стрелка. Пройти почти четыреста ярдов по открытому пространству под прицелом «Канарейки» – из области сказок. Двоих конных жандармов, появившихся на другом конце улицы, почти сразу же срезала автоматная очередь.

В проулках и тупиках гремели выстрелы, на мосту шло сражение с участием пулеметов.

– Сержант, – сказал я. – Сможем добраться по крышам. Будет быстрее и безопаснее.

Тот нахмурил брови, оценивая мое предложение, и отстегнул от пояса саблю вместе с ножнами, бросив ее на землю, чтобы не била по ноге. Он первым взялся за металлические скобы, торчащие из кирпичной стены, и полез наверх, говоря этим, что мое предложение принято. Демпси, мой новый «друг», парень с едва проклюнувшимися усами, даже в столь плохие минуты жевал табак, то и дело сплевывая темную слюну, улыбнулся редкими зубами.

– Отличная идея, сэр.

У него, единственного из нас, был самозарядный карабин, пускай и довоенной модели, но все такой же надежный. Забросив его за спину, он поспешил следом за сержантом, предоставив мне болтаться в тылу.

Наклонные крыши обледенели, часть черепицы (кстати говоря, лежащей ненадежно) засыпало снегом, и идти вперед, а самое главное – идти быстро – выходило довольно сложно. Никто из нас не хотел упасть с высоты пятого этажа и свернуть себе шею.

Внизу события развивались совсем не в нашу пользу, так как у бунтовщиков в наличии оказался целый «броневик».

Какому-то гению пришла идея угнать пивную цистерну, прорезать в ней бойницы (до поры до времени замаскированные) и посадить внутрь бака несколько отморозков с двумя пулеметами. Не знаю уж, каково приходилось их ушам при стрельбе в таком замкнутом пространстве, но зато дурные головы были надежно защищены от ответного огня стальными стенками цистерны.

Эта машина сейчас самая настоящая заноза в заднице – она, как и «Канарейка», прикрывала наступающих. Те стремились к командному

пункту, созданному конструкторами прямо на мосту, нависающему над бездной, очень похожему на корабельную рубку. Именно там находились механизмы по управлению Железным гигантом.

Пальба стояла такая, точно я вновь вернулся в окопы. Сержант, как видно тоже там побывавший, вел себя спокойно, а вот Демпси с непривычки все время вздрагивал и пригибался, считая, что все целятся только в него.

Человек стоял на коленях перед чердачным окном, поднимая откуда-то из недр здания нечто тяжелое за широкую брезентовую ленту. Демпси вскинул карабин, но я положил руку на цевье оружия, заставляя опустить ствол.

– По-тихому. Не надо, чтобы люди внизу поднимали глаза к небу и видели нас раньше времени.

Мы с сержантом все сделали быстро. Он свернул террористу шею, а я перехватил «веревку», продолжая вытягивать ее наверх как ни в чем не бывало. Вес на том конце был довольно внушительный, стоуна[14] четыре, и мне было жутко интересно, какая рыба «клюнула» на этой «леске». Когда появился характерный широкий раструб «Кузнечика», я не очень-то и удивился. Вполне ожидаемо «поймать» тяжеленный пулемет, пускай он был без ящиков с лентами, без станка и бронещитка, которые, как видно, готовились к подъему во вторую очередь.

Крыша – отличная позиция, чтобы обстреливать мост.

Между тем Демпси деловито обыскал покойника и показал нам брезентовый подсумок с пятью ручными гранатами. Сержант, нехорошо усмехнувшись, взял сразу два «Яблока», одно тут же перекинул мне. Я распрямил «усики» проволоки, предохраняющие кольцо чеки от случайного выдергивания, кивнул, показывая, что готов. Мы одновременно швырнули гостинцы, сразу же откатившись от чердачного окна.

Резкие хлопки почти не были слышны на фоне сумасшедшей стрельбы. Сержант, человек добрый и обстоятельный, на этом не успокоился, решив довести дело до конца, и поставил финальную точку еще одной ручной гранатой, на тот случай, если кому-то чудом удалось выжить. После очередного хлопка Демпси смачно сплюнул вниз.

– В аду вас ждут с распростертыми объятиями, сукины дети!

Пригибаясь, мы пробежали всю крышу, оставив бесполезный пулемет там, где я его вытащил, и перепрыгнули на соседнее здание, расположенное чуть ниже. Сержант осторожно высунул голову над карнизом. Именно тут, по нашим расчетам, находился стрелок «Канарейки». И выругался, махнув нам, приглашая также посмотреть.

Винтовка и компенсаторная система валялись на балконе.

– Что его спугнуло? Мы? – не понял Демпси.

– Нет. Боеприпасы у этой штуки ограниченны, – сказал я. – Без них «Канарейка» всего лишь тяжелая кувалда. Отстрелялся и бросил.

– Так что? Мы могли сюда не приходить? Все равно бы не успели.

Могли. Если бы подумали. И если бы сержант начал перечить лейтенанту, оспаривая приказ.

– Ничего не было зря, Демпси. Мы не дали им создать пулеметную точку, а это победа, – напомнил я ему и обратился к сержанту: – Что теперь?

Ничуть не против, если он станет принимать решения за меня. Пока эти решения кажутся мне логичными, разумеется.

– Спустимся по пожарной лестнице и проулками выйдем к ублюдкам на левый фланг. Наши их все еще сдерживают.

– А эта штука нам помочь не может? – Я указал на торчащую над районом хромированную зубную щетку.

Демпси неловко кашлянул и отвел глаза в сторону, не желая ничего говорить без разрешения старшего по званию.

– Это закрытая информация, – ровным тоном произнес сержант.

– Когда такое творится? – усмехнулся я. – Поможет или нет?! И не опасно ли мне к ней приближаться?! Я, между прочим, хочу оценить риск возникновения дружественного огня.

– Не поможет, – ляпнул Демпси. – Она отключена.

– Язык доведет тебя до трибунала, а потом до виселицы, – проворчал его старший товарищ.

– Отключена? – По моей роже было понятно, что я считаю всех идиотами. Это как поставить пушки для обороны, но не подвозить к ним снаряды.

– Когда ее настраивали, она испарила одного из техников «Мотории Риерты», – угроза виселицы не очень-то испугала Демпси.

– Испарила? – Я отлично умею повторять чужие слова, если кто не заметил.

– Ну… вроде того. Мужик просто исчез у всех на глазах, а Министерство вод запретило использовать установку, пока лаборатории Брайса не исправят причину аварии.

– Обожаю технический прогресс, – буркнул я. – Вот и жди от него помощи в нужную минуту. Идем, сержант. Будем все делать по старинке.

Металлическая пожарная лестница была втиснута в промежуток между домами, такой тесный, что строителям пришлось расположить ее

спиралью вокруг шеста. Треугольные ступеньки раскрывались под ногами веером, были узки, и сбежать по ним не получилось бы при всем желании. Я шел первым, держа пистолет наготове, но все равно не заметил тех, кто ждал нас внизу.

По мне стали палить, но те же ступени, только что казавшиеся такими неудобными, сыграли роль щита – две прилетевшие пули ударили в металл. Сразу после этих выстрелов сверху пролетела ручная граната. Как в кошмаре, когда все замедлилось и тебе некуда деться, ребристая «рубашка» проплыла у меня перед глазами, упала под ноги и покатилась по лестнице.

Бамс. Бамс. Бамс.

Тот чудесный миг между жизнью и смертью, где сила тяготения имеет решающее значение.

Сержант, находящийся надо мной, успел отпустить лишь что-то очень крепкое, кажется шарахнулся назад, на Демпси, но мне уже было не до того. Я постарался принять позу зародыша, жалея, что не родился черепахой и у меня отсутствует панцирь. Негромкий хлопок разрыва внизу мозг воспринял как детонацию снаряда. Осколки сыпанули в стороны, но, кажется, ни один не долетел до нас.

– Ты там жив?! – спросил сержант, и мне показалось, что он кричит из-за нервного напряжения.

Шутка ли – чуть сами себя не взорвали.

– Итан. Меня зовут Итан, – хотелось себя ощупать на предмет появления непредусмотренных природой отверстий.

– А меня Фрэнк, – наконец-то представился человек, едва не пустивший мне пулю в лицо. – Какого хрена ты творишь, Демпси?!

– Извините, сержант, – проблеял жандарм. – Поторопился.

– Ты нас чуть не отправил к чертям!

Внизу, в переулке, лежал труп, нашпигованный осколками. Я увидел девушку, и сердце у меня дрогнуло, так как цвет ее волос и их длина оказались точно такими же, как у Мюр. Лицо было изуродовано, нетронутым остался лишь фрагмент лба и правый глаз. Голубой, по счастью, а не светло-карий, даже золотистый, как у моей знакомой.

Не Мюр. Уф.

Беднягу Демпси между тем выворачивало. Соглашусь, не самое приятное – видеть, к чему приводит дело рук твоих. Фрэнк склонился над телом, поднял маленький дамский шестизарядный пистолет, сущую миниатюрную игрушку в его больших руках, деловито убрал в карман. Нашел запасную обойму и отправил ее следом за пистолетом. Оружие и патроны сейчас на вес золота.

– Демпси, хватит блевать, – равнодушно сказал сержант, отворачиваясь от трупа.

Тот вытер рот рукавом кителя, сплюнул, стараясь не смотреть на мертвую:

– Просто… она не похожа…

– На врага? – мрачно спросил жандарм. – Очнись, парень. Они такие же люди, как мы.

Я видел подобные взгляды, как у Демпси, много раз. Некоторые срывались и пускались во все тяжкие, некоторые сворачивались клубком и переставали реагировать на внешний мир. Его охватывала паника и ужас. Еще чуть-чуть, и он уже не сможет себя контролировать.

– Эй, – сказал я ему. – Она бы нас пристрелила, ты все сделал правильно. С этим придется жить, но тебе, а не ей. Это лучший выбор. Я понимаю, что тебе сейчас страшно, там, на улице, продолжают стрелять. Просто знай, что им тоже страшно. Делай свою работу, парень, держись нас и не лезь вперед, тогда все будет хорошо. Договорились?

Он помедлил, но все же кивнул, стряхнув с волос падавшие снежинки.

– Я могу на тебя рассчитывать?

Сержант поднял брови, реагируя на то, что я лезу командовать его подчиненными, однако смолчал. Демпси принял решение:

– Да, сэр.

– Ну, тогда вперед.

Мы отсутствовали на главной улице, где происходили основные события, не больше десяти минут, но все изменилось кардинальным образом.

Наступали сумерки, и набирал силу очередной снегопад. Мир поблек, размылся, стал нечетким и еще более опасным. Там, где занимались пожары, точно адские сердца, мерцали огненные пасти, изрыгающие из себя горький дым, от которого саднило горло. Трупов прибавилось как с одной, так и с другой стороны. Вспышки выстрелов раздавались и справа и слева, тяжело и часто били пулеметы, но понять, что происходит дальше чем в ста пятидесяти шагах от тебя, не представлялось никакой возможности. Начинался тот самый привычный военный ад, что окружал меня в Компьерском лесу. Каждый отряд сам за себя и действует на свой страх и риск.

Сержант остановился над одним из погибших жандармов, стал расстегивать его китель. С трудом снял с трупа, бросил мне:

– Натягивай. Сейчас любой гражданский для людей в форме будет террористом. В темноте никто не станет разбираться. Не хочу, чтобы тебя

прихлопнули наши ребята.

Очень мило с его стороны так обо мне позаботиться. Я не возражал против костюмированного «бала».

Сперва мы услышали топот ног, затем мимо нас пробежала пятерка вооруженных до зубов мужиков. Они так спешили на мост, где все это время шел нешуточный бой, что грех было не воспользоваться оказией и не выписать им билет на кладбище.

Мы с Фрэнком открыли по ним огонь из пистолетов, и карабин Демпси присоединился к стрельбе по «уткам» лишь с секундной задержкой. Мы сбили троих, прежде чем бунтовщики опомнились и нырнули за перевернутый взрывом газетный киоск. Я постучал сержанта по плечу, показывая, чтобы он обошел их с фланга, пока я буду отвлекать огонь на себя, но тут из окна второго этажа дружно грянули выстрелы.

По счастью, не по нам, а по тем, кого мы не успели достать.

– Эй! – крикнули нам сверху. – Седьмые?[15]

– Гарнизон! – ответил им Фрэнк. – Вы?!

– Двадцать шестой!

– Хрена вы так долго?!

Они выбрались из подъезда, присоединившись к нам.

– Всего четверо? – неприятно удивился сержант.

– Двоих убило, остальных связали боем на Вильгельме Шестом. Мы пробились переулками, но там настоящая война. Не только здесь, – сказал тощий жандарм, потерявший фуражку.

– Что-то известно о помощи? Когда будет?

– Мы не знаем. Телефонная станция Восточного не отвечает. Армии из Арсенала потребуется час, чтобы тут появиться. Пока затыкают дыры нами. Люди из всех ближайших участков и все постовые сейчас здесь. Пункт еще продержится.

Он говорил о системах подъема моста, но я не был бы в этом так уверен. Не против броневика, пулеметов и взрывчатки. Когда сюда прибудет армия, мост уже смогут опустить. А если после этого заговорщики разрушат механизм, то поднять его больше не получится и контаги придется встречать пулями.

Перестрелка в районе бара продолжалась и не собиралась ослабевать.

– Нет! – сказал Фрэнк, когда один из жандармов повернулся в ту сторону, явно желая броситься на помощь товарищам. – Мост важнее.

– Мы не пройдем туда. Все пространство простреливается.

– Пройдем, – возразил я ему. – Через казарму. Ее забор примыкает к мосту.

Демпси скривился:

– Перелезать через ограду у всех на виду опасно, сэр.

– Пробежать под пулеметным огнем у всех на виду – вот что тебя должно беспокоить, парень. Это единственный вариант сохранить шкуру целой, – согласился со мной сержант. – Все слышали? Идем через казарму.

Он был старшим по званию, и никто не стал ему возражать.

Быстро попасть на территорию казармы оказалось непросто – все было засыпано кусками битого кирпича, ненадежного под нашими ботинками, а рухнувшая стена перекрывала большую часть прохода внутрь, и, казалось, еще мгновение – и она рухнет на нас.

Я чувствую пламя.

Не все, конечно, но то, которое жаждет превратить человека в обгорелое мясо, – всегда. Оно для меня как семафор для машиниста поезда – видно издалека. Действовал я по наитию, схватив шедшего передо мной сержанта за плечо и рванув на себя с открытого пространства обратно, под защиту стены. Жандарма в шлеме, которому не повезло оказаться самым первым, спасти было некому.

Дракон «дыхнул», выпустив длинную жидкую струю. На мгновение она выжгла все тени, превратив уже привычную глазу тьму в ослепительный день и убив тысячи падающих снежинок, создав целую «просеку» в начинающемся буране.

Человек, объятый огнем, был похож на солнечный шар. Завораживающий, ужасный и такой знакомый… Я сам когда-то такое проделывал на войне, сжигая людей, превращая их лишь в плоть, обугленную на костях.

Жандарм был уже мертв, но сделал несколько шагов, прежде чем рухнуть на снег, зашипев, как вода на раскаленной сковородке. Следующая струя из огнемета ударила в стену, за которой мы прятались, разбилась об нее, раскрывшись огненной астрой, опасно дохнув жаром, едва не заставив пузыриться нашу кожу.

Люди отшатнулись назад, кто-то закричал, не справившись со своим страхом. В каждом из нас спит этот ужас перед открытым пламенем. Да. Мы обуздали его и заставили служить себе, но все знают, что порой оно умеет срываться с цепи.

Два шага из укрытия, поворот, поднять руку, прицелиться и тут же выстрелить туда, где точно волчий глаз горит огонек зажигателя, в любой момент способный превратиться в драконье дыхание. Три экспансивные пули ушли во мрак, и, даже зная, что попал, я откатился дальше, уходя с линии обстрела.

Через двадцать долгих секунд Фрэнк, все еще прятавшийся напротив, спросил у меня:

– Он что? Один был?

– Давай проверим.

По нам так никто и не выстрелил, огнеметчик действительно находился без поддержки, охраняя пролом в заборе, ведущий к мосту. Тощий жандарм плюнул на его труп, пока Демпси снова делал попытки поблевать в уголке из-за смрада обугленной плоти.

Я завернул вентиль на баллоне ранцевого огнемета, начал расстегивать ремни.

– Сукины дети полазили на армейских складах. Это старая модель, еще довоенная. Что ты делаешь? – спросил сержант.

– Редуктор цел, десять воспламенительных патронов у него на поясе, топлива еще на шесть-восемь коротких выстрелов. Или на один-два заряженных. Так что я усиливаю наш маленький отряд. Помоги мне.

В этот самый момент над всем районом завыла сирена – мост загудел, и центральная секция начала опускаться. Командный центр все-таки пал.

Судя по вспышкам выстрелов на самом верхнем этаже укрепления, защитники, выдавленные бунтовщиками, отступили, организовав последний рубеж обороны. Нападающие, заняв первый этаж, смогли добраться до пультов управления. Чертов броневик перегородил вход в здание, так что проникнуть внутрь незаметно для пулеметчиков не получится. Мы находились от него ярдах в пятидесяти, спрятавшись за низким каменным бортиком.

Мне пришлось скрючиться, чтобы баллон не торчал из укрытия. Огнемет штука тяжелая – почти четыре стоуна, и широкие лямки ранца впивались в плечи. Не каждый может бегать с такой хренью за спиной, и оставалось только порадоваться, что я подходящей комплекции и силы для такого оружия.

Мост, скрежеща, продолжал медленно опускать центральную секцию. Из-за ее веса и габаритов для полного сбора конструкции требовалось больше двадцати минут, а значит, у нас еще есть немного времени до начала конца света. Потому что если нападавшие не дураки, они сделают все для того, чтобы конструкцию нельзя было развести.

– Фрэнк, – сказал я, – здесь мы ничего не высидим. Тем, кого зажали наверху, надо помочь. Ты мобилем умеешь управлять?

– Нет. Только конным экипажем и лодкой.

– Я умею, – сказал Демпси. – Что вы задумали?

– Сейчас я поменяю позицию, перебегу вон туда, чтобы не стрелять

против ветра.

– Чего?.. – не понял жандарм.

– Мозги поищи, – посоветовал ему сержант. – Стрелять из огнемета против сильного ветра все равно что сходить против ветра по-малому. Только там ты просто обмочишь штаны, а здесь зажаришься на хрен, и твоя мамочка узнать тебя не…

– Короче, – перебил я его объяснения. – Я пущу струю им в смотровые щели, и если не убью, то, по крайней мере, заставлю их поволноваться и забыть о пулеметах на какое-то время. Когда выстрелю, ты, парень, бежишь в кабину, она пустая. Заводишь мотор и заставляешь эту штуку ехать.

– Куда ехать? – не понял Демпси.

– Вперед, – совершенно серьезно сказал я.

Они проследили за моим взглядом до металлической ограды, способной остановить пешехода от падения в пропасть, но не тяжелую машину, которая сметет эту преграду без проблем.

– Справишься? – спросил сержант.

– Легко. – Жандарм даже не сомневался в моем плане.

– А вы держите выход. Оттуда в любой момент может кто-то появиться. Стреляйте в любого, потому что, пока Демпси будет в кабине, он как заяц на освещенном лунами поле.

До нужной точки пришлось ползти, ругаясь про себя. Я был точно неуклюжая улитка с домиком на спине. Медленной и довольно уязвимой. Встав так, чтобы ветер дул мне в спину, я проверил зажигательный патрон и, направив раструб оружия на броневик, выпустил хорошую заряженную струю пламени, жгучего, точно конфедератский перец.

Огненный язык вылетел больше чем на тридцать ярдов, облизал цистерну, выжигая краску, ударил по смотровым щелям, проникая внутрь, поджег широкие задние колеса. Как только пламя перестало течь, Демпси побежал к броневику, а отряд сержанта – в противоположную сторону, обходя его по дуге так, чтобы видеть вход в командный пункт.

Я думал, что уже расправился с теми, кто был внутри цистерны, огонь туда, без всякого сомнения, проник и кого-то задел. Но не так, чтобы они стали покойниками. Заверещал пулемет, выпуская длинную очередь, но стрелок перенервничал, задрал ствол, и пули улетели куда-то влево, а затем в небо.

Как я уже говорил – огонь пугает людей.

Со второго этажа командного пункта выглянуло несколько человек, их было прекрасно видно из-за горевшего внутри света. Люди Фрэнка открыли по ним прицельный огонь, а Демпси тем временем запрыгнул в

открытую кабину. Засвистела активируемая мотория, чихнул и сразу же заработал на больших оборотах двигатель, заревел точно зверь. Цистерна дернулась, остановилась, когда жандарм из-за спешки потянул не за тот рычаг, и вновь начала движение, все набирая скорость.

Наверху «броневика» распахнулся люк, показалась голова человека, пытавшегося выбраться наружу, а Демпси выскочил из кабины. Мобиль влетел в металлическое ограждение, снес его, точно игрушечное, на мгновение завис на краю, а затем ухнул вниз.

В далекую воду.

Я уже бежал к зданию, пыхтя как носорог в период гона. Большой вес делал меня неповоротливым и довольно неуклюжим, сверху стреляли, и я порадовался, когда оказался вместе с моими жандармами.

– Не лезь! – крикнул я тощему служителю порядка, пытавшемуся заскочить в коридор, и тот сметливо отшатнулся, открывая мне дорогу.

Кому я вру?

Чудовище, что спит во мне, любит жечь, а тень, что сейчас ворочается где-то в области горла, удовлетворенно ворчит, требуя новых жертв, подначивая «включить» настоящий ад, а не эту механическую жалкую насмешку человеческого гения.

Мой дар. Мой ингениум.

Как-то Кроуфорд сказал мне, что, если хочешь выжить и победить, нельзя сочувствовать тем, кто находится на той стороне. Никакой жалости. Никакого уважения. Никаких правил. Никакой честности. Никакой слабости. Никаких мыслей об их желаниях, мечтах, семьях, причинах, что заставили этих людей жаждать убить тебя. Забудь о том, что они такие же, как ты, хотят жить и чувствуют боль.

Просто убей.

А потом уже будешь думать обо всем этом. Ты. А не они, из-за того что ты замешкался и умер. Не дай своим противникам ощутить вину оттого, что они убили тебя и теперь просыпаются от кошмаров.

Лучше просыпайся ты. Но будь жив.

Забавная философия, если подумать. На войне с искирами я слишком сильно ненавидел, чтобы колебаться. Но после войны бывали случаи, когда человеческого во мне было чересчур много, жизнь висела на волоске и я вспоминал Кроуфорда.

Вот как сейчас.

Огнемет исторгнул из себя смерть, точно перебравший сапожник рвоту. Я зажал спуск, и пламя текло внутрь здания смертельным ручьем, заливая узкий коридор, комнаты, основание лестниц и плоть, которая всего

лишь секунду назад была живыми людьми.

Их крик взлетел и оборвался, словно кто-то захлопнул плотную дверь. Исчез в реве пламени и остался звенеть у меня в ушах.

Стоило бы себя ненавидеть. За то, что я сделал. За то, что ввязался в чужую войну. Но я буду ненавидеть себя еще больше, если жители Старой Академии получат свободу, придут в город и убьют ни в чем не повинных людей. Таких как Сибилла, например. Обычные люди всегда расплачиваются за поступки дураков и тиранов.

Но не в этот раз.

Воздух рядом с нами замерцал, и я едва не нажал на спуск, сжигая появившегося перед нами человека в маскировочном плаще и птичьей полумаске, скрывающей лицо. При появлении плакальщика все мы отступили назад, спиной к пожару и тем, кто мог выжить в нем и выстрелить в нас. Совершенно инстинктивный поступок, когда враг может быть куда менее опасен, чем «друг».

– Почему медлим, сержант? – Голос у него был такой же мертвый, как ветер на заброшенном некрополе. С точно такими же интонациями он мог бы интересоваться погодой, раздавленной крысой или же ценами на сливочное печенье.

– Там все горит.

– Из-за вас, – равнодушно произнес плакальщик, шагнул в горящий коридор, не проверяя, следуют ли жандармы за ним. Конечно, последовали. Ну и Итан Шелби вместе с ними.

– Не спеши, – сказал я Фрэнку, который собирался идти первым. Он покосился на адскую машину в моих руках и пропустил меня вперед.

Судя по показаниям стрелки, топлива в баллоне было на один-два раза, но все равно эта штука оставалась серьезным аргументом в нашу пользу. Не таким, как плакальщик, конечно же, но очень даже весомым.

Огонь, выпущенный мною ранее, зацепился за мебель, дощатый пол и бумагу, горя длинными дорожками, сильно чадя и угрожая перепрыгнуть на любого неосторожного. Жар был невыносимым, но куда более… обычным, чем смрад горелого мяса.

Приходилось двигаться боком, избегая огненных островов и переступая через тела. Считать я не хотел, но выходило, что в коридоре под дыхание дракона попало восемь человек.

В отличие от нас, плакальщик шел уверенно, не смущаясь ни пламени, ни мертвецов. Он спешил вперед, туда, куда не достал мой огнемет, на ходу проверяя боковые комнаты. Нашел одного сильно обожженного, добил его ножом, юркнул в сторону прежде, чем раздался выстрел, и, когда мы уже

были на месте, приканчивал горе-стрелка.

– Бунтовщики отошли на второй этаж, – тем же скучным голосом сказал он нам. – Двоим остаться здесь. Остальные наверх. Огнемет – расчисти мне лестницу.

Наверху они попытались организовать оборону, но пламя, хоть никого и не зацепив, заставило их замешкаться, и плакальщик вклинился в их ряды, точно хорек, пробравшийся в курятник.

Я расстегнул ремни, с удовольствием сбрасывая с плеч тяжеленное и ставшее бесполезным разряженное устройство. Жандармы, зажатые на третьем этаже, поняв, что удача отвернулась от нападавших, отперли дверь, и к нам спустилось семеро очень злых на весь свет мужиков, присоединившись к нашему отряду. Им сильно хотелось реванша, и лично я вполне их понимал. Но сам уже не стал принимать участие в финале схватки. Хватит с меня на сегодня убийств и смертей.

Мы с Демпси остались охранять лестницу, вдыхать горький дым от пожара, что все еще пытался разгораться внизу, и слушать хаотичную, но быстро захлебнувшуюся перестрелку. Затем вновь завыла сирена, я выглянул в окно и увидел, что центральная секция Железного гиганта остановилась, так и не соединив берега Восточного и Старой Академии.

Мертвых было много. Куда больше, чем я думал. И среди тех, кто нападал, и среди тех, кто защищался, и среди обычных горожан. Их выносили из домов, собирали на улицах, переулках и площади, укладывали рядами на мостовой, прямо на снег, который мягкой периной накрыл всю Риерту.

Пожары догорали, появились наконец-то подоспевшие солдаты, все входы и выходы в район были перекрыты, и Фрэнк, наверное такой же уставший, как и я, предложил:

– Пойдем. Провожу тебя до постов.

На ходу он протянул мне латунный портсигар, но я мотнул головой, отказываясь.

– Давно бросил.

– А я вот не смог, – сказал он, с блаженством выпуская дым. – Пытался, сразу после окончания войны, но хрен чего вышло.

– Где воевал?

Сержант неловко хмыкнул и сказал, вполне возможно, то, что редко кому говорил:

– Я не воевал. В то время считал, что убийством людей ничего не решить. Да и был просто трусом.

Я приподнял брови, вспоминая, как пару часов назад он едва не решил

убийством человека одну свою проблему. Да и то, как он сражался дальше, не боясь лезть под пули, нельзя было назвать трусостью. Вот вам пример, как люди меняются со временем.

– Откровенно.

Он пожал плечами и посильнее затянулся папиросой.

– Когда, если не сегодня? Отличное время для откровений, не находишь?

Теперь настала моя очередь пожимать плечами:

– Возможно, ты и прав. Так что? Пошел в отказники?

– Да.

– Хм…

– Удивлен, что я жив? Это у вас в Королевстве таких расстреливали как дезертиров, а у нас людям находят куда более полезные занятия, чем гнить в земле.

Ну не всех расстреливали. Только самых дурных, тех, что агитировали остальных не записываться на войну добровольцами, бросать оружие и верить в миролюбие искиров. Ну… и еще тех, кому не повезло попасть под каток государственной карающей машины в качестве козла отпущения конечно же. Большинство отделывалось тюремными сроками.

– И какое же занятие было у тебя?

– Ишачил на платформах для добычи мотории и выплатил все долги обществу.

– А после записался в жандармы?

– Должен же кто-то защищать этот город от его же демонов. Не самая плохая работа для Риерты, скажу честно.

Тут он может ничего не рассказывать бывшему копперу.

Фрэнк вывел меня за оцепление, к каналу Шальных тоннелей. Водные трамваи уже не ходили, и до дома мне придется добираться на своих двоих через несколько районов, если только по пути не улыбнется удача в виде припозднившейся лодки.

– Я рад, что мы оказались на одной стороне сегодня, – сказал мне сержант на прощание и протянул руку. – И ты спас мою шкуру от поджаривания. Так что за мной должок. Будут проблемы, сообщи в Седьмой участок или Гарнизонную службу. Скажи, чтобы позвали сержанта Глиндре… Помогу чем смогу.

Он отправился назад, а я, глядя ему вслед, тоже радовался тому, что мы оказались на одной стороне.

Сегодня.

Глава пятая
НЕФРИТОВЫЙ ДЫМ

Словно устав обижаться на унылую осень, солнце наконец-то почтило Риерту своим вниманием, растопило выпавший ночью снег, но спустя несколько часов решило, что на этом его работа закончена, и скрылось за тучами. Город вновь стал мрачным и неуютным, как это бывает в подобный сезон. Чертова влажность, помноженная на холод, донимала даже меня, человека, пережившего «курортный» зимний сезон Компьерского леса.

Дом номер двенадцать на Четвертой линии Бурса заставил сбиться с шага и нахмуриться. Появилось подозрение, что либо Мюр ошиблась адресом, либо я его неправильно запомнил.

Я рассчитывал на кафе, гостиницу или вообще какой-нибудь галантерейный магазин, но это оказался особняк с серо-зелеными стенами, чей внешний фасад вырастал прямо из темной воды канала. Он был старым и неухоженным, с обвалившейся от влаги штукатуркой, похожий на человека, переболевшего оспой. Некогда прекрасный, сейчас дом выглядел заброшенным, но вместе с тем в нем все еще сохранялось величие прошлых времен. Парадные двери открывались напрямую в канал, по давней традиции Риерты, когда благородные предпочитали перемещаться исключительно на лодках, и сейчас вода от проходящих мимо катеров стучала в створки, которые, судя по их состоянию, не открывались несколько десятилетий.

Пришлось найти дверь, зажатую узкими стенами темного переулка, маленькую и неприметную, предназначенную для слуг. Признаться, я пребывал в сомнениях ровно до того момента, как появилась Мюр. Увидев меня, улыбнулась и отошла в сторону, пропуская внутрь. На ней была белая рубашка с кружевным воротником и длинная юбка в клетку, делавшая девушку гораздо старше, чем она есть.

– М-да, – сказал я, изучая полутемный холл зеленоватых оттенков, создававший впечатление, что мы находимся где-то на дне реки. Это особенно хорошо чувствовалось оттого, что казалось, вот-вот из влажных стен начнет сочиться вода. Жить здесь без капитального ремонта было решительно невозможно. – Я боялся, что ты проникла сюда без разрешения, но, судя по всему, хозяева давно забили на эту развалину.

Она откашлялась:

– Вообще-то хозяйка я.

– О. Ну… прими мои…

– Извинения? – усмехнулась Мюр.

– Еще чего! Соболезнования. Лет через пять он уйдет на дно вместе со всеми призраками, что спасаются от наводнения на чердаке.

Она мило фыркнула, поманила за собой на лестницу, начав быстро подниматься:

– Особняку почти триста лет. Он пережил и не такое наводнение.

– Наследство от доброй тетушки?

– Хотелось бы. Но такие, как я, не в почете у правительства Риерты. И это, – Мюр коснулась шрама на щеке, – отличное напоминание о том, что стоит быть осторожнее. Я купила его, как и еще несколько квартир в разных частях города. Очень удобно. И безопасно. Никогда не ночуй в одном и том же месте, и все такое…

– Выходит, ты богата.

– А вот это как раз наследство от доброй тетушки, – улыбнулась девушка, проведя меня в маленькую кухню, сделанную из комнаты. Здесь стояла электрическая плитка, на которой грелся чайник, и было гораздо теплее, чем в других помещениях. – И я его беззастенчиво трачу на глупости, как только достигла совершеннолетия и Вилли перестал распоряжаться моими деньгами. Что это у тебя?

Она показала на сверток, который я держал под мышкой. Я протянул его ей, сам подошел к окну, глядя через немытое стекло, как катер плывет по каналу. Довольно милый вид, только, конечно, не в такой сезон.

Мюр зашуршала бумагой, извлекла на свет картонную карнавальную маску. Такие сейчас по дешевке продаются на каждом шагу – длинный нос крючком, розовые щеки и дурацкая улыбка сумасшедшего. Сегодня ночью половина города будет выглядеть именно так.

– Как мило, что ты готов к веселью. – Мне показалось, что я услышал легкую иронию. – Но я не позволю, чтобы мой кавалер был столь неподобающе примитивен в обществе, которому предстоит нас лицезреть.

– У меня плохое предчувствие, – ничуть не кривя душой, предупредил я.

Ее улыбка выглядела загадочно, таинственно и насмешливо одновременно. Я подумал, что теперь легко различаю эмоции на лице, частично скованном параличом.

– Уверена, что тебе понравится.

В соседней комнате было темно и тускло, она щелкнула выключателем, и маленькая лампочка под потолком замерцала, даруя не так

уж и много света. Мюр протянула мне маску, лежавшую на столе.

Она была достаточно тяжелой и большой.

– Сталь?

– Да. В прошлые века благородным их лили из серебра. Очень удобно, в отличие от тканей и бумаги. Люди тогда были горячие и вспыльчивые, случались потасовки и дуэли, а металл отлично защищал лицо от порезов. Да и остальная часть костюмов включала в себя кольчугу или даже кирасу.

– Веселый праздник, как я посмотрю.

– Особенно для того, кто перебрал и упал с лодки в канал. У нас любят такие истории. Иногда даже кого-то вытаскивают со дна спустя двести лет.

Я повнимательнее рассмотрел маску. Мужское лицо, гладкое, с миндалевидным разрезом глаз, прямым ровным носом и полными губами, покрашенными золотой краской. Белая эмаль кожи, и слеза, точно рубиновая, застывшая на середине левой щеки, оставила после себя красную дорожку.

– Джек Мститель? – удивился я.

– А что? Тебе очень подходит. Он, говорят, был такой же высокий и рыжий.

– А еще этому мифическому персонажу фольклора Риерты приписывают вспышки ярости, каннибализм и дружбу с дьяволом.

– Джек Мститель, он как носорог. Спокойный, пока его не трогать. А потом – лучше спрятаться, ибо его не остановить, если разозлится. Ну прямо как ты. А что до грехов и пороков, ну… у всех есть свои слабости.

Я вздохнул, приложил маску к лицу:

– Ладно. Ради тебя буду хоть чертом.

– Ты выглядишь… пугающе для тех, кто верит в легенды. А уж вместе с маскарадным костюмом…

– Костюмом?! – эхом прогрохотал я, уже представив себя утонувшего в бесконечных складках бархата и кружевах, так популярных на карнавале Праздника Звезд.

Она указала пальчиком в дальний угол, и я придирчиво изучил туфли начала прошлого века с серебряными пряжками и бубенцами (последним бы позавидовала даже лошадь), алые гетры до колен, бархатные штаны и пурпурное тяжелое пальто до пят.

– Не молчи. – Мюр, кажется, подумала, что меня хватил удар. – Озвучь свое мнение.

– Шляпа отсутствует, – ровным тоном ответил я. – У Джека Мстителя ведь была черная шляпа с зеленым пером? А еще фонарь, чтобы в его свете разрывать могилы врагов.

– Фонарь – это пережиток прошлого, как и алебарда. А шляпа внизу, на вешалке. Просто я не хотела тебя шокировать сразу.

– От алебарды я бы сегодня точно не отказался, – проворчал я. – Ну, а ты? Кем будешь?

Она с таинственным видом подошла к шкафу и взяла с верхней полки (ей пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться) маску потрясающей работы. Черные круги под глазами, желтая эмаль «кожи» впалых щек, оскал темных, идеально ровных зубов, провал носа и рельефные, точно вырубленные топором скулы. А еще тяжелые волосы до плеч, свитые из серебряной проволоки. Надо полагать, что весила она не меньше рыцарского шлема.

– Ну конечно же сегодня я Невеста Джека.

– И его смерть, – добавил я. – Очень символично.

– Думаешь, стану твоей смертью?

– Скорее я твоей.

– Не слышу сожаления в твоем голосе. И печали, – поддела меня девушка.

– Старина Уолли говорит, что порой я слишком фаталистично отношусь к себе и окружающим. Ты ввязалась в мою историю, а я ввязался в твою, и для нас обоих это камень на шее во время заплыва через канал. А камни, дорогая Мюр, имеют такое свойство – утягивать на дно. Я несколько раз пытался тебя отговорить, убедить отойти в сторону от истории с Хенстриджем, но ты ответила мне решительным отказом. А значит, оцениваешь возможные последствия. Так что я предполагаю финал нашей истории, но не стану грустить до той поры, пока он не настанет.

– Не рано ли ты нас хоронишь?

– Я никого не хороню, Мюреол, потому что устал от этого за долгие годы. Слишком много людей вокруг меня отправились в могилы. Как хороших, так и плохих. Я просто держу в голове факт того, что все может пойти не так и закончиться в самую неожиданную минуту.

– В тебе говорит бывший коппер.

– Не отрицаю. Хервингемм не менее мрачное и опасное место, чем Риерта, и его дух проникает глубоко в кости. Я давно хотел спросить тебя…

Я не стал продолжать, и это привлекло ее внимание, страшная маска качнулась, когда девушка наклонила голову, и серебряные волосы мелодично зазвенели.

– Вопрос настолько сложный, что ты не решаешься его задать?

– Ты – Хлест?

В конце концов, надо проверять свои догадки. Насколько я прав, что

передо мной таинственный бунтовщик, в прошлые годы доставлявший головную боль всей тайной полиции Риерты, за которого было назначено вознаграждение в пять тысяч цинтур?

Теперь лик Невесты Джека качнулся в другую сторону.

– С чего ты так решил?

Я не видел ее лица, не мог прочитать по нему, как она восприняла мое предположение.

– После того как мы сходили в «Сладкое королевство», по городу разбросали листовки с правдой о плакальщиках и о том, для чего правительству Риерты нужны контаги. Текст писал Хлест. Ведь в вашем доме на болотах есть типографский станок?

Она вздохнула, наконец-то сняла маску и аккуратно положила ее обратно на полку шкафа:

– Все мы немного Хлест, Итан.

– «Мы»?

– Те, кто пытается бороться с правительством нынешнего дукса.

– То есть ты и Вилли. Ты же не говоришь о сотнях недовольных, о которых ничего не знаешь?

Мюр промолчала, но я продолжил спрашивать:

– А реальный человек? Тот, кто действительно называет себя Хлестом? Что он думает о том, как вы пользуетесь его именем?

– Хлест больше уже ничего не думает. – Ее голос немного сел, и было видно, что эта тема ее сильно тяготит. – Он мертв.

– Значит, слухи, что он не выбрался из Ветродуя после трехдневных боев за район, не врали?

– К сожалению.

– Говорят, у вас был реальный шанс сместить власть в те дни.

– Он потерян.

– Ты была там же?

Засвистел оставленный на плитке чайник, и Мюр поспешила на кухню. Сняла его с огня, залила кипятком заварку.

– Нет. К сожалению. Или к счастью, как говорит Вилли. У Хлеста была большая группа, несколько сотен человек. Настоящая армия людей, готовых идти за ним хоть в ад. А после того сражения осталось всего два десятка. Считай, что ничего.

– И Вилли пришлось собирать эти обломки.

Я не спрашивал. Утверждал. Она взглянула на меня исподлобья.

– Откуда? – Вееголосе появилась неуверенность.

– Знаю? Не знал до того момента, как ты сказала, что не Хлест. Но… у

меня есть интуиция и кое-какой опыт. Я занимаюсь тем, что нахожу людей. Половина моей работы – разговоры с информаторами и свидетелями, а другая половина – догадки и попадание пальцем в небо. По Вилли видно, что он человек, который владел замком, но теперь от крепости остались лишь руины.

– Вилли помогал Хлесту и был его правой рукой. И ты прав… остались одни обломки, и мы никак не можем их собрать.

Я хотел спросить еще кое-что, но она мотнула головой:

– Пожалуйста. Я не хочу вспоминать.

– Хорошо. Не будем о Хлесте. Просто поговорим о листовках. – Я налил чаю себе, затем ей. – Они оказались бесполезны. Ни одна газета не подхватила это, а большая часть горожан считает выдумкой.

Девушка осторожно отхлебнула горячего напитка:

– Если людей уже не волнует, что на самом деле в плакальщиках мало человеческого, а контаги используются для очищения мотории, которая их же и порождает… то эти люди… – Мюр вздохнула. – Иногда я думаю, что ради них не стоит бороться, Итан. Рисковать жизнью и друзьями. Ведь таким плевать на страдания кого-то другого, и они не думают, что боль и смерть рано или поздно постучатся и в их дверь. Руки просто опускаются.

– Но?..

– Но я делаю то, что считаю правильным. Пока могу.

– Беда многих в том, что они считают правильными совершенно неправильные вещи. Слышала ведь, что вчера произошло возле Железного гиганта?

Мюр скривила рожицу, насколько ей позволяла левая половина лица.

– Идиоты. Ты не поверишь, но окажись я вчера там, то поддержала бы жандармов.

Отчего же не поверю?

Очень даже поверю.

– Можно сколько угодно ненавидеть дукса и его шайку, но впустить в город людоедов, подвергнуть риску население… По таким вот недоумкам начинают судить о всех, кто не согласен с правительством.

– Судя по утренним газетам, этих недоумков оказалось довольно много, и они устроили там настоящий ад, прежде чем власти успели опомниться.

– СОРВ. Студенческое общество равных возможностей. Они фанатики, и за десять лет их набралось несколько сотен, в том числе и людей, крайне далеких от Академии. Они страшные радикалы, не желающие считаться с любым мнением, отличным от их… – девушка

помедлила, подбирая подходящее слово. – Религии. Тайная полиция шесть лет назад выявила всех, кого могла, но корни уцелели и дали новые всходы. СОРВ используют любые методы, даже самые грязные, и не считаются с другими. Им плевать и на профсоюзы, на бандитов, власть и остальных революционеров.

– Так чего они хотят?

– Хаоса. Я серьезно. – Она увидела мое сомнение. – Был в прошлом веке профессор из Ордена Марка, создавший философскую доктрину, что через хаос можно обновить и построить государство. Идея глупая, но, как и любая другая идея, она нашла нужную почву и дала ядовитые всходы. Впустить сотни контаги в город с миллионным населением показалось им хорошей идеей. Хаоса от такого хоть отбавляй.

– То есть люди не в состоянии логически просчитать последствия своих действий? Что, скорее всего, им помешают, и добьются они лишь облав и скорого утопления в Совином канале?

Девушка отставила почти нетронутую чашку с чаем, сказав веско:

– Большинство людей не утруждают себя мыслями о последствиях. Они просто делают то, что им приходит в голову, следуя за порывом, а не за разумом. Власть не оставит без внимания вчерашнее. И, несмотря на объявленную амнистию, теперь всех, кого сочтут опасными, с кем нельзя договориться, ждут суровые времена.

– В том числе и вас?

– Нет. С нами все будет в порядке. Вилли приказал всем нашим уйти в подполье и сидеть тихо. Да и мы, если честно, не можем теперь ничего сделать, после того как потеряли Хлеста и большинство людей, которые нас поддерживали.

– А убийство чиновников и взрывы бомб?

– Надеюсь, ты шутишь, – мрачно сказала Мюр. – Мы не террористы, Итан. Во всяком случае, я очень хочу так считать.

Я не стал продолжать, в молчании допил чай, пока она что-то черкала в маленьком блокноте.

– Я поговорила с Вилли о работах Хенстриджа. Он не знает, откуда Брайс узнал о Кражовски.

Я кивнул. Было бы странно, если бы старый вояка подтвердил: это я рассказал все любимому ученому дукса. Впрочем, изначально я не верил в теорию, что наставник Мюр в этом как-то замешан. Всего лишь ненадежная версия в целом скопе непроверенных предположений.

– Насколько близко ты знакома с Кражовски?

– Мы виделись несколько раз.

– Но можешь про него что-то рассказать?

Девушка задумчиво заложила страницу блокнота пальцем, вздохнула, собираясь с мыслями:

– У него была своя группа, и он присоединился к Хлесту во время неудавшегося переворота. Я с ним почти не общалась, когда Кражовски приезжал к Вилли. Чаще всего встречала его у Хенстриджа. Он ассистировал ему, помогал в экспериментах. Но… – Мюр развела руками. – Понимаешь, Кражовски из тех людей, которые не славятся красноречием.

– Помогал старику в экспериментах, значит?

– У него степень магистра по электродинамике. Он окончил Академию, был на курсе ученика Баллантайна, но долго не проработал. Кражовски выперли из науки за взгляды, не соответствующие политике государства, и открытый конфликт с Брайсом. Так что Хенстридж взял его в помощники.

– Но и ты ему помогала. Ведь так?

Мюр негромко рассмеялась и сказала, веселясь:

– Мне льстит, что ты считаешь, будто моя помощь в науке могла понадобиться одному из гениальнейших ученых в мировой истории. Вся моя работа сводилась к нахождению нужных страниц в книгах, завариванию чая и поливанию монстеры в его кабинете. «Вклад» в науку от благодарной ученицы старому больному учителю. Хенстридж знаком с моей семьей, и, когда я была маленькой, отец попросил его помочь мне с математикой и физикой. Даже странно, что он сошелся с Кражовски – они совсем разные. Двух более непохожих друг на друга людей я еще не встречала.

– Власть старикана не преследовала?

– Хенстридж никогда не выступал против нее публично. Он просто отошел в сторону, продав акции «Мотории Риерты» и отдав Брайсу всю полноту власти над фабрикой. Думаю, Брайс был именно тем человеком, который попросил дукса не трогать бывшего друга и коллегу.

– До поры до времени. Его все-таки убрали, стоило ему уехать в Королевство.

– Это логичное решение, если абстрагироваться от эмоций и моих привязанностей к нему. Все договоренности сразу же закончились, после того как старик собрался передать разработки искирам.

– По счастью, он не успел, из-за Кражовски, который их и украл. Это пошло на пользу Риерте.

Она подняла палец вверх:

– Но это не означает, что Кражовски работает на тайную полицию или

на Брайса.

– Знаю. Знаю, – без энтузиазма в голосе сказал я. – Это пока что домыслы. Поэтому и собираю о нем информацию где только можно.

– И много узнал?

Настала моя очередь развести руками:

– Собственной квартиры у него не было. Два года снимал комнату в районе Светляков, но приходил туда не всегда. Особенно в последнее время, когда его объявили в розыск за связи с «революционными элементами», – я процитировал один из старых плакатов с изображением разыскиваемого ученого. – Зарабатывал на жизнь частными уроками. Преподавал химию, физику, математику. Воевал, судя по моим сведениям, что удивительно.

– Почему удивительно? – поинтересовалась Мюр.

– Обычно людям, полезным для государства, предоставляется бронь. Ученые – это не тот материал, который следует отправлять на убой. Но Кражовски ушел на фронт и оттрубил «от и до» пулеметчиком на дирижабле Союза. Семья у него погибла от кровавой капели, в первую, послевоенную эпидемию. Была женщина, в последние пять лет с которой он сходился периодически, но она пропала в то же время, когда его арестовали. Возможно, скрылась или же также была заключена в тюрьму. Я узнал ее место работы, нашел родственников, но эта нитка ни к чему не ведет. Также у Кражовски есть младшая сестра, но разговор с ней тоже ничего не дал. Она знать ничего о нем не хочет и просит не связывать ее с братцем.

– Ты и сестру нашел? – с некоторым восхищением произнесла Мюр. – Янезнала, что у него кто-то есть в Риерте.

– Ну, я не зря потратил тот месяц, что мы с тобой не виделись, – скромно произнес я.

– Бывший коппер вышел на работу, – девушка прищурилась. – А что ты успел разузнать про меня?

– Ничего, – солгал я.

Где-то в глубине дома часы пробили девять, и Мюреол, словно очнувшись, повела плечами, сказав:

– Праздник начинается. Нам пора.

– Постой! Постой! – Я встал у нее на пути, перекрыв выход. – Давай без сюрпризов, пожалуйста. Куда мы едем с таким маскарадом? Наши наряды слишком хороши для обычных пабов.

– Разумеется, к аристократам. Ну не хмурься. Тебе будет чем себя развлечь.

Мюр наняла моторный катер, с настоящим салоном и электричеством. Здесь был диван из кожи вкуса свеклы и…

Я поморщился. Угу. «Вкуса свеклы». Итан Шелби вновь стал самим собой и цвета превратились во вкус. Я быстро осмотрел помещение – совершенно инстинктивная привычка, которая у меня появилась какое-то количество лет назад, но никакого намека на тень не было.

Пока не было.

Эм… На чем я там остановился? Диван из кожи вкуса свеклы, дубовый пол, хрусталь и серебряное ведерко с бутылкой дорогого шампанского. Здесь же была печка, питавшаяся напрямую от бака с моторией, и нити накаливания дарили такое тепло, что мы с девчонкой сняли наши пальто, повесив их на вешалку у входа. Вообще, по внутреннему дизайну каюта напоминала дорогой публичный дом (поверьте, за время работы полицейским в Хервингемме я мог попасть в места, в которые меня никогда бы не допустили без мундира, хотя бы потому, что некоторые цены могли себе позволить лишь очень богатые люди). Слишком много бархата, кожи, хрусталя и золота на мой вкус. Но многим должно такое нравиться. И если у нас в Королевстве раньше, чтобы доехать на мероприятие с комфортом, заказывали кареты, а потом мобили, то в городе на воде существовала целая служба, предоставляющая внаем дорогие лодки. Чтобы ты раз и навсегда почувствовал себя королем.

Внутри мы были вдвоем, наш капитан, человек с крайне хорошими манерами, облаченный в одежду из магазинов линий Бурса, находился в отдельной рубке и для связи с ним тут предусмотрели телефон.

Катер плыл по озеру Матрэ на север, оставляя Риерту позади, и она подмигивала мне тысячами ярких бусин электричества. Фабрики Стальной Хватки, темная проплешина Прыщей, тусклый фрагмент Горохового Супа, мерцающие поля Метели с ее подсвеченными посадочными мачтами для дирижаблей, и поднимающееся над этими районами зарево от южных богатых островов вроде Бурса, Холма, Академии или Земли Славных, где электричество провели на каждую улицу и почти в каждый дом.

Зрелище нового века. Не скрою, красивое. Раньше с наступлением ночи города погружались во мрак, освещаясь лишь живым огнем и газовыми фонарями. Для большинства жителей они умирали до следующего утра, и во тьме, озаряемые редкими бликами огней, рыскали лишь крысы, шакалы, волки да акулы в человеческом обличье. Теперь же «свет вечный», созданный благодаря мотории, за несколько десятилетий изменил все, что казалось незыблемым тысячи лет. Появилось больше свободы, возможностей жизни и работы. Теперь многие из нас могли

трудиться даже в темное время суток, не завися от капризов ночи. Этим пользовались те же самые фабриканты и…

– О чем ты думаешь? – Мюр вернула меня в реальность.

Я еще раз посмотрел на удаляющуюся Риерту:

– Так. Всякие глупости о том, что прогресс засунул нас в пушку и пульнул куда-то в сторону лун… Мы плывем по твоим делам?

– В смысле связанным с моей… политической позицией? Нет. Не думай, что я собираюсь втянуть тебя во что-то противозаконное. Я не преследую личных целей. Просто решила хорошо провести время в приятной компании.

– Мюр, – вкрадчиво произнес я, – на тот случай, если ты не помнишь – на жизнь я зарабатываю розыском людей, а до этого был полицейским. И благодаря долгой практике довольно часто понимаю, когда мне врут. Если нас ждут неприятности, то не лучше ли мне быть к ним готовым?

Она качнула ногой, и серебряные бубенцы на ее ботинках печально звякнули.

– Ну хорошо. У меня есть причина там появиться. Вечеринка состоится на вилле у Эшли Дайсона.

– В первый раз слышу.

– Дайсон из парвеню…[16]

– Не забывай, что не все знают язык Республики, как ты.

– Нувориш, – пояснила девушка. – Из простых, но цепкий малый. Когда надо угодливый, а когда надо жесткий и беспринципный. Человек нового поколения и новой формации, он сколотил свое состояние на поставках оборудования для платформ добычи мотории. Постепенно подмял под себя весь сегмент рынка, заключил контракты с «Моторией Риерты», считай правительством, купил акций, как говорят, с благословения Брайса.

– Уже интересно.

– Господин Дайсон отличается удивительной избирательной слепотой, он много лет «не замечал», что его жена являлась любовницей великого ученого мужа, который способствовал росту благосостояния промышленника. Так сказать, щедрая плата инвалиду зрения.

– Ты сегодня ядовита в своей иронии.

– Это не ирония. В высшем свете Риерты обожают сплетни, а их преподносят именно в таком тоне. Так что я следую негласным правилам, дабы не выделяться в приличном обществе.

– Ну хорошо. Она любовница Брайса…

Мюр качнула ногой чуть сильнее, и бубенчики попросили меня

замолчать:

– Поправочка. Являлась любовницей. Была. В прошедшем времени. Два года назад светило науки охладел к Диане Дайсон и завел себе новую спутницу – певичку из Оперы дукса. Тебе надо поговорить с Брайсом. Мне нужны исследования касательно плакальщиков, и она может нам помочь.

Я сложил пальцы домиком, и спутница, видя мое сомнение, вздохнула:

– Что не так? Куда тебя завели твои размышления?

– Понимаю, что тороплю события и ты не закончила свою захватывающую историю, – осторожно заметил я. – Но даже если ее бросили, даже если она зла на него… Да что там зла, ненавидит и хочет досадить, то с чего бы ей это рассказывать нам?

– Ты во всем прав. Она не обязана помогать незнакомцам.

– Но… – Я чувствовал недосказанность.

– У меня есть на нее рычаги влияния.

– Если речь идет о шантаже, то это очень рискованная затея. Люди не всегда реагируют на угрозы так, как задумано. Ты это учитываешь?

– Сразу шантаж…

– Ну именно подобным образом я перевел для себя «рычаги влияния».

– Это не так. Моя семья когда-то оказала ее семье услугу, и я намереваюсь потребовать долг. – Заметив, что я скептично отнесся к ее словам, девушка добавила: – Знаю все твои контраргументы. Что старые долги в моде не возвращать, что меня пинком спустят с лестницы или сразу сдадут жандармам, но есть в обществе Риерты некоторые вещи, которые не принято нарушать.

– Ты, кажется, живешь по правилам прошлых веков.

Мюр вздохнула, понимая, что мои сомнения не развеять:

– Я уверена, что смогу с ней договориться.

– Дочь греха, – сказал я, и она вздрогнула. – Так тебя назвал плакальщик, который оставил шрам на твоем лице. Они искали тебя, знали о твоем существовании и…

– И что? – перебила меня девушка. – Думаешь, до сих пор ищут?

– Не думаю. Знаю. Не рискованно ли тебе появляться рядом с той, кто помнит твою семью, и не приведет ли это новых плакальщиков?

– Я сильно изменилась с тех пор. Плюс у меня маска. Плюс я давно уже другая… Итан, пожалуйста. Просто доверься мне.

– Как скажешь, – ответил я ей. – У меня с собой пять обойм для «Стука», так что я готов к этой ночи. Пойду подышу воздухом, здесь довольно жарко.

– Ты ведь так и не спросил меня, при каких обстоятельствах я

встретилась с тем плакальщиком и почему они меня ищут.

– Не спросил, – подтвердил я, чуть улыбаясь. – Ты готова рассказать?

Мюр отвела взгляд:

– Наверное, сейчас не то время и место, где стоит начинать такой разговор.

– Ну, значит, в другой раз, – мягко согласился я, распахивая дверь каюты.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что ты не любопытен и не допекаешь меня сотней вопросов.

Надо было бы ей сказать, что я порой очень любопытен и часто нахожу ответы гораздо раньше, чем мне их хотят сказать, но… мы строим наши жизни из крепостей секретов, и зачем разрушать эти стены у тех, к кому ты хорошо относишься?

Озеро Матрэ, широкое и безбрежное, так похожее на продолжение моря рядом с Риертой, на севере сильно менялось. Справа и слева появлялась суша, которая спустя какое-то время начинала подниматься вверх, к небесам, превращаясь в горы.

По берегам, почти до Княжества Йевен, были раскиданы виллы и поместья знати, деревушки, а также многочисленные городки. У каждого было свое название, но для тех, кто здесь жил спокон веков, все это являлось Риертой, пускай и далекой от Холма и Ветродуя. Маленькие сателлиты огромного мегаполиса, словно редкие звезды на окраине ночного неба, мерцали мне из мрака, появляясь и исчезая.

Была на удивление безветренная погода, вода – точно гладкий лед, шипела под килем, в унисон с работающим двигателем. За кормой небо расцвечивалось вкусами сахарной ваты, клубничного мороженого и лимонных долек в мятном сиропе. Салюты гремели над далекой столицей, волнуя ночь. Праздник Звезд был в самом разгаре.

Кроме нас на озере конечно же были и другие лодки. Я заметил, что наш курс совпадает с некоторыми из них, восточный берег становился все ближе и ближе. Мюр вышла на холод с двумя масками, встала рядом.

– Мы приглашены? – Этот вопрос почему-то пришел мне в голову только сейчас.

Очень «своевременно».

Она расстегнула пуговицу на манжете, вытащила из рукава две узкие картонки, но свет был тусклым и неровным, так что я не смог рассмотреть детали оттенков вкуса, разве что отметил про себя качественную печать.

– Здорово. Расскажешь, как их получила?

– Твое недоверие меня ранит. – Хотя по ее тону было понятно, что скорее ее забавляет мое желание знать каждую мелочь. – Считаешь, я их украла? Или ограбила каких-нибудь несчастных простофиль?

– Зачем такие сложности, когда в домике на болотах есть печатный станок.

– Об этом я не подумала, – серьезно сказала Мюр. – Черт! Где ты был раньше? Можно было бы сэкономить целую кучу цинтур, а не покупать приглашение на благотворительном аукционе. Впрочем, вариант официального пропуска куда безопаснее и не вызывает подозрений.

– Очень разумно, – одобрил я ее мотивацию, стараясь говорить без иронии, которая, должно быть, рвалась из меня, как свободолюбивая птица из клетки на волю. – В чем заключается моя задача?

– Надеюсь, твоя помощь мне не понадобится. С Дианой мне все равно придется говорить в одиночку, а ты можешь посидеть в баре или в каком-нибудь зале. Когда придет время, я найду тебя.

Звучал ее план крайне сомнительно.

– Я решила, что тебе будет на пользу развеяться. А если запахнет жареным, твой опыт окажется очень кстати.

– Да. Но я буду где-то, и тебе надо будет меня «найти». Крайне ненадежная система, как ты понимаешь.

– Я быстро перемещаюсь в пространстве. Меня не поймают.

Любой попадается. Но что я буду брюзжать ей на ухо?

– Это дом Дайсона?

Впереди, на отрогах горы, сияло электрическим светом огромное поместье, территория которого каскадами уходила вверх.

– Да.

– Целый замок. Леса в округе тоже принадлежат ему?

– Конечно.

– Ты там бывала?

– Однажды. Поместью больше двухсот лет, но Дайсон его сильно реорганизовал. С появлением мотории они отгрохали электростанцию, посадочную полосу для личного аэроплана, бассейны с подогревом, в которых можно плавать на яхте, собственную фотомастерскую, и, говорят, через год он отстроит кинозал для своих гостей. Второй в Риерте. Кино нынче модная тема.

Мы надели маски. Электрические фонари были погашены, везде горели жаровни, дававшие свет неровный и слабый, отчего люди казались таинственными и неведомыми существами из другого мира. Лакеи, встречающие гостей, щеголяли в теплых ливреях вкуса раннего

недозревшего винограда, скрывая лица под собачьими полумасками.

Охранники в длинных плащах вкуса пепла и мундирах, копирующих парадную форму старой гвардии дукса, встретили нас, когда катер пришвартовался. Шесть человек, шоковые дубинки на поясе и тяжелые самозарядные пистолеты. У одного из них в руках был разрядник – современная массивная штука, чем-то похожая на арбалет, с той лишь разницей, что стреляла она не болтами, а смертельными молниями.

Слуга подошел к нам, освещая пространство потрескивающим на ветру факелом, с поклоном попросил следовать за ним, повел с пристани на берег. Здесь располагался павильон, состоящий лишь из стекла и металлической проволоки. Снаружи он казался пульсирующим сердцем гиганта – из-за огня, горящего внутри. Лакеи распахнули перед нами покрытые искусственным инеем двери.

Огонь бушевал в огромной железной чаше, нагревая ледяной воздух. На единственном столе – небольшом, из хрусталя – находился беспроводной телеграф и телефон.

К нам навстречу шагнула женщина-распорядитель, скрывавшая лицо под маской гончей:

– Могу ли я увидеть ваши пригласительные? Чудесно. Мисс Бэрд, мистер Хеллмонк, позвольте от лица господина и госпожи Дайсон поприветствовать вас в Инносенс-холл, некогда летней резиденции правящей династии Риерты. Празднование продлится до самого рассвета, и для вас подготовлено множество развлечений, угощений, а также грандиозный фейерверк, который состоится в два часа ночи и его можно будет посмотреть с любой из двенадцати веранд, зимнего сада, парка, бассейнов или из любого окна, выходящего на западную сторону. Вы желаете прогуляться до особняка или возьмете мобиль?

– Возьмем мобиль, – тут же ответила Мюр.

– С водителем или предпочитаете отправиться в путь без сопровождения?

– Второе. Мы не заблудимся.

– Очень хорошо. Мобиль будет через две минуты. Чудесного вам праздника. – Женщина сняла слуховую трубку с аппарата, а охранники распахнули перед нами двери.

– На всякий случай, – сказал я, когда мы оказались на улице, рядом с заснеженной дорогой. – Я не умею водить эти чертовы самоходные повозки. В Королевстве они до сих пор довольно редки.

– Зато я умею. – Голос у нее из-за маски казался непривычным и чуть ниже, чем всегда.

Мобиль, сияя тремя фарами, установленными над кабиной, появился из-за поворота. Лакированные борта, крыша, высокая посадка, две маленькие низкие дверцы. Водитель придержал одну для Мюр, я забрался самостоятельно, используя подножку. Внутри приборы сияли тусклым ежевичным вкусом, светом перерабатывающейся в двигателе мотории.

Девушка дернула один рычаг, затем другой, раздался знакомый свист, и машина медленно покатилась по широкой темной дороге, въехав в большой парк.

– Где ты научилась? – спросил я.

– Вилли дал несколько уроков. Полезный навык, ведь мобилей с каждым годом становится все больше. Здесь главное чувствовать обороты двигателя и контролировать подачу топлива, чтобы он не выгорел. – Она навалилась на торчащую из пола рукоятку с круглым набалдашником, что есть сил потянула ее от себя, так что под днищем раздался скрип, а затем мягкий удар, и машина поехала быстрее.

– А что будут делать другие гости? Те, кто приехал за нами? Как добираться?

– Возьмут другой.

– Сколько же у Дайсона мобилей?!

– Говорят, штук сорок. Да, Итан. Я знаю, что это целое состояние, но у тех, кто владеет акциями «Мотории Риерты», цинтур хватит на десять жизней. В моей стране кто-то дурно богат, а кто-то преступно беден. На автопарк Дайсона можно было бы застроить квартал Трущоб новыми домами, а не теми развалюхами, что тонут каждую осень.

И вновь рычаг, и вновь свист мотории, теперь еще более тонкий, отчего машина пошла быстрее, разогнавшись на темной аллее, серпантином поднимающейся в гору.

Слепя фарами, навстречу нам прокатила другая колымага, но Мюр даже не сбросила скорость, лишь подвернула штурвал, отпрянув к левому краю, и я уперся ногами в пол, думая, что при столь лихой езде мы легко слетим в пропасть.

– У хозяина довольно много опытной охраны.

– Это так. Уже знакомые тебе СОРВ подписали Дайсону смертный приговор за угнетение студенчества и еще чего-то там. Так что его защищает маленькая армия.

– И в то же время нас и не думали обыскивать.

– Мы гости. Но есть шанс, что попросят сдать пистолеты на входе.

– И как же я тебе смогу помочь, если начнется заваруха? Маска смерти повернулась ко мне, и в темном провале глаз я прочел ответ. У меня есть

оружие. Мое пламя.

– Ясно. Ты все отлично продумала.

– Злишься?

– Ничуть.

Впереди, за деревьями, мелькнул электрический свет, и мы вышли на последний поворот серпантина.

– Хочешь, я научу тебя водить мобиль?

– Спасибо. Как только найдешь свободную машину, я сразу же готов сесть за эти рычаги и педали.

– У Вилли есть. Большую часть времени пылится на складе в Метели.

– Полковник меня не особо жалует.

– После переворота он сильно изменился. Новый дукс уничтожил его семью, и с тех пор Вилли мало кому доверяет.

– Они с дуксом вместе служили?

– Вроде того. – Она убрала ногу с педали, и машина пошла накатом, вырулив на широкую площадку перед домом. Хотя мне немного странно называть так самый настоящий, утопающий в электрическом свете дворец.

Мы остановились перед воротами, где находилось еще несколько мобилей с работающими двигателями и слуги садились в кабины, чтобы отогнать их обратно вниз, к озеру, для новых гостей.

В воротах была небольшая очередь вновь прибывших, всех проверяли по спискам, еще раз смотрели билеты и просили пройти через странную рамку, соединенную с проводами, уходящими куда-то в сад.

После того как я сдал пистолет и получил номерок, точно за пальто в гардеробе театра, мы пошли, звеня бубенцами на обуви, к высокой лестнице возле входа и распахнутым настежь дверям. Девушка, легко касаясь моей руки, держала спину прямой, словно принцесса, приехавшая на собственный бал.

Джек и его Смерть прибыли веселиться.

Внутри нас никто не встречал, ни о чем не спрашивал и никуда не вел. Гости в маскарадных костюмах были предоставлены сами себе и находили развлечение по нраву самостоятельно. Мы переходили из зала в зал, смешавшись с яркой толпой, окутанные ароматами духов и волнами музыки, гомоном голосов, смехом и криками.

Было так ярко от вкусов, что мой мозг захлебывался от этих невероятных сочетаний, точно я оказался в какой-то галлюцинации. Я отдался на волю Мюр и плыл за ней как по течению, мимо столов с едой и напитками, игральных комнат, скрипичных квартетов, нескольких баров и просторной галереи, где давала представление труппа цирковых артистов

из Республики.

В зале, так похожем на шахматную доску, шли танцы и бесновался целый негритянский квинтет, наяривая на банджо, трубах, барабане и каких-то трещотках. Квикстеп и фокстрот здесь чередовались с чем-то странным, модным, пришедшим к нам из-за океана совсем недавно. Люди вертелись в безумном танце под рев духовых, по звуку напоминающих трубные вопли слоновьего стада. В этом было что-то от дикарей, от приматов, если угодно, но в то же время выглядело оно завораживающе и ничуть не отвратительно. К тому же все в зале искрилось от драгоценностей и блесток на костюмах, отражающих яркий электрический свет.

Словно ты оказался в эпицентре разрыва зарядов салюта.

– Нравится прерия?! – чтобы спросить и перекричать музыку, Мюр пришлось заставить меня склонить голову, и ее маска практически ткнулась в мою.

– Так называется танец?! Как город в Конфедерации?!

– Да! Там его придумали!

Говорить здесь было решительно невозможно, и она толкнула большие раздвижные двери, выведя меня на широкую веранду, где бил фонтан из настоящего шампанского.

Довольно большая и порядком пьяная компания развлекалась стрельбой из лука, то и дело зачерпывая из фонтана.

Лук оказался серьезным чудовищем, а большая мишень стояла далеко, на склоне, подсвеченная двумя фонарями. Так что попадали по ней не всегда. Чаще стрелы шелестящими змеями улетали в сторону деревьев или вообще в ночное небо, под смех зрителей. Одним из тех, кто следил за состязанием, был парень в костюме плакальщика. Надо сказать, выглядел он очень похоже, разница была лишь в том, что этого окружающие не боялись и он стоял с бокалом игристого вина, то и дело получая дружеские похлопывания по плечам от тех, кто оценил костюм.

Мюр, увидев его, вздрогнула и едва не споткнулась, но я поддержал ее под руку.

– Кретин, – буркнула она.

– Тебе нравятся такие танцы? – спросил я, чтобы отвлечь ее от неприятных воспоминаний.

– Прерия? Да. Я вообще люблю танцевать. А ты, как я понимаю, не очень.

– Отчего же? Ценю веселье не меньше, чем ты, хотя по мне этого не скажешь. Вот только современных модных веяний не понимаю. На нашей

улице, в пабах, любят джигу, рил и хорнпайп.

– Пляски Клеверного графства? Ты танцуешь рил?! – Она откинула голову назад и рассмеялась весело и беззаботно.

– Танцы простонародья очень популярны у… простонародья. В Королевстве любят веселиться не меньше вашего, особенно если из кранов льется эль и поют скрипки. А рил – лучшее, что можно плясать на столах.

– И на кладбище. У вас же на севере обожают пляски на могилах в сочельник!

– Люди всегда пляшут на чьих-нибудь могилах. Мы хотя бы находим для этого веселый повод и не вредим памяти мертвецов.

– Разве мертвецам не все равно? – спросила Смерть, глядя мне в глаза.

Довольно забавный разговор между двумя существами из мрачных мифов Риерты, которых мы с ней символизировали.

– Мертвецы лишь эхо для живых, Мюр. Но они не исчезают бесследно для тех, кто их помнит. Живым не все равно, а это самое главное.

– Пока они тоже не станут мертвецами.

– И тогда их тоже будут вспоминать те, кто пока еще жив, – парировал я. – Мы все надеемся на то, что нас будут помнить после смерти, не так ли?

– А кто будет помнить тебя, Итан?

– Люди, которым я помог. Те, кого похитили, а я нашел. И их семьи. Надеюсь на это, хотя человеческая благодарность вещь довольно ненадежная. Мои солдаты из отряда. Те, кто еще жив. Ну и ты тоже меня будешь помнить.

Она помедлила, и я жалел, что не вижу ее лица из-за маски.

– Буду, – не стала отрицать девушка. – А ты меня?

Я надеялся, что она переживет старину Шелби, судя по тому, сколь близка моя связь с тенью, но кивнул.

– Значит, договорились. – Мюр протянула мне руку для шутливого рукопожатия. – А теперь я отойду на час.

Ее взгляд обратился к лестнице, ведущей на третий этаж. Перед подъемом стояла охрана, и наверх тек крайне редкий ручеек гостей.

Избранных гостей.

– Святая святых праздника? – усмехнулся я. – Вход для сливок общества?

– Ближний круг, голубая кровь, богатеи, члены правительства, известные личности и артисты. Ну и те, кто купил билеты за кучу денег на благотворительном аукционе.

– То есть мы с тобой?

– Я.

Было видно, что она не хочет меня брать, и, чтобы как-то оправдаться, девушка сказала:

– Там будет женский разговор, порхание мотыльков вокруг опасного огонька, и не стоит вмешивать в него носорога.

– Я не смогу тебе помочь, – еще раз напомнил я ей.

– Значит, доберусь до тебя, чтобы получить эту помощь. В одиночку я двигаюсь быстрее, чем с тобой.

Все так. Она сможет быстро переместиться благодаря своему ингениуму, я же после таких совместных прыжков ощущаю себя, словно с разгону ударился об стену.

– Если ты не вернешься через час?

– Подожди еще час. А затем уходи.

– Вот так просто оставить тебя здесь? За кого ты меня принимаешь?

– За здравомыслящего человека, который не будет связываться с охраной, а придумает способ меня найти. Ведь ты же этим зарабатываешь на хлеб?

Угу. Как я уже «нашел» Кражовски и прибор Хенстриджа. Ее вера в мой опыт была куда более крепкой, чем моя.

– Тактическое отступление, Итан, куда лучше атаки в лоб. Но я еще раз повторю – мне ничего не грозит. С госпожой Дайсон нас связывает слишком многое, пускай и прошли годы. Так что? Я могу рассчитывать на твою осмотрительность?

– Можешь, – вздохнул я.

Она с величественным достоинством направилась к лестнице. Смерть пришла на карнавал и всем своим видом показывала, что никто не смеет ее остановить.

А мне оставалось лишь смотреть, как она уходит, и жалеть, что я не могу взять ее в охапку, связать и увезти подальше от тех глупостей, которые Мюр задумала.

В том числе и ради меня.

В маске было не слишком комфортно – видимость так себе, да и жарко. Но я стоически терпел неудобство ради «праздника», убивая время наблюдением за тем, как господа, один в костюме барана, а другой в парадном наряде давно не существующего короля Республики, играют в снукер[17].

Вместе со мной за игрой следили еще человек двадцать. Орлы, вепри, негритянские царьки, призраки, ожившие мертвецы, фольклорные персонажи и менестрели с драконами. Из-за плафонов низко висящих люстр вкуса ранней мяты свет, разлитый по бильярдной, делал всех

присутствующих существ фантасмагоричными видениями из кошмаров Кроуфорда. Сигаретный дым, витавший здесь, такой густой и едкий, несмотря на дорогой табак, лишь добавлял происходящему ощущение нереальности. Чтобы он не скапливался до катастрофических последствий (когда шаров на столе было бы уже не видно), лакеи распахнули окна, и в комнату с неспешностью сонного змея вползал холодный воздух улицы.

Обсуждали конечно же вчерашнее.

– Думали, с принятием новых законов обстановка разрядится, – говорил мужчина в маске бородатого вепря.

– Всегда найдутся недовольные, сэр, – ответствовал ему Баран, который вышел на серию[18]. – Это в человеческой природе.

Довольно заметное «сэр». Сразу можно сказать, что этот из военных, и Королевство у него в крови, как у бультерьера королевы Элис. Или… как у меня. Это уж кому какое сравнение нравится.

Его соперник, проигрывая, со спокойным терпением наблюдая, как шары заходят в лузы, сказал с улыбкой:

– Как и в природе наказывать людей за преступления. Завтра всех, кто участвовал в нападении, ждет казнь.

Да. Я прочел об этом в газетах. В плен удалось захватить двенадцать нападавших, плюс устроенный жандармами рейд принес свои плоды, и в итоге в камеры Инги-Вин попали еще двадцать шесть человек. Те, кто помогал, поддерживал и знал, но не сообщил о готовящемся теракте на Железном гиганте. Как я полагаю, туда угодили и виноватые и, как это всегда бывает, те, кто не имел никакого отношения к случившемуся, а просто оказался не в то время не в том месте.

В праздник правительство решило не устраивать никаких экзекуций, и казнь, утвержденную Чрезвычайным комитетом Риерты, перенесли на раннее утро следующего дня.

– Собираетесь посетить зрелище? – внезапно спросил у меня стоявший рядом пожилой господин, чье лицо было расписано металлической краской.

– Боюсь, что нет, – ответил я. – Ночь слишком длинна и хороша, чтобы утром я смог добраться куда-то дальше кровати.

Несколько присутствующих отреагировали вежливыми смешками. Кто-то решил, что я напьюсь до состояния свиньи, а кто-то подумал о чужой кровати, желательно с привлекательным содержимым в ней.

– Вы не один такой, сэр, – сказал Баран, завершая партию последним ударом и кивком поблагодарив за аплодисменты, признающие его мастерство. – Большинство присутствующих предпочитают закончить эту

ночь подобным же образом, что и вы. Клянусь, куда более приятное времяпрепровождение, чем смотреть на утопление глупцов, да еще и в такую рань.

Король Республики с шутливым поклоном протянул победителю пачку ассигнаций, которую тот принял, а я покинул эту компанию, когда они начали беззлобно спорить, кто следующий встанет к столу, чтобы победить старину Джеффа.

Прошел час, но Мюр все еще не вернулась. Это могло означать многое.

И в то же время ничего.

На всякий случай я стал курсировать из зала в зал, рассчитывая на то, что она просто не может меня найти в этой разно-вкусовой толпе. Но девушку я так и не встретил, зато до моего уха долетал целый ураган разговоров, обрывков фраз, теорий, предположений, сплетен и тайн.

– После дуэли в парке возле Пушечного канала капитан Трести временно покинул Риерту.

– Было бы странно, если бы он остался, когда нарубил в капусту сына начальника охраны дукса. Хорошо, что молодой человек остался жив и проблему можно решить.

– Да. Удивительное хладнокровие не убить этого мерзавца. Особенно если учитывать, что их спор за владение землей в Бурсе тянется уже три года…

– Вы слышали, что первые три машины Бронированного дивизиона уже привезли в Арсенал на ходовые испытания? Эти мотоходы перевернут все знания о военном деле. Настоящий стальной кулак, любой танк выпотрошат.

– Тише. Тише. Это пока еще тайна…

– В «Серебряном медведе», что выходит на канал Меча, лучшие вечеринки до упаду…

– На него напали где-то в Трущобах и воткнули в глаз лардуар[19].

– Да вы шутите?!

– Не смейтесь. Он чудом выжил, но теперь ходит в повязке, точно пират.

– Давно я говорил, пора бы уже властям сжечь весь этот район. Все равно там обитает одна бесполезная, опасная для общества шваль!..

– Ты видела, какая коллекция пластинок у Дайсонов?!

– Только не говори, что ты все-таки украл песню Хайли Ренгард! Господи! Ты позоришь меня! Немедленно верни!..

– Под министром вод сильно качается кресло после вчерашнего. Ходит слух, что это последняя капля и дукс больше не будет терпеть подобные

проколы.

– И кто же возьмет бразды правления министерством?

– Как будто ты не догадываешься. Скорее всего, его заместитель. Он успел оказать дуксу несколько услуг и теперь на хорошем счету.

– Уитфорд?

– Да.

– Всегда говорил, что он далеко пойдет…

– Болтают, будто Дайсоны выложили за сегодняшний фейерверк целое состояние. Меня просто разбирает от любопытства его увидеть, и я буду сильно разочарована, если мои ожидания не оправдаются. Плыть сюда больше часа лишь для того, чтобы понаблюдать за толпой разряженных дураков, коих я знаю точно облупленных, сущая потеря ночи.

– Ах, тетушка! Вы как всегда слишком прямолинейны. Что скажет общество, если вас услышат?

– Ну вот, положим, этот рыжий меня прекрасно слышит. И пусть он засунет свое мнение куда подальше, если ему не нравится ворчание семидесятилетней старухи!..

– Кладбище кораблей давно уже пора разобрать. С войны прошло много лет, а они до сих пор ржавеют целым островом, мозоля глаза ничуть не хуже Старой Академии. Стране всегда нужен металл, а там тонны, и печи Стальной Хватки с удовольствием примут их. На этом можно поднять хорошие деньги, если только подмазать нужных людей в Министерстве развития…

– Выглядишь ты после вчерашней пьянки неважно.

– Это все чертов конфедерат! Он пьет как бизон, а его негр только и умеет, что подливать кукурузный бурбон. Мне до сих пор дурно.

– Работать в праздник – хуже не придумаешь.

– Ты охранник, а хозяин платит нам за эту ночь тройное жалованье. Так что не ной.

– Бедняжка Энни! Он разорвал помолвку из-за ее ветрености.

– Такой позор для семьи. Ее отец возлагал столько надежд на этот брак!..

– Мне кажется, эта прерия выглядит ужасно вульгарным танцем! Конфедераты не могут научить мир ничему хорошему!..

– Ты пьян! Я вызову мобиль…

– Ни черта подобного, дорогая! Я не пьян. Я просто счастлив, потому что напился!..

– Рано или поздно Старуха потеряет терпение оттого, что жандармы лезут на ее территорию и мешают бизнесу. Они уже несколько раз

проверяли корабли с грузами с Малой Плеяды, хотя знали, что это ее товары. Если в городе развернется еще одна война, теперь не только с террористами, ноисбандитами, будет очень несладко. Помнишь же банду Соли, которая напала на инкассаторов…

– Не неси чушь. Соли поругался со Старухой и живет своим умом. Она тут ровным счетом ни при чем.

– Эта шлюха обокрала его!

– То, что он спустил на нее целое состояние, не означает, что она ветреная женщина.

– Почему ты ее защищаешь?

– Потому что она красивая.

– Она аферистка!

– Одно другого не отменяет. Но лично я склонен прощать красивых и неглупых женщин, способных обвести вокруг пальца такого дельца, как Бартоломью.

– Слышали о Чертверли?

– Ну да. Он уже год как болеет и не покидает свое поместье на Белой скале. Он ведь сосед Брайса.

– А знаешь, чем болен?

– Ну, Чертверли человек уже немолодой, так что… чем угодно. Не буду принимать пари, чтобы угадать.

– И не угадаешь. Вчера к нему в дом приехал усиленный наряд жандармов, вместе с представителями «Города без контаги».

– Не может быть! Только не Чертверли!

– Смешно, правда? Он так ненавидел контаги, что в итоге сам подцепил эту болячку и теперь отправляется через пролив.

– А семья?

– Их проверяют на предмет заражения. Но не думаю, что будут отбирать имущество. Они достаточно влиятельны, и связи во дворце у них есть.

– Дьявол! Мы все уязвимы перед этой проклятой моторией!

– И зарабатываем на ней деньги, мой друг…

– Плакальщики наше будущее. Только они способны сохранять порядок в государстве…

– Этот прием вызывает у меня зевоту. Самое унылое мероприятие сезона…

И тому подобное в бесконечном количестве. Не сказать, что не интересно, порой можно узнать ценные вещи, но довольно утомительно. Постоянный шум, точно треск из воронки граммофона, из-за испорченной

пластинки.

Близилось время фейерверка, и большинство гостей перемещались к окнам, на веранды и в зимний сад. Слуги принесли маленькие печи, чтобы народ не мерз на холоде, появились ковши горячего пунша, благоухающие ромом, корицей и апельсиновой цедрой. Мимо меня пронесли огромные, дышащие жаром противни, с которых дразнили ароматом запеченные улитки – еще одна традиция Праздника Звезд.

Я бросил взгляд на часы. Мюр отсутствовала час пятнадцать, и я начал второй круг по дворцу Дайсонов, мимо бара, где в мягкой и приятной полутьме басовито гудел контрабас, подмурлыкивая роялю и конфедератской гитаре что-то меланхоличное, больше подходящее для паба в Хервингемме, укрытого сонными октябрьскими сумерками.

Следует отметить, что музыканты старались и мелодия мне понравилась, но я бы прошел мимо, если бы не заметил женщину, сидевшую за круглым столиком под лампой, с книжкой в руках. Ее платье, перчатки и кокетливая шляпка были вкуса соли на высушенном солнцем морском граните, а полумаска чем-то походила на маску плакальщика, то есть была птичья, но не казалась угрожающей или отталкивающей. Насколько я знал, это был восточный журавль, который почитался у мандаринцев как птица, уносящая души погибших в бою в облака, к великому дракону.

Она небрежно курила, занятая чтением, иянесмог не остановиться. Было любопытно, что же такое читает женщина, которую не интересует ни фейерверк, ни шумные компании и развлечения.

Я подошел к стойке бара.

– Сэр? – Слуга в маске бульдога тут же приблизился ко мне, оставив своего товарища разбирать стаканы, расставляя их на полке под внушительной артиллерией бутылок с алкоголем.

– Стаут.

– Простите, сэр. Паб находится этажом ниже, северное крыло. Это возле фонтана, во второй коридор. У нас только крепкое.

– Тогда виски.

– Есть искирский, сэр. Очень мягкий и превосходный.

Из-за моей личины он не видел, как я поморщился:

– Меня устроят северные области Королевства или островов.

– Очень хорошо, сэр. Возможно, вы предпочтете «Старый луг» из Глендью? Двадцать лет?

– Хороший вариант. И не надо льда. Получив стакан, я спросил:

– А что заказала леди?

Он без всякого намека на улыбку подчеркнуто вежливо ответил:

– «Республика семьдесят пять»[20], сэр. Желаете отнести даме самостоятельно?

Если гость хочет познакомиться с гостьей, то работа хорошего слуги оказать ему в этом помощь. Разумеется, если свод правил этикета не запрещает подобного.

– Будьте так любезны.

– Минуту, сэр.

Хрустальный фужер с вычурной ножкой встал рядом со стаканом виски.

– Приятного вечера, сэр.

Когда я поставил перед женщиной фужер, она рассеянно подняла взгляд от страницы, секунду смотрела на меня и, улыбнувшись, похлопала рукой в перчатке по дивану рядом с собой.

– Не ожидала встретить здесь джентльмена.

Я сел, и она не спеша развязала широкие ленты, удерживающие маску у нее на лице. Я снял свою, и мы какое-то время придирчиво изучали друг друга.

Она отхлебнула коктейля, а я виски, все так же продолжая играть в гляделки.

– Как вы меня узнали, мистер Шелби? – спросила Сайл.

– Это было не очень сложно. Прическа «фокстрот», осанка и нефритовый мундштук. Почему-то я рассчитывал встретить вас рано или поздно.

– При всей своей густонаселенности Риерта маленький город. Следили за мной?

– Нет. А вы?

– Не сегодня, – серьезно произнесла искирка, закрывая книгу, и я увидел название – «История открытия Западного континента».

– Интересный выбор.

– В Империи считают, что страну, где восходит солнце, Восточный континент, как у нас принято называть земли конфедератов и Папаякту, открыли наши рыбаки. Давно. Более пяти сотен лет назад. Кто-то случайно сбился с курса, а быть может, попал в шторм и добрался до огромных территорий, которые никому доселе были не известны.

Я кивнул:

– Каждый народ хочет забрать славу первооткрывателя новых земель себе. У мандаринцев есть примерно такая же история. И у Республики. И даже у алавитов. Но история на стороне Королевства. Именно наши пираты

водрузили флаг Его Величества на Земле Марии[21], сообщив об открытии всему цивилизованному миру.

– В этой книге как раз записки корсара Мэйрэйна. Его дневник, если угодно. Довольно интересное чтение. Бурное море, голод, цинга, земля. Новые болезни, первая встреча с краснокожими, война между поселенцами. Оно развлекает меня, когда скучно. Мэйрэйн бесшабашный герой. Таких в Королевстве любят.

– В Империи не так?

Сайл коснулась фужера:

– Вы не пьете, мистер Шелби?

Я совсем забыл о виски и сделал скупой глоток напитка, полного йода, соли и дегтя. Она пригубила коктейль, и мне показалось, что я заметил в ее глазах скрытую насмешку человека, который видит меня насквозь.

– О. В Империи уважают героев, хотя в нашем языке нет такого понятия. У нас жесткая система в обществе, так уж повелось с начала основания страны, и «герой» это скорее «долг», «честь» и «самопожертвование» во благо страны, ее народа и Императора конечно же. Одно слово имеет слишком много значений. Но никто не жертвует собой просто для того, чтобы получить орден, разбогатеть или произвести впечатление на публику. Мы слишком логичны и примитивны в этой логике. Все подчинено целям, служению, а не порывам и эмоциям.

– И вы такая же? Несмотря на то что лишь половина вашей крови от искира?

– Воспитание и среда накладывают свой отпечаток. Но, скажу честно, я не всегда действую согласно логике и правилам моей страны, – легко признала она. – Порой эмоции преобладают над разумным холодом рациональности. Во мне слишком много от матери.

– Стыдитесь этого?

Ее красивые брови вежливо приподнялись.

– Мне кажется, что вы пытаетесь увидеть во мне человека. Не искира, – мягко произнесла Сайл.

– Сегодня у меня меланхолия, и я даю шанс всем. Даже таким, как вы.

– Искирам, – жестоко настояла она. – Ваша ненависть к нам могла бы убить меня, будь она столь же материальна, как ваше пламя. Что же. Отвечу на ваш вопрос, мистер Шелби. Раньше я стыдилась этой крови, но у меня были мудрые учителя, и они объяснили мне, что любой недостаток можно обернуть во благо себе, своим подчиненным, командирам и стране. Так что я не стыжусь ни своей матери, ни своего происхождения. Да. Я хотела бы родиться чистокровной искиркой, но наши желания не всегда совпадают с

тем, что уготовила жизнь. Зачем вы здесь, мистер Шелби?

– На вечеринке? – Я прикинулся дураком, благо стараться особо не требовалось.

– Подошли ко мне.

– Меня разбирает любопытство, и я, если сказать по правде, питаю надежду, что вы сможете ответить на мой вопрос.

– И ждете, что я отвечу честно?

– Нет, – улыбнулся я так, словно передо мной был самый лучший из друзей, например, старина Уолли.

Всем известно, что улыбка Итана Шелби творит чудеса.

– Ну что же, мистер Шелби. Я тоже не лишена любопытства, так что хотя бы выслушаю то, ради чего вы решили поговорить с кем-то из искиров. – Сайл ногтем провела по запотевшей стенке фужера. – У меня есть для вас несколько минут.

– Вы не удивились, когда я подошел. Хотя в нашу последнюю встречу заперли меня в холодильнике Брайса.

– Мистер Шелби… – Она сокрушенно покачала головой, точно поражаясь моей глупости. – У той милой девочки, что была с вами… Это ведь была девочка? К сожалению, из-за газовой маски я не смогла разглядеть ее лица… У нее под пальто был «Мясник», так что странно ожидать, что вы не смогли бы выбраться из ловушки.

– И мы подходим к вопросу, который беспокоит, госпожа Сайл, – вздохнул я. – Вы тот человек, кто решительно не желает убивать меня. Хотя у него имелось три возможности для этого.

– Ах, ах. – Она притворно захлопала ресницами, так как настала ее очередь корчить дуру. – Целых три.

– В трюме «Мандрагоры», в тюрьме во время нашего разговора и в «Сладком королевстве». Или я ошибаюсь?

– Как всегда, мистер Шелби. – Она чуть подалась ко мне, и мне очень захотелось отодвинуться назад, но я сдержался, не желая показывать слабость. Ну… или ранить ее еще больше тем, что я в первую очередь вижу в ней не красивую женщину, а крайне опасного врага. – В первый раз я вас убила. О да, там, на «Мандрагоре». Спокойно и хладнокровно отправила вас к праотцам, оставив наедине с контаги в запертом трюме. То, что вы выжили, – лишь мой просчет. Думала, что встретилась с обычным человеком, но вы оказались они[22].

– Они-ва сото, – пробормотал я и, увидев ее странный взгляд, объяснил: – Так кричали ваши солдаты в Компьерском лесу, когда мой отряд атаковал их позиции, а затем отступал в наш лагерь. Они-ва сото.

Они-ва сото. Они галдели, точно галки, и… радовались. До сих пор не удосужился узнать, что это означает.

– Демоны уходят, – тихо перевела она мне и заметила с уважением: – Вас считали потусторонними существами, призраками, туманом, смертью. Было за что?

Было. Некоторых из нас уж точно. Кроуфорда, например, который с перышками Вороненка порой собирал кровавую жатву среди искирских часовых. Эти перышки… я до сих пор чувствую от них мерзкий вкус во рту.

– Шла война, – неопределенно сказал я. – Но я вас прервал, госпожа Сайл. Извините. Вы говорили, что я ошибаюсь.

– В Гнезде я не видела причин вас убивать. Прошел слух, что вас собираются казнить. Да и моим планам вы не мешали, так что… – Она подняла вверх правую ладонь, говоря этим, что не имело смысла пачкать перчатку. – Ну а насчет встречи на кондитерской фабрике… Это был сентиментальный сиюминутный порыв, мистер Шелби. Можно было нажать на спуск и изрешетить вас «Резуном», но я рассудила иначе. Считайте это моей признательностью за помощь Империи. В конце концов, только благодаря вам мы смогли получить катализатор для переработки мотории.

На этот раз мне пришлось постараться, чтобы улыбка вышла… хоть как-то похожей на дружелюбную. Никто не любит, когда ему указывают на его глупые ошибки.

– Я удовлетворила ваше любопытство, мистер Шелби? – невинно поинтересовалась Сайл, сделав последнюю затяжку почти догоревшей папиросы.

– Вполне. Остается поблагодарить вашу сентиментальность. Но, думается мне, жив я лишь потому, что вам это выгодно. Вы ожидаете получить больше, чем катализатор. Дело жизни Хенстриджа, и надеетесь, что я приведу вас к этому открытию.

Она прищурилась на мгновение:

– Кто знает, мистер Шелби? Лично для меня это вполне удобный, я бы даже сказала, выгодный вариант развития событий. Но предположения не всегда становятся реальностью. Ведь так?

– Все верно.

– Вас стоило оставить в живых, хотя бы чтобы убедиться в верности догадок моей службы.

– И в чем же не ошибся Штаб оборонной разведки Флота?

– В том, что люди из проекта «Созерцатель» вполне способны

противостоять серьезным противникам. Плакальщик, которого вы выпотрошили на ночной улице, – отличная работа.

Заберу эти лавры себе и не стану упоминать милую Мюр, которая сделала большую часть этой работы.

– А вы, госпожа Сайл? Вы серьезный противник?

– К сожалению, мистер Шелби, больше нет тех людей, кто мог бы подтвердить вам это. Мне пора идти.

Сайл подняла маску, собираясь ее надеть.

– Это вы сказали жандармам, что я из Королевской службы?

Ей показалось, что она ослышалась, я успел заметить промелькнувшее в ее темных глазах удивление. А затем Сайл рассмеялась легко и весело, точно летний ветерок пронесся над цветущим лугом.

– Вы и «Черные пони»?! Серьезно? Более неподходящего человека и представить сложно. Кто бы ни придумал эту глупость, он слишком плохо вас знает. Доброго вечера, мистер Шелби. Право, жаль, что мы не сможем стать друзьями. Оставьте книгу себе, если хотите.

Она прошла мимо пустых столиков, на ходу завязывая ленту, удерживающую маску на голове, и вышла из тьмы в светлый коридор, оставив после себя запах крепкого табака и остатки нефритового дыма, все еще витавшие в воздухе.

Примерно в этот же момент дом мягко вздрогнул, и в баре неприятно задребезжали стаканы. Во дворе стреляли по меньшей мере пятнадцать орудий.

Начался праздничный салют.

Глава шестая
ВЗОР ИЗ ПРОШЛОГО

Мюр я встретил через двадцать минут возле лестницы, ведущей с охраняемого третьего этажа. Она спускалась вместе с гостями, спешащими на огромный балкон, чтобы насладиться невиданным зрелищем. По вспышкам вкуса алавитского лукума, фиалковым конфетам Ордена Марка и огуречному ликеру, по тому, как ахали и аплодировали люди и как мягко звенели хрустальные подвески на люстрах, становилось понятно, что Дайсоны не поскупились на развлечение.

Смерть взяла меня под руку и, ничего не говоря, повела по уже знакомому лабиринту особняка вниз, к парадным дверям. Я позволил ей это, ни о чем не спрашивая.

Наш мобиль несся по серпантину под продолжающиеся хлопки разрывов за спиной и вкусовые отблески на верхушках деревьев и полированных металлических поверхностях капота. Девушка выжимала из машины все, что можно, рискуя на поворотах.

Не надо быть гением, чтобы понять – нас преследуют проблемы. Я достал «Стук» и переложил в правый карман пальто.

– Катер нас ждет?

Она была слишком сосредоточена на дороге и кивнула после долгой паузы. Мобиль сбросил скорость лишь на последнем участке дороги, приближаясь к стеклянному павильону. Прежде чем выйти, Мюр подняла подол платья, обнажая голень, и извлекла из кобуры миниатюрный «Лилипут» – субкомпактную самозарядную кроху, которая даже в ладони девушки казалась насмешкой над современным оружием. Слабая пробивная сила пули, посредственная точность, но в умелых руках вполне себе достойный аргумент за неимением лучшего. Забавно, при входе в поместье Дайсонов его никто не нашел.

– Если нас попробуют остановить, ты знаешь, что делать. – Она убрала оружие к себе в муфту.

Я знал.

Встречала нас все та же женщина в маске гончей. Я посмотрел на охранников, замерших возле дверей, но они не спешили бросаться на нас с шоковыми дубинками. Что бы там Мюр ни устроила, нас пока не собирались задерживать. Распорядитель, используя беспроводной

телеграф, ловко отстучала ключом сообщение на катер.

– Ожидайте, господа. Желаете напитков?

– Не стоит, спасибо, – ответила ей Мюр.

Прошла минута, вторая, третья. Моя спутница ничуть не показывала, что нервничает, но я чувствовал, как напряжено ее предплечье.

Внезапно стеклянные двери, через которые мы вошли, распахнулись сами по себе, точно в павильон вбежал невидимка.

Доставать «Стук» было долго, да, если честно, и бесполезно. Сожалеть о том, что надо сделать, тоже времени не нашлось. Да и не нужно это – я изначально согласился с условиями игры, которые предложила девушка.

Я кашлянул, и мой кашель трескучим эхом прокатился по всему хрупкому помещению, раздавив мне гортань и оставив чувство пустоты в превратившихся в ржавое железо легких. Было больно, словно мне сломали несколько ребер во время поединка на ринге.

Перед дверьми выросла огненная стена длиной пять ярдов и высотой в два. Мюр, словно только этого и ждавшая, вполне натурально истерично взвизгнула и крикнула, обращаясь к ошеломленным охранникам:

– Бегите! Пожар! Пожар!

Человек, бросившийся к нам и угодивший прямо в центр огня, шарахнулся назад, и пламя стекало по его плащу, точно вода. Мы встретились взглядами, и мне пришлось признать, что на вечеринке у Дайсонов был полный дом дураков, которые сочли настоящего плакальщика лишь парнем, решившим развлечься, облачившись в костюм самых грозных солдат Риерты.

Стекла там, где огонь коснулся их, не выдержали температуры и лопнули.

– Уходите! На пристань! Живо! – Я толкнул застывшую женщину-распорядителя подальше от распространявшегося по полу пламени.

Она увидела через маску мои глаза, тихо охнула и бросилась прочь.

Плакальщик побежал по периметру павильона, я видел его быструю тень, и мне пришлось вновь зачерпнуть из запретного колодца своего безумия, отправляя стену ему наперерез. Чувство самосохранения у него все же было, он не стал лезть через пекло, прыгнул в воду одновременно с тем, как Мюр обвила меня сзади одной рукой за талию, прижавшись так тесно и неожиданно, что я сразу понял, чего ждать.

Я полетел по кругу, во вселенной, где единственной стабильной опорой была девушка. Ветер с силой рванул меня, сорвал по пути маску, выплюнул в реальность, где бросил во власть инерции, и я покатился по пристани, сбив с ног одного из встревоженных и ничего не понимающих

охранников.

На этот раз прыжок я пережил куда легче, чем когда мы убегали из Старой Академии по разрушенному мосту. Хватило сил, чтобы самостоятельно встать на колени и понять, что один из мужиков целится в меня из похожего на арбалет дугового разрядника.

Я превратил его в живой огненный столб, слыша сквозь вой и рев огня, как сыто хохочет моя тень. О да. Это была праздничная ночь для нее. Итан Шелби наконец-то пустился во все тяжкие.

Плакальщик выскочил из воды точно кузнечик, приземлился на край пристани. Подбежавшая Мюр прыгнула ко мне на спину, повисла на плечах, обняв за шею и сцепив руки в замок.

Мы снова скакнули. Серая хмарь, безумная карусель, вой ветра в ушах, мелькание сизых оттенков в глазах, а затем яркая вспышка удара, когда мы врезались в рубку катера, что шел нас забрать и находился в двухстах ярдах от берега, на открытой воде.

Пока я валялся в позе оглушенной лягушки, девушка направила пистолет в лицо потрясенному капитану.

– Поворачивай! Живо!

Что хорошо в понимающих людях, они делают то, о чем их просят, не задавая лишних вопросов. Мы развернулись, одновременно наращивая скорость, и мне оставалось лишь провожать взглядом удаляющийся пожар, уже перекинувшийся на пристань. И бесконечный салют, что желал нам удачной дороги.

Слабая ноющая боль, похожая на пугливую крысу, осторожно, с опаской, то и дело касалась резцами моих позвонков в пояснице и тут же отползала в сторону. Лишь для того, чтобы понять, что ей ничего не угрожает и можно укусить еще раз.

Мерзкая гадина.

И это чудит не мой ингениум. О нет, дорогие друзья. Это последствия необдуманных прыжков в пространстве, вопреки законам физики. Стоило сделать глубокий вдох, как крыса смелела и сжимала свои челюсти. Конечно же она сбежит, поджав хвост, если отдохнуть и выспаться, но пока мне придется терпеть этого паразита.

Когда катер причалил в Оборотном канале, под мостом Двойной звезды, Мюр положила перед капитаном пачку банкнот:

– Когда тебя спросят о нас, не ври. Скажи, где высадил, – велела она. – А еще лучше, сам отправляйся в участок и заяви, что тебе угрожали.

Тот, поняв, что ему не собираются пускать пулю в сердце, приободрился и отчалил на всех парах, стоило нам сойти на берег.

– Бегом, – сказала Мюр.

Ну, с этим она немного поторопилась, полноценно бежать со все еще больной ногой девушка не могла. Мы вошли в отсыревшие, ледяные темные проулки уже уснувших кварталов. Все было затоплено, приходилось пробираться по шатким самодельным мосткам. Местные жители либо использовали П-образные стальные опоры, на которые клали доски, либо, в районах победнее, валили в воду любой старый хлам, лишь бы по нему можно было добраться до лодок. Муниципалитет плевать хотел на эти территории.

Слабые волны тревожно шелестели, били по ненадежному пути, то и дело касаясь подошв наших ботинок. Ночь была зловещей и очень холодной. Всех оттенков черного. Мой мозг, так и не успевший отвыкнуть от цветового восприятия за время долгого воздержания от ингениума, сейчас осознавал нюансы оттенков как должное, ничуть не мешкая, как со мной обычно бывает после нескольких месяцев борьбы с этим «недугом». С того последнего раза, как я радовал свою тень (по-настоящему радовал), прошло очень мало времени, и я ожидал неприятных последствий.

Стоит признаться, что я боялся. Если говорить словами Сибиллы: «Каждый сам выбирает ту скорость, с которой ему удобно ползти на кладбище». У меня сейчас такое чувство, что последние месяцы в сторону погоста я несусь, забравшись в кабину аэроплана. Я не хотел видеть тень во всем ее облике, памятуя о том, как орали мои товарищи по проекту.

Маленькая плоскодонная лодка, мягко ворча мотором, выплыла прямо с соседней улицы.

– Это за нами, – кивнула Мюр.

Суденышком управлял человек, с которым я уже однажды встречался, когда люди Вилли штурмовали Гнездо.

Лодка направилась через переулки в сторону канала Меча, не зажигая носового фонаря. Здесь были одеяла, сухие, но сильно пропахшие дымом костра. Мюр сразу закуталась в одно из них, но я не мерз и покачал головой, отказываясь, и расположился на передней банке, опираясь локтем о борт.

В какой-то момент я стал дремать. Усталость, использование ингениума и прыжки в пространстве послужили отличным поводом, чтобы отключиться в самое подходящее время. Даже сквозь дрему я чувствовал тупую боль в позвоночнике – крыса продолжала свою экзекуцию.

Мюр разбудила меня, когда лодка остановилась. По зданиям и облицовке набережной канала я понял, что мы снова в Бурсе, у знакомого мне дома, с которого и начиналась эта ночь. Лодка скрылась во мраке,

стоило лишь нам ступить на берег.

– Можешь поспать здесь. Тут четыре спальни, и я затоплю тебе печку, будет тепло, – тихо сказала мне девушка, когда мы вошли. – Завтра, когда соберешься уходить, просто захлопни дверь.

– А ты?

Она тоже устала, стали заметны тени, появившиеся у нее под глазами.

– Я? Мне надо переодеться в обычную одежду. Затем отправляюсь к Вилли, там и отосплюсь.

– Сейчас ночь.

– Лодка неподалеку. Со мной все будет хорошо.

– Прежде чем ты уйдешь, надо поговорить о том, что произошло.

– Давай поговорим.

Она начала стягивать длинные перчатки, бросила их прямо на раздувшиеся от влаги деревянные перила, прошла на кухню, щелкнув выключателем, и положила на стол красивый резной ключ.

– Это от личного сейфа Брайса в его кабинете. Он хранит там ценные документы. Госпожа Дайсон сделала дубликат больше шести лет назад.

– Экая предусмотрительная и ловкая… леди. Ну, здорово, что теперь у нас есть ключ от сейфа.

– Ты не рад. – Девчонка все сразу поняла.

– А если там нет бумаг? Ты не думала об этом? У него огромный особняк. В его распоряжении несколько риертских банков с ячейками. Лаборатории. Фабрика мотории, которую хорошо охраняют. Почему именно дома? В сейфе?

– Потому что так сказала Диана. Все ценные материалы он хранит в нем. И возможно, прибор Хенстриджа находится там же.

– Стоп-стоп! – остановил я ее. – Это моя притянутая за уши теория. Если он знает о приборе и роли Кражовски, если смог договориться с вашим другом-революционером или если тот не умер от пыток.

– Но…

– Ты когда-нибудь видела прибор?

Она нахмурилась, не понимая, куда я клоню:

– Нет.

– То есть ты не знаешь, какого он размера? Такой? – я показал на спичечный коробок. – Или, быть может, с половину дирижабля? Если последнее, то его никакой сейф не вместит. А мы просто его не унесем. Теперь дальше – чтобы открыть сейф, нам надо попасть в дом и остаться незамеченными. Как обстоит дело с этим?

Девушка помялась:

– У него огромное поместье в Белой Скале с видом на Тиветское море, леса, конюшни, собственный пароход и конечно же лаборатории. Очень много охраны. Диана рекомендовала мне забыть о своих планах туда проникнуть.

– Дав доступ к сейфу. Я вообще запутался, если честно.

– Она сочла, что таким образом покроет свой долг. И я это подтвердила, долг передо мной она выплатила.

Я очень устал и потому не скрывал раздражения:

– Если мы не попадем в дом, зачем нам ключ от сейфа, который в доме, в который нельзя попасть?

– Мы попадем туда, Итан. В конце концов, я перенесу нас как можно ближе к цели.

И ведь она сделает это.

– Обещай мне, что ничего не будешь больше предпринимать, пока я тебе не скажу. Я все хорошенько разузнаю о том, где он живет и как туда можно войти без приглашения.

Девушка подвинула ко мне ключ:

– Обещаю. Вот мой залог. Без ключа мне там делать нечего.

– Я же не Вилли. Ты сказала, я поверил. Лучше оставь у себя. Так надежнее.

Я подозревал, что у нее есть свои причины заглянуть в сейф к Брайсу. Не только секреты плакальщиков. И уж эти причины мало связаны с тем, что я хочу опередить Сайл.

Что же, я буду последним человеком, кто обидится на это.

– Как скажешь. – Она была благодарна за мое доверие.

– Что произошло у Дайсонов?

Мюр вздохнула:

– Меня узнали, когда я уже уходила.

Вот это плохо.

Но тут мне пришла в голову мысль, которая чуть не взорвала мозг:

– Ты же была в маске? Ведь была, да?.. – Я не верил, что она столь опрометчиво решила показать свое лицо.

Девчонка виновато кивнула.

– Я прокололась по полной, Итан. Понимаешь… – осторожно сказала она, проведя пальцем по крышке стола. – Невеста Джека – это старая маска моей матери, и я даже не могла помыслить, что хоть кто-то мог запомнить ее.

– О, Мюреол. Ты удивишься, какая долгая память у некоторых из нас. Итак… кто же узнал столь редкую и заметную работу по меньшей мере

позапрошлого века?

Она зажмурилась, точно провинившийся ребенок из рабочих кварталов, ожидая, что на нее сейчас будут орать.

– Брайс.

Сначала открылся один светло-карий глаз, затем второй. Я стоически молчал, совершенно не собираясь ничего говорить. Хотя, наверное, Вилли бы уже ревел сейчас как раненый слон, так, что его на соседней улице слышали.

– Прости. Я дура и не просчитала все до конца. Я даже в теории не могла предположить, что он приедет к ним после разрыва с Дианой. Все случившееся целиком и полностью моя вина. Из-за меня ты вызвал огонь и рисковал…

– Перестань, – твердо попросил я ее. – То, что ты осознаешь ошибку в тактическом планировании, это замечательно, значит, не допустишь ее в следующий раз. Но не надо теперь сожалеть о том, что сделал я. Это целиком и полностью мой выбор, и я изначально предполагал, что ситуация не окажется мирной. Итак, Брайс…?

– Я поговорила с Дианой, мы попрощались, начался салют, и все бросились к окнам, а я направилась по галерее вниз, к тебе. Тут меня кто-то окликнул…

– Именем твоей матери?

– Нет. Позвали именно меня, и это было так неожиданно, что я обернулась прежде, чем смогла осознать, что делаю. Это был Брайс.

Стоило бы спросить, какое имя он назвал. Но… не будем об этом.

– Он не пытался тебя остановить?

– Мне кажется, он тоже сильно удивился, что не ошибся. А потом попытался, отправив за мной плакальщика, который пришел за нами. Я никогда еще так не обманывалась – принять это чудовище за богача в маскарадном костюме!

– Ну не ты одна обманулась, – утешил я ее. – Кажется, все гости считали точно так же. Брайс не видел твоего лица. Плакальщик тоже. А Диана Дайсон?

– Нет.

– А прежде?

– Мы никогда с ней не встречались до этого. Я просто назвала ей нужные слова и попросила вернуть долг ее семьи моей семье. Таковы правила Риерты.

Правила благородных.

– Хорошо. – Я сжал двумя пальцами переносицу, обычно это позволяет

мне унять разгулявшуюся головную боль после применения ингениума. – Очень хорошо. Подытожим. Брайс знает твое имя, понимает, что ты в Риерте, но не имеет ни малейшего представления, как ты выглядишь, кроме роста, фигуры и того, что ты слегка хромаешь, но последнее – временное явление. По таким приметам в миллионном городе нельзя найти человека.

– Но это не значит, что он все так и оставит. А еще, уверена, они знают, что когда-то плакальщик изуродовал лицо маленькой девочке, и будут искать его, – она провела по бледному шраму. – В ближайшие дни, а может, и недели жандармы начнут обращать особое внимание на лица молодых женщин.

– Думаю, твое решение уехать в домик на болотах очень разумно, по крайней мере до тех пор, пока все немного не уляжется.

– Угу.

– И расскажи обо всем Вилли.

– Угу. – Теперь Мюр стала совсем несчастной. – Пойду. Переоденусь. И тебе тоже неплохо сменить одежду.

Когда я вернулся, она уже пила чай, в своих привычных мне штанах в клетку и длинном темном приталенном пальто. Именно такой я ее увидел в первый раз, разве что вместо черного свитера с горлом тогда была рубашка с острым воротником. Черт побери, кажется, что с тех пор прошло уже несколько лет, а не месяцев.

– В этот дом больше не приходи, – попросила она. – В смысле, меня здесь вряд ли найдешь в ближайшее время… Ты останешься до утра?

– О, нет. Даже не думаю проводить ночь там, где, вполне возможно, обитают сотни привидений. – Несмотря на усиливающуюся головную боль, я пытался шутить. – К тому же какой из меня джентльмен, если я отпущу даму в одиночестве ходить по ночным улицам? Я провожу тебя до лодки, а потом отправлюсь в «Кувшинку». Как раз доберусь туда к рассвету.

– Нам к Рынку.

– Идем по Верхней, она не затоплена, будет быстрее, и там редко бывают патрули, – предложил я.

Мы шли в молчании, только наши ботинки стучали подошвами по каменной, довольно неровной мостовой, да то и дело от воды доносились гудки ночных буксиров, волочивших баржи по проливу Дукса.

– Ты когда-нибудь задумывалась, почему ты такая? – спросил я.

– Такая, как ты? – уточнила она. – Чуть отличная от других людей?

– Ну да.

– Наверное, у каждого человека с ингениумом своя история, но в то же время они очень похожи друг на друга. К ингениуму нас приводит

множество случайностей.

– Я сделал свой выбор самостоятельно. Меня никто не заставлял. Хотя сейчас я бы был благодарен, если бы нашелся человек, который тогда смог меня отговорить.

– Ну а меня никто не спрашивал. Просто однажды маленькая девочка поняла, что может прыгать в длину куда дальше, чем прежде. В отличие от многих других людей, получивших способности, мне очень повезло, Итан. Нет никаких побочных последствий от использования ингениума. Я никогда не сойду с ума, как кукла, и не умру, как многие. Слишком многие. Так что грех жаловаться на судьбу, когда остальным гораздо хуже, чем мне.

– Вы уникальное явление в нашем маленьком цирке уродов, мисс Бэрд. Думаешь, ты одна такая?

Девушка замешкалась на мгновение, сказала осторожно:

– Вполне возможно, но полной уверенности нет. Уже прошло несколько десятилетий с момента открытия мотории, а человечество так и не узнало обо всех особенностях ингениума, как он проявляется, почему кто-то становится контаги, кто-то способен взрывать головы взглядом, а кто-то и дальше остается всего лишь человеком, даже нырни он в моторию. Я не знаю, Итан. Хенстридж никогда со мной не говорил об этом, Белджи тоже мертв, а Баллантайн погиб слишком рано для того, чтобы узнать, к каким последствиям привело мир его открытие. Ответы, которые мучают всех нас, возможно, придется искать ученым, которые пока еще даже не родились.

Впереди на улице появилась темная тень, которая быстро к нам приближалась, и Мюр замолчала. Тепло одетый велосипедист проехал мимо, кивнув нам, точно старым знакомым.

Лодка стояла привязанной за торчащий из воды полосатый швартовочный столб, среди других таких же непримечательных посудин.

– Спасибо, что спас сегодня, – девчонка привстала на цыпочки, поцеловала меня в щеку сухими губами. – Я знаю, чего тебе это стоило и чем ты рисковал. Поверь.

– В любое время, мисс Бэрд, – нарочито шутливо поклонился я.

Она промолчала.

– Постой, – попросил я ее, когда она уже хотела уходить. – Я слышал много разных разговоров, пока бродил по дому Дайсонов. Один из них касался нашего доброго друга Уитфорда.

– Да?

– Говорят, он встанет во главе Министерства вод.

– Хорошо, если так. Но не каждый слух является правдивым. Порой

дукс меняет свое решение в последний момент, и на высокую должность приходит тот, на кого совсем не рассчитывали.

– Я не вижу ничего хорошего в том, что он станет руководить жандармами.

– Разве свой человек…

– Мюр, – мягко остановил я ее, взяв за рукав пальто, – я знаю, что ты устала сегодня не меньше моего, но подумай. Ты сама его не любишь и считаешь опасным, ведущим свою игру, а теперь называешь «своим человеком». Он не ваш человек. Не твой и не Вилли. Уилбур Уитфорд является собственностью Уилбура Уитфорда.

– О, поверь. Я ни на секунду не забываю, что он умная сволочь, которая использует нас, так же как мы его. Но некоторые враги полезнее дураков, особенно если держать их поближе, как гласит поговорка рузцев. Министр вод пока еще в своем кресле, а политические ветра очень капризны и нестабильны. Береги себя, Итан.

И она уплыла, растворившись в темно-синей ночи, где тусклые белые фонари горели болезненным светом, а холод тек от воды, точно змея.

Глава седьмая
КЛАДБИЩЕ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ

На заднем дворе «Кувшинки» сушили простыни, наволочки, полотенца и халаты. Они, застывшие на холоде, сложились в стены, создавая целые коридоры, среди которых мог прятаться кто угодно.

И не обязательно человек.

Тень вернулась, я видел ее силуэт. И это… оказалось крайне неожиданным даже для Итана Шелби, который всегда готов к тому, что обстоятельства преподнесут ему грандиозную кучу какой-нибудь дурно пахнущей субстанции.

Впервые такое случилось за время моего сожительства с тенью. Уже через сутки после использования ингениума она объявилась, хотя раньше ее можно было встретить вновь порой не скорее чем и через месяц. А еще цвета поменялись местами со вкусами. Это наводило на тревожные мысли, что я как-то быстренько добрался до рубежа, зачерпнув слишком много из отравленного колодца моих способностей.

Хотя чему я удивляюсь? Столько лет был осторожен, но, оказавшись в горниле Риерты, пошел вразнос, как некоторые мои знакомые по проекту. Верблюжий корпус[23] и то продержался гораздо дольше некоторых из нас.

Мне стоило остановиться в разжигании огня прежде, чем настанет приятный для тени и совершенно неприемлемый для вашего покорного слуги момент финала. Силуэт крался за стеной из простыней, и во рту у меня стояла такая чернота, словно я вернулся к курению после долгого перерыва.

Я стороной обошел сохнущее белье, решив не продираться через этот пахнущий стиркой лабиринт. Тварь, заметив, что я ухожу, юркнула точно мангуст следом за мной, постаралась не отставать, но в итоге исчезла на ярком солнце.

Я не обольщался. Она еще придет, появится к вечеру в темных углах, начнет шуршать в шкафу или под кроватью, хихикая в такт бою напольных часов. Я знаю все ее уловки.

У ворот, испачкав подъезд грязными колесами, точно скалистая вершина застыл фургон, запряженный лошадьми. Несколько крепких мужиков, накинувших поверх теплой одежды плотные фартуки, носили из него ящики в «Кувшинку». Мосс старался загодя пополнять необходимые

заведению запасы еды, алкоголя и бесконечных бытовых «мелочей». Сибилла, в шерстяной юбке, меховой безрукавке, теплой шапке, прямая как палка, вооруженная книгой приема и химическим карандашом, зачисляла товар. Она руководила работниками с помощью этого самого карандаша, точно дирижер симфоническим оркестром «Планеты»[24]. Грузы уходили на склад, в погреб, на кухню, в бельевую, в бар и кладовую.

Артур часто говорит, что его маленький скромный притон предназначен для простых людей, но к ним не стоит относиться пренебрежительно. Простые люди, как и богачи, готовы оставлять деньги, если им обеспечивают должный комфорт и внимание. А для этого следует соответствовать определенным требованиям. И Сибилла была тем человеком, кто создавал стиль и уют, так ценимый жителями Верхнего.

Горожан на улице было немного, но те, кто проходил мимо, обязательно здоровались с ней. Женщины кивали, мужчины все как один снимали с головы кепки и говорили:

– Доброе утро, миссис Тэйл.

Она, очень важная в своих очках, отвечала каждому жителю ее района, впрочем ничуть не отвлекаясь от того, чем занималась, и когда один из мужиков потащил ящик виски на уличный склад, а не в кладовую, резко окликнула его, посоветовав соображать получше или искать себе другую работу.

На меня она бросила взгляд не слишком благосклонный, проворчав между делом:

– Ты спал почти сутки. Праздник Звезд, как видно, ушатал не только половину Риерты, но и тебя.

– Старею, – улыбнулся я. – Тебе помочь?

– Свари кофе, если нечем себя занять.

Я отправился на кухню через общий зал, где сейчас было темно, холодно и неуютно. Включил электрическую плитку, взял с верхней полки комода жестяную банку. Пока молол зерна, нагревал молоко (Сибилла предпочитала конфедерат-скую версию напитка, когда кофе варят в молоке, а не в воде), остужал и засыпал кардамоном вместе с молотой гвоздикой, прошло минут пятнадцать.

На шум заглянула Чой.

– Доброе утро, мистер Шелби.

– Привет. Слышал, тебя повысили. Поздравляю.

Мандаринка довольно улыбнулась:

– Миссис Тэйл нужна личная помощница, особенно после того, как они с мистером Моссом решили расширяться.

– Хорошо. И для тебя, и для «Кувшинки» конечно же.

Чой умная девочка, и старательная. Она давно помогает Сибилле, просто теперь все сделано официально, и девушка довольна новым статусом.

Она без всякой моей просьбы подала чашку, блюдце и ложку, а я перелил кофе из алавитского ковшика, отнес его на подносе на улицу:

– Ваш кофе, миссис Тэйл. Молоко. Без сахара. Гвоздика и кардамон. Все как вы любите.

Мать моего друга постаралась остаться невозмутимой, хотя в ее глазах промелькнула смешинка:

– Официант из тебя все равно не выйдет, Итан. Даже для такой дыры, как «Кувшинка». Слишком ты… не подходишь внешне для этой роли.

– Чой-то? – спросил я с характерным акцентом хервингеммской бедноты.

– Больно дерзок. Клиентам это не по нраву. – Она выпила чашку залпом, поставила обратно на поднос. – Спасибо. Тебе письма пришли, пока ты спал. Возьми у меня на бюро, я тут провожусь до полудня с такими скоростями грузчиков.

– Ага.

– Вообще лучше бы ты уехал из Риерты, пока была такая возможность. Не нравится мне, как все складывается.

– Со мной?

– Нет. В городе. Обстановка какая-то нервная и напряженная. Как перед той войной.

– Почему?

Сибилла вздохнула:

– Если бы я знала, то привела тебе более серьезные аргументы, чем утреннее ворчание страдающей от ревматизма пожилой женщины. Просто чувствую. Кстати, девушка милая.

Так и знал, что она не оставит это без внимания.

– Да. Рин неплохая.

– Я не об этой дылде. Я про вторую, со шрамом.

– Мюр? Ну мы как бы…

– Просто друзья, – скучным тоном сказала Сибилла. – Или видишь в ней младшую сестру. Честер, мой муж, был хорошим человеком, но в каких-то вопросах полным идиотом. Арви, мой смысл жизни – тоже. Мосс – недалеко от них ушел. Аналогия понятна?

– Ну спасибо.

Она серьезно кивнула, поставив напротив списка какую-то галочку:

– Все мужчины глупцы, хотя и командуют в этом мире.

– И поэтому в нем такой бардак, – поддержал я ее.

– Вот видишь. Ты это признаешь, хотя не готов признать другие очевидные вещи, которые заметны любой женщине. С этой Рин у тебя…

Пришлось сказать то, чего говорить не хотелось – правду:

– Мы просто иногда просыпаемся утром вместе.

– Ну да. Она такая же, как Итан Шелби, только в юбке. Вы нашли друг друга. Или, точнее, самих себя, просто другого пола. А с самим собой жить довольно сложно, Итан. Одиночество вызывает скуку.

– Не сказать, что я скучаю. – Терпеть не могу подобных разговоров, но Сибилле порой нужна отдушина, которой она лишилась с гибелью своего сына. Кого же ей еще донимать такими вопросами, как не меня или Мосса?

– Хорошо. Главное, в наше время не разочаровываться в своих ожиданиях. А девчонка милая. Пусть приходит.

На том мы и расстались. Чой открыла мне кабинет Сибиллы, и я забрал два конверта.

Первый оказался от Рин. Слова были достаточно обтекаемыми и осторожными, но я понял, что у старого Вилли гвоздь в одном месте и ему нужен хороший стрелок для каких-то делишек, хоть Мюр и уверила меня, что они ничего не планируют. Угу. Как же. Такой бульдог, как он, уйдет на покой только если получит сто десять гран[25] в лоб. Поэтому Рин исчезает на неопределенное время, но обещает дать знать, когда ее работа будет закончена.

Второе письмо, без обратного имени адресанта, на фамилию Хеллмонк было еще менее важным. Рекламный листок из алавитской кофейни, отпечатанный на плохой бумаге, плохой краской, от которой у меня сразу же испачкались пальцы. Никаких слов, никаких возможностей выдать себя тем, кто не был в курсе моих дел. Но я понял послание – торговец информацией принял решение, и теперь осталось понять, к добру оно или к худу.

Мы называем алавитами множество народов целого континента, расположенного к юго-востоку от нашего. Очень удобно не ломать себе голову этническим разнообразием, повесив на всех один ярлык. Именно так поступили мои соотечественники из колониального прошлого Королевства, решив, что главное – это золото, специи, чай и другие полезные для государства «люди». А человек, в то время живущий на покоряемых континентах, был материалом расходным, и его судьбой белые господа не слишком-то озабочивались.

Эта привычка – считать ирсов, уйвуров, тайгани, зараи, токмари, фенх

и множество других одним народом, наплевав на их особенности, отношения друг с другом, религию и законы, никуда не делась и в мою эпоху. Порой мы так глубоко окаменеваем в своем невежестве и равнодушии к другим, что до наших сердец не достучаться даже с помощью долота и кувалды.

Владельцем кофейни (у алавитов так принято называть любое заведение, пускай там подают даже запеченного быка, фаршированного сусликами) был соотечественник Меликена, человека, который пригласил меня на разговор. Приняли мою персону вполне радушно, посадили за стол поблизости от натопленной печи.

Я понимал, что ожидание будет долгим, поэтому, после сложного пути через затопленную Риерту, с форсированием десятков каналов, порядком проголодавшись, заказал себе горячей бараньей похлебки с вареным яйцом и куриных крыльев, жаренных в кунжутном масле и меде. Время завтрака прошло, скоро должен был начаться обед и, зная, как тут делаются дела, я вполне рассчитывал, что, возможно, придется дождаться и ужина. У этих ребят ничто не свершается быстро, особенно когда надо взаимодействовать с теми, кого они считают чужаком.

– Желаете свежую газету? – спросил забиравший тарелки помощник владельца.

Это было странно для алавитов, предлагать газету, а не кофе. Настолько странно, что я согласился и получил ее вместе со стаканом, в котором лежала накорябанная от руки бумажка с суммой за обед.

Я пролистал прессу, расплатился и поспешил восвояси. На перекрестке поймал мальчишку, начеркал в блокноте короткую записку и отправил того с поручением в «Кувшинку».

Мосс объявился в моей квартире под вечер, с бумажным пакетом, в котором оказалась бутылка вина. Увидев, как поползли вверх мои брови, неловко пожал плечами:

– Она стоит целое состояние, и мне ее передал Капитан.

Капитан мне не нравился, как и то, что он крутится около Сибиллы и ее заведения.

– Повод есть?

– Это подарок от Старухи. Как знак признания моих заслуг в развитии ее Империи.

Я предпочел не узнавать никакой конкретики.

– И как ты понимаешь, – вздохнул Артур, оглядываясь в поисках штопора, – от некоторых подарков не отказываются. Так что нас ждет «Шато Шеваль Нуар», тысяча восемьсот пятьдесят первого года, за пять

тысяч цинтур.

Я присвистнул.

– Это еще не самое дорогое. Так, мелочь, подходящая лишь для глоток простых парней вроде нас с тобой.

Я бросил ему штопор, сам занялся стаканами, которые вскоре оказались наполнены.

– Пять тысяч цинтур за обычное мерло, – вздохнул я, не понимая, на что люди могут тратить такие деньги.

Мосс, вальяжно расположившийся на стуле, весело хохотнул:

– То есть проявляющийся оттенок эвкалипта, что редко для этого сорта, ты не чувствуешь? Старина, ты с таким же успехом можешь пить какой-нибудь картофельный самогон! Да и хрен с ним.

Я протянул ему полученную в кофейне газету, и Артур скользнул взглядом по заголовку:

– Убийца бактерий! Ученый из Королевства обнаружил, что хлебная плесень уничтожает невидимых врагов человечества, которые вызывают воспаление и болезни! – Мосс взглянул на название газеты. – Вроде не желтая пресса… а какой-то бред. Плесень, бактерии, спасение человечества.

– Да я не об этом! – Сейчас мне было не до новых открытий в медицине. – Раскрой.

Он развернул газету, хмыкнул, разложил ее на столе, проведя ладонью, и подвинул лампу так, чтобы внимательнее рассмотреть сделанный от руки рисунок. Художник использовал для своего творчества не обычную бумагу, которая подходила бы для этого куда как лучше, а «Риертский вестник», набросав линии прямо между строк. И разобраться в этой каше, где одна информация была наложена на другую, на первый взгляд казалось очень непросто.

– Это план целого поместья, судя по размерам. Причем здесь первый этаж, а вот тут – второй, и его нарисовали прямо поверх первого. С кучей ошибок, похоже.

– Видишь пустые дыры? Большая часть помещений не отмечена, он не был в них и не знает, что там.

– Информации недостаточно, хотя почти весь охранный периметр очерчен. Смена караулов, патрули, в саду… собаки? А это с молнией… электрические стены, что ли? Чей дом, скажешь?

– Моего дядюшки, он просил помочь со строительством, и вот у меня есть неполный план моего будущего наследства.

Артур задумался, пригубил вина, понимая, что я даю ему возможность

не нырять уж слишком глубоко в этот колодец. И он решил так и поступить:

– И насколько… сильно ты хочешь перестроить такое большое поместье?

– Еще не определился. Посмотри сюда. – Я ткнул пальцем в здание, находящееся за садом и прудом, довольно далеко от основного, а также прямоугольных построек, скорее всего, лабораторий Брайса. Оно было отмечено крестиком, и к нему шел двойной пунктир от берега. Ориентиром служил маяк.

– Это подземный ход?

– Не знаю. Подземный ход. Или канализация.

– Полезешь в дерьмо, значит?

– Сперва погляжу, что вообще можно сделать. Знаешь же, как с постройкой подобных домов. Нахрапом, да еще и за одну ночь ничего не получится.

– Ночь? – Он цокнул языком. – Забудь про ночь, старина. В мире полно людей, которые не переносят стройку, да еще и если ты затеешь ее ночью… Вот тебе совет опытного человека – не лезь в темноте в незнакомое место. Ты вызовешь гораздо больше переполоха, заблудишься и нос к носу столкнешься с патрульными собаками. А служебные собаки куда хуже людей.

Тут Артур поморщился и решил уточнить:

– Хуже для тебя. Так-то они, конечно, лучше людей, потому что не устают, чуют чужака за сотни ярдов, их нельзя подкупить, и они не отвлекутся на выпивку или сон.

– И какой совет признанного специалиста по стройке?

– Не заниматься строительством. Но такой совет, ганнери, тебе не по душе. Разузнай все. Осторожно. А там уже будем думать.

– Мне позарез нужна помощь Вороненка. Он одобрительно отсалютовал бокалом:

– Мыслишь в верном направлении. Его… таланты упростили бы твою задачу на порядок.

– Помоги его найти.

– Я? Шутишь? Тебе нужен Кроуфорд.

– Мой капрал сейчас парит в клубах серого порошка, носясь из одной безумной вселенной в другую, и я не смогу до него достучаться ближайшие дни.

– Ну, я уже тебе говорил, что наши отношения с войны так и не наладились. Он едва не прикончил меня в Компьерском лесу.

– Он счел оскорбительным, что ты похоронил его брата.

– Я похоронил часть его мертвого брата. Фрагмент. И тот к тому времени вонял прямо у меня под носом. А еще трепался как полумный, и, пожалуй, это было самое невыносимое.

Угу. Я помню, как рассвирепел Вороненок, когда утром не нашел любезного братца, и какое безумие тогда началось. Конфликт мне удалось погасить, но не задуть угли их обоюдной ненависти. Вороненок помнит о брате, Мосс о месяце в горячке из-за ножевой раны.

Они так и не помирились.

– Вороненок все время в движении. То появится в Трущобах, то в разрушенной психушке Лазарета, то в склепах кладбища Стержня, то в Череде. Однажды он год прожил в шалаше на вершине Плавника, а в другой раз Юэн сказал, что краснокожий торчит на Заброшенных островах.

– Ты упоминал кладбище погибших кораблей.

Мосс почесал щетину на толстой щеке:

– Ну да. Юэн набрался джина и хвастал, что они с Вороненком ловили рыбу на киле «Крикета»[26]. Набили целый ящик сардин и обменяли на пачку хорошего табака. Но там ли сейчас дикарь – я не поручусь. Проще дать объявление в газету, чем найти его среди ржавых корыт. – Мосс опустошил бутылку, разлив в стаканы оставшееся вино, которое, к моему удивлению, кончилось довольно быстро. – Весь последний год Кроуфорд мотался к старым кораблям. Там целый остров из них на мели. Начни с него.

– Местные?

– Живут, конечно. Те, кого выселили из города. Кто скрывается от закона, кто не получил гражданства. Говорят, даже зараженные моторией есть, и в трюмах сидят контаги. Может, врут, а может, и нет. В основном люди там промышляют рыбной ловлей, потихоньку пилят свой «дом» на металл да помогают контрабандистам. Там обитает небольшая община, но ребята, хоть и отребье, адекватные.

– Вотчина Старухи?

– Нет. Не ее территория.

– Но чужаков, разумеется, не любят.

Он посмотрел на часы:

– Чужаков нигде не любят, старина. Особенно сейчас, когда ходят слухи о том, что в правительстве хотят поднять вопрос о переплавке стальных покойничков. К незнакомцам относятся подозрительно, считая их инспекторами Министерства развития. Но я добуду тебе свободный пропуск, дай мне денек.

Он действительно сдержал свое слово, и в туманное утро, когда солнце заблудилось и исчезло в облаках, я оказался посреди гавани Светляков, на семьдесят третьем портовом пирсе, где горбатый грузовой кран разгружал прибывший из Галькурды паровой сухогруз, построенный еще в довоенную эпоху.

Докеры занимались работой, но один на мой вопрос, где стоит «Турбиния», махнул рукой за цистерну, из которой в ведра набирали краску для защиты днища корабля:

– Справа, сразу за радиостанцией. Вон. Зеленое здание видишь? За ним.

Зеленого здания я не видел. Но вкуса авокадо – вполне.

«Турбинией» оказался буксир с проржавевшими корпусом и рубкой некогда вкуса моркови, а теперь, скорее, старого пчелиного воска. Кранцы[27] по его бортам походили на безвкусное ожерелье уродливой дамы, которая пытается выглядеть красивой, но результат не оправдал ее ожиданий. Рядом с причалом стояло нечто вроде вахтерки, сколоченной из некрашеных досок, с маленьким грязным окном.

Дверь, несмотря на холод, была открыта, и я, стукнув по косяку для того, чтобы соблюсти приличия, вошел. Почти все помещение занимал квадратный стол, накрытый тряпкой вкуса горчицы, которая здесь явно считалась за скатерть. Трое мужиков в распахнутых бушлатах, под которыми виднелись теплые свитера моряков[28], пили горячий чай и закусывали чесночным хлебом.

Они были старше меня, просоленные суровой жизнью, с грубыми обветренными лицами и колючими взглядами. Один из них, к моему удивлению, оказался мандаринцем.

– Тебя ждем? – говорил он чисто, без малейшего намека на акцент.

– Да.

Больше у меня ничего не спрашивали. На буксире уже разогрелся котел, так что мужики отвязали швартовы, заработал двигатель, и посудина отчалила от берега. Палуба под ногами мелко дрожала из-за усердной работы механизмов, двое взялись за лопаты, неспешно подкидывая уголь в топку, мандаринец стоял у рассохшегося штурвала, ловко направляя «Турбинию» в узкие пространства между грузовыми кораблями, ожидавшими в гавани порта своей очереди на разгрузку.

Чайки орали как полоумные, встречая очередной рыболовецкий траулер, возвращавшийся из Тиветского моря. Мы прошли по Совиному каналу, свернули к Новой земле, обогнули ее с запада и оказались в проливе

Банок. Из-за тумана путь занял больше часа, но здесь благодаря ветру видимость куда лучше, и, добравшись до Камня, мы встали в очередь судов, собиравшихся выходить в море через Рукав Матрэ.

– Зайди, – окликнул меня мандаринец из рубки. – Нам до свалки надо забрать груз. Это займет время. Есть чай в термосе.

Перед ним, приклеенная на стекло, висела маленькая фотокарточка двух детей в национальных костюмах его страны. Термос был конечно же мандаринский, то есть огромный, ярко-вкусовой, расписанный цветами гибискуса. А напиток темно… зеленый, столь горький, что от него саднило в горле и на языке оставался вяжущий привкус. Довольно непривычно после классического чая с бергамотом, который предпочитают в Королевстве.

В рубке было тесно и грязно, но куда теплее, чем на улице. Мандаринец правил одной рукой, заставляя буксир держаться на месте, то и дело подправляя его положение штурвалом – течение здесь было довольно сильным, а фарватер тесным из-за множества судов.

Большие полосатые буи покачивались на неспокойной воде, отмечая границы судоходного пути, на берегу Садов Маджоре каждые несколько минут мигал сигнальный маяк, позволяя начать движение следующему в очереди. Из-за отлива выходящие из Риерты сейчас имели приоритет, и наше время подошло довольно быстро. Мы оказались между отвесных, высоко вздымающихся каменных стен Садов и Белой скалы, среди бесконечного мельтешения пернатых, живущих здесь в любое время года. Их беспрерывные тоскливые, громкие, сварливые и тревожные крики сливались в унисон с протяжными и низкими гудками пароходов.

Мандаринец набил трубку, разжег ее и дал машине полный ход, когда мы вышли в Тиветское море…

Лишь через полтора часа, волоча на буксире побитую баржу, мы вернулись обратно. После Белой скалы повернули на восток, на открытую воду, обходя Утонувшие кварталы и Череду, за которой раскинулось кладбище кораблей, служивших естественным барьером (или искусственным островом) перед Заброшенными островами.

Издавна обманутые течением, мелями и туманами корабли попадали в ловушку, из которой уже не могли выбраться самостоятельно. Они либо ржавели, пока не скрывались под водой, либо их продавали на металл, отправляя в Орден Марка на переплавку.

Потом в правительстве решили, что не стоит платить соседям, когда можно заниматься утилизацией на месте. Проектом загорелся сам Белджи, предложивший создать завод на мелководье, прямо рядом с кладбищем, на

которое привозили суда со всей Риерты, из каналов, порта, с дальних берегов озера Матрэ.

Имя известного ученого и изобретателя являлось серьезной гарантией в стремительно развивающемся индустриальном мире, к тому же умные люди в Министерстве развития решили установить цены на утилизацию гораздо ниже, чем в Ордене Марка, так что довольно быстро был налажен поток списанных судов из других государств.

Никто даже не стал ждать, когда будет достроена платформа переработки, корабли начали прибывать, их загоняли на мели, швартуя рядом друг с другом. А затем началась война.

Военные конфисковали площадку утилизации, которая не успела проработать и нескольких месяцев. Они решили, что здесь отлично можно разместить дальнобойные пушки для встречи Третьего Императорского флота и перекрыть восточные подступы, чтобы уничтожить десант, если косоглазые решат штурмовать город на лодках через Мели. Но искиры с легкостью разбомбили морскую платформу при помощи дирижаблей, раз и навсегда похоронив детище Белджи.

После долгой войны в Риерте обострились проблемы с моторией и контаги, случился переворот, а потом завертелась ерунда с диктатурой, преследованием недовольных, стачками, вспышками эпидемии… и никому больше не было дела до огромной корабельной свалки.

Чужестранец-капитан, знающий здесь каждую мель, вел «Турбинию» на самом малом ходу, только по ему знакомым ориентирам.

Впереди появились торчащие из воды конструкции вкуса карри – сваи, перекошенные платформы, рухнувшие опоры, полузатопленные портовые краны, какие-то огромные емкости, похожие на муравьиные яйца, едва держащиеся стены цехов. Передо мной были останки уничтоженного завода. К нему новые обитатели этого места начали пристраивать дома, собранные из досок, проволоки, листов металла и любого барахла, что можно было найти здесь или притащить с «материка».

Эта «деревня» тянулась по мелководью до корабельного кладбища – огромного массива из старых судов, что высились нагромождением ржавых останков, уходя на восток, едва ли не к самому горизонту. Были здесь и посудины, которые оставались на ходу: несколько хищных, похожих на щук быстроходных катеров, отлично подходящих для тех же контрабандистов, старый, еще колесный, пароход конца прошлого века и небольшая баржа с сильной осадкой, заваленная металлом с разоренных кораблей.

Сушились рыбацкие сети (несмотря на неподходящую для этого

погоду), на растяжках вялилась рыба. Ее вонь донеслась даже до нас, и когда мы огибали торчащий скелет затопленного лайнера с развороченным от удара торпеды бортом, я увидел китобойное судно, вернувшееся из моря с добычей. Кита уже успели разделать, вода вокруг была вкуса переваренной свеклы, точно адская река из крови грешников, и теперь на берегу работали большие коптильни, а темные куски мяса горой лежали прямо на пристани, привлекая к себе всех окрестных птиц, которых отгоняли мальчишки.

Итан Шелби всеядное существо. Он не имеет ничего против даже вареных офицерских сапог во время искирского окружения, но вот есть мясо кита или дельфина мне кажется кощунственным. Все равно что вкусить плоть себе подобного. Хотя… кому я вру? Мы хуже, чем дельфины. Эти хотя бы не делают зла друг другу.

Старина Уолли, как-то узнав о том, что я такой привереда, посмеялся на пару со своим выжившим из ума папашей.

– Ганнери, ты порой слишком щепетилен.

– Должны же у людей быть какие-то принципы? – отшутился я. – У меня их немного, вот и приходится придумывать для себя хоть что-то.

– Это все оригинально в высшем свете, а не в «Шарлотке» и не на твоей улице. Небось, когда мы мерзли в Компьерском лесу, ты был бы только «за» накормить ребят в «Матильде» чем-то вроде пойманного китенка, а?

– Есть только одно «но», мой старый друг.

– Какое?

– В лесу не водятся киты, так что наш спор имеет примерно такой же смысл, как беседа о балете, в котором прима трухлявый пень…

Мандаринец тем временем поставил переключатель в положение «Стоп-машина», и буксир полз к берегу по инерции, чтобы пристать к груженной металлом барже.

– За час управишься? – спросил он у меня.

Я оценил количество лома на этой территории и сколько мне потребуется, чтобы дойти хотя бы на противоположный конец кладбища:

– Сомневаюсь.

– Тогда сам с ними договаривайся, чтобы добраться обратно.

Справедливо. Он не нанимался работать извозчиком и просто оказывал Моссу услугу. Мы расстались, не прощаясь.

На пирсе старая женщина с тысячью косичек на голове посмотрела на мандаринца, и тот, бросая подоспевшим встречающим швартов, едва заметно кивнул ей.

– Это ты друг священника? – У нее был прокуренный голос и глаза как у мертвой рыбы. Бледные и холодные.

– Да.

– Ищешь дикаря?

– Да. Он здесь?

– Иногда приходит, иногда уходит. Когда нужно мясо кита – покупает у нас. Или огненную воду, – ее рот скривился в усмешке. – Он не хочет, чтобы мы ему досаждали. Появляется раз в месяц. Или в два. Или в три.

– Приходит сам. Но не вы ходите к нему?

– Он дал понять, что мы его тяготим.

Очень вежливо с их стороны не беспокоить одинокого человека. Впрочем, зная Вороненка, я понимаю, почему люди не трогают его без особой нужды. Себе дороже нарваться на то, что многие суеверные ребята считают не меньше чем проклятием.

Она скованно мотнула головой:

– Иногда ночью мы видим огонь его костра вон на той стороне… Но уже давно он не горит.

– На «Крикете»?

Она непонимающе посмотрела на меня.

– Старый военный корабль, – пояснил я.

– Здесь везде старые корабли и половина из них пострадала во время войны. Дикарь никогда не бывает подолгу на одном месте. Хочешь, попробуй найти его. Никто из наших возражать не будет. Но если пропадешь или свернешь себе шею, грохнувшись на дно какого-нибудь трюма, не обессудь – искать мы тебя не будем.

Их правила, но всегда есть возможность договориться.

– Покажете мне дорогу к окраинам? – и, видя, что она собирается отказать, добавил: – Заплачу.

Женщина окликнула подростка, который был занят тем, что разжигал в стальной бочке костер:

– Доведи его до сушилен.

Деньги (надо сказать, что названная ею сумма оказалась вполне себе справедливой) поменяли владельца, и сутулый паренек с непокрытой головой, точно пес-поводырь, потрусил вперед, сунув озябшие руки в карманы штанов.

На окраине «деревни» я остановился, чтобы оценить количество ржавых корпусов перед собой. Целое поле старого металла, лес мачт и труб, остова, наполовину скрытые под водой, связанные друг с другом цепями. Маленькие, средние, большие и огромные. Между ними были

перекинуты мостки.

Иногда короткие, иногда длинные и совершенно не внушающие доверия. Мы шли через эту бескрайнюю свалку, забираясь то на сухогруз, то на колесный пароход, иногда делая круги, чтобы обойти провалившиеся участки на палубах или перелезть через демонтированную орудийную башню.

Металл пачкал одежду вкусом карри, не отличимым от вкуса моих волос.

За все время пути мы лишь раз встретили людей. Четверо парней, все возраста моего провожатого, сидели на носу колесного речного парохода, погибшего, судя по копоти на бортах, от сильного пожара, и удили рыбу на мелководье. Они отвлеклись от поплавков, и один из них, чернявый и смешливый, сказал мне:

– Дядь, дай курнуть.

– Отстань, Эдуард, – буркнул ему мой сутулый спутник. – У него дела с дикарем.

Откуда-то издалека ветер доносил мерный тяжелый стук. Тот несколько раз затихал, потом начинался снова, а затем сменился надсадным визгом металла, вгрызающегося в металл. Кто-то разорял кладбище, стараясь немного подзаработать на продаже дармовых материалов.

Еще через полчаса обезьяньих карабканий мы вышли на точку, за которой корабли стояли уже не так плотно, и порой расстояние между ними превышало пятьдесят ярдов. Кое-где вбили сваи, кое-где сделали что-то вроде понтонов, между ними кинули либо доски, либо стальные листы, и идти было тяжело. Ботинки то и дело захлестывала вода, а забираться наверх кораблей приходилось по любой подходящей для этого поверхности.

«Сушильней» оказалась маленькая канонерская лодка прошлого века. Рядом с ней, на боку, сильно погрузившись в ил, точно кит лежала часть йевенского военного крейсера и его киль, так похожий на полозья конька, казалось, хотел рассечь меня.

– Дальше ты сам. – Паренек развернулся на пятках и отправился в обратный путь.

Я оценил открывающиеся виды, туши стальных китов, наметил дорогу, хотя уже не было никаких мостков. До другого конца кладбища кораблей оставалось примерно такое же расстояние, а это означало, что в одиночку мне потребуется день, чтобы хотя бы забраться на каждое из судов, что ожидают здесь вечности.

С другой стороны, я знаю Вороненка. Тот замечает чужаков гораздо

раньше, чем обычные люди, так что, скорее всего, если мой бывший солдат где-то среди этого лома, он сам выйдет ко мне.

Моя напарница-тень была довольно рада окружающему нас разору и, пребывая в чудесном настроении, пока не беспокоила вашего покорного слугу. Возможно, рыскала в трюмах, а может, просто устала за мной таскаться и наконец-то свалила куда подальше, оставив Итана Шелби хотя бы на время. Я был предоставлен самому себе, и меня видел лишь холодный ветер, пахнущий свежевыловленной форелью, да облака.

Не самая плохая компания, признаюсь честно. Я был как командир, поднявшийся в атаку и бросившийся на окопы врага. То есть одинок до чертиков. Не знали? Так и есть. Если встать во весь рост над простреливаемым пространством, крикнуть: «Ребята, за мной!» – и побежать, то на несколько долгих секунд ты самый одинокий человек во вселенной. И самое сложное в такой момент это не поддаться слабости.

Не обернуться.

И не увидеть, что никто особо не горит желанием бежать в штыковую на пулемет. Одиночество вещь относительная, но подобное одиночество – квинтэссенция истинной пустоты, шаг, отделяющий тебя от смерти.

С которой ты уж точно встретишься не в компании твоих солдат. Пускай даже они и поднялись следом.

…Я почти полтора часа провел в поисках каких-то зацепок, думая о всякой фигне и стараясь не рухнуть в воду в те моменты, когда наклон некоторых палуб приближался к девяноста градусам.

Возле затопленной подводной лодки (над водой торчала лишь одна рубка, в которую угодил тяжелый снаряд, раскрыв ее в виде стального цветка), на катере, я увидел отпечаток окровавленной ладони, а у паровой трубы нарисованный от руки знак S. Тоже, судя по темному цвету, рисовали кровью.

Кровавая рука, и река.

Очень характерное изображение для мух-хе-кон-неок, Людей большой реки. В Компьерском лесу Вороненок точно такое же нарисовал на старушке «Матильде», признавая ее своим домом и призывая духов предков защитить ее.

Никто, кстати говоря, не смеялся над ним и этими странными верованиями. Когда ты находишься в аду, любая помощь будет не лишней, даже помощь мертвых индейцев из долины теней. Как говорится, в окопах редко кто остается атеистом.

Я побродил вокруг немного. Покричал, пошумел, постучал по железу, взяв в руки кусок от поручня фальшборта. Короче, весело и с выдумкой

провел время. Затем перебрался на углевоз, думая забраться повыше, возможно даже на мачту, чтобы заглянуть за борт большого броненосца со спиленным носом, закрывавшим от меня весь вид на запад. Примерно в этот момент я почувствовал запах жареного мяса и костра.

Близко. Совсем уж близко.

Как я и говорил, Вороненок сам нашел меня. Он сидел на корточках[29] на «тропе», по которой я недавно проходил, терпеливо ожидая, когда я обращу на него свое внимание. На нем было старое шерстяное одеяло в светлую клетку, с обтрепанными, испачканными ржой краями. Индеец проделал в середине дыру, просунул в нее голову, и получилось пончо. Довольно удобно при такой погоде.

Когда тот неспешно поднялся, мы с ним стали одинакового роста. Вороненок постарел за те годы, что мы не виделись: сальные волосы во многих местах приобрели вкус соли, лицо еще сильнее огрубело, появились новые морщины, глубокие, точно каньоны на смуглой коже.

– Ты мое второе я, – поприветствовал он меня и коснулся предплечьем моего предплечья.

– Ты мое второе я, – почти в унисон ответил я ему и улыбнулся.

Ответной улыбки не дождался. В его племени считалось непростительной слабостью показывать радость от встречи с тем, кого считаешь другом. Радоваться можно лишь смерти врагов, удачной охоте на бизонов, приходу лета и объявлению новой войны. Но глаза Вороненка, маленькие, темные, глубоко запавшие, говорили о том, что он доволен.

Его брови и ресницы были выщипаны до полного отсутствия, вокруг глаз намалеваны… черные круги, а по щекам нарисовано множество… красных тонких линий, идущих от висков до челюсти. На самом деле этих полосок у Вороненка должно быть гораздо больше – каждая говорила о том, что он убил врага в рукопашной, а за время окружения индеец прикончил достаточно искиров штыком, ножом и томагавком. Они могли бы посоревноваться с Кроуфордом на предмет добытых голов, на самом деле.

Другое дело, что Вороненок так расписывал себе лицо, лишь когда собирался сражаться.

– У тебя неприятности?

– Нет, мой брат. Уже нет.

Для мухенока (как искаженно называли это племя белые люди, когда завоевывали Северный континент) любой из моего отряда был братом. Даже Мосс, которого он едва не прирезал. Мы вместе сражались на одной стороне и вместе смешивали кровь друг друга, пуская ее врагам. Для

Людей большой реки это то же самое, что ближайший родственник.

– Предки сказали Желтой Черепахе, что ты вернулся из страны бледнолицей королевы. Я ждал тебя.

– Как он поживает?

– Спит и видит сны. Он любит спать. Это почти как смерть, но слаще. Будет говорить с тобой.

Он легкой поступью направился в сторону броненосца, пружинисто перепрыгнул на него, терпеливо дождался куда более неуклюжего меня. Поманил внутрь.

Здесь был холодный металл, грязь, мусор, витал горький запах дыма и усиливающийся – жареного мяса.

– Ждал тебя. Приготовил, – не оборачиваясь, сказал мой солдат.

В традициях его народа было есть диких собак, и я, совсем недавно рассуждавший о том, что у меня имеются некоторые моральные принципы в вопросах питания в мирное время, внутренне содрогнулся, но в остатках бывшей кают-компании с выбитыми иллюминаторами на костре жарилась целая коза, а не собака.

Оставалось лишь догадываться, где он ее добыл среди свалки.

– Ты мое второе я[30], – прошелестел голос у стены.

Я подошел поближе и сказал (очень тяжело правильно думать о цвете сейчас)… Желтой Черепахе:

– Ты мое второе я. Рад, что ты все еще здесь.

– Вы, бледнолицые, всегда слишком… – Желтая Черепаха запнулся, перебирая слова чужого для него языка. – Сентиментальны. Точно юные скво, которым не дано расписывать лицо[31].

Черепаха – младший брат Вороненка. Они оба находились в Первой Конфедератской дивизии генерала Вильсона, которая, как и многие другие подразделения Союза, угодила под удар искиров, оказалась разгромлена и закончила свою жизнь в болотах перед Компьерским лесом.

Желтая Черепаха тоже был моим солдатом, правда, недолго. Его убили через пять дней после нашего знакомства, во время лютой рукопашной схватки, когда мы пытались восстановить рельсовое полотно, а искиры старались помешать нам это сделать и вывести крошку «Матильду» к точке триста тридцать три того, что через несколько месяцев солдаты назовут Адским коридором.

Так что теперь я смотрел на высушенную темную человеческую голову, не растерявшую знакомые черты, размером со средний апельсин, которая висела привязанная за волосы к скобе, торчащей из стены. Его веки

были зашиты, как и губы, но голос лился из них без всякого наличия воздуха, легких, связок и гортани.

Хенстридж во время нашей единственной встречи сказал, что в мире нет никакой магии. Есть лишь законы физики, математики, химии и других наук. Охотно бы посмотрел на него, если бы он встретился с Желтой Черепахой. Человеком, убитым с десяток лет назад, которому брат отрубил голову, снял кожу с черепа, а затем (когда мы думали, что Вороненок окончательно свихнулся) пел свои странные жуткие песни и грел камушки. Расскажите мне, какая наука позволяет покойнику, куску плоти, всего лишь коже и волосам, жить, мыслить, видеть сны и существовать вопреки всем привычным законам мироздания.

– В тебе спит болезнь.

– Ты ошибся. Я здоров.

– Болезнь живет не в теле. В твоем духе. Он сильно истончился, а голодный волк ходит кругами, ждет…

– Ждет чего?

– Твоей слабости. Это то, что бледнолицые называют ингениумом? Твоя болезнь? Я уже несколько раз чувствовал таких, как ты, в городе. Плохо.

Плохо то, что все больше людей и тех, кто ими когда-то был, узнают, что я такое.

– Когда мы сражались, ты не замечал волка.

– Дети не могут сразу бегать, они сперва учатся ходить. Я тоже учился, и теперь видеть скрытое гораздо легче.

Вороненок, слушая нас, снял вертел с козой, начал нарезать мясо ножом, укладывая его на обрывки картона. Информация о том, что во мне есть способности, оставила его равнодушным.

– Видеть скрытое… – повторил я. – Мосс сказал, что тайная полиция искала вас.

– Бледнолицых часто ведет жажда власти. Как многих из дене[32] ведет пристрастие к огненной воде. И от воды и от жандармов стоит держаться так же далеко, как от раздраженной самки ниты[33].

– Будем есть. – Вороненок протянул мне порезанное мясо, от которого шел пар.

Оно было жестким, и в нем отсутствовал всякий намек на соль. Я неспешно жевал, жир застывал на пальцах, от огня, точно забитый листьями слабый ручеек, сочилось тепло. В молчании мы провели больше двадцати минут, причем половину времени я дожидался, когда мой солдат

будет готов говорить. У индейцев правило, что никакие дела нельзя обсуждать, пока не преломишь хлебную лепешку с гостем. За неимением последней – хлебом выступала коза.

Наконец он бросил картонную «тарелку» на пол, вытер руки об пончо, прислушался к тихому бормотанию Желтой Черепахи, который, казалось, впал в дрему.

– Почему ты все еще здесь?

Лицо Вороненка осталось непроницаемым, но было видно, что он не понял вопроса, и я уточнил:

– Остался в Риерте. В чужой стране, не вернулся домой, в Конфедерацию.

– Много причин, ганнери. Страна моего народа сильно изменилась из-за бледнолицых. Нас согнали с наших земель, заставили покинуть леса, прерии и горы, уйти на запад. Жить по чужим законам и правилам. Там, на мертвых камнях. Наш образ жизни не ценен для вас, дома, покрытые корой вяза, разрушают, стада бизонов уничтожают и складывают из их черепов высокие горы, закрывающие луны. Нас заставляют перестать почитать предков и приказывают поклоняться не волку, бизону и угрю, а кресту. Наших детей отбирают, отдают на воспитание бледнолицым и принуждают служить им, точно угли[34]. Та страна для меня так же чужда, как и эта. Моей родины не стало еще при моем отце, так что нет разницы, где течет твоя жизнь. Конфедерация Отцов Основателей не имеет ничего общего с Землей Где Поют Ветра. Она в прошлом.

Он никогда не говорил об этом со мной, и я немного удивленно произнес:

– Но вместе с тем ты вступил в армию и сражался на их стороне.

– Это не мое желание. – Он расправил плечи. – Предки сказали.

Да уж. У каждого были свои резоны влезть в самую большую бойню в истории человечества. Одному нашептали бестелесные покойники, другой купился на агитационные плакаты, наштампованные государственной машиной пропаганды.

Вороненок сложил пальцы, показал мне движение левой рукой, но я только покачал головой. У его народа много слов, которые они не произносят, а показывают. К сожалению, мое знание языка жестов мухеноков не так глубоко, как бы мне хотелось.

– Предназначение, – подумав, подобрал слово Вороненок. – Желтая Черепаха говорит, что нам рано уезжать. Тени мертвых просят нас быть в мире трусливых убийц.

Вот это я понимал. Индейцы осуждают прогресс, хотя большинство из

них не знает такого термина. Ведь, по сути своей, прогресс узаконил убийства и превратил их из сложной работы в довольно легкое дело. Раньше людям приходилось стараться для того, чтобы лишить жизни врага. Брать секиру, подходить к нему вплотную, видеть его глаза, чувствовать дыхание. И когда ты побеждал, то слышал, как ломаются ребра противника, как он кричит от боли, плачет, зовет мать, облив твое лицо каплями горячей крови.

Ты принимал его смерть. Брал за нее ответственность на себя. Становился воином. Радовал предков доблестью и мастерством.

Теперь же все слишком сильно изменилось. Правильно наведи пушку, отправь снаряд на десяток миль, куда-то в совершенно невидимое тобой место, и что там произойдет дальше – уже не твоя забота. Ты никогда не увидишь трупов тех, кого убил. Не примешь их дух и не проснешься от осознания содеянного.

– Но ты на тропе войны. – Я коснулся двумя пальцами губ, этот жест я как раз знаю, он означает «посмотри на себя». – Краска на твоем лице.

– Приходили дурные люди, и я дрался.

– А они? Они дрались?

Вороненок скрестил предплечья быстрым жестом, и Желтая Черепаха, очнувшись, пояснил:

– Нет. Они считали себя охотниками, а моего брата глупым бобром, который не знает, когда к нему подкрадываются.

Понятно. Значит, где-то среди кладбища кораблей есть теперь и кладбище глупцов.

– Я прогнал твоего волка, – голова говорила негромко, и мне пришлось податься назад, чтобы ее слышать. – Но он вновь наберется смелости и вернется. Ты стоишь на краю Великого каньона, брат, и можешь упасть вниз, наступив на первый ненадежный камень. В мире предков семена твоей души прорастут вновь.

Утешение так себе.

– Спасибо, Желтая Черепаха, – теперь слово «желтый» я сказал легко. Цвета вновь вернулись ко мне, но я уже не удивлялся.

– Ты пришел за помощью? – Вороненок смотрел куда-то в сторону.

– Да. Мне нужны твои перья.

– Будет большая война, – шепнул Черепаха, глядя на меня сквозь зашитые веки. – Много крови. Хорошая песня для воина. И огонь сожжет многих. Ты мог бы красить лицо, как и мой брат.

– Боюсь, в городе меня не поймут и примут за сумасшедшего.

– Да, – печально произнес мертвец. – Бледнолицые любят красиво

одеваться, много есть и спать на перинах. Они забыли свое прошлое, стали изнеженны и жестоки, как неразумные дети. Вороненок поможет тебе.

Младший брат всегда принимал решения в подобных вопросах. Без него мой солдат никогда не связывал перышки.

– Когда тебе нужно? – Индеец получил разрешение и остался доволен этим.

– Как только ты сможешь.

Он обдумал мои слова и резко наклонил голову, застыв так, что означало принятие решения.

– Значит, сегодня. Ты ждешь. Он встал и вышел неслышно.

Вместе с Кроуфордом они часто уходили в разведку. Высокий индеец и маленький несуразный коротышка. Растворялись среди зимнего леса, порой возвращаясь через несколько дней, когда мы уже считали, что их обоих прикончили искиры. Они приносили ценные сведения или, что еще более важно – еду для тех, кто защищал «Матильду».

И скальпы.

– Они-ва сото! Они-ва сото! – кричали искиры.

Мы все были демонами зимнего леса, но некоторые из нас – в особенности.

Я расположился у стены, подстелив картонку на ледяной пол, наблюдая за тем, как догорает огонь, который нечем было кормить. Желтая Черепаха висел рядом, молчал, но я чувствовал, что он здесь, а не унесся куда-то разговаривать с бесплотными душами предков.

Несколько раз мне чудилось, что из глубины корабля раздаются тихие стоны, словно там томится привидение. Вполне возможно, так и было. Например, призрак этой посудины, использованной и брошенной ржаветь до скончания века на мелководье.

Вороненок вернулся, когда тени стали глубже, а от пламени ничего не осталось. В руке он нес большую окровавленную чайку, добытую с помощью удачного броска камнем. Индеец сел на корточки, одним ловким ударом отрубил томагавком лапы птице и кинул их в остывший пепел, который сизой потревоженной дымкой поднялся в воздух, но вместо того, чтобы вновь осесть, остался висеть странным облаком, приняв форму листа вяза.

Вороненок последовательно потрошил птицу, отправлял к отрубленным лапам внутренности, размазывая их по картону, тихонько напевая что-то протяжноеивтожевремя грубое и гортанное. Иногда его голос повышался, становился тонким и лающим, точно песнь койота, а затем лист обрел материальность, вспыхнул огнем, которого я не

чувствовал своим даром, лишь видел глазами – искрами упал на птичьи потроха и жег их, пока комната не наполнилась запахом обугленной плоти.

Мне казалось, Желтая Черепаха улыбается мертвыми губами, шевелит ими, просит о жестоком дожде, что своим ревом заглушит даже грохот бегущего стада бизонов, а тела обнаженных скво будут плясать среди холодных потоков, призывая всех воинов взять копья, палицы и томагавки, чтобы порадовать щедрых предков.

Голова начала кружиться, точно я выпил лишнего, приходилось все время фокусировать зрение, потому что стены каюты то и дело норовили затеять движение, пуститься в пляс вокруг огня, который появился лишь благодаря словам Вороненка.

Это тянулось вечность, воздух, несмотря на сквозняк, сделался тяжелым, густым и ощутимо затвердел, не желая попадать в легкие. Находиться здесь стало невыносимо, и я поднялся, чтобы пройтись. Никто из братьев даже не заметил моего ухода.

Ветер на палубе проветрил мои мозги, и я решил не возвращаться обратно, пока звучит песня Вороненка. Основываясь на прежнем опыте, могу сказать, что это займет от получаса до трех.

Глубокой осенью в Риерте солнце садилось рано, и времени, чтобы возвратиться к разрушенному заводу, до того как настанет ночь, оставалось впритык. Я не особо переживал по этому поводу, решив в крайнем случае заночевать здесь. Одно я знал точно: идти через кладбище кораблей по темноте – рискованное предприятие. Не желаю переломать все кости, грохнувшись в провал и напоровшись животом на стальной прут. Слишком бесславный конец, чтобы он привлекал меня без какой-либо серьезной на то причины.

Ради любопытства я достал из кармана заранее подготовленный квадратный фонарик на батарейках, спустился по трапу на вторую палубу. В одном из помещений оказался полосатый матрас, из-под которого торчал деревянный приклад. Я выудил оружие и с удивлением поднял брови, не поверив своим глазам.

Дальнобойная «Вельд» для охотников. Вещь довольно дорогая, и как она попала к Вороненку? Я покрутил винтовку и так и эдак, вышел с ней наверх, изучил клеймо оружейника под тусклым солнечным светом и, ругнувшись, отложил ее в сторону, вновь вернувшись в недра старого военного корабля.

Я заглянул в каждый отсек на палубе, кроме тех, что оказались заварены еще в то время, когда броненосец отправили на слом. Ничего, кроме пыли, ржавчины, скопившейся после дождя воды и всеобщего

запустения. Может, кто другой бы и бросил заниматься глупостями, но я нашел «Вельд» и, все еще до конца не веря самому себе, спустился по трапу в чрево, почти к самому погребу боезапаса демонтированной кормовой башенной установки.

Луч фонаря выхватил из мрака черного демона в холщовой светло-голубой спецовке, пропитанной кровью. Когда свет упал ему на глаза, он громко застонал, и этот стон испуганным голубем взмыл вверх, отражаясь от стен, слился с едва слышной здесь песнью Вороненка.

Я опустился перед человеком на колени, проверил жилку на шее. Он потерял достаточно крови и сильно ослаб, чтобы сопротивляться, но его руки и ноги были связаны кожаными ремнями, широкими и надежными. Рана была рубленой, от томагавка, довольно глубокой, как я полагаю, но Вороненок остановил кровотечение и наложил тугую повязку. Впрочем, это не поможет, если раненый не окажется в больнице.

Второго пленника я нашел в дальнем конце помещения, привязанным к надежной стальной трубе не только за руки, но и за шею. Еще один ремень глубоко впивался в кожу его лба так, что он не мог поворачивать голову. Кровь из разбитых губ запеклась на пышных усах и бороде, он щурился, пытаясь разглядеть за светом, бившим ему в лицо, того, кто пришел.

Я направил фонарь так, чтобы он увидел меня, и в его глазах появилось удивление, надежда, впрочем мгновенно сменившиеся сомнением и тревогой.

– Итан, блади побери всех чертей, – просипел Джейк Осмунд Вильям Третий, попытался сплюнуть липкую слюну, но та, не долетев до пола, застряла у него в бороде. – Вас я ожидал увидеть здесь в последнюю очередь.

Я разрезал ремни на его лбу и шее:

– Лучше бы вы продолжали охотиться на контаги в Старой Академии, мой друг.

– Есть вода? До смерти хочется пить.

– Ждите. Скоро вернусь.

– Постойте! Развяжите меня! Этот чертов дикарь…

– Ждите! – резко сказал я ему, и он, услышав в моем голосе нечто такое, что ему не понравилось, умолк, посмотрев на меня с раздражением, но больше возражать не стал.

Кружку я видел в кают-компании. Пришлось вернуться к Вороненку. И, пока я ходил, он ни на мгновение не отвлекся от своих песен и методичного ощипывания чайки. Я чувствовал, как Желтая Черепаха

следит за мной. Вот уж кому-кому, а ему предки вполне успели нашептать, где я был и что нашел. Он не остановил меня, я ощутил лишь скрытую усмешку, словно мертвец опять сказал о том, что я как юная жалостливая скво без права красить свое лицо.

Дождевой воды в некоторых помещениях было хоть залейся, черпай из глубоких луж сколько угодно. Возможно, не такое высокое качество, на какое рассчитывает конфедерат в дорогих ресторанах, где подадут бутылку, наполненную из курортного минерального источника, но сейчас пусть довольствуется тем, что есть.

– Думал, вы не вернетесь, – сказал Осмунд, когда я оказался рядом с ним.

– Пейте осторожно. Я держу кружку.

Он грязно ругнулся в мой адрес, окончательно поняв, что я не собираюсь развязывать ему руки, и ткнулся носом в питье, не отрываясь, пока вода не исчезла.

– Черт. Спасибо, Итан.

– Давно вы здесь?

– Какой сегодня день? Я, знаете ли, немного потерялся во времени. Здесь вечный мрак.

– Среда.

– Значит, пошли третьи сутки. Мухенок не особо дружелюбный человек.

– Для вас мух-хе-кон-неок. Называйте его племя и народ правильно, если хотите выбраться. Мыши не стоит злить кошку, раз уж оказалась в ее когтях.

Осмунд хмыкнул:

– Выбраться. У меня есть шанс?

– Шанс всегда есть. Я поговорю с ним, когда появится такая возможность.

– Вы знакомы?

– Он служил под моим началом.

Конфедерату потребовалось несколько секунд, чтобы переварить эту информацию:

– Забавное совпадение. И встреча.

– Не забавнее встречи в Старой Академии.

Осмунд облизал языком губы. Ему все еще хотелось пить, и он, ни на что не надеясь, предложил:

– А быть может, просто избавите меня от ремней, и я уйду без всякой лишней риторики и дипломатии?

– Так дела с индейцами не делаются. Он найдет вас и прикончит. Плохая примета, если пленник убегает. Это порочит честь воина.

– Не делаются, – повторил он, думая о чем-то своем, и поинтересовался: – А если вы не договоритесь?

Я подался к нему, сказав жестко:

– Вы, кажется, цените прямолинейность в людях, Джейк. Если я не договорюсь, то вы умрете, полагаю. Зная своего человека и то, как он применял к искирам пытки, распространенные среди его народа, вполне возможно, умрете не очень приятной смертью. Кожаный ремень на вашей шее, несмотря на холод, успел достаточно высохнуть. Вы бы задохнулись, найди я вас день спустя. Прийти сюда было вашей фатальной ошибкой, мой друг.

– Я пришел без зла в сердце.

Я похлопал его по плечу, выпрямляясь:

– Добрые люди не носят с собой дальнобойный «Вельд», сэр. Но вам пока рано волноваться. Я договорюсь, наберитесь терпения, и я приду за вами.

– Итан! – окликнул он меня. – Мой негр. Как он?

– Не ожидал, что вы заинтересуетесь здоровьем раба.

– Я не лишен некоторой сентиментальности к полезным вещам. – Осмунд постарался, чтобы я не очень-то думал, будто он беспокоится об Олауде.

– Конечно… Полезные вещи довольно уникальны. Он жив и, думаю, выкарабкается, попади к врачу. Если я договорюсь, вам придется тащить… свои вещи самостоятельно. Сами они идти не смогут.

Вороненок закончил песню спустя час, оборвав ее на высокой ноте, вышел ко мне на палубу. Желтая Черепаха был привязан к его поясу, болтаясь на бедре, и в сумерках выглядел куда более отталкивающе и жутко, чем в полумраке помещения.

Индеец протянул мне широкую ладонь, на ней лежало три маленьких серо-белых пучка перьев, испачканных уже подсохшей кровью и обмотанных несколькими цветными нитками.

– Целых три? – удивился я.

– Так сказали духи. Им лучше знать, сколько тебе надо. Не чаще одного за день.

Я забрал перья, которыми до этого пользовался на войне:

– Благодарю, брат. Ты очень помог.

Тот важно кивнул, принимая эту благодарность и ничуть не отрицая проделанной им работы.

– Духи добры к тебе. Ты спускался вниз.

– Хочу, чтобы ты отпустил пленников, а сам скрылся на какое-то время.

Индеец посмотрел на воду.

– Ты знаком с ним?

– Да. Он мне помог, и я у него в долгу.

Вороненок молчал, и Желтая Черепаха принял решение:

– Духам они не нужны. Пусть уходят. Но в следующую охоту мы убьем их сразу.

Я хотел спросить, почему они не сделали это сейчас, но знал ответ.

Духи не велели.

– Как мне вас найти?

Вороненок с непроницаемым лицом ответил:

– Желтая Черепаха узнает, если мы тебе потребуемся. И поймешь, куда идти. Ты мое второе я.

– Ты мое второе я.

– Ты мое второе я, – сказал я им уже вслед, так как индеец одним движением перепрыгнул на соседний корабль, унося с собой брата.

Глава восьмая
ПАТРИОТ

Несмотря на то что Земля Славных считалась одним из лучших районов Риерты, грязи на улицах было едва ли не по колено из-за поднявшейся, а потом ушедшей воды. Остаться чистым, пройдя по такому месиву, можно только если ты прогуливаешься на цирковых ходулях.

Жирная грязь сочилась влагой, и подобное явление на фронте называлось приветом от покойничков. Когда артиллерии обеих сторон перепахали землю снарядами так, что все обозримое пространство превратилось в одну воронку, в которой можно было утонуть, как в болоте, вместе с лесами, деревнями и полями в ничто превратились и тысячи людей, навсегда погребенные в толще грязи. Погибшие возвращались к живым лишь запахом в ядовитой воде. Стоило наступить ногой на землю, как в следы набирались лужицы, смердящие полем битвы.

В этой зловонной жиже задыхались и тонули не только солдаты, но и лошади, навсегда исчезали даже танки. Так что на пути к гостинице «Континент» ассоциации у меня возникли самые неприятные.

Возле входа расторопный мальчишка пристроился чистить обувь, и я конечно же обратился к нему за помощью, прежде чем войти в самый дорогой отель Риерты.

Усатый администратор, оценив мою простую одежду и решив, что вряд ли я позволю себе здесь номер, вежливо поинтересовался о цели моего визита. Я так же вежливо сообщил, что приглашен Джейком Осмундом Вильямом Третьим. По звонку появился портье, который поднял посетителя на лифте прямо в номер конфедерата.

Тот встретил меня с сигарой в зубах, по-медвежьи стиснул руку, затем махнул в сторону полосатого дивана, приглашая садиться. Лицо у него было разбито, Осмунд походил на пирата, но пребывал в приподнятом настроении.

– Выпьете со мной?

– Охотно, – согласился я, не желая отказывать ему.

Он взял бутылку «Дикого Волстеда», налил мне, сказав:

– За судьбоносные знакомства. Мы стукнулись стаканами.

– Как ваш раб?

– Его лечение в больнице дукса будет стоить мне как пяток молодых

негров для работы на плантации. Блади, Старый Свет умеет тянуть деньги из людей так, что плавится не только мой кошелек, но и мое сердце.

– В чем смысл богатства, если его нельзя тратить?

– Золотые слова, Итан! Но иногда я не могу расстаться с деньгами при всем своем желании. Например, в этой прекрасной, но чертовой стране просто невозможно купить для себя раба, который хотя бы на время мог заменить моего Ола-уду и подливать мне бурбон!

– Не понимаю ваших проблем. В любом приличном агентстве города вам с радостью предложат нанять работника. Камердинеры Королевства конечно же вне конкуренции благодаря традиционному обучению, но и здесь, уверен, отличный штат слуг, которые готовы будут обеспечить надлежащий комфорт человеку вашего положения.

Он рассмеялся по-отечески тепло, словно я сказал что-то ужасно наивное.

– Дорогой друг. Вы все время забываете о разнице в менталитетах наших стран. Мой прадед, приплывший из Сплава в Конфедерацию, тогда еще колонию Королевства, купил свой первый акр земли и несколько рабов. Мой дед, мой отец, а потом и я – преумножили его начинания. Ранчо, земли, сахарный тростник, кукуруза, хлопок, табак и скот. Иметь рабов для меня – это естественное состояние. Традиции моей страны крепко отождествлены с институтом рабства – величайшей материальной выгодой мира после мотории и золота. Рабская рабочая сила производит продукт, который составляет крупнейшие и важнейшие части коммерческой деятельности южных штатов. Эти продукты свойственны климату, который граничит с тропическим, а по законам природы никто, кроме черной расы, не в силах настолько хорошо перенести жар экваториального солнца…

– Как это связано с наймом камердинера?

– Для меня, дорогой мистер Шелби, черт побери, совершенно неестественно эксплуатировать белого в качестве прислуги! Чтобы он вытирал пыль, гладил мне рубашку, накрывал на стол и наливал горячую воду в ванну! Это обязанность раба, а не свободного человека! Простите, мои моральные принципы не позволят делать подобные вещи. Это дикость какая-то!

Я прикрыл глаза, думая, что у некоторых в голове творятся куда более дикие вещи, чем они считают, но ответил:

– Понимаю.

– Опять эта ваша дипломатия. Знаете же, я не обижусь на правду.

– Мы уже обсуждали тему угнетения чернокожих в вашей стране и мое отношение, как и многих других, к подобному явлению. Я привел

аргументы, их привели вы, и мы друг друга прекрасно поняли. Так что давайте не возвращаться к старым беседам, Джейк. Лучше расскажите про охоту на моего индейца.

Он поставил бокал на столик, откинулся на спинку дивана, и лицо его стало печально.

– Вот о чем я говорю, мой друг. Вы мыслите шаблонами.

– Шаблонами?

Осмунд махнул рукой, и в этом жесте был укор и понимание, что меня не исправить.

– Предрассудками, суевериями, какие там еще подходящие слова есть в вашем ловлэнде? Стереотип, клише. Если я рабовладелец, то, значит, охочусь на краснокожих. Вот что вы решили, иянесмогу вас переубедить.

– Я не судья, Джейк, не присяжные и не прокурор вместе со следователем. В ваши обязанности не входит меня в чем-то переубеждать. Я допускаю, что мои суждения могут быть ошибочными, и да, признаю, что стереотипы сильны над всеми нами, особенно зная, как в Конфедерации относятся к многим племенам дене и в какие резервации они загнаны. Вы сами сказали, что человек совсем другого воспитания, следуете традициям далекой для меня страны, к тому же при вас была «Вельд», с которой вы открывали охотничий сезона на контаги.

– Ваш индеец первым напал на нас. Томагавк влетел в Олауду без всякого предупреждения, а я, прежде чем успел достать револьвер, получил в зубы и очнулся уже в трюме, или как называлась та дыра?

Я прикрыл глаза на мгновение, понимая, как ненавижу все эти игры и хождения кругами, затем посмотрел на своего собеседника через стакан.

– Я знаю, что вы скажете. Вы просто решили прогуляться со своим рабом по столь интересному месту, как кладбище кораблей, а ружье притащили на тот случай, если подвернется особо жирный баклан.

Он хохотнул, но никак не прокомментировал это, впрочем сохранив дружелюбное выражение на лице. Ждал продолжения.

– Давайте не будем считать друг друга идиотами, Джейк. Я здесь, чтобы получить ответы, а вы пригласили меня, чтобы я попытался помочь вам с моим солдатом. Мы, так сказать, нуждаемся друг в друге, но, попивая бурбон и разговаривая на отвлеченные темы, не приближаемся к результату. Так что я начну, а вы подхватите, если захотите.

Он вздохнул:

– Вы очень вежливый и тактичный человек.

– Вроде у конфедератов есть поговорка, что следует быть вежливым с каждым человеком, потому что никогда не знаешь, кто из них попадет в

число двенадцати присяжных заседателей? Итак… надо полагать, частью неприятностей, что случились со мной, я обязан лично вам.

Он замер, нахмурился и сказал сухо:

– Я запутался, Итан. Вам придется объясниться, так как я считал, что ваш кредит доверия ко мне не предполагает никаких обвинений.

На это я ответил еще одной конфедератской поговоркой:

– Если бы кредиты было получать так просто, как об этом говорят некоторые банкиры, никто бы не грабил банки, мой… друг. Полагаю, что неприятности, случившиеся после полета на «Барнсе Уоллесе», ваших рук дело. О, не беспокойтесь. – Я увидел, как он сплел пальцы. – Если вы не понимаете, о чем речь, или забыли, то я вам напомню. После прибытия в Риерту в моих вещах нашли «Якорь». Его подкинули мне, пробравшись в каюту. Вы вряд ли бы с этим справились, но, полагаю, Олауда мог подбросить ампулы, украденные из моего кабинета в Хервингемме.

Конфедерат покачал головой:

– Невероятная чушь. Я бы счел, что кое-кто напился бурбона, но вы почти не притронулись к стакану. Мне кажется, вы нездоровы, если признаетесь, что владеете средством, блокирующим ингениум.

– Вряд ли информация, которая и так вам известна, вас шокирует. Отдаю должное – вы очень разумно распорядились «Якорем», чтобы устранить меня.

– Думаю, вам пора, мой друг. – Осмунд поднялся, но я проигнорировал этот намек.

– Если я уйду, то вы потерпите фиаско с Вороненком. Весь ваш приезд в Риерту окажется бессмысленным. Вы действительно этого хотите?

Он сел, рассмеялся и опрокинул в себя выпивку. Налил еще, но не стал предлагать мне.

– Забавно, Итан. В конце концов, не каждый день при мне несут столь несуразный бред. Продолжайте, прошу вас.

– Полагаю, что вы работаете на Казначейскую службу. Управление стратегии[35].

– Вряд ли вы дождетесь от меня подтверждения. – Конфедерат улыбался, но в его глазах появилась неуверенность.

– Полагаю, все началось с того, что Хенстридж, да-да, можете не говорить, что не знаете, кто это… с того, что Хенстридж предложил результаты своих исследований нескольким странам. В том числе и конфедератам. Затем у него появилась возможность выбирать из того, что пообещали ему покупатели, и он остановился на Империи. Ученые люди странные, они хорошо разбираются в формулах и лабораторных работах,

но не всегда оценивают последствия своих поступков в общении с государствами. Нельзя показать голодной акуле кусок мяса, затем сказать «я передумал и отдал его косатке» и вылезти из воды с целыми руками-ногами. Рассказать о новой технологии и думать, что отправленные «в отставку» страны вдруг забудут об этом – очень, очень наивно. Кто-то из вашего Казначейства проследил за риертцем, как проследили за ним искиры, увидел, что он пришел ко мне, и решил взять дело в свои руки. Люди вашего учреждения, уверен, их достаточно в посольстве, находящемся в Хервингемме, провели обыски у меня, убив при этом случайного свидетеля – несчастного консьержа. Сперва я думал на искиров, затем на тайную полицию дукса, но что-то не сходилось. Наше знакомство на дирижабле было отнюдь не случайным. Совершенно разумное решение – пообщаться с человеком, который летит в Риерту сразу же после разговора с одним из создателей мотории. И так же совершенно разумно убрать его с дороги на тот случай, если он что-то знает и сможет помешать. И «Якорь» пригодился. Правда, как я понимаю, вы несколько неуютно ощутили себя после такой подставы, поэтому донесли до тайной полиции, что я работаю на Королевскую службу, надеясь, что это как-то мне поможет.

– Помогло?

– Не особо.

– Если придерживаться вашей версии всего произошедшего, то мне крайне повезло, что вы не злопамятный человек. Будь иначе, вряд ли вы помогли бы мне выбраться из той неловкой ситуации, в которую я угодил с индейцем.

Я с серьезным видом ответил ему:

– Я очень сентиментален, а ваше любезное приглашение на завтрак в Старой Академии было так кстати, что просто не могу сильно обижаться.

Он не поверил. И правильно сделал. Право, ни один омлет не может загладить той хрени, что обрушилась на меня после привлечения внимания риертской таможни.

Я видел, как конфедерат пытается просчитать варианты, предугадать мой следующий ход, понять, что сделает тот, кто должен быть довольно зол. И решить, стоит ли тянуть руку к выпирающей подушке дивана, за которой прячется пистолет?

Наконец он выбрал тактику, которую счел оправданной.

– Я патриот своей страны, – осторожно произнес Осмунд.

– Охотно верю, – благосклонно улыбнулся я, не спуская с него взгляда. – Патриотизм – это настоящая добродетель, но в этой добродетели

скрыто множество яда. Мой лейтенант, воспитанный и неглупый человек, как-то сказал, что в первую очередь стоит быть джентльменом, а затем уже патриотом, так как часто два этих понятия входят в противоречие друг с другом.

Конфедерат поджал губы, но решил не спорить, продолжив развивать свою мысль дальше:

– И как патриот, я стараюсь помогать моей стране время от времени. Вы во многом ошибаетесь, Итан, и ваши логические утверждения изначально строятся на ошибочном предположении. Не имею никакого отношения к достославному Казначейству и не состою ни на какой государственной службе. Я богатый бездельник, который достиг того возраста, когда хочется удовлетворять свои прихоти разными способами. В том числе и во время путешествий. Но не могу не признать, что я знаком с разными людьми в правящих кругах, и время от времени они просят меня о мелких услугах.

– И конечно же вам, как патриоту, не сложно их оказать.

– Приехав в Риерту, я отдыхаю и в свободное время пытаюсь выполнить просьбу близких друзей. Да, я знаю о проблемах, связанных с Хенстриджем. Он действительно предлагал моему государству свой проект, но, можете верить или нет – не веду его дело. Я не давал никаких приказов на ваш счет Олауде и не получал никаких… – он помолчал, подбирая нейтральное слово. – Рекомендаций от моих друзей, чтобы вам препятствовать. Если вам кто-то и подбросил «Якорь», то это был другой, возможно подкупленный, член команды. Признаю. Я знал об этом плане, но было выше моих возможностей помешать ему.

– Ну конечно же.

– И да, это я пустил слух, что вы работаете на Королевскую службу, чтобы хоть как-то обезопасить вас после ареста.

– Очень любезно с вашей стороны, Джейк. Ну, раз мы прояснили ситуацию и…

– А мы прояснили? – Конфедерат положил большие ладони себе на колени, стараясь не спугнуть удачу.

Я допил бурбон, прежде чем ответить. И вправду не собираюсь топтаться на этом, мне и так есть чем занять себя, кроме как связываться со службой Осмунда. Еще один сильный противник мне совершенно не нужен.

– Прояснили, – подтвердил я. – Не собираюсь как-то мешать вашим делам… простите, отдыху в Риерте, если вы сделаете то же самое на мой счет.

– Честная сделка.

– С другой стороны, остается мой солдат. Полагаю, что глупо беспокоиться за него, но вы не из тех людей, кто отступает, даже получив в зубы. Боюсь, все закончится плачевно. Скорее всего, для вас, но всегда есть шанс, что и для него. Так что если вы не просто охотитесь за индейцем, я готов помочь.

Уточнять, что я готов помочь Вороненку, а не Осмунду, я не стал. Он был отнюдь не дураком и все прекрасно понял.

– Политика правительства изменилась после Великой войны. Мы продвигаемся на запад, формируем новые штаты, создаем колонии и теперь стараемся обходиться с дикарями по совести.

– Это похвальное решение – интегрировать коренные народы континента в свое общество. Уверен, что при правильном подходе подобная политика принесет свои положительные плоды уже в скором времени.

– Мои знакомые, узнав, что я окажусь в Риерте, попросили помощи, если получится, найти одного из индейцев мухеноков, о котором давно ходили слухи.

– Слухи?

– Сразу после войны несколько человек, вернувшись на родину, допускаю, что это ваши сослуживцы, рассказывали о нем. Но вы же знаете государственную машину, комитеты, внутрипартийные проблемы и прочие ужасы власти. Мелочь начинает их интересовать только при удачном стечении обстоятельств. Какой-то клерк наткнулся на бумаги с отчетом очевидцев, они попали на чей-то стол, получили одобрение, и все завертелось спустя десяток лет. Мухенок не вернулся, и теперь его хотят… – Конфедерат вздохнул, поняв, что говорит не то, что следует. – Правительство интересуется, не желает ли он возвратиться на выгодных для него условиях.

– И я даже знаю, отчего вам понадобился именно Вороненок, – нехорошо усмехнулся я.

– Это племя сильно пострадало за последние десятилетия из-за междоусобиц с другим индейским союзом, эпидемий, которые завезли из Старого Света, ну и политики вытеснения. Сейчас те немногие, кто пережил темные времена, ушли в дебри Каролинского леса, и найти их в ближайшем будущем практически невозможно. Лес начинается от Серых гор и тянется через добрую половину континента чуть ли не до тундры. Они не желают никаких контактов, и я их понимаю, если честно. Но есть ваш солдат.

– И вы хотите с его помощью найти оставшихся мухеноков?

– Для начала лишь этого. А когда он поймет, что мы не несем зла его племени, то и других. Если честно, так далеко я не заходил в интересах департамента. Краснокожий обладает уникальными способностями и…

– Государство хочет использовать их в своих целях, – продолжил я.

– Рад, что вы понимаете. Еще бурбона?

– Нет. Продолжайте, прошу.

Конфедерат пожал широкими плечами, набрал в рот сигарного дыма, подержал несколько секунд, прежде чем выпустить в воздух:

– Да нечего продолжать, Итан. Я поспрашивал знающих людей, нанял несколько опытных сыскарей из хорошего агентства, сам занялся охотой на контаги, как вы помните. Затем, когда вернулся в цивилизованную часть города, дождался результата и начал проверять указанные места. А дальше вы все видели. Потерпел довольно глупое фиаско, доказывающее, что любителю порой не стоит соглашаться помогать профессионалам, когда те об этом его просят. Мое предложение краснокожий просто не выслушал, и я не смог вручить ему документ, который мне передали.

Я с подозрением поинтересовался:

– Каким образом Вороненок, который вас обыскивал, его не нашел?

– Краснокожий совершенно не был заинтересован в моем кошельке.

– Могу я увидеть бумагу?

Осмунд поколебался:

– Боюсь, для нас с вами текст выглядит полной нелепостью.

– Позвольте настоять.

Видите, насколько Итан Шелби может быть вежливым в некоторые минуты?

– Черт с вами, – уступил конфедерат, поднявшись к письменному бюро, на котором лежал большой кошелек из темно-коричневой кожи.

Желтоватая вощеная бумага, сложенная вшестеро, оказалась у меня в руках, и я уставился на черточки, крючочки, точечки и значки.

– Вот видите? Иероглифы микмак[36] может прочитать либо индеец, либо какой-нибудь заумный лингвист из университета. Нормальные люди перед этой куриной прописью пасуют, точно пилигримские волы перед зарослями пригли[37].

– Я оставлю письмо себе. Не возражаете?

– Это довольно ценный документ. У меня нет копии.

– Вы вряд ли сможете передать ценный документ так, чтобы не поймать головой томагавк. Но у меня может получиться. А вы, в свою очередь, не будете подходить к моему индейцу, пока я не получу ответ.

– Вы настолько заботитесь о своих солдатах, Итан?
– Как и любой хороший сержант.
Джейк Осмунд протянул мне руку, и я пожал ее, скрепляя сделку.

Глава девятая
ДЕВОЧКА, КОТОРОЙ НЕТ

– Только представь. – Пшеница крутил нож, умудряясь направлять лодку в протоки свободной рукой. – Представь, как эта штука входит тебе в глаз. Или в шею…

– Ты слишком увлекся, на мой взгляд, – добродушно ответил я ему, но он несся по волнам своего воображения, вместо того чтобы везти нас по озеру.

– Он рассекает любую преграду, даже кость, выходит где-нибудь… под затылком. Ты все еще жив, жив последние секунды, ощущаешь его в своей башке, точно рыбью кость в горле, и понимаешь, что умираешь.

– Экий ты кровожадный парень. – Я ничуть не был впечатлен его словами. – Но у меня к тебе вопрос.

– А? – Он наконец-то отвлекся от своей игрушки.

– Ты дурак?

– Чего?! – Пшеница округлил глаза.

– Ну это вполне логично, поинтересоваться твоими умственными способностями в свете той ситуации, что развивается прямо у меня под носом. У тебя ведь в руках нож плакальщика.

– Верно. Самый острый и прочный клинок из всех, что я встречал. Видел бы ты, как им разделывать курицу на кухне у Панайоты! Ух!

– Ты забрал меня в городе. А прежде, чем мы встретились, что делал?

– Был на работе. Ну еще к матери домой заглянул. – Он все еще не понимал, куда я клоню.

– Ты – дурак. – Больше я не спрашивал. – Дружок, у тебя в руках долбаный и всеми чертями драный нож плакальщика, а ты разгуливаешь с ним по улицам, точно с любимой таксой в манишке. И считаешь, что если тебя возьмут за жабры, а тебя возьмут, то жандармы, тайная полиция, плакальщики и даже министр вод настолько восхитятся твоей глупостью, что вручат тебе орден, пожмут руку и отвезут на личном мобиле дукса прямо до квартиры?

– Ну, не сгущай краски, – как-то неуверенно произнес парень.

– О, я их сгущу еще сильнее, когда расскажу тебе, какое счастье испытает Мюр, когда узнает, что ты взял клинок у нее без спросу.

– Чего сразу без спросу-то? – Он опустил взгляд. – Да я и всего лишь

на время его одолжил.

– Говорил ей, не трогай нож плакальщика, – мрачно сказал я. – Некоторые трофеи держать при себе глупо. Эта вещь тебя погубит. Или ее.

– Ерунда! Я очень осторожен. Среди жандармов сплошные идиоты, и других туда просто не берут. Они враги свободы Риерты.

Многие считают себя умнее других.

– Сплошные идиоты? Интересно. Я, если ты не знал, бывший полицейский.

У него лицо вытянулось от такой информации.

– Ну я про тебя не говорил.

– Ага, – скучным голосом произнес я. – Дай-ка.

Пшеница с некоторым сомнением протянул мне нож. Я несколько секунд подержал его в руке, отмечая про себя серьезный вес и превосходный баланс. Клинки, которые изготовили в лабораториях Брайса, действительно отличные, ничуть не хуже искирских. Затем я бросил его за борт, и вода сомкнулась над ним.

– Эй! – Не ожидавший этого парень вскочил так резко, что сам едва не грохнулся с лодки, шедшей на малом ходу. – Ты сдурел?! Черт! Черт!

– Давно надо было это сделать, – ответил я ему.

– Слушай, если ты обиделся на идиота-полицейского…

– Ты меня совсем не слушаешь? Держать нож плакальщика при себе все равно что носить в кармане шашку динамита с почти догоревшим фитилем. Держать голодного контаги в собственной квартире, если уж первая аналогия тебе непонятна. Мюр хотя бы хранила его в вашей берлоге, а не разгуливала по улицам, где любой жандарм может проверить твои карманы. Ты мог не только сам попасться, но и других утащить на дно.

– Я бы никому ничего не сказал.

– Тешь себя этой мыслью и дальше, парень. Даже я бы сказал все, что знаю, да еще и от себя бы присочинил, когда плакальщик стал бы меня разделывать. Так что лучше потерять нож, чем жизнь друзей.

Он сел и сказал, точно ребенок, который ожидает наказания от родителей за совершенную шалость:

– Ну все. Мне конец теперь. Каштан сожрет вместе с ботинками. Спасибо, Итан. Удружил.

– Вали все на меня.

Тот в ответ издал лишь жалкий звук, означавший «вряд ли меня это спасет». Мой спутник был сильно обижен, а оттого его бесконечная болтовня, которую я слушал битый час, наконец-то прекратилась.

Пшеница подхватил меня на одном из пирсов Рынка, в ранних

сумерках, и, пока мы плыли, стемнело. Теперь, несмотря на два зажженных фонаря, мы, точно осторожная лисица, крались через лабиринты Утонувших кварталов, среди пустых домов и торчащих из воды затопленных крыш.

Специально для Итана Шелби, обожавшего находиться подальше от суши, чтобы не казалось совсем уж скучно, пошел дождь, поднялся туман, и лодка едва ползла, не рискуя влететь в какую-нибудь торчащую из воды хрень.

Если искать хоть какие-то положительные моменты в этой жизни, то могу отметить, что Желтая Черепаха был прав, тень, столь внезапно появившаяся, так же быстро исчезла. Спасибо ему за этот краткий, но важный для меня перерыв, когда можно ощутить себя нормальным человеком.

– Послушай, – сказал я Пшенице. – Не хочу тебя расстраивать, но я уверен, что мы здесь проплываем уже в третий раз. Если только в Утонувших кварталах нет трех одинаковых домов.

– В четвертый, – признал он. – Немного заблудился в проклятом тумане, а в нем все кажется одинаковым. Я не Белфоер, он здесь может ориентироваться с закрытыми глазами.

Часа через полтора из тумана нам мигнула теплая желтая монетка фонаря. Уже знакомый мне катер стоял возле пирса, и Пшеница многозначительно хмыкнул:

– Каштан, наверное, «счастлива».

Белфоер в парусиновом плаще дымил трубкой, ожидая нас. Он поймал брошенный Пшеницей конец каната, привязал лодку и, когда я оказался на пирсе, крепко пожал мне руку, не сказав ни слова.

На тропинке к дому я встретил двоих громил. Они курили папиросы, топчась на месте, словно тролли, в нетерпеливом предвкушении подкарауливающие одинокую жертву.

Маклиди коснулся края котелка:

– Доброй ночи, мистер Хеллмонк. Вы, кажется, знакомы с Йорки.

Я протянул руку его спутнику, человеку, которого видел мельком, когда Уитфорд приплыл к нам на помощь в «Сладкое королевство». Именно Йорки отправился к колокольне, чтобы прикрывать Рианну.

Он был не таким грузным, как Маклиди, но тоже крепким парнем. Интересно, и этот тип из SWS, как Кроуфорд?..

Говорить с ними было не о чем, к тому же меня нагнал Пшеница, так что после вежливого расшаркивания мы их оставили.

– Мордовороты Уитфорда какие-то подозрительные.

– Сегодня или всегда?

– Всегда. Выглядят как шпики.

– То есть то, что Уитфорд заместитель главы шпиков, тебя смущает меньше? – с иронией спросил я.

Внутри дома меня сразу же окружило приятное тепло. Пахло свежим хлебом и запеченным мясом. Пшеница, сняв с крюка масляную лампу, провел нас темными коридорами на пустую кухню:

– Есть хочешь?

Он зажег еще одну лампу, стоявшую на столе.

– Нет.

– А я хочу.

– Напомни, как найти Мюр?

Шуровавший по кастрюлям парень отвлекся:

– Думаю, она с остальными на собрании, и, зная, как они все любят засиживаться до утра, тебе сейчас не светит с ней поговорить. Так что наслаждайся стряпней Панайоты, благо она не прогонит нас отсюда.

– Тогда пойду посмотрю, как там Кроуфорд.

Я взял со стола лампу, вспоминая дорогу, направился в сторону лестницы. Дверь в комнату Юэна была конечно же не заперта. Внутри, как обычно – настоящий холодильник, а мой капрал спал на старой кровати, все еще ища выход из своих серых снов. Так что с письмом для Вороненка придется повременить.

Я затопил ему маленькую печку, укрыв парой одеял, сам лег на соседнюю кровать во всей одежде. Я планировал вздремнуть, и у меня это даже получилось, пока чьи-то теплые губы не коснулись моей небритой щеки.

Можно было бы счесть это прекрасным сном, но надо мной действительно склонилась Рианна. Она утащила меня в комнату напротив, и не сказать, чтобы я возражал.

В сером предрассветном свете Рин занималась тем, что, расстелив на столе плотную ткань, чистила свой «Лонгерфильд». Две снаряженные патронами пачки лежали рядом, и, видя, как она обстоятельно проходит деталь за деталью, я сделал вполне логичный вывод.

– Затевается что-то серьезное.

Она посмотрела на меня из-за плеча, вполоборота.

– Извини, если разбудила. – Она взяла в руку лопасть с отражательным выступом, соединила с пружинной частью, проверила отсечку-отражатель, поднеся поближе к окну. – Да. Возможно, что-то и затевается. Как решат командиры.

Я неспешно оделся, затем подошел к столу, взял уже снаряженную пачку. Сперва одну. Затем вторую.

– Снайперский патрон, а здесь с бронебойной пулей и латунной гильзой.

– В последний год конструкторы совершенствуют правительственные мобили. Часто обычным боеприпасом дверь уже не пробьешь.

– Правительственные мобили, – эхом повторил я, делая выводы. – Вилли втягивает тебя во что-то опасное.

– Вилли? – Ее светлые брови приподнялись. – О, Итан. Ты счел, что я заодно с нашим храбрым полковником и разделяю его цели?

– Да, – осторожно произнес я. – Ты в «Сладком королевстве» пришла на помощь Мюр и…

Рианна отложила детали разобранной винтовки, рассеянно вытерла куском ветоши пальцы, испачканные в ружейном масле.

– Мюреол славная девочка, и мы с ней дружим. Я готова помочь ей, когда есть такая необходимость, но я далека от ее взглядов на революцию. И Вилли не мой командир.

Мне понадобилась секунда.

– Уитфорд, – понял я.

– Верно. Ты не спрашивал, и я думала, что знаешь.

– Нет. Просто сделал изначально неправильные выводы.

– Мы с Маклиди были знакомы. В армии. Через несколько лет после победы он нашел меня и предложил работать на своего хозяина. Они хорошо платят, а девушке надо что-то есть.

– Так я тебя и не осуждаю.

– За работу наемницей? Спасибо. Но ты нахмурился, когда произносил его имя.

– Опасный человек, опасные связи, опасные дела и высокий риск для тех, кто рядом с ним.

– Верно. – Рианна вновь занялась сборкой винтовки. – Все мы рискуем в той или иной степени, общаясь с разными людьми, и я готова к этому.

Я посмотрел на нее задумчиво, так как мне было что сказать, но в итоге отбросил всю шелуху ненужных слов, оставив лишь:

– Будь осторожна.

– Всегда. – Ее улыбка была искренней. – Тебя ждут внизу. Еще увидимся.

Я заглянул в комнату Кроуфорда, но он так и не проснулся, лишь поменял положение в кровати, и дыхание его было частым и поверхностным. Мое одеяло, то самое, что я повесил на окно в свой

прошлый приезд сюда, он так и не снял, и полумрак делал его похожим на выходца с того света. Печка была еще теплой, и комната не успела остыть.

Внизу, в столовой, в одиночестве сидел Вилли, мучая чашку холодного чая. Меня он встретил мрачным взглядом, но я уже успел привыкнуть к этой манере – подобным образом он смотрит не только на мою персону, но и на всех, кто его окружает.

– Мне сказали, ты здесь, Шелби. Спасибо, что помог девочке у Дайсонов. Я не против, чтобы ты сюда приезжал. Обязан тебе за нее.

Очень любезно со стороны старого бульдога оценить мой вклад в защиту Мюр. Наверное, полковнику не слишком легко было произнести этот аналог «спасибо».

– Мне требуется надежный человек с военным опытом, – между тем продолжил он.

– Для чего?

– Прикрыть моих людей в одной операции. Кроуфорд, к сожалению, в отключке, а нам пригодится любая помощь.

– Уитфорд как-то с этим связан?

Еще один мрачный взгляд.

– Рин готовит винтовку, – пояснил я.

– Да.

Как интересно. Заместитель министра вод и революционеры готовят общую операцию. Выгребная яма, в которую накидали гниющих трупов, и то благоухает свежее.

– Мюр участвует?

– Нет.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

– Разумно.

– Так что? Могу рассчитывать на тебя?

– У меня нет причин влезать в чужую драку и сражаться против правительства. Я помогал Мюр, чтобы она не попала в беду, но на этом все.

Вилли был разочарован. Хмыкнул, поджал губы, опираясь широкими ладонями на столешницу, неспешно поднялся.

– Что же, солдат. Заставлять тебя никто не будет. В сопровождении Маклиди пришел Уитфорд.

– Ждем тебя, – сказал он полковнику и вежливо кивнул мне. – Итан, рад вас видеть.

– Сэр.

– Вы с нами?

– Он занят. – Полковник, не прощаясь, пошел прочь.

– Очень жаль, – огорчился аристократ, а уголок рта его телохранителя изобразил нечто вроде усмешки. – Ваша поддержка была бы очень существенна.

– Уверен, сэр, что Маклиди и Йорки куда более опытны и исполнительны, чем я.

– И Рианнон, – он все знал о нас и с удовольствием это демонстрировал. – Без нее я как без рук.

– Конечно же, – я был вежлив, туп и равнодушен к любым намекам.

– Ну, не будем задерживаться. Доброго дня, Итан.

– И вам того же, сэр.

Меньше чем через двадцать минут шесть лодок с вооруженными людьми, а также катер Уилбура Уитфорда отошли от берега, почти сразу растворившись в тумане.

Я не сожалел о своем отказе. Пусть они катятся к черту со своими заговорами, войной и сопротивлением.

У меня своя война. Возможно, вы сочтете это слишком эгоистичным заявлением, но я не собираюсь совать голову в чужой костер.

Мюр пришлось искать долго, и я даже подумал, что она все-таки уехала вместе с Вилли. Но нашел ее: в старом зале, на втором этаже, возле разожженного камина, сидящей за столом, плачущей. Рядом стояла Панайота, гладила девушку по спине, стараясь успокоить. Кухарка увидела меня и хмуро мотнула головой, приказывая живо убраться.

Ну я и убрался со всей поспешностью.

Когда Панайота пришла на кухню, она лишь покосилась на мою персону и начала варить кофе, громко и раздраженно гремя грязной посудой, которую переносила в сторону большой емкости. Рядом с той грелась в котле вода. Я встал с желанием ей помочь, но глухонемая отказалась. Под столом крутился светло-рыжий котенок со смешным треугольным хвостом и большими ушами, которые делали его похожим на летучую мышь. Он терся об мою ногу и урчал, как двигатель танка, пока я не взял его на руки.

Через несколько минут, вымыв руки, кухарка поставила передо мной кружку с бодрящим напитком и сэндвичи с ветчиной.

– Ешь, – беззвучно произнесли ее губы.

Я только сейчас понял, как голоден и что завтрак очень кстати.

Поев, я поблагодарил Панайоту, посадил котенка на стол, оставив для него дань в виде кусочка ветчины, и пошел гулять по округе.

Приехав ночью, я не заметил тех изменений, что произошли здесь с момента моего первого появления.

Люди Вилли вырыли несколько траншей по периметру построек. С воды заметить их будет довольно трудно – кто-то разбирающийся в том, как маскировать укрытия, отлично поработал. Чуть ближе к дому нашлось пулеметное гнездо, тоже отлично спрятанное, с уже готовым к работе станковым пулеметом, прикрытым от влаги брезентом. Я примерился, оценил, насколько удачна позиция, накрывающая пространство озера и пристань.

Да. Превосходно. Если они догадались поставить еще один на втором этаже, то можно устроить настоящую мясорубку, только ленты меняй да стволы успевай охлаждать.

Окна первого этажа западной части фасада заложили мешками с песком, а вдоль берега, где начиналось мелководье, земля была огорожена веревками, и, если приглядеться, становилось понятно – здесь поработали лопаты.

Я бы сделал ставку, что там «посадили» противопехотные мины и огородили опасное пространство веревками для своих, до той поры, пока не начнется бой.

На открытой веранде второго этажа, с которого открывался «чудесный» вид на туман, прячущий озеро, и Утонувшие кварталы, я ожидал найти что-нибудь вроде безоткатного орудия или даже револьверной пушки, но был разочарован. Подобных игрушек у Вилли не нашлось, зато имелся трехдюймовый батальонный миномет.

Под брезентом скрывалось четыре ящика с шестиперыми осколочными минами. Здесь же лежала уже готовая баллистическая таблица[38], и боевому расчету оставалось лишь внести в прицел нужные данные, чтобы открыть точный огонь.

Мюр пришла сюда сама, улыбнулась неуверенно, глаза и нос у нее были покрасневшими.

– Изучаешь местность?

– Вроде того. Хорошая штука, – я похлопал по стволу миномета.

– Да? Я никогда не видела, как он стреляет.

– У нас в «Матильде» было четыре штуки, когда мы застряли в Компьерском лесу.

– Они помогли?

– Отчасти. Мины потратили еще во время отступления, оставалось только двадцать штук, но и этого за глаза. Когда такая падает среди людей, приятного мало.

– Для них?

– Для всех, – серьезно ответил я, вспоминая, как мы бродили среди

ошметков искиров, пытаясь собрать уцелевшее оружие и патроны. – Ты мерзнешь. Пойдем в дом.

В ее комнате на стене висела маленькая черно-белая фотография немолодого мужчины с густыми лохматыми баками, переходящими в пышные усы и бороду. Породистое лицо с крупными чертами было серьезно, а глаза в момент, когда он смотрел на фотографа, холодными и колючими, без тени веселья или благожелательности. Легко можно вообразить, что человек или камера сильно раздражают его и он снимается только потому, что так надо. Я отметил про себя адмиральский китель, награды, в том числе и разных стран Союза, нашивки командира линкора Открытого моря.

– Твой родственник?

– А? – Она проследила за моим взглядом. – Нет. Это Джим Пендантон. Просто хороший человек.

– И герой Риерты, судя по ордену.

– Да. Герой, который, как и многие другие, умер, чтобы я жила. Жизнь довольно гадкая штука, да? Постоянно забирает хороших людей, а оставляет… не самых лучших.

Я прислонился плечом к стене, слыша, как часы внизу пробили семь утра.

– Что случилось?

Если честно, я ожидал от нее фразы, что Вилли отказался взять ее с собой, поэтому был удивлен, когда она с тихой злостью произнесла:

– Я против того, что они собираются сделать! Уитфорд мерзавец, а Вилли… Вилли так долго ждал шанса отомстить, что не может думать ни о чем, кроме своей ненависти! То, что они хотят, отвратительно! Мне противно думать, что люди, которых я люблю и уважаю, способны пойти на такое!

– Расскажешь?

Девушка, закусила нижнюю губу, набираясь сил, и наконец мрачно произнесла:

– Они собираются убить сына Мергена.

Я почесал в затылке от такой новости:

– У этого действия будут серьезные последствия. Очень серьезные. Для всех вас.

– Думаешь, никто из нас этого не знает? – горько спросила она. – Но результат, по их мнению, стоит любых жертв!

– Мюр, я не всегда тебя понимаю, – осторожно произнес я. – Разве ваша компания создана не для того, чтобы отравлять жизнь правящим

кругам Риерты, и убийство ближайшего родственника дукса…

– Ему тринадцать, Итан! Он еще ребенок! А когда случился переворот, ему вообще был год! Мальчишка не виноват в преступлениях своего отца!

О. Я мог многое сказать о вине детей в поступках их родителей. О том, как долго я пытаюсь ей объяснить, что в политике не бывает благородных рыцарей, человеческих отношений, чувств, справедливости. Если ты делаешь шаг за грань, то остается лишь одно – бесконечно падать, хватаясь за любой шанс, за малейшую возможность хоть как-то удержаться в воздухе. И для этого все средства хороши: кража, предательство старой дружбы, нарушение слова, ложь и конечно же убийство. И убийство детей – это вполне «нормальный» и «естественный» ход тех, кто пытается достичь цели и уничтожить своих противников. Семьи и родственники никогда не получают иммунитета в подобных ситуациях и уничтожению подлежат все причастные.

– Мне жаль. Честно.

– Ненавижу быть бессильной! Когда ты не можешь остановить то, что происходит!

– Единственный способ: пойти в ближайший участок и рассказать все жандармам, – согласился я. – И для тебя подобный шаг невозможен.

– Верно. Я не готова отдать жизни тех, кто мне дорог, даже за жизнь ребенка. Ужасно звучит, правда? Подобная ноша слишком тяжела, – тихо произнесла она, и я понимал, что сейчас ее мысли о человеке, которого нельзя спасти. – Догадайся, что ответил Вилли на мое предложение ничего не предпринимать. Что я еще просто юна и наивна, раз не готова к жертвам ради успеха нашего дела. Даже Айан меня не поддержал, он утверждает, что все, что они делают – это ради меня. Ради меня, Итан?! Но я не хочу, чтобы… так! Чтобы кровью тех, кто ни в чем не виноват!

– Беда всех правителей в том, что иногда их подданные понимают благо совсем иначе, чем они сами. И делают некоторые вещи вопреки приказам. Короли и королевы, если это им не вредит, просто закрывают глаза на подобные инициативы. Основа стабильной власти часто состоит в том, чтобы убирать проблемы, которые могут ее пошатнуть.

Мюр сплела пальцы и констатировала факт, который ее не особо-то и удивил:

– Ты знаешь.

– Прости.

Она закрыла глаза, точно человек, которого преследует неудача за неудачей, и произнесла с сожалением:

– Вилли тебя убьет, если только догадается, что ты в курсе.

– Значит, не будем ему сообщать.

– Как ты понял?

– Из мелочей. Ты не из простой семьи. Твое обучение проходило в Республике. Ты накоротке с людьми высшего света. Брайсу известно, как тебя зовут и твою мать, полагаю, тоже. Ты достаточно богата, чтобы легко тратить деньги на целые особняки. Интерес Уитфорда к тебе тоже необычен. Он готов жениться, и вряд ли бы пошел на такой шаг ради простолюдинки. Одна фраза здесь, другая там.

Девушка подперла щеку кулаком, сказав очень устало:

– Но я все равно не понимаю. То, о чем ты говоришь, это действительно мелочи. Они ничего не доказывают.

Мне пришлось признать верность ее слов:

– Ты права. Думаю, есть немало аристократических семей, попавших в опалу у нового дукса. Почему бы тебе не быть одной из них. Но есть еще подтверждение моей догадки. Плакальщики… Они помнят тебя.

– Не меня, а то, что во мне. Во всяком случае, так считает Вилли… К сожалению, мне мало что известно об этом.

Я посмотрел на портрет старого адмирала:

– Когда я оказался здесь в первый раз, вы с Вилли спорили, он упомянул Артура. Можно легко сложить несколько вещей, затем несколько имен и… Он твой старший брат. Мальчика звали Артур, его сестру – Элизабет, а их мать Мюреол.

Она опустила глаза:

– Мюр. Отец всегда в кругу семьи называл ее Мюр. И когда для пансионата мне надо было поменять имя, ничего более удачного дочь сверженного дукса придумать не сумела. Или не захотела.

Горечь и тоска звучали в каждом ее слове.

– Это красивое имя… Хотя мне очень непривычно было бы называть тебя Элизабет.

Девушка горько рассмеялась:

– Крошка Лилибет, Королева кудряшек и Хранительница кружевных платьев тысячи кукол давно мертва. Милым девочкам нет места в этом мире, Итан. Так что называй меня как прежде. За эти годы я уже давно привыкла быть другой и не хочу меняться.

– Ты помнишь те события?

– Отчасти, – здоровая половина ее лица исказилась. – Но мое восприятие, восприятие ребенка, может сильно ошибаться. Мы с братом проводили время в летнем дворце, теперь это дом Дайсонов… Родителей с нами не было, в Риерте принимали посланника из Империи. Мерген,

лучший друг отца, герой войны, первый советник – оказался предателем и бунтовщиком. Его поддержали многие влиятельные семьи, министры, военные. Все те, кто клялись моей семье в верности и были так милы, так дружелюбны, внезапно оказались врагами. Мерген забрал мою страну и убил множество хороших людей, тех, кто до конца оставался с моей семьей.

– Все считают, что дети дукса разделили участь своих родителей.

– Никто так и не узнал, что случилось с отцом и матерью в тот вечер переворота. Слухи, конечно, ходили разные, новое правительство тоже много чего говорило, но истина… истина, как они себя вели, что говорили, как погибли, боюсь, никогда мне не откроется.

– Порой этого не стоит знать.

Мюр вытерла ползущую по щеке слезу, со злостью посмотрела на нее, сжала пальцы в кулак:

– Стоит. Бежать от правды глупо.

– А что случилось с вами?

– Ту ночь я часто вижу в кошмарах. Все мутно и хаотично. Где-то вдалеке стреляют, гувернантка будит нас, в комнате солдаты из службы охраны, они выводят меня и брата. Я ничего не понимаю, в коридорах трупы, кровь на стенах, очень страшно. – Она сделала долгую паузу. – Я была в ночной рубашке, меня укрыли одеялом, Артур бежит впереди… Затем стрелять начали прямо над головой, человек, который нес меня, упал. Помню, я сильно разбила локоть… Вспышки, грохот, крики, грязная ругань, запах пороха и крови, люди как мои куклы, изломанные и неподвижные. Безумие какое-то для ребенка. Нас взяли уже в саду, пришли плакальщики, мне и брату сразу же сделали укол «Якоря», а потом увезли в один из домов Земли Славных. После перевезли во дворец, к Мергену.

– Он не стал вас убивать.

– Не стал, – неохотно согласилась она.

– Ты упомянула «Якорь». Выходит, у Артура тоже был ингениум?

– Да. Он был сильнее меня и умел… уже не важно, это его все равно не спасло. Нам делали регулярные уколы и держали под охраной, но не скажу, что это была тюрьма. Все вежливо, просто нельзя покидать крыло, и никто не отвечал на вопросы брата, что случилось и где наши родители. Во дворце мы прожили почти два месяца, пока несколько военных, поддерживающих мою семью, не сумели устроить нам побег.

– Вилли и Пендантон?

– Да. Вилли служил в штабе у Мергена, а Пендантон был начальником охраны отца. Адмирал выжил в ночь переворота и смог вытащить нас из

лап узурпатора, но сам погиб, когда его ранили и он остался прикрывать отход основной группы.

– Что потом?

– Да ничего. Началась новая жизнь. Мы прятались, принимали новый мир. Затем меня отправили учиться в Республику, и я вернулась через несколько лет, а после… – Она обвела рукой темную маленькую комнату той, кто должна была жить в просторных дворцовых залах. – Все это.

– А твой брат?

– Вилли возлагал на него большие надежды. Артур… мог стать хорошим правителем и у него были все шансы вернуть власть в Риерте, но судьба распорядилась иначе.

Я подумал несколько секунд, сделал выводы и задал вполне логичный вопрос:

– Это Артур был тем, кто называл себя Хлест?

– Да. Вилли винит в его смерти себя. Артур часто говорил, что, если тебя тянет ко дну, надо с этим бороться и взлетать. Лететь как можно выше. Он попробовал, и у него не получилось. И у многих тех, кто пошел за ним, тоже. Брата не стало, все надежды Вилли разбились, и он…

– Решил, что ты послужишь заменой.

– Слабая из меня замена Хлесту. Я люблю свою страну и ненавижу Мергена за то, что он сделал с моими родителями и Риертой. Но я никогда не желала править. Я просто хочу блага для всех, кто живет здесь…

– Блага для всех? – перебил я ее. – Иногда его трудно получить и для одного человека, а ты жаждешь для миллионов. Это такая же недостижимая цель, как попасть в рай минуя чистилище.

– Хорошо, скажу иначе, – девушка не стала спорить. – Я готова пожертвовать жизнью, чтобы помочь своей стране, но никогда не хотела занимать трон.

Я понимающе кивнул:

– Вилли натаскивал твоего старшего брата, и ты не рассчитывала на власть, не готова к ней. Но знаешь, часто люди оказывались во главе государств совершенно неожиданно для многих и даже для самих себя. И вот они – как раз и были тем благом для процветания страны.

Она зло произнесла:

– И это возможное процветание в любом случае будет основано на крови ребенка.

– Мюр, я сегодня сыплю банальными фразами. Но власть всегда основана на чьей-то крови и либо ты это принимаешь, либо нет.

– Не принимаю! Называй меня дурой, но я не стану той, кто режет

детей. Мерген чудовище, но даже он не убил нас. Даже он, Итан! А Вилли и Уитфорд заходят слишком далеко.

Хотел бы я ей сказать: пройдет совсем немного времени, и она поймет, что дикая сельва Папаякты по сравнению с высшими эшелонами власти сущий пансион для благородных девиц.

Но не стал.

– Много людей знают о том, кто ты такая на самом деле? – спросил я, чтобы хоть как-то отвлечь девушку от мрачных мыслей.

– Вилли. Айан. Еще Уитфорд. Поэтому он и помогает.

– И все?

– Все. Больше никто.

– Хорошо. Значит, ты защищена от болтливых языков. Насколько это вообще возможно.

– Итан, – Мюр посмотрела мне прямо в глаза, – осталось очень мало времени для того, чтобы попасть к Брайсу. Если у Вилли все получится, город взорвется, и каждая влиятельная фигура Риерты окажется за тройным кольцом охраны. Нам надо действовать.

– Эм… – я подыскивал правильные слова.

– Не трудись. Я знаю каждый твой довод. Об опасности, о том, что ты меня оберегаешь, и про многое другое, неудобное для моего существования. Ты во всем прав. Но мне нужна информация… не только о плакальщиках, но и обо мне. Любая информация.

– Не понимаю.

– Я и Артур – дети дукса. У меня есть ингениум. У брата был тоже. Это очень странное совпадение. Чтобы двое, в одной семье, правящей семье, имели способности, но были лишены отрицательных последствий. Хенстридж ничего не знал об этом, быть может, Брайс знает правду, что я такое и откуда у меня мой дар.

Я подошел к окну, оперся руками о холодный подоконник, чувствуя, как ноющая боль просыпается в правом виске.

– Сегодня. Пока Вилли не устроил переполох. У меня есть план дома, на днях я обследовал берег и нашел кое-что. Возможно… только возможно, у нас получится. Но у меня есть условия.

– Назови их.

– Если станет слишком опасно, мы не будем лезть на рожон. Я говорю «уходим», и ты слушаешься. Лучше попытаемся еще раз, чем погибнем и ничего не добьемся. Прошу не стрелять в Брайса, и ты не касаешься пистолета.

– Обещаю.

– К одиннадцати вечера будь в «Коротком лете». Это на севере Садов Маджоре.

Глава десятая
ЧЕЛОВЕК БЕСКОНЕЧНЫХ ТАЛАНТОВ

Буду честен, после той истории с Сайл в «Сладком королевстве» я много дней поглядывал по сторонам на предмет возможной слежки. Но шпиков заметил совершенно случайно, когда в отражении витрины одной из множества художественных галерей увидел господина. Он прошел мимо меня, бросив взгляд на наручные часы.

Ну мало ли. В смысле, это ведь не повод подозревать незнакомца. Каждому человеку порой позарез надо узнать нужную минуту, я сам смотрю на часы десятки раз в день, и подобное действие не несет в себе ничего предосудительного. Но ребята, работавшие в Грейвплесе, как-то рассказали мне о наблюдении за объектом и языке жестов, которым пользуются сотрудники.

Значения разные, однако жесты часто похожие, самые обычные для рядового прохожего. Взгляд на часы мог означать: «смените меня», «передаю очередь», «объект стоит» или даже «меня раскрыли». Ну кроме самого банального варианта – горожанин просто хочет узнать, сколько сейчас времени.

Короче, на первый взгляд ничего необычного, особенно если ты не параноик. Я немного заразился этим полезным заболеванием, так что решил понаблюдать и направился гулять по Садам, блуждая по улицам все так же не спеша и без дела, благо до встречи с Мюр оставалось больше двух часов.

И на этот раз точно не ошибся.

Вели меня профессионально, группой, сменяя друг друга, как минимум шестеро. Неприметные, ничем не выделяющиеся в толпе, они работали двойной цепочкой[39], легко и без суеты, порой отслеживая меня с параллельных улиц на перекрестках, передавая друг другу и не теряя в городских переулках.

Черт его знает, кто это был. Вряд ли тайная полиция, иначе меня бы уже взяли. Эти ребята могли оказаться людьми Уитфорда. Или же друзьями Осмунда из посольства Конфедерации. А может, они работали на Сайл.

Сбросить хорошую слежку всегда достаточно затруднительно. Даже если ты «потеряешься», их может быть вполне достаточно, чтобы кольцом охватить район, в котором ты пропал, и обнаружить тебя на одной из улиц

на границе охранной зоны. Бежать мне не хотелось. Право, не такая сейчас ситуация, чтобы корчить из себя зайца, безумно петлять и прятаться по подворотням. Это слишком по-дилетантски для бывшего коппера, к тому же сразу покажет, что я их разоблачил.

Я остановил в канале ближайшую гондолу, договорился о цене и пересек Сады с запада на восток, предоставив всей честной компании возможность покататься под промозглым ветром. Им пришлось резко менять всю тактику, но я не ошибся в этих ребятах – к подобному повороту они оказались готовы и, сильно отстав, за мной следовали две лодки.

Мы катались, пока им это не надоело точно так же, как и мне. Я попросил пристать на неприметной улице, расплатился. Перешагнув через спящего бездомного бродягу, которого совершенно не смущал холод и соседство с крысами, открыто вошел в переулок, из которого смердело несвежей рыбой, а мусор никто не думал убирать последнюю тысячу лет. Возле старой решетчатой калитки остановился и постучал по ней ногой, не став оборачиваться. Пусть смотрят. Это именно для них.

Невысокий мужик, по глаза заросший светлой бородой, появился из подъезда почерневшего от времени здания, подошел ко мне, держа руки в карманах.

– Хочу снять комнату, – сказал я ему.

Он придирчиво меня осмотрел:

– Есть несколько. Какую тебе?

– Полный пансион и подальше от воды. Лучше всего рядом с чердаком.

– Оплата сразу.

– Само собой.

Во дворе засыхал плющ, заброшенный каменный колодец накрыли нестругаными досками, плохо подогнанными друг к другу. Здесь же стояла старая гондола, давно требующая покраски и ремонта треснувшего киля. За ней лестница – темная, точно чрево кита.

– От кого ты? – не оборачиваясь, спросил он.

– Я был у тебя больше десяти лет назад. С Артуром.

– В Риерте полно людей с таким именем.

– «Кувшинка».

– Ясно.

Он привел меня на второй этаж, протянул руку, и я вложил в нее несколько банкнот. Тропы контрабандистов – чудесная вещь. Особенно если хочешь скрыться от чужих глаз. Это место мне показал Мосс, и в городе их… какое-то количество.

Одна из стен в ванной комнате оказалась проломлена, дыра вела в соседнее здание. Оно стояло заброшенным: пол в грязи и рухнувшей с потолка штукатурке, пачкающей мои ботинки. На первом этаже плескалась вода – прямо в холле находился причал с лодкой, а двери выходили в канал.

– Они начнут волноваться? – спросил он меня.

– Через какое-то время.

– Хрен я им открою дверь. Удачи.

Контрабандист ушел, и вскоре вместо него появился тощий парнишка. Выслушал адрес, описание корыт тех, кто меня пас, сел за мотор, а я лег на дно, между двух ящиков, натянув на себя брезент.

Как я и думал, мой хвост остался одурачен. Настало время заняться серьезными делами.

«Короткое лето», как всегда, ломилось от посетителей. Запеченные устрицы, вареные лобстеры, тушеные мидии с чесноком за смешные деньги привлекали сюда все окрестные кварталы. Плюс собственноручно сваренное пиво, пахнущее цедрой и корицей, – добавляли известности этому месту.

В любой вечер, если не назначали комендантский час, здесь не протолкнуться. Гул, гомон, смех, звон бокалов, запахи, от которых есть захотелось бы даже каменной статуе, тусклый свет электрических ламп и музыка, которую создавали аккордеон и гитара.

Было тепло, и я распахнул полупальто, лавируя между столиками, заглядывая в темные закутки, затянутые никотиновым туманом, и протискиваясь среди посетителей. Кто-то из них сунул мне ледяную кружку с пивом, ничего не спрашивая и не требуя, и я благодарно похлопал его по плечу, слыша, как они смеются, предвкушая начало отборочных соревнований по регби. Здесь каждому рады, даже если ты чужак и тебя видят впервые.

Атмосфера Садов Маджоре, с их богемной ночной жизнью, свободой и желанием быть выше, чем обыденные проблемы, мне всегда нравилась. После войны я часто сюда приходил и едва не остался в разноцветных кварталах художников, артистов и поэтов. Мне легко в подобной обстановке, хотя я ценил и темные депрессивные углы пустых хервингеммских пабов на Джордж-стрит. Как часто говорит старина Уолли, наливая мне виски, ганнери Шелби та еще разносторонняя личность.

Мюр я нашел за треугольным столиком, возле входа на кухню, откуда шел жар и аромат готовящихся на гриле лобстеров. Она беседовала в компании незнакомых мне людей, и никто не удивился, когда я присоединился к ним, поставил пивную кружку на стол, рядом с ее

коньячной рюмкой.

Демократичность «Короткого лета» всем известна. Здесь можно не представляться, подходить к любой группе, обсуждать интересные темы, начиная от искусства и заканчивая политикой. Это был клуб по интересам, который с радостью принимал, если ты соблюдал правила заведения, не донимал людей и вел себя прилично.

Мюр, увидев меня, приветливо улыбнулась, прижалась головой к моему предплечью, чем, кажется, опечалила одного из своих случайных собеседников. Уверен, что этот жест предназначался именно для него, разрушив ему все дальнейшие планы на грядущую ночь.

Спорили о республиканском вине. Я довольно быстро потерялся в географии региона Шаблизэ, в сортах пятидесятилетних лоз, произрастающих на холмах возле берегов сонной Грену, в кимериджских почвах с чередованием известняка и мергеля, созревании в дубовых бочках и прочем. С вином я не столь дружен, как с айлами, так что преимущественно молчал, выслушивая доводы умных людей. Мюр, в отличие от меня, легко поддерживала подобную тему, которая незаметно от вина перешла к стремительно развивающейся моде на ар-нуво, которую у нас в Королевстве называли модерном.

Не знаю, куда исчезли полтора часа, но вышли мы на улицу к часу ночи, когда многие посетители уже отправились по домам.

– Ты выглядишь напряженным, – сказала девушка. – Нервничаешь?

– Немного, – признался я. – Днем за мной следили, так что просто стараюсь быть осторожным и не привести их следом за собой в гости к Брайсу. У тебя все готово?

– Лодка и лодочник.

– Он надежный?

– Это Кроуфорд.

– Хм… Когда он пришел в себя?

– Сегодня утром. Я передала ему твое письмо и записку. Он сейчас как старый больной гриф – ненавидит весь мир и хочет сожрать чью-нибудь печень.

– Пусть только довезет до места, с собой его не возьму. Юэн не в том состоянии, чтобы помочь нам.

Кроуфорд ничуть не напоминал старого грифа. Скорее большого, очень несчастного нахохлившегося воробья, приземлившегося на лодку и закутавшегося в несколько слоев брезента, из которого торчала лишь голова. Он посмотрел мутным взглядом и кивнул столь осторожно, словно каждое движение причиняло ему боль.

– Готов?

Юэн издал странный звук, который я счел за утвердительный. В лодке было тесно из-за большого массивного ящика. Я сел прямо на него, сказав Кроуфорду:

– Давай потихоньку на самый восток Белой Скалы, не выходя в море. Следует подойти к ней со стороны мелей.

– Там большой участок суши, ганнери. Куда конкретно?

– Покажу, когда доберемся. Но близко сразу не подплывай, вначале приглядимся.

Он хмуро завел мотор, выводя нас на середину канала, через который были переброшены десятки маленьких горбатых мостиков.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете. Хреновое место. Почти как Холм.

Объяснение не требовалось. В местах, где обитают богатеи, всегда не рады ребятам вроде нас.

– Ты уверен, что мы там, где надо? – спросила Мюр, скрывая лицо под капюшоном, защищавшим от сильного ветра.

– Почти.

Фонарь на лодке предусмотрительно погасили, чтобы никто не увидел нас с земли. Я с трудом изучал высокий берег в бинокль, обрывистую кромку, черные деревья – отмеченный на моем плане частный парк, за которым начинались технические помещения. Никаких патрулей или постов отсюда видно не было, но это не означало, что их нет.

– Бери правее, Юэн. Вон к тому острому ребру.

Мой капрал негромко заворчал, но приказ выполнил, направив лодку на самом малом ходу к указанному мной ориентиру.

– Итан, – Мюр наклонилась ко мне, – я не заберусь на скалу без веревки, да еще и в темноте.

– Я тоже, – признался я.

– Нет! – тут же ответил Кроуфорд. – Без меня! Никаких препятствий выше забора! На мою помощь не рассчитывайте!

Девушка недоуменно оглянулась на него:

– Ты о чем сейчас?

– Не обращай внимания, – попросил я прежде, чем несостоявшийся священник рухнет в прошлое, которого страшился. – После войны он не очень любит вершины. Ты с нами не пойдешь, Юэн. Не беспокойся.

– Я не за себя волнуюсь. Вы грохнетесь.

– Ведь он прав, – сказала Мюр. – Или ты хочешь, чтобы я подняла нас?

Она вполне бы могла «прыгнуть» на такое расстояние.

– Не хочу. Здесь есть несколько гротов, один из них ведет прямо к

поместью.

– Ты проверял?

– Он на плане.

– Не будь идиотом, ганнери. – В голосе Кроуфорда слышалась жалость к моим умственным способностям. – На каменных островах Риерты жители часто используют гроты под хозяйственные нужды, но это не означает, что туда пускают кого угодно. Даже бездомный не рад, если кто-то без спросу залезет в его коробку. А здесь богатеи.

– Я допускаю, что будет непросто, но другие варианты еще более рискованны.

Берег надвинулся, навис над нами, встретив громким рокотом воды, бьющейся о камни. Лодка сразу стала вести себя точно норовистая лошадка, и Юэн все время менял мощность мотора, чтобы попадать в амплитуду волн и не приближать нашу посудину к опасному месту.

Я рискнул включить фонарь, направив тонкий луч в нужном направлении, показывая ему зазубренный вход в пещеру.

– Чтоб вас всех! – зло произнес Кроуфорд, поняв, насколько точным он должен быть, чтобы не разбить борта, и после того, как мы проплыли ярдов двадцать по пещере, крикнул: – Сплошная вода и отвесные стены, дальше не пройдем! Слишком тесно для лодки!

– Карниз! – Мюр показала на выступающий скалистый козырек. – Итан, посвети! Да! Мы сможем пройти по козырьку. Видишь? Там дальше прутья! План не врет.

– Мы вылезем, а ты уплывай, скоро прилив здесь все зальет по потолок, – сказал я Кроуфорду, поднимая защелки у ящика, на котором сидел.

– Как будете возвращаться?

– Не этим путем уж точно. Жди нас за маяком, где консервные цеха.

– Только рад, – буркнул он. – Куплю себе джину и забуду о вас до утра.

Я подсадил Мюр, помогая ей забраться наверх, а затем передал два карманных фонаря и три «Мясника».

Девушка, не дожидаясь меня, взяла первый тесак, активировала его кнопкой, клинок раскалился добела, перерубив два прута, стек каплями горячего металла на камни, оставив после себя в воздухе запах прошедшей грозы.

– Отойди, – попросила она меня, беря следующего «Мясника». – Мне требуется замах, может обжечь.

С этими адскими штуками нужна большая осторожность, иначе любая капля легко проделает в тебе большую дырку. Мюр разрубила стальные

стержни снизу, ударом ноги отбросила их, открывая нам дорогу.

Я вернулся к Кроуфорду, и тот швырнул нам с лодки кожаные подсумки на шесть автоматных магазинов каждый. «Астры» на брезентовых ремнях мы перекинули через плечо. Эти республиканские машинки были простыми, компактными, скорострельными и с поглотителями звука на стволах.

– Если дальше тупик, будете обратно добираться вплавь, – на прощанье сказал нам Кроуфорд. – Поэтому я жду десять минут. Если что – успеете вернуться.

– Не спеши, – попросил я Мюр. – Пойду первым.

Тропа была так себе – все тот же каменный козырек шириной чуть больше стопы, тянущийся вдоль плещущейся внизу воды. Я осторожничал, одной рукой держась за стену, чувствуя пальцами скользкую от влаги поверхность, а другой светил фонарем под ноги.

Через каждые десять шагов из стен торчали срезанные возле основания толстые балки из темно-ржавого металла.

– Что это здесь? – спросила Мюр.

– Когда-то лежал пол, вот основание, скорее всего. Потом его демонтировали. Смотри, – я посветил фонарем под потолок. – Видишь? Профили, на них держались направляющие, по которым легко можно перемещать что-то тяжелое. Не знаю, что тут было раньше. Но точно не канализация.

К легкому «аромату» выгребной ямы примешивался еще какой-то запах, но я никак не мог понять какой. Первой сообразила девчонка:

– Персики! Пахнет белыми персиками!

– Великолепное сочетание, – буркнул я.

– Ты не понимаешь! Продукт распада мотории после его нейтрализации пахнет именно персиками. Частная лаборатория Брайса сливает все в воду прямо в городской черте!

– Ты же сама сказала, остаток переработки нейтрализуют. Он не опасен.

– Так утверждают в Академии, и правительство этому верит. Баллантайн тоже говорил, что мотория не опасна для человека, и мой отец ему поверил. Мы ничего не знаем до тех пор, пока не становится слишком поздно.

Я резко остановился, и она, не ожидая этого, врезалась мне в спину, едва не уронив фонарь в воду.

– Что такое?!

Я присел, не касаясь, посмотрел на тонкую металлическую проволоку,

натянутую поперек нашего пути.

– Встречают невнимательных дураков. – Я направил луч на соседнюю стену, где была закреплена круглая стальная коробка. – И мокрого места не останется.

– Перережем?

– Не надо вмешиваться в то, чего не понимаешь. Не мы эту растяжку ставили, не нам и снимать. Просто перешагнем. Давай. Осторожно.

Больше никаких сюрпризов не было, да и дорога, собственно говоря, через минуту закончилась. Путь перекрывала массивная квадратная шлюзовая дверь из стали.

– Приехали, – сказал я и, видя, что Мюр потянулась к «Мяснику», остановил ее. – Нет смысла. Тесак не возьмет, слишком много металла. Давай-ка лучше туда.

Вертикальная шахта, прорубленная в горной породе, уходила наверх. Раньше оттуда спускалась лестница, но ее срезали, точно так же как и остальные конструкции в гроте, и теперь части металлических перекладин валялись внизу, ржавея от влаги. Но ярдах в двадцати над нами было что-то вроде площадки, до которой снизу можно добраться, только если у тебя имелись крылья.

Ну или ты дружишь с одной очень милой девушкой.

– Выбор у нас небольшой. Или обратно, или тебе придется пережить очередной прыжок. – Мюр крепко обняла меня, и я едва успел покрепче сжать пальцы на фонаре.

Уже через секунду Итана Шелби с силой швырнуло на стальные перила, а висящая в ремне «Астра» больно ударила своими гранями по ребрам, продолжая инерцию моего движения.

– Черт! – выругался я и присел на корточки, справляясь с приступом головокружения.

– Ты в порядке?

– Не понимаю, как ты можешь ровно стоять после такой карусели. Дай мне минуту.

Пока я приходил в себя, она изучала потолок – мелкую решетку, которая являлась полом какого-то помещения. Наверху было темно, низко гудела машина, создавая у меня впечатление, что у нас над головой огромное осиное гнездо.

– Люк заварили, но тут «Мясник» справится.

– Без шума, – попросил я, отвернувшись от яркого света, излучаемого разогретым клинком.

Девчонка первой оказалась внутри, я видел, как узкий луч скользит по

стенам, шкафам, странным щиткам и неизвестным мне станкам.

– Это электростанция. Кажется, электростанция, – сказала она, показав выкрашенную в темно-зеленый цвет установку, занимавшую все пространство вдоль стены. Именно эта штука издавала неприятное низкое гудение. – Вот приемники мотории, генераторы, накопители.

– Ты хорошо разбираешься в современной технике. – Я поглядывал на дверь, ведущую на улицу.

– Хенстридж разбирался. У него в подвале лаборатории было нечто подобное, но в четыре раза меньше. Первая разработка, он считал ее своим открытием, но, кажется, Брайс намного опередил его.

– Или ему передали идеи Хенстриджа.

– Опять намекаешь на Кражовски?

– Как вариант, – дипломатично ответил я. – Но сейчас это не важно. Главное, что мы добрались. В той стороне парк, за ним особняк Брайса. Если я правильно понял, где мы находимся, до технических построек ярдов шестьсот. На плане один дом отмечен решеткой. …Что это?

– Собачий свисток. Помню тот случай, когда мы с тобой познакомились. Там была собака и…

– Убери, – попросил я. – Не поможет. Если зверя тренировали профи, максимум, что выйдет сделать, смутить его на несколько мгновений, но никак не отпугнуть. Хорошую собаку можно остановить только пулей, а не свистком.

Мюр нахмурилась.

– Держи. – Я достал из внутреннего кармана пальто пучок перышек. – Положи это себе в рот.

Девушка посмотрела на меня с подозрением, но не нашла на моем лице ни намека на шутку.

– И с чего бы мне так поступать? Выглядят они не тем, что стоит есть разумным людям.

– Есть не надо. Просто положить в рот. Их делает один мой солдат, и в Компьерском лесу такие вещи несколько раз спасали нам жизнь.

Мюр не поверила.

– Я серьезно.

– И что они делают?

– Отводят глаза всем, с кем бы ты не хотела встречаться.

– Превращают в невидимок? – Того количества недоверия, что звучало в ее голосе, хватило бы на пару грузовых дирижаблей.

– Физически ты не становишься невидимой. Ну, в смысле прозрачной. Но тебя перестают замечать в большинстве случаев.

– И как это работает?

– Не спрашивай. Я не знаю.

Девушка поколебалась, вертя в пальцах перья:

– То есть эту вонючую дрянь надо сунуть себе в рот и можно гулять, где вздумается, и никто тебя не остановит?

– Угу.

– Куриные перья обладают волшебным эффектом?

– Фактически это перья чайки.

Она совершенно неуместно хихикнула, но тут же взяла себя в руки.

– Итан, звучит как бред сумасшедшего. Получается, что с такой штукой можно проникнуть куда угодно и к кому угодно? Даже к дуксу?

Мюр умная девочка и сразу же ухватывает самую суть.

– Нельзя.

– Почему? – Она хотела знать, ияеепонимал. Слишком хорошо понимал.

– Человек, который их создал, не может делать это постоянно, когда я захочу. Для него это такой же риск, как для меня вызывать пламя. За любое использование силы ему придется дорого заплатить, и я не буду еще раз просить его о подобной услуге.

– А если я использую эти?

– После того как они окажутся во рту, у тебя будет чуть больше двух часов. Потом перья станут бесполезны, так же как если ты их выплюнешь. Повторно использовать не получится.

– Ты сказал, перестают замечать «в большинстве случаев». Что я должна знать?

– Нельзя смотреть в глаза людям, которых встречаешь. Нельзя близко подходить к проточной воде. Дождь также смывает эффект. Ты не обманешь кошек, и любой нанесенный тебе глубокий порез также сжигает перья.

– Сжигает?!

– Такова плата. Так что, если случается нечто подобное, постарайся успеть выплюнуть прежде, чем они обуглят тебе язык.

С этими словами я взял свой пучок, положил его в рот. Мюр, еще секунду поколебавшись, повторила мое действие и почти тут же скривилась. Угу. Признаю. Вкус так себе.

Дверь оказалась заперта снаружи, девчонка выбралась через маленькое окно. Исчезла из моего поля зрения, вернулась, хотела сказать, но лишь сплюнула слюну и потрясла головой. Ясно. Заперто, и выйти как нормальный человек у меня не получится.

Пришлось снимать подсумок, автомат и пальто, чтобы протиснуться и оказаться снаружи.

Прямо перед нами возвышалась водонапорная башня, под которой стоял новый трактор с большими, в мой рост, колесами и мотором, не закрытым стальным кожухом. Череда высоких деревянных столбов, на которых были растянуты провода от генераторной, тянулась вдоль засыпанной гравием дороги к поместью.

Я на ходу поправил ремень «Астры» и снял автомат с предохранителя.

Вопреки моему ожиданию, охраны оказалось мало. Мы встретили лишь одного человека, вооруженного пистолетом и шоковой дубинкой, делавшего обход. Он появился со стороны парка, совершенно неожиданно для нас, ослепив фонарем.

Мюр дернулась, но я вовремя успел схватить ее за локоть, не дав метнуться под прикрытие кустов. Она отвернулась, отводя взгляд, я чувствовал, как напряжена ее рука, когда охранник подходил к нам.

Мы поравнялись с ним, но он даже не сбавил шага, пройдя мимо, и девушка, кажется все еще не веря в произошедшее, восторженно посмотрела на меня, но я тут же потянул ее дальше, заставив не мешкать. Теперь на лице Мюр появилась улыбка, ей хотелось смеяться, как это бывает с ребенком, когда он играет в прятки и ему кажется, что его вот-вот обнаружат, но взрослый шагает дальше, в упор «не видя».

Ну да. Чудеса случаются, а в мире есть магия. Я знал это еще с детства.

Смех Мюр сдержала и смачно сплюнула себе под ноги. Я сделал то же самое – из-за гадкой дряни во рту плевались мы точно верблюды. Но зато она действовала – старина Вороненок не утратил своих навыков за прошедшие годы.

Строение, отмеченное на плане «решеткой», оказалось приземистым одноэтажным зданием, вплотную примыкавшим к конюшням, сейчас закрытым и, судя по отсутствию запаха – давно пустующим.

Вся западная часть фасада дома, до самой крыши, заросла вьющейся камелией, в трех окнах на первом этаже горел свет. Дверь была со стеклом, не заперта, и я сперва ножом срезал колокольчик, извещавший всех о ее открытии, а после уже вошел, держа автомат на изготовку.

В темно-зеленом коридоре, свернувшись на коврике, спал большой черный терьер. Он шевельнул ушами и открыл глаза, почувствовав дуновение сквозняка. Потянул большим черным влажным носом, но перья Вороненка действовали. Пес вновь положил голову на лапы, и мы осторожно зашагали по грязной ковровой дорожке.

Справа, закрытая стеклом, словно бюро клерков, была комнатушка, в которой горел свет. Охранник в гимнастерке с расстегнутым воротом покачивался на стуле, мешал ложкой чай в стакане и слушал тихое радио, то и дело шипящее и потрескивающее. Его товарищ дрых на кушетке, отвернувшись к стене и накрыв голову подушкой.

Очередная ночная смена. Пустая, скучная, бесконечная рутина, хочется спать, но работенка непыльная, потому что в девяносто девяти процентах случаев ничего не происходит, утруждаться не надо, а денежки капают. Для многих подобная работа – настоящая мечта. Для других… я знавал ребят, которые уже через пару месяцев лезли на стенку от тоски и однообразия, прося отправить их патрулировать хоть самые злачные трущобы Хервингемма, лишь бы не проводить и дня в отделе хранения улик или архиве.

Здесь было несколько комнат, я заглянул в них, не став включать свет. Довольствовался лишь зеленоватым светом коридорных ламп.

Ничего необычного. Столы, стулья, телефоны, шкафы. Вряд ли где-то в мусорной корзине прятался Кражовски.

Если честно, придя сюда, я на это не рассчитывал. С того момента, как его увели из Гнезда, прошло довольно много времени, и с каждым днем найти ученого все сложнее. Причин этому тысяча, и самая примитивная – помощника Хенстриджа могло давно уже не быть в живых. Но прежде, чем идти в дом к Брайсу, проверить все же стоило.

Ступеньки в подвал, деревянная рассохшаяся дверь, запертая на засов. Я сдвигал его осторожно, чтобы металлический лязг не услышала собака, спящая наверху. Черканул лучом фонаря по стенам подвала, нашел черный рубильник выключателя, поднял.

Продолговатые лампы под потолком, неприятно мигая, зажигались одна за другой. Пахло влажной сыростью и диким зверем. Мюр втянула воздух носом и, словно читая мои мысли, поменяла положение «Астры» так, чтобы начать стрелять, как только возникнет угроза.

Очень знакомый запах, скажу вам честно. Так смердели проулки в Старой Академии. Так пахли контаги.

Впереди дорогу перекрывала мощная решетка, и я остановился перед ней, сомневаясь: хочу ли идти дальше? Мороки с контаги не оберешься. Но у Мюр сомнений как раз не было, и она, посмотрев на меня, положила руку на рычаг, блокировавший открытие.

Я быстро поменял магазин в автомате на тот, в котором были патроны с экспансивными пулями, кивнул ей, и девушка распахнула «дверь». Коридор поворачивал буквой L, и мы действительно оказались в тюрьме.

Маленькой, частной и никому не известной. Камер было четыре. Три пустых, без всякого намека на присутствие Кражовски, а в четвертой спал контаги. Он все еще оставался наполовину человеком, только плечи разрослись вширь, покрылись какими-то отвратительными пузырями размером с арбуз. Мы отступили назад, несмотря на то что заразившийся моторией вряд ли бы нас заметил.

Я мотнул головой, указав Мюр на выход, закрыл за собой решетку, погасил свет, и мы поднялись наверх. Охранник, который встретился нам на улице, как раз входил внутрь, озадаченно держа в руке срезанный мною колокольчик.

– Веревка, кажется, перетерлась, – сказал он, показав находку товарищу, слушавшему радио.

– Все тихо?

– Да. Дошел до восточного крыла, старик спит.

– С чего он почти всех отпустил? Разъехались по домам, только мы торчим да ребята Риткина.

– Иди спроси сам у Брайса. А я греться. Чай остался или все выдул?

– Глянь в термос. Тебе еще эту тварь кормить.

– К черту контаги. До утра потерпит.

Мы оставили их препираться, отправившись к нашей основной цели.

Особняк – удивительно легкое, воздушное здание, точно прилетевшее сюда из сказок о фэйри, – был белым, ажурным, с тонкими колоннами, невероятным изгибом парадной лестницы, «хрустальным» куполом, по форме напоминающим обсерваторный. Все подходы к нему освещали яркие лампы, и нам оставалось лишь посчитать охранников.

Я заметил шестерых. Двое, облокотившись о перила лестницы, курили, поглядывая в сторону парка, и лениво беседовали, подняв воротники шинелей. Еще трое обходили здание по периметру, находясь на разных прогулочных дорожках. Кто-то шел быстрее, кто-то медленнее, один вовсе остановился, непонятно зачем обрывая сухие веточки с куста.

Скорее всего, были и другие, те, кто находился в остальных частях парка или за зданием.

Через парадный вход лучше не рисковать, охрана вряд ли упустит из виду, что огромные двери открываются и закрываются сами по себе. Мюр думала точно так же, взяла меня за руку, потянула за собой, в сторону розария, куда-то к восточному крылу, и я рассудил, что она знает это место куда лучше, чем я думал. Нет смысла удивляться. Дом построен не вчера, возможно, при прежнем правителе он был куда более знаком одной маленькой девочке.

Мы вошли внутрь через пристроенную к зданию церковь с темными стрельчатыми окнами и лавками, на которых давно уже никто не сидел. Дальше начинался маленький внутренний дворик, такие в прошлые века дворяне использовали для обучения фехтованию и тренировок. Небольшой навес, низкие стойки, где стояла гондола с золотыми вензелями гербов свергнутого дукса. Удивительно, что они уцелели в Риерте, которая старалась избавиться от своего прошлого.

Внутри, в самом доме, через три горели редкие, выкрученные на минимум лампы, давая свет тусклый и даже болезненный для глаз из-за своего мерцания – никто не спешил жечь электричество в середине ночи и выбрасывать на ветер лишнюю моторию.

На первом этаже находились люди.

Служанка в белом переднике, молодая и симпатичная, но уставшая, прошла мимо нас с подносом, накрытым хромированной крышкой, и ее шаги гасли в густом ворсе ковровых дорожек. Мы направились следом, и она привела нас в одну из комнат, больше похожую на музей, столько картин и статуй здесь было. За круглым столом сидели четверо охранников, возможно из второй смены, которая готовилась заменить тех, кто дежурил на улице. А может, они должны охранять дом, но вместо этого пили чай и немного оживились, когда служанка поставила перед ними большое блюдо жареной картошки.

– Они могли ошибиться, – сказала женщина с нашивками сержанта связи на воротничке, как только прислуга ушла. – Хочу, чтобы это была ошибка.

– Телеграмма не врет, – ответил ей пожилой мужчина с чуть желтоватым лицом, в звании лейтенанта. – Сама же приняла ее. Старик знает?

– Просил не беспокоить его до утра, если только не будет звонить дукс или не случится пожара в лаборатории, сэр. – Бритый солдат с крепкими руками, сидевший дальше всех от света, поднял голову от чашки. – Мы решили, что если вы прикажете…

– Он не любит, когда его дергают ночью. Подождем.

– Но такое происшествие, сэр, – попыталась возразить женщина.

– Пей свой чай, сержант. – Все они были очень утомленными, задерганными и напуганными. – А вы не думайте и шагу без моего приказа ступить. Тем, кто сейчас на посту – ни слова, я не хочу, чтобы кто-то из тайной полиции потом сказал, что информация об убийстве сына дукса просочилась от охраны Брайса.

– Сэр?

– Кто-то сливает газетчикам, что происходит у старика. Кто-то из нас. Капитан предупреждал меня, а я предупреждаю вас. Найду крысу – отправлю ее в подвал на завтрак контаги. И мне ничего за это не будет. Надеюсь, это понятно.

– Понятно, сэр, – ответила за всех сержант, двое других солдат поспешно кивнули.

Я посмотрел на Мюр, ее лицо было бледно, и она, хмурясь, направилась в сторону лестницы на второй этаж, вцепившись пальцами в автоматный ремень.

Разочарование как простуда, оно находит человека неожиданно и портит ему жизнь. Но разочарование в друзьях и близких – словно тяжелая болезнь. Оно не портит жизнь, а убивает, медленно пожирая изнутри. Я положил руку ей на плечо, и она, понимая мой жест, благодарно кивнула, но так и не подняла глаза, угрюмо думая о случившемся.

Второй этаж оказался практически не освещен, и за все время блуждания через сквозные комнаты, мы встретили лишь одного человека – пожилого мужчину в ливрее слуги, спавшего на стуле, откинув голову, и негромко похрапывающего.

Помещение рядом, вне всякого сомнения, являлось спальней владельца дома – здесь было натоплено и очень темно. Кровать под тяжелым балдахином скорее угадывалась, чем виделась из-за плотно задернутых занавесей. Кто-то спал на ней, мы слышали глубокое дыхание, а значит, солдаты внизу ошибались – Брайс отнюдь не занят работой в середине ночи.

Я остановил Мюр, сделавшую шаг во мрак. Ее колебание было кратким, и этот соблазн она смогла побороть, позволив мне увести себя. Возможно, просто решила, что за одни сутки – слишком много убийств. Пускай ученый и заслуживал этого куда больше, чем сын дукса.

Кабинет Брайса назывался «кабинетом» лишь для порядка. Он занимал половину второго этажа и больше напоминал танцевальный зал. Островки света – лампа на огромном столе и камин с разожженным огнем, пульсирующим словно сердце демона.

Вся остальная часть помещения куталась во тьму, бесконечные книжные шкафы вдоль стен напоминали мрачных великанов, охранявших это место. Я внимательно осмотрелся: кушетка, повернутое к ней кресло с высокой спинкой – темный прямоугольник на фоне более светлого окна из-за горящих на улице фонарей, какие-то приборы, похожие на механических насекомых, опять же, видны лишь силуэты. На столе стоял стакан, на дне которого маслянисто лежали остатки темного напитка.

Где-то здесь находился и сейф, к которому так стремилась Мюр.

Мы оба посмотрели на висевшую на стене картину – паровой парусник середины прошлого века, подплывающий к одинокой морской скале на фоне последних солнечных лучей.

Мюр подошла и сняла ее.

Сейф располагался там, где мы думали. Большинство людей не отличаются воображением и не утруждают себя тем, чтобы надежно прятать ценные вещи. Было единственное «но» – замок у вмурованного стального ящика оказался не ключевой, а механический. Чтобы вскрыть его, надо крутить колесико, правильно подобрав цифры и вращение. Ни я, ни Мюр не обладали навыками «медвежатников». Не уверен, что даже Сайл, с ее непостижимой силой, могла бы вырвать эту дверь.

– Че-е-ерт. – Слово больше походило на тоскливый стон, и из-за перьев ее фраза получилась далека от чистого произношения: – Я не понимаю. Она не могла мне солгать!

– И не солгала, – раздался голос из кресла, повернутого к окну.

Надо сказать, это получилось довольно неожиданно и крайне неприятно.

Он неспешно встал и сейчас всматривался в темноту за нашими спинами, конечно сразу догадавшись о том, кто посетил его этой ночью. И явно пытаясь понять, куда делась сама девушка, зная о способностях ее ингениума.

Мюр выплюнула перья прежде, чем я хоть что-то смог сделать. Вытерла губы тыльной стороной ладони.

Я был зол, но отошел к двери и молчал, уже продумывая, как вывести ее из дома, не привлекая внимания охраны.

– Я могу подойти? – вежливо спросил человек, находящийся во мраке, словно не обращая внимания на то, что девушка направила на него ствол выхваченной «Астры».

Он держал руки на виду, и Мюр сухо сказала:

– На свет и сядьте на стул. Медленно.

Она не подпустила его к столу, понимая, что у нее нет времени проверять ящики, в которых, возможно, лежит оружие. Толкнула стул ногой, и тот проехался по полу, остановившись на светлом участке.

Раньше я видел Брайса только на фотографиях в газетах, а они не передавали ни его высокого роста, ни худобы. Вытянутое лицо казалось надменным и холодным. Глубоко посаженные темные глаза, высокие залысины, удивительно черные для его возраста волосы и усы хендлбар[40], бархатная полосатая пижама. Ученый подошел к стулу и прежде, чем сесть,

сказал:

– Я хотел бы допить свой коньяк. Вы позволите, Элизабет?

Она не позволила, и ученый развел руками, мол, ну что тут будешь делать, не спорить же из-за такой мелочи, расположился на указанном месте, положив ладони на колени, и я отметил про себя, что пальцы у него тонкие и хрупкие, как у пианиста.

Меня он, разумеется, не видел.

– Не хотел вас пугать, просто мне сегодня не спится.

– Это обычное явление для людей, которых мучает совесть.

Он опять не спорил:

– Нас всех она тревожит время от времени. Диана вас не обманула, но с тех пор как она сделала дубликат, прошло время, и я поменял сейф. Ключи слишком ненадежны.

– Вы ждали меня, Иоахим.

– Скорее предполагал, что вы нанесете визит, – признал ученый. – Пришли убить меня, Элизабет?

Она замешкалась с ответом, повела взглядом, но из-за выплюнутых перьев больше не видела меня. Наконец приняла решение:

– Нет. Если не дадите мне веского повода.

– Хорошо. – Его губы тронула улыбка. – Что вы ожидали найти там?

– Ответы.

– Ответы? – Брайс выглядел удивленным. – Никто не доверяет ответы бумаге, девочка моя. Слишком велики риски. Внутри сейфа лишь деньги. Проверьте, если желаете. Один влево, девять вправо, ноль вправо, три влево, один, восемь, шесть, ноль вправо.

– Девятнадцатое число месяца ветров тысяча восемьсот шестидесятого года, – тихо произнесла девушка, и ствол автомата чуть приподнялся, целясь мужчине в центр лба.

Но Брайс сохранил хладнокровие и кивнул печально:

– Дата рождения Мюреол.

– Не смейте даже называть имя моей матери! – с ненавистью произнесла девушка. – Она доверяла вам, покровительствовала вам, дружила с вами. Вы были крестным ее детей и предали ее! Всех нас!

У владельца дома дернулся уголок рта, это единственное, что выдало его напряжение, но сказал он мягко, понимая, что ступил на тонкий лед, дал ей этот самый «веский повод»:

– Это неправда, Элизабет. Я не участвовал в свержении вашего отца, и уж полковник Веллтон должен был вам об этом сказать. – Брайс прищурился и улыбнулся, все поняв по ее лицу. – Но не сказал. Что же.

Понимаю Вилли.

– Вы поддерживаете Мергена, служите ему.

– Я служу науке. Тому, на что потратил свою жизнь и силы. Да, мои методы жестоки, и я признаю это, но без них нельзя ускорить прогресс. В противном случае еще несколько поколений станут топтаться на рубеже конца прошлого века, лишь нанося больше вреда себе и окружающему миру. Я же хочу как можно быстрее преодолеть этот досадный процесс эволюции человечества и вывести технологию на новый уровень.

– «Досадный»? – Она точно ослышалась. – «Город без контаги» убил тысячи…

– И спас десятки тысяч, – последовал хладнокровный ответ. – Если бы вы побывали в Старой Академии, то поняли бы меня, Элизабет. В мире живут миллионы людей, мотория – дьявол, которого мы создали, и он уничтожит многих, не только в Риерте, если не шагнуть за грань непознанного, не подчинить его, поставив окончательную точку.

– И ради этой грани вы готовы убивать даже детей, Иоахим.

Я, как и она, вспомнил тех, кого мы нашли в подвалах «Сладкого королевства». Брайс не ответил ничего, и это было мудро с его стороны, не позволять «Астре» выплюнуть пули, хотя и так понятно, что дети для него такие же цифры в статистике, всего лишь меньшее зло, которое не жалко поселить в своем сердце ради грядущего светлого будущего.

Некоторые не понимают, что даже маленькое зло убивает всякую возможность порождать свет и тянет тебя в глубокую тьму.

– Я для вас враг, Элизабет?

– Конечно.

– Печально это слышать.

Девушка подошла к сейфу:

– Пожалуйста, оставайтесь на стуле.

Она использовала код, который он назвал, открыла массивную дверь, широким движением сгребла с темных полок все, что находилось внутри ящика, сбросив на пол. Улов был не очень густым для столь необычных грабителей, как мы. Несколько пачек банкнот и перевязанные красной бечевкой ценные бумаги «Мотории Риерты».

– Вы ищите что-то конкретное, Элизабет? Кроме своих ответов? Вещественное? Я прав? – Брайс с некоторым сожалением посмотрел на бокал с коньяком и облизал нижнюю губу. Ему чертовски хотелось выпить.

– Что вы сделали с Кражовски, Иоахим? Убили его?

– Вот к чему вы ведете, – протянул ученый. – Ищете плод переосмысления идей Белджи, которые у него украл Хенстридж, и я,

признаться, удивлен, что вы в курсе этого проекта.

– Хенстридж ничего не крал.

Брайс вяло махнул рукой, мол, «не смешите меня».

– Вы молоды, а молодости свойственно ошибаться в людях. Баллантайн был безумцем, Белджи сломленным жизнью бедолагой, а старина Хенстридж всегда оставался лжецом и вором, пускай это не отменяет его таланта.

– И, стоит полагать, вы самый лучший из них?

– Нет. Я – худший. Этого у меня не отнять, девочка моя, – он хлопнул ладонью себя по колену. – Но это не значит, что у остальных не было недостатков. Хенстридж сдал Белджи искирам во время оккупации Риерты, сам забрал все его наработки. О, не трудитесь говорить, что это ложь. Можете не верить, но это правда.

– И вы знали об этом.

– Конечно.

– Но не забрали проект себе.

– Признаюсь честно, лучше Джейсона Хенстриджа в создании мутантов разбирался лишь Баллантайн. Моя область знаний лежит чуть в иной плоскости и отбирать у моего коллеги то, в чем бы я продвинулся куда меньше, совершенно нерациональное решение. Я предоставил моему бывшему соратнику возможность вести изыскания, лишь отправил Кражовски извещать меня о продвижении его проекта.

Ну, что, собственно говоря, и следовало доказать. Меня посещало предположение, что Кражовски работает не на одного хозяина. И вот оно подтвердилось.

– Вы помогаете Мергену, а Кражовски никогда…

– Да-да, – очень устало произнес Брайс. – У него иная политическая позиция, дукс должен быть свергнут, власть передана в руки народа и прочие фантастические вещи. Политические взгляды ничуть не мешают его аппетитам.

– Деньги? – с брезгливым недоверием спросила Мюр.

– В конечном счете все упирается в деньги, которые прекрасный эквивалент власти, славы, богатства, независимости, возможности продвинуть революцию. Я не интересовался, на что он хочет потратить свою часть заработка. Мы заключили с ним соглашение – я получаю готовый проект, а Кражовски акции «Мотории Риерты» и долю с патента. Его такое предложение устроило, и мы долго и плодотворно сотрудничали, несмотря на различие во взглядах, но, кажется, вы это и так знаете.

– Он отдал вам проект, который украл у Хенстриджа, когда тот решил

работать с искирами?

– После того как я вытащил его из тюрьмы. Отдал.

– А теперь, надо полагать, Кражовски закопан где-то в вашем парке.

На лице Брайса появилось неприкрытое отвращение:

– Элизабет, не стоит всех судить по полковнику Веллтону. Я не имею привычки закапывать трупы, тем более рядом с жильем. Он сейчас в моей лаборатории, работает вместе со мной над тем же проектом. Жив и здоров. Вас так заботит его судьба?

– Совсем не заботит, если честно. Где прибор?

Он посмотрел на нее из-под опущенных век, скрестил руки на груди:

– Элизабет, право, я не понимаю, что вы хотите с ним делать. Он бесполезен еще несколько лет, пока я не завершу работу Джейсона.

– Вас должно больше беспокоить, что я сделаю с вами, если не получу то, что хочу.

Хотела она совсем иного и сейчас «просила» для меня, а не для себя.

– Вы представляете, в чем состоит открытие Белджи?

– Изобретение способно очищать моторию от примесей, делать ее эффективнее.

Брайс засмеялся. Легко и на удивление весело, словно услышал лучший анекдот в нынешнем году.

– Господи! Кто вам сказал такую чушь?! Хенстридж, я полагаю? Белджи придумал нечто иное – систему, которая способна помогать людям, владеющим ингениумом.

Слева от меня тихо скрипнула половица, и я резко повернул голову в ту сторону, изучая полутемную комнату. Никого. Не убедившись в этом, помня, как мы не заметили Брайса, сидевшего в кресле, я тщательно проверил каждый угол и вернулся назад, продолжая слушать разговор.

– Помогать? Каким образом?

– Вам предоставить все в научной форме, Элизабет? Как ученому совету Академии?

– Достаточно простого объяснения. Будьте любезны.

– Ингениум наделяет людей чудесными свойствами, но, когда они используют его слишком часто, он сводит их с ума, а затем убивает. Открытие позволит нивелировать последствия и дать таким людям шанс. По сути, оно изменит историю человечества.

– Как уже изменила придуманная вами мотория. Войны, смерти, мутации.

– Вы не понимаете, Элизабет. Со временем мы сможем стать большим, чем людьми. Оторваться от земли, подняться в небо без всякой техники,

спуститься на дно океана, выживать в огне.

– Убивать огнем.

Он печально вздохнул:

– Вы видите только отрицательные возможности.

– Я вижу реальность, Иоахим. Ту, которая получилась благодаря вашему разуму и разуму ваших коллег. И мне она не по душе. Вы же хотите лишь укрепить ее и, возможно, дать власть в руки тем, кто будет сильнее обычных людей и кто больше не станет сдерживать свои способности, опасаясь умереть.

– И снова вы не понимаете.

– Чего же?

– Не будет тех, у кого нет ингениума. Не останется слабых, за которых вы переживаете. Каждый человек приобретет способности, какие только пожелает. Заплатит за них в магазине, словно за бутылку вина, если угодно.

– Никто, никогда, ни при каких обстоятельствах не отдаст могущество в руки простых людей. Ни одно государство не выдаст каждому жителю по танку и аэроплану, если угодно, – она повторила его покровительственный тон. – А значит, сильными станут лишь аристократы, банкиры, тайная полиция. Это не то будущее, которого я хочу.

– Что же. Ваша позиция достойна уважения, Элизабет. Но сейчас мы рассуждаем о перспективах очень далекого будущего. Да. Все измышления, расчеты и модели Белджи и Хенстриджа доказывают, что ингениум можно очистить, а вот наделение способностями всех желающих займет работой лучшие умы мира на десятилетия.

– То есть прибор это делать не способен?

Брайс снисходительно улыбнулся:

– К сожалению. Будь жив Баллантайн, такой задачи перед наукой не стояло бы, но он унес в могилу все свои секреты.

Она обдумывала свой следующий вопрос, я видел, как между ее бровей появилась тяжелая складка.

– Баллантайн уже проворачивал подобное, – наконец сделала вывод девушка. – Наделял людей ингениумом.

– Вы умны, – одобрил ученый.

– Плакальщики.

– И снова вы делаете выводы на слухах и вранье, дорогая Элизабет. Плакальщиков создал Хенстридж.

Твою мать. Сегодня просто ночь открытий, в которых безобидный старикан, нанесший визит в мою контору, оказывается чуть ли не самым большим негодяем в этой дурной истории. Разумеется, если слова Брайса

не ложь.

– Тяжело поверить в это.

– Понимаю вас, Элизабет. Вы ведь были с ним знакомы, судя по тому, как его защищаете. Даже странно, что Кражовски ни разу не рассказывал о девушке, которая бывала у Джеймса. Я бы нашел вас гораздо раньше, чем на Празднике Звезд. Хенстридж попытался повторить… – Брайс поколебался со следующим определением. – Относительно успешный эксперимент Баллантайна, но в итоге, как это часто бывает с теми, кто блуждает с завязанными глазами, вместо того чтобы выйти в дверь, он вышел в окно. И получились плакальщики, существа бесспорно интересные, но называть их людьми я бы не осмелился. Они нечто иное, спасибо за это Джеймсу.

– Как он это сделал?

– На его острове целая лаборатория, с множеством баков, которые… хм… сварили этих существ из человеческой основы и мотории. Мы уничтожили все исследования по приказу вашего отца и больше к этому проекту не возвращались.

– Моего отца?

– Неужели вы считаете, Элизабет, что подобные вещи происходят без одобрения дукса?! Уж с тем, что плакальщики появились во времена вашего батюшки – неоспоримым историческим фактом, – вы спорить не будете. Они служили ему и исполняли столь же щекотливые поручения, как и при нынешнем господине Риерты.

Ей не нравилось услышанное, потому что оно было слишком похоже на правду.

– Правителям приходится принимать жестокие решения, дорогая.

– Почему плакальщики помогли Мергену? Личная охрана отца была перебита ими и дворец захвачен, хотя их считали самыми верными. Что произошло?

– Я все же возьму коньяк, если вы хотите продолжить беседу. И пожалуйста, не наставляйте на меня оружие, в этом нет никакой нужды.

Мюр опустила «Астру», и Брайс, сочтя это за разрешение, степенно поднялся, взял со стола стакан, сев теперь более вальяжно, закинув ногу на ногу. Он сделал скупой глоток, посмаковал и сказал:

– Плакальщики существа специфические. Их можно контролировать, и Мерген получил над ними контроль. Точнее, с самого начала тот был у него благодаря Хенстриджу. Специфическая сыворотка, тоже производное мотории. Она жизненно необходима им для существования, и кто контролирует инъекции, тот контролирует плакальщиков. По сути своей

они специфические наркоманы, которым время от времени требуется укол для продолжения жизни. Это биологические машины, лишенные эмоций и привязанностей, они получают топливо и исполняют поставленную перед ними задачу. Так что фактически их поступок нельзя назвать даже предательством. С Мергеном или любым другим они поступят точно таким же образом, стоит лишь захватить препарат. Ради его получения плакальщики исполнят любой приказ.

– Я хотела бы знать, где его производят.

– Это одна из важных государственных тайн, и меня никогда к ней не допускали. Еще во время вашего отца Мерген по его приказу вывел и спрятал производство. Полагаю, что оно даже не в городской черте, а где-нибудь в горах или, быть может, на Заброшенных островах. Никогда не прилагал усилий, чтобы найти то, что является основой государственной стабильности. Это смертный приговор. А я не спешу умирать.

– Баллантайн, – напомнила ему девушка. – Люди, которых он наделял ингениумом.

– Многие называют гением меня, Белджи или Хенстриджа, но настоящим гением все-таки был именно Баллантайн. Сумасшедшим, безумным, даже больным, особенно в последние годы, но чертовски гениальным ученым. Человек бесконечных талантов. Он собрал нас всех, направил и… вы знаете, к чему это привело. Открытие мотории, ингениум, контаги. Ему стали интересны процессы эволюции человека, внезапно появляющиеся способности у некоторых из тех, кто контактировал с новым веществом. Он проводил исследования, изучал ингениум и пытался создать идеального человека. Ушел в область, которую никто из нас не понимал и каждый боялся. Дукс, ваш отец, уважал моего коллегу, не побоюсь этого слова, преклонялся перед его талантом, и Баллантайн имел на него сильное влияние. Слишком сильное, на взгляд очень многих.

– О чем вы?

– Любая просьба Баллантайна получала одобрение дукса. Финансирование, прекрасные условия, поддержка. Мой друг очаровал вашего отца своими теориями, если угодно, обратил в новую веру, и тот пожертвовал на осуществление доктрины развития лучшего человека самое дорогое, что у него было. Своих детей. Вы молчите? Наверное, потому, что знаете, кто вы и чем обладаете, благодаря этим двум людям. В вас, как и в вашем брате, где бы он сейчас ни был, живет ингениум.

– Продолжайте. – Ее голос осип.

– Да нечего особо рассказывать, – пожал плечами Брайс. – Вы были первым и последним удачным результатом эксперимента, когда человек

получил способности, но без последствий от их использования. До этого люди все же слетали с катушек и умирали, но для детей дукса Баллантайн постарался. Не сочтите меня жестоким, но я бы с радостью разобрал вас, точно ребенок игрушку, чтобы узнать, как мой коллега такое провернул. Я не сделал это, просто понимая бесполезность подобной затеи.

– Не сделали? – Мюр похлопала по автомату. – Не уверена, что у вас получилось бы.

Тот только улыбнулся:

– Я говорю о прошлом. Мерген хотел убить вас и Артура, но я убедил его этого не совершать.

– Разумеется, вы так поступили по доброте душевной.

– Ваша ирония не к месту. Конечно, я преследовал выгоду, надеясь провести некоторые эксперименты и, быть может, как-то понять, что делал Баллантайн, но дураки Веллтон и Пендантон похитили вас прямо из дворца.

– Почему отец согласился?

– С тем, чтобы его дети обладали ингениумом? Я же сказал – он слишком доверял Баллантайну, также был одержим прогрессом, в то время это было очень модно. Открытие мотории, светлое будущее и прочая лабуда. Но в отличие от других, ваш отец считал, что подобной силой должны обладать лишь правящие круги, а не чернь. Согласитесь, смешно немного, что вы хотите совершенно иного и с батюшкой бы не нашли взаимопонимания.

– Мой отец был хорошим человеком.

– Так говорят те, кто любил и поддерживал вашего отца. Если бы я мог говорить откровенно…

– Можете, – быстро согласилась девушка.

Но Брайс указал длинным пальцем на пистолет-пулемет.

– Я привык, что женщины порой излишне импульсивны, и это создает некоторые неожиданные риски…

– Говорите, черт бы вас побрал!

– Ваш отец был мерзавцем и куда худшим дуксом, чем нынешний. Это мое мнение, и оно имеет право на существование, как и ваше. Когда Баллантайн утратил свое влияние на него… Ах да. Вам, наверное, это неизвестно, но ваш брат погиб не от лихорадки, как сообщалось об этом в газетах, а из-за неудачного эксперимента по прививанию ингениума ребенку.

– Эду был всего лишь год.

Я приподнял брови. Даже не слышал, что у дукса было трое детей.

Впрочем, не очень-то вникал в историю прошлой правящей династии чужой страны.

– Тем трагичнее эта случайность. Примерно через неделю Баллантайн погиб при взрыве конвейерной линии на второй фабрике мотории, которую он строил.

Он замолчал, предоставив девушке делать выводы.

– Считаете, что отец убил его?

– Не думаю, Элизабет. Он бы не решился на такое, даже потеряв ребенка. Баллантайн был нужен ему и Риерте. А вот Мюреол это могла сделать – я хорошо ее знал, вы похожи во многом. Смерть сына она не простила.

Мне было жаль ее. Когда всю жизнь окружен ложью, то внезапная правда это не глоток свежего воздуха, а острый клинок в твое легкое. Она убивала и куда более крепких людей, чем моя спутница.

– Ваш же отец не остановился, хотел продолжать эксперименты. Пригласил меня, но я сказал, что подобное не моя область. Не знаю, обращался ли дукс к Белджи, но согласился Хенстридж, и получились плакальщики. Затем была война, она затормозила наши исследования мотории, а потом случился переворот.

– Почему? Почему Мерген, который был другом отца, его предал? Правда, что отец собирался отдать секреты производства мотории другим странам?

– Правильные вопросы, Элизабет. Существует версия, что Мерген защищал благополучие страны от недальновидной преступной деятельности правителя, который стал слишком наивен и слаб. Вопрос выживания государства, как говорят. Я не знаю, насколько это правда, не вникал в детали политики.

– Но у вас есть мнение.

Он неохотно кивнул:

– Дукс после войны вновь вернулся к идеям Баллантайна и собирался продолжить исследования. Опять взяться за военных, как это случилось с плакальщиками. Использовать офицеров для рискованных исследований и, как вы понимаете, это не всем понравилось. Некоторые, в том числе и Мерген, не желали быть подопытными крысами, и вашего отца убрали от греха подальше. Но это не точная информация, в отличие от того, что я рассказал вам раньше. Чтобы узнать правду, надо спросить у Мергена, а я ему таких вопросов никогда не задавал. Он неплохой человек, Элизабет, которого суровые времена вынудили к жестоким действиям. Многие недовольные говорят о том, что дукс убил Риерту, превратил ее в город зла, но хочу вам

напомнить, что он принял это наследство от вашего отца, и оно уже было отравлено ядом мотории. Мергену достался корабль с пробоиной, слишком большой, чтобы ее заделать, поэтому он просто старается выкачивать поступающую воду и надеется добраться до берега. А прибор, который теперь у меня есть – это шанс для Риерты.

– Он поможет дуксу, укрепит его власть, вселит страх в слишком многих хороших людей.

– В основе любого порядка лежит страх. Вы, как наследница прежних правителей, кровь от их крови, должны бы это знать.

– Я человек новой эпохи, Иоахим. А потому спрошу лишь раз: где исследование Хенстриджа? В вашей лаборатории?

Брайс замолчал, и его взгляд стал тяжелым. Мюр подняла автомат, многозначительно направив ствол в грудь ученого.

– Вы сами сказали, что я похожа на свою мать. И если она сделала это с Баллантайном, то почему мне не сделать то же самое с вами? Вы умный человек, просчитайте, каков шанс, что я не выстрелю в вас.

– Процентов пять, надо полагать. Слишком маленький, чтобы я стал рисковать. Хочу лишь сказать, что для вас эти исследования бесполезны, Элизабет. Второй ящик моего стола.

Она открыла его и вытащила длинный узкий прямоугольник черного цвета, чем-то похожий на сломанную линейку.

– Что это?

– Ключ. Лаборатория – ненадежное место. Любой работник может украсть то, что украдено уже не раз. Книжный магазин «Апостроф» в Светляках, улица Оборотного канала. Наверху сдаются конторы, под номером четыре уже давно снята на подставное лицо. Я храню там все вместе с дневником Хенстриджа и своими исследованиями.

Мюр с сомнением посмотрела на Брайса, просчитывая, не врет ли он ей.

– Все равно слишком легко. В чем подвох, Иоахим?

– Это знак моего расположения к вам, Элизабет. Оливковая ветвь, если оперировать аналогиями из прошлых веков. Я не враг вам, и мне нужна ваша помощь, чтобы понять работы Баллантайна.

– Разберете меня, как куклу?

– Ну что вы цепляетесь к словам? Я изучу вас, если вы разрешите. Исследую кровь, посмотрю в микроскопы, проведу несколько тестов, которые не причинят вам вреда, но, возможно, помогут мне лучше понять, что делал коллега. Я обещаю вам мое полное содействие, поддержку и, если представится случай, буду первым, кто поможет вам вернуть

наследство вашего отца. Вы или Артур вновь станете правителями Риерты и сможете отомстить Мергену за то, что он сделал с вашими родителями.

Она неспешно убрала ключ в свою сумку:

– Заманчиво.

– Вы согласны?

– Ответьте мне на вопрос, Иоахим. Диана Дайсон жива?

Его лицо окаменело:

– Как я уже говорил, не имею привычки убивать людей.

– Вы – нет. Но тот плакальщик, что преследовал меня. Он ведь получил такой приказ? Хенстридж говорил, вы не терпите предательства и, судя по слухам, с момента праздника бедняжку никто не видел.

– Надеюсь, что с ней все хорошо. Я тут ни при чем.

– А плакальщик? Он всегда вас сопровождает? Вы ценны для Мергена, и вам положена куда лучшая охрана, чем та, что сидит на первом этаже. Он сейчас здесь?

Я мягким шагом отступил к стене, чувствуя ее спиной, понимая, что скрип половицы был не случайным. Мой взгляд метался по всей той же мрачной, пустынной комнате, в которой пряталось чудовище.

– Вам нечего бояться, Элизабет, – теперь тон Брайса стал точно таким, как бывает у дрессировщика лошадей, который опасается напугать уже встревоженное животное. – Если бы я хотел, чтобы вам причинили какой-то вред, я бы давно отдал надлежащий приказ.

– Где он?

– А ваш друг? Тот, что пробудил пламя на пристани Дайсонов. Ждет снаружи? Интересный объект.

– Мне кажется, Иоахим, что все люди для вас лишь объекты и экспонаты. Где он?

– Я надеюсь на ваш разум и на то, что вы не станете применять свои способности, не оценив последствия. – Брайс сухо щелкнул двумя пальцами, и прямо за ним появился плакальщик.

С «плаща» словно стекало призрачное масло, исчезающее, стоило субстанции попасть на свет. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу.

– Дочь греха. – Человек-птица не был похож на того, кого я хорошенько поджарил в ночь Праздника Звезд. Низкорослый и куда более коренастый.

– Почему? Почему вы меня так называете?

– Вы и ваш брат были первыми в Риерте, кто выжил с внедренным ингениумом, Элизабет. – Ученый смотрел с печалью. – Баллантайн делал

записи своих исследований, наблюдений, писал научную работу, пускай ваш отец и запретил ее публикацию из соображений государственной безопасности. Ему как-то надо было обозначить вас, и он назвал вас Объектами Сын и Дочь греха. И не спрашивайте меня о мотивах, побудивших его к этому.

– Я ухожу.

– Вам не справиться с ним, – попытался убедить ее Брайс.

– Я уже убила одного такого, как он.

– Однорукого, – шелестящим голосом отозвался плакальщик. – У меня две руки, дочь греха.

– Убью и тебя, если будет надо. Вы не всесильны, что бы кто ни говорил.

– Элизабет, Элизабет, – опечалился ученый. – Вы похожи не только на свою мать, но и на отца. Он тоже был слишком упрям и часто не желал слушать разумных доводов. Думаю, вам надо остыть. Иногда женщины просто не понимают, в чем их благо, и совершают то, о чем им приходится позже жалеть. У меня есть чудесная гостевая комната, там будет комфортно.

– Простите, Иоахим. Не уверена, что комфорт рядом с вами вообще возможен. Не пытайтесь меня остановить.

– Сожалею, но вы слишком ценны для меня, – ответил тот, и я вздрогнул, когда раздался тихий «чпок», так не похожий на выстрел, а Мюр вскрикнула.

Не знаю, где этот ублюдок прятал пистолет, но среагировал я сразу, и «Астра» с глушителем противными щелчками опустошила весь магазин. Тридцать две экспансивные пули, выпущенные с расстояния в шесть ярдов, смели этих двоих, точно удар кувалды.

Я сбросил пустой магазин, перезарядил, вдыхая запах пороха, большим пальцем левой руки активировал рычажок затворной задержки.

Брайс с развороченной грудью сполз со стула и походил на решето, заливая дорогой ковер кровью. Плакальщик пытался подняться, упирался в пол ногами, но они плохо его слушались, дергались, словно у птицы, которой отрубили голову.

Когда пытаешься убить гадину, с этим главное не затягивать и не откладывать на потом. Мне очень хотелось подойти к скрючившейся от боли Мюр, но я понимал, что подобная ошибка может грозить смертью, если создание Хенстриджа придет в себя.

Еще один магазин я опустошил практически в упор, снеся ему башку и весь, с пяток до макушки, измаравшись чужой кровью, мелкими осколками

костей и мозговым веществом.

– Он мертв? – Мюр выдернула из плеча дротик. – Сукин сын! Всадил мне «Якорь». Я без ингениума.

Она не видела меня, протянула руку, точно слепая, и я коснулся ее пальцев, потянул из кабинета. Но девушка задержалась на мгновение, вглядываясь в мертвое лицо Брайса.

– Я ведь просила просто отпустить меня.

Я потащил ее за собой, здраво полагая, что нет никакого смысла беседовать с трупом. В коридорах было все так же темно, мне приходилось держать ее за руку, чтобы она не теряла меня.

– Слышали? – раздалось откуда-то снизу.

– Да? Мебель, кажется, перевернулась. Старик буянит?

– Не похоже на него. Что-то не так. Проверь. Быстро!

– Да, лейтенант.

Застучали ботинки по ступеням, и я бедром толкнул Мюр в сторону, к темным занавескам. Охранник, поднявшийся с первого этажа, пробежал мимо нас. Идти прежней дорогой, через зал с людьми больше нельзя, и мы побежали по верхнему этажу в поисках второй лестницы.

Крики за спиной говорили о том, что тела обнаружили, и уже через десять секунд в доме начали зажигать свет. Человек, появившийся в дальнем конце большого зала, увидел девчонку, стал поднимать пистолет, и Мюр дала очередь по нему, одной рукой, не целясь. Пули ушли в потолок, охранник юркнул вправо, переворачивая стол, прячась за ним.

– У него «Резун»! – девушка разглядела то, что не заметил я. Это меняло расклад – в помещениях машинка с рикошетящими от стен пулями та еще дрянь, и следовало находиться от нее как можно дальше.

Я выплюнул перья. Спасибо, Вороненок, ты очень помог, но сейчас, когда Мюр не видит меня, мы не сможем действовать как команда. Придется чем-то жертвовать.

– За мной!

Я подтолкнул ее в смежную комнату, захлопнул дверь, напряг руки, опрокидывая шкаф с посудой. Мы выскочили в параллельный коридор, спугнув ничего не понимающую служанку.

– Вперед! Идешь медленно, не бежишь. Стреляй по любому, кто появится с оружием.

Я отступал спиной, чувствуя ее спину и водя стволом из стороны в сторону, не зная, в какой из множества дверей коридора появятся преследователи. Женщина с дробовиком, та самая, в чине сержанта, выскочила прямо на меня и нарвалась на короткую очередь. Я опустил

автомат в последний момент, не желая убивать, перебил ей ноги пулями. Она рухнула на пол, но ей хватило ума и выдержки откатиться с линии огня за угол.

Мюр замешкалась, и я одернул ее:

– Не оборачивайся! Все хорошо. Вперед!

Сержант закричала, зовя остальных, говоря, где мы, и я для острастки дал еще две короткие очереди по стене, чтобы никто и не думал высунуться. «Астра» жрет патроны, как оголодавший солдат, выбравшийся из окружения, поедает сваренную на воде кашу. Никакой роскоши вроде одиночной стрельбы или отсечки на три выстрела. Зажал спусковой крючок – меняй магазин.

– Дверь! – предупредила меня Мюр, дойдя до конца коридора. – Черт! Заперто!

– Меняемся!

Поворот на сто восемьдесят градусов, теперь она уже держала коридор, предоставляя мне право разобраться с проблемой. Я навалился на преграду плечом, и в области замка сухо треснуло. Вторым ударом я высадил ее к дьяволу, влетел в комнату с восточным оружием на стенах.

Возможно, повторение – это не очень куртуазно, но и здесь я опрокинул шкаф, чтобы хоть как-то задержать погоню. Пули тут же ударили в него, и я отскочил к окну, выглянул на улицу, где раздавался странный мерный гул, словно по земле бил тяжелый молот.

Бегать по незнакомому зданию, искать спуск вниз – все это довольно опасно. Требовалось уходить прочь, не затягивая.

Я рванул створку, крикнул отстреливающейся Мюр:

– Вниз! Живо!

Она перекинула автомат за спину, ловко прыгнула на выступающий карниз над первым этажом. Следующим прыжком оказалась на земле и тут же прижалась к ящикам, взяв окно на мушку, прикрывая меня.

Умница девочка. Вилли не зря ее натаскивал.

Когда я оказался на земле, в окне так никто и не появился. Их пыл на время охладили автоматные очереди, и они не стали лезть в лобовую. Каждая секунда была для нас ценна.

Мюр повернула направо, но я остановил ее, показав на «зубную щетку», торчавшую возле дороги:

– Если ее включат, то от нас останутся одни угольки! Под прикрытием живой изгороди, пригнись! И к парку!

Охраны было слишком мало, чтобы прочесать всю территорию до того, как мы доберемся к ограде, и до того, как из города прибудет подмога.

Это наш шанс.

Мы бежали по хрустящей от инея траве, стараясь, чтобы нас не заметили из особняка, а гул неизвестной машины нарастал…

Мы миновали открытый участок, и уже возле самих деревьев по нам начали стрелять, но расстояние было слишком велико для точности пистолетов, пули летели куда угодно, только не в нас.

Дорожки, постриженные кусты, черное зеркало пруда с большим летним павильоном, графитовые тени стволов, которые на мгновение осветил далекий прожектор.

– Какая-то машина, – сказал я ей, стараясь выдерживать правильное направление.

– Мотоход.

– Что?

– Танк на двух ногах. Лучше ему не попадаться. Ума не приложу, зачем его держат в поместье Брайса.

Я слышал об этой штуке в разговорах в доме Дайсонов, но не удосужился тогда разобраться, что это такое. Какая-то новая хрень, способная, как и все изобретения, уничтожать человечество.

Я увидел его уже через пять минут, патрулирующим просеку и шарящим лучами электрического света по подлеску. Вертикальный бронированный бак-башня с заклепками и смотровыми щелями для водителя, посаженный на две массивные стальные ноги. На месте левой руки торчал гофрированный ствол крупнокалиберного пулемета с горбом патронного ящика, а вместо правой такая же «зубная щетка», только в десятки раз меньше.

Шел он тяжело и неуклюже, создавалось впечатление, что машина вот-вот потеряет равновесие, завалится набок. Но думается мне, что многотонное чудовище высотой с двухэтажный дом не опрокинет и выстрел из пушки. Даже представлять не хочу, сколько взрывчатки нужно, чтобы остановить этого колосса.

Мы проскочили у него за спиной, и я почувствовал сильный жар от двигателя, а также едкий запах переработанной мотории и машинного масла. Когда башня начала поворачиваться вокруг своей оси, деревья уже скрыли нас от машины, а затем ее гул стал отдаляться.

В самом сердце парка оказались старые, давно заброшенные постройки, похожие на конюшни. Мюр тяжело дышала от долгого бега, и я решил остановиться.

– Минута. Отдыхай.

Девушка благодарно кивнула, вновь поправила ремень тяжелого

автомата, впившийся ей в плечо.

– Как ты думаешь? Плакальщик был один? – с тревогой спросила она.

– Да. Иначе бы другой уже появился. Их не так много в Риерте, чтобы быть на каждой улице и возникать по малейшей тревоге.

– Нам неизвестно, сколько их всего.

– Двадцать два. Раньше было двадцать два, теперь уже не знаю, как много осталось в живых.

Мюриэль посмотрела на меня удивленно, не понимая, откуда я взял цифру.

– Оранжерея на острове, где лаборатория Хенстриджа. Помнишь желтые баки? Их двадцать две штуки. Уверен, именно там он и делал плакальщиков.

Ответить она не успела, так как я поднял руку, хмурясь встал, не понимая, откуда на стене разбитой конюшни появился солнечный зайчик. Маленький, в половину ладони, он был уместен в ночном темном парке точно так же, как прокаженный бездомный в королевской ложе в вечер премьеры гастролей рузского театра балета.

Мой мозг был столь потрясен этим странным зрелищем, что вопреки всякой логике я шагнул поближе, чтобы убедиться, что меня не обманывает зрение.

Если вам кто-то когда-нибудь заявит, что Итан Шелби невероятно разумный человек, который действует, только все хорошенько обдумав, рассмейтесь ему в лицо.

Солнечный зайчик из пятнышка превратился в пятно, заняв всю стену, а затем беззвучно взорвался, лопнул, точно прорвавшийся, породив из себя человека. Хрупкая фигура, лохматые волосы, голый торс, кальсоны – для порядком ослепленного человека я увидел довольно много, и в другой ситуации это выглядело бы весьма забавно. Он быстро скрестил руки над головой, сцепил пальцы в замок, неестественно вывернув ладони – и прямо из стены, разваливая ее, точно великан из спячки, шагнул давешний мотоход, перемещенный талантом ингениума.

Если вы можете себе представить ситуацию, то это как когда вы смотрите на страшную картину художника, а он щелкает пальцами, и вот уже чудовище с полотна по его приказу оказывается в вашей комнате, и наступает всеобщий апокалипсис.

Здесь примерно то же самое.

Машина, громко лязгая, гудя мотором, нависла над нами стальной банкой, и голос из репродуктора, показавшийся мне голосом механизма, а не человека, который сидел внутри, заревел:

– Вы арестованы! Бросить оружие!

Можно сколько угодно убегать от людей, но бегать наперегонки с пулеметом могут только дураки. Мюр неуверенно подняла руки, посмотрела на меня, щурясь в ярком свете прожекторов. Она ни о чем не просила, но выбор и вправду был тухлым. Вряд ли нас отпустят к утру за то, что мы учинили в поместье Брайса. В любом случае нас ждал Инги-Вин, а после чудесное ныряние в Совиный канал без всякой перспективы на всплытие.

Так что я принял решение.

Из двух зол, как говорится…

Огонь ударил из моих ладоней двумя бесконечными потоками. Я зачерпнул с очень большим запасом, понимая, что недостаточно просто сжечь краску с ходячего танка. Здесь требовалось нечто большее.

Гораздо большее.

Рев пламени заглушил вопль заживо сожженного парня с ингениумом, охватил металлическую машину. Мюр отпрыгнула в сторону, покатилась по земле, пытаясь погасить вспыхнувшее пальто. Я не мог отвлечься на то, чтобы ей помочь, только не сейчас, когда мне так сложно бороться с тем, чтобы контролировать себя.

Несколько деревьев вспыхнули от корней до верхушек. Мотоход, несмотря на пламя, сделал четыре тяжелых шага, а затем его башня с грохотом взорвалась изнутри, раскрывшись розочкой, и он так и застыл на своих странных куриных ногах, не желая падать даже после гибели.

Глава одиннадцатая
ОСКОЛКИ

Что-то было не так.

Я с трудом сел, пытаясь проснуться, провел ладонью по небритой щеке. Ощущения были как после дикой попойки, где кутили неделю напролет, а теперь пришла пора расплачиваться за все глупости, что ты совершил, и все то выпитое, которое лучше бы оставалось в бутылках.

Что-то было не так.

Или я повторяюсь? Вот черт! Кажется, именно это и происходит сейчас. Я скрипнул, точно раздавленный сверчок, вместо того чтобы членораздельно выругаться, и Мюр, внимательно следившая за мной, протянула ковш с водой. Я жадно приник к нему и опустошил больше чем наполовину, не обращая внимания на то, что зубы сводит от холода.

– Вкус коньяка.

– У воды? – удивилась девушка.

– Глаза у тебя вкуса коньяка.

Она, поколебавшись, не стала ничего спрашивать, села обратно в свой угол.

Было адски холодно. Заброшенная баржа, осевшая на грунт недалеко от западной оконечности Садов Маджоре, не самое приятное место для ночлега, но не нам выбирать после прошлой ночи.

Подумав о барже, о воде вокруг нее, о Риерте, каналах, бездонном озере, близком бурном море, я ощутил, как меня пожирает приступ паники.

Легко сложить два и два даже в такой тяжелой башке, как моя.

Меня накрыло. Так крепко, как еще ни разу в жизни не накрывало. Я только что приводил в пример алкогольную попойку, но на самом деле у меня сейчас был отходняк наркомана, который лишь чудом пришел в себя, так как несколько часов назад принял дозу, которая куда больше, чем он рассчитывал.

Точно так же и со мной. Вчера я сильно перестарался и щедро черпанул из отравленного колодца с ингениумом. И теперь меня страшит вода, цвета вновь стали вкусами.

Последнее – крайне странно. Обычно все ровным счетом наоборот – после использования способностей цвета, которые долго были вкусами, становились цветами. Но сейчас… в Итане Шелби что-то сломалось, и как

это починить, та еще загадка.

И вообще… можно ли починить?

Я опасливо огляделся и конечно же почувствовал движение, когда тень, словно юная леди, смущающаяся внимания красивого кавалера, ловко ушла из поля моего зрения.

– С тобой все в порядке? – участливо спросила Мюр. – Ты побледнел.

– Нормально, – соврал я. – Просто тяжелые сутки выдались. А ты как себя чувствуешь?

Она не поняла.

– «Якорь», что тебе вкололи. Хорошо держишься.

– А… я искусственно выведенное существо. Мой организм перерабатывает его меньше чем за сутки, спасибо Баллантайну. Мой ингениум уже при мне.

Да уж. Проект Баллантантайна «Грех» гораздо лучше проекта «Созерцатель». Я получил в наследство куда большее количество проблем.

– Ты спала?

– Не смогла.

– Мне жаль, что все это на тебя свалилось.

– «Все»? У этого «все» есть название, Итан – правда. Правда, как говорят, излечивает, хотя лекарство она довольно болезненное. Я не жалею. И ты не испытывай сожалений из-за меня.

– И вместе с тем я сочувствую тебе.

– Спасибо, – она откинула голову, глядя в потолок. – Это были тяжелые часы бодрствования. Надо было принять несколько решений и… в некоторых мне скоро придется раскаяться.

Я никак не прокомментировал ее утверждение.

– Ты испытывал когда-нибудь подобное, Итан? Знал, что поступаешь правильно, но это причинит боль людям, которые тебе доверяют и ценят?

– Ты говоришь о предательстве чужих интересов в угоду собственным?

– Наверное, можно и так сказать. Хотя я считала бы это не собственными интересами, а попыткой улучшить будущее Риерты. Звучит слишком пафосно, да?

– Как из газеты, – признал я. Она усмехнулась:

– Вы мне нравитесь, господин Шелби. Редко везет, когда друг не боится говорить тебе то, что он действительно думает.

– Обращайся. – Мне показалось, тень шуршит где-то в темном углу, среди вороха мятой бумаги. Шуршит громко, насмешливо, старается заставить меня обернуться. О да. Ей бы это доставило большое

удовольствие.

– У моей матери был любимый чайник. Подарок семье, привезли от мандаринцев. Я его разбила случайно. – Улыбка у нее вышла грустной. – Я стояла и не могла поверить, что столь изящное фарфоровое чудо, на боках которого летели драконы ветра, внезапно стало вот этим… на полу. Столько осколков.

– Тебя наказали?

– Дочь дукса? Следовало бы, но нет. Мать сказала, что я должна стать аккуратней, но я хорошая девочка и наконец-то нашла ей интересное занятие. Она потратила много месяцев, чтобы собрать чайник заново. Склеивала крошечные кусочки, пока драконы вновь не взмыли в небо над туманными горами. Сейчас я такая же, как разбитый чайник – сплошные осколки. Все, во что я верила, оказалось ложью, и теперь мне надо склеить жизнь заново. Драконы должны летать.

Да. Должны. Но не всегда у них получается. Частенько они не парят в небе, а наводят ужас. Я не хотел, чтобы она становилась такой.

– Вилли ведь знал. Не мог не знать, и кормил и меня, и брата ложью.

– Я не тот, кто будет поддерживать полковника, но допускаю, что он просто защищал вас. Все мы хотим помнить лишь хорошее о своих родителях и не желаем думать, что порой они могут причинять нам вред, как и все другие люди, даже не осознавая это.

– Он был для меня как отец. Да что я себе вру? Он и теперь мне дорог. Вилли моя семья, и нам предстоит тяжелая беседа. Я возвращаюсь на остров.

– Сейчас?

– Нельзя откладывать неприятный разговор бесконечно долго, – Мюр попыталась произнести это в шутливом тоне, но получилось не очень. – Кроуфорд оставил свою лодку, сказал, что идет в «Кувшинку» и не собирается здесь торчать, раз уж поблизости нет глотка доброго джина.

– Я с тобой.

– Уверен?

– Ну должен же хоть кто-то отвлечь Вилли, если страсти накалятся. – Причина у меня была совсем иная. Если сын дукса мертв, то возможны неприятности, но она, кажется, этого даже не понимает. Лучше быть недалеко от нее.

Я увидел газету на полу.

– Откуда она?

– Купила, пока ты спал. Говорю же, надо было все обдумать и принять несколько тяжелых решений. Посмотри.

«Риертский вестник» писал об убийстве единственного наследника дукса.

– Шестнадцать террористов уничтожены гвардией, еще нескольким десяткам удалось скрыться. Ведется поиск. Возлагаются надежды, что их найдут по горячим следам.

– Теперь мы как они. В правительстве. Наша одежда, даже наши волосы смердят от чужой крови. Отменены все последние проекты о примирении сторон. Признание профсоюзов откладывается, стачка объявлена вне закона, никто не будет выпущен из тюрем. Мы ранили льва, Итан, и лев в ярости. И еще. Ты был прав. Третья страница.

Я послушно развернул газету, чуть наклонил ее к свету, ощущая, как тень выглядывает из-за плеча, чтобы тоже рассмотреть буквы.

– Министру вод объявили о недоверии, он отправлен в отставку. Хм… ему еще повезло, что не схлопотал государственную измену. Угу. Вижу. Его заместитель Уилбур Уитфорд назначен новым министром, и дукс ждет от него результатов. Твой знакомый очень умен.

– Он сволочь. Руками Вилли сместил конкурента и занял пост, о котором грезил.

– Сдав полковнику местонахождение сына дукса.

– Взаимовыгодное сотрудничество. Мерзкое взаимовыгодное сотрудничество. Меня тошнит от всего происходящего, иянемогу ничего исправить.

– Я бы уехал на твоем месте.

– Что? – Ей показалось, она ослышалась.

– Мир велик. Полетели в Королевство. Или отправляйся в Конфедерацию. Или на восток, на Малую Плеяду, например. Риерта отравит тебя, здесь слишком ядовитый воздух, он словно вырезан из бритв и оков.

– Как и в любом другом месте, Итан. Я дочь дукса, это мой народ, и я не смогу убежать от самой себя. Завидую тем, кто не может понять, что жизнь слишком коротка, и думает, будто у них в запасе целая вечность. Но горькая истина в том, что мы как светлячки в ночном лесу – вспыхиваем и гаснем прежде, чем успеем опомниться. У меня нет времени на бегство. Я не уеду из Риерты, даже если она будет полна Мергенами и Уитфордами. Должен же хоть кто-то с ними бороться. Поехали?

– У нас есть полчаса? – Я встал, чувствуя легкое головокружение. – Давай выберемся на берег и зайдем в ближайшее кафе. Смертельно хочется горячего кофе после такой холодрыги.

– Ты решил, что сделаешь с прибором?

– Если он там, где говорит Брайс? Наверное, логично его уничтожить. Ты права – такое нельзя выпускать в мир.

Она ничего не сказала, но выражение лица у нее стало очень задумчивым.

Погода в Риерте снова испортилась, хотя, казалось бы, дальше некуда. Снежный фронт пришел со стороны моря, обрушил на город метель, и стоило бы на это жаловаться, стенать и спрашивать у провидения, отчего такая несправедливость, но нам оставалось лишь радоваться.

Ненастье оказалось на руку, так как в городе ввели чрезвычайное положение и передвижение не только по улицам, но и по каналам теперь было сопряжено с некоторыми трудностями, вроде патрулей, проверки документов и арестов. Выезд за пределы страны закрыли для всех, кроме военных судов. Нам пришлось прождать несколько часов, прежде чем подвернулась возможность выйти на открытую воду под завесой непогоды.

– Успокоится через несколько дней, – сказала мне Мюр, плотно запаковываясь в брезентовый плащ с капюшоном, накинутый прямо поверх пальто. – Надеюсь на это.

На этот раз она сидела на моторе, вглядываясь в мир вкуса сахара, призрачный и ледяной, словно северные графства Королевства.

– Почему ты так смотришь? – спросила меня девчонка, поймав мой взгляд.

– Думаю о том, что меня везет человек, которому место во дворце, а не среди вот этого всего. Все равно что оказаться в одной лодке с королевой.

– Кажется, ты мне сочувствуешь сильнее, чем я сама себе. В мире, который у меня когда-то отняли, нет ничего хорошего. Он точно такой же, как мой нынешний. За деньги, власть и влияние дерутся люди с холодными сердцами и жестокими мыслями. Может, только масштабы крупнее.

– Иногда человек, который вынужден оказаться в чужом для него мире, теряет гораздо больше.

– Это не про меня, – спокойно ответила она, и мне показалось, что девушка считает торчащие из воды затопленные дома Утонувших кварталов, чтобы не сбиться и не пропустить поворот. – Я только приобрела. Друзей, которых у меня никогда бы не было в том мире.

Тень перескочила с крыши на крышу и, когда я стал поворачиваться, плюхнулась в воду, не потревожив ее. Я сгреб немного сырого снега, собравшегося на плаще, растер на щеках. Ванна со льдом становится актуальным решением. Предвестники сегодня просто безумствуют, а это означает, что в ближайшие несколько месяцев мне лучше не использовать ингениум.

– Пообещай мне, что, когда поговоришь с Вилли, ты уйдешь, – попросил я и, видя ее недоуменный взгляд, пояснил: – Начинается охота на ведьм, находиться рядом с полковником опасно. Возьми Айана, поселись в своем доме в Бурсе, хотя бы пока все не утихнет.

– Уитфорд теперь министр вод, и, пока он контролирует жандармов, опасность для нас куда меньше…

– Впечатлен твоей наивностью, Мюр, – я бесцеремонно оборвал ее фразу. Проблема честных людей в том, что они ожидают честности и от остальных.

– Это не наивность, – обиделась она. – Мы помогли ему занять пост, и так случилось лишь потому, что он рассказал Вилли о том, как добраться до дукса.

– Мысли чуть дальше.

Я предоставил ей возможность перебрать варианты.

– Уитфорд рискует из-за тесных связей с нами, – наконец сказала девушка.

– Умница. Он опасный человек и прекрасно умеет считать. Надеюсь, что Вилли тоже не дурак и сейчас пакует вещи. Министр вод сильно себя подставляет, пока существуют свидетели прошедших событий. Кто-нибудь что-нибудь сболтнет, кого-то арестуют, пойдут слухи и… лучший способ для него – это избавиться от вас. К тому же ему сейчас очень нужен результат, и я на его месте принес бы дуксу головы убийц его сына.

Ее губы сжались, и она прибавила скорости.

Когда древний особняк появился из снежной метели, Мюр охнула.

Верхний этаж здания уже догорел, но бледневший дым все еще сочился из разбитых окон, словно червь вылезал из глазницы черепа. Часть восточного флигеля обрушилась – по нему стреляли из пушки, пристань обуглилась, а лодки возле нее торчали из воды разбитыми бортами.

Уилбур Уитфорд не собирался ждать.

– Уплываем, – сказал я ей.

– Нет!

– Там опасно. Уплываем. Если кто-то остался жив, они ушли. – Я оттеснил ее от мотора, начал разворачивать лодку и… остался в одиночестве, так как Мюр уже переместилась на сушу. – Твою мать!

Успокаивало меня лишь одно – нигде не было видно жандармских катеров и людей в мундирах.

Я пристал к берегу, попросту выбросив лодку на камни, спрыгнул, выволакивая ее за нос еще дальше. Взял «Астру», побежал по свежему снегу, догоняя девчонку.

– Ты не слышишь меня. Их здесь уже нет.

– Мне надо в мою комнату. Это важно.

– Ты попадешь в беду.

– Оставайся здесь.

– Ага. Как же!

Мы по дуге обошли почерневший участок перепаханной земли – здесь взорвались мины, подошли к зданию. Кричали вороны, наверху потрескивали остатки неразгоревшегося пожара, пахло горьким дымом, сладкой кровью, острым мелинитом и кислым порохом.

Бой был жарким. Все стены в следах от пуль из оружия разного калибра, ни одного целого окна, выбитые во время штурма двери, подпалины от взрывов ручных бомб, сотни гильз под ногами, словно разбросанные золотые монеты.

Крови тоже достаточно. Лужи гранатового вкуса там, где упали люди, и капли там, где бежали. На ящике отпечаток окровавленной ладони, на дереве брызги, словно его облили из шланга.

Я думал о Рин и о том, на какой стороне в итоге она оказалась.

– Ни одного тела и очень много следов. Их всех увезли. И своих и чужих. Завтра фотографии мертвых бунтовщиков окажутся в газетах.

– Считаешь, кто-нибудь выжил? Вилли? Пшеница? Айан?

– Кто-то из них мог и не возвращаться обратно вместе с группой. Или сбежал и уцелел. Или попал в плен.

– В таком случае Уитфорд прикончит их до того, как они станут говорить.

– Может быть. А может, и нет. – Я заметил, как тень носится между опустошенных оружейных ящиков, ловко избегая моего прямого взгляда. – Чего только не скажут пленники, чтобы избежать смерти. Обычно им мало кто верит. Сейчас все зависит от того, чего хочет добиться министр вод.

– Ублюдок.

Велик шанс, что он все это провернул, зная об отсутствии девушки. Уитфорд хоть и выродок, но интерес к Мюр у него серьезный.

Я тревожно огляделся, когда мне послышался отдаленный шум мотора, впрочем тут же стихший. Теперь проклятая метель играла против нас, горизонт и вода скрыты за снегопадом.

Внутри дома тоже шел бой, обороняющиеся пытались устроить баррикаду, но это им не помогло – здание взяли штурмом. Я держал автомат наготове, и мы медленно прошли по коридорам, то и дело тревожа гильзы, которые с мягким металлическим звуком откатывались от подошв наших ботинок.

В кухне мы наткнулись на тела. Панайота лежала у стены, раскинув руки, а от второго мало что осталось – тяжелая пуля из «Крушителя» разорвала его пополам, оставив в стене дыру размером с арбуз. Я сдернул со стола скатерть, накрыл останки человека, которого узнал по нечищеным ботинкам и штанам в полоску.

– Мне жаль, – сказал я, и Мюр не скрывала слез.

– Пшеница знал, чем рискует, когда выступал против Мергена. – Она кулаком провела по щеке. – Там есть еще скатерти.

Я спрятал под тканью тело Панайоты.

– Она была уже немолода и просто готовила еду. Служила моей семье много лет, а с ней поступили как с преступником. Я ненавижу тех, кто сделал это. И Вилли. Вилли тоже ненавижу. Он разбудил зверя и попался в сеть Уитфорда, не пожелав слушать меня. Столько хороших людей погибло!

– Твоя комната, – напомнил я.

– Мы ведь не сможем их похоронить? Да? – Девушка вытерла слезы.

– К сожалению, здесь все еще опасно.

Она посмотрела на укрытые тела.

– Ты прав. Опять прав. Я сейчас. – И, видя, что я шагнул за ней, попросила: – Нет! Пожалуйста. Останься. Мне надо кое-что уничтожить. Если они вернутся и перевернут дом вверх тормашками, у многих преданных друзей, которые помогали моему брату, будут большие проблемы.

– Только быстро.

Она скрылась на лестнице, а я подошел к окну, чувствуя, как и без того холодный мир становится все холоднее. Минуты тянулись невыносимо долго, я слышал, как она ходит у меня над головой, как отодвигается тяжелая мебель, и нервничал из-за задержки.

Не стоило нам сюда возвращаться.

Когда тихо пискнул котенок, я не поверил своим ушам, решил, что это очередные проделки тени, но затем вспомнил, что уже видел на кухне рыжего зверя. Звук доносился из шкафа, где Панайота хранила продукты, и я, поколебавшись, остановился у дверей.

– Что там? – Мюр, вернувшись, услышала мяуканье. – Это же Капитан Обжора!

Она попыталась открыть дверь, но я буквально перегородил ей дорогу.

– Нет!

– Эй!

– Нет.

– Что с тобой такое?!

– Так поступали искиры во время отступления. Сажали в шкаф котенка, собаку или ребенка, и когда какой-нибудь сердобольный парень из отряда распахивал дверь, взрывалась бомба.

Ее ноздри раздулись, а губы сложились в прямую линию, но она постаралась сдерживать ярость:

– Тогда была война.

Хотелось взять ее за шкирку и встряхнуть, хотя это было лишь секундным порывом и мое раздражение ничего бы не изменило.

– Посмотри на них, Мюреол. – Я указал на ее мертвых друзей. – Если это не война, то что?

– Я хочу оставаться человеком. Даже на войне. Так что просто отойди с дороги, и мы не будем ругаться и терять время.

Я не послушался, и ее голос сел, став бесцветным:

– Не будь как те, кто это сделал. Ты ведь понимаешь, что все равно меня не остановишь? Даже если унесешь, я вернусь.

Я мягко оттолкнул ее прочь:

– Выйди. Незачем разлетаться на части сразу двоим.

– Нет. Это мое решение.

Больше я не спорил, подхватил ее, перекинул через плечо, вынес в коридор, поставил там как оловянного солдатика и, вернувшись на кухню, закрыл за собой изрешеченную пулями дверь, беззвучно ругаясь не на нее, а на себя, что иду на поводу ее упрямства.

Рывком распахнул шкаф, сгреб Обжору, радостного тем, что наконец-то его вызволили, даже не посмотрел на тень, нырнувшую под тряпку, которой была накрыта кухарка, вернулся к Мюр и сунул спасенного ей в руки.

– Спасибо, – тихо сказала она мне.

При выходе мы нос к носу столкнулись с тремя жандармами. Пожалуй, они удивились сильнее, чем мы. Явно не ожидали наткнуться на злого на весь свет типа с автоматом наперевес и девчонку с котенком на руках.

Сержант и два рядовых наставили на нас карабины, и мы секунд десять изучали друг друга, не решаясь стрелять. Вне всякого сомнения, они узнали меня точно так же, как я их.

На скуле у сержанта Фрэнка так и остался шрам – след от рукоятки моего «Стука», когда я ему вмазал в момент нашего знакомства возле Железного гиганта. Тут же присутствовал Демпси, парень, обожающий швыряться ручными бомбами под ноги своим товарищам, и еще один… не помню его имени, тощий тип, потерявший в том бою каску.

– Фрэнк, – сказал я, – какая встреча.

– Итан. – Сержант поколебался и опустил оружие.

Я шагнул так, чтобы закрыть Мюр, тоже убрал «Астру», видя, что оба солдата, переглянувшись, перестали целиться мне в грудь.

– Думал, на острове никого нет.

– Нас прислали проверить дом. Только что прибыли. Сегодня мы все еще на одной стороне? – спросил Фрэнк.

– Надеюсь. Мы просто спасаем котенка. Негоже ему тут одному оставаться.

Все трое уставились на Капитана Обжору, единственного, кто не в состоянии был оценить всю опасность ситуации.

– Ага, – бесцветным голосом сказал сержант, конечно же не поверив мне.

– За тобой долг, Фрэнк, – напомнил я ему его же обещание.

Он еще раз посмотрел на зверя, затем на Мюр, запоминая ее лицо.

– Демпси, – позвал он солдата, не спуская с нас глаз.

– Сэр?

– Ты кого-нибудь нашел на первом этаже?

– Нет, сэр. Здесь, как все и считали, пусто. – Парень быстро соображал.

– Тогда проверь с Карчером второй этаж.

– Уверен, это отличная идея, сэр. – И они вместе со вторым жандармом ушли.

Фрэнк достал из кармана штанов латунный портсигар, взял одну из папирос, задумчиво постучал ею о крышку:

– Надо покурить. Через три минуты я уже не стану закрывать глаза на некоторые вещи. Да и другие, те, кто сейчас демонтируют печатный станок, могут вернуться. Мисс, советую вам увезти питомца до того момента, как здесь появится лейтенант.

Я указал Мюр на дверь.

– Лучше уходить без мотора, – сказал мне он в спину.

– Теперь за мной долг.

– Надеюсь, что отдавать не придется.

– Там два тела. Не оставляйте их здесь.

– Прослежу.

Метель теперь могла только радовать – она скрывала нас от чужих глаз.

– Что это было? – Мюр, кажется, не верила, что мы обошлись без стрельбы. – То самое боевое братство, о котором ты так часто говоришь?

– Просто удача, – признался я. – И хорошие люди. Иногда они встречаются на нашем пути.

Газеты с последними новостями появились во второй половине дня, когда мы вернулись в город, бросив лодку среди таких же ничем не примечательных посудин в районе Горохового Супа, сильно пострадавшего от наводнения. Прежде чем уйти, я накрыл ее брезентом, спрятав под ним оружие и емкость с моторией, питавшей двигатель.

Мюр купила свежий выпуск у продавца, окруженного целой толпой желающих, пока мы ждали речной трамвай на пронизывающем ветру.

– Все как мы и думали? – Девушка читать не стала, сразу отдала газету мне и сейчас выглядела подавленной.

– Новый министр вод продемонстрировал эффективность своей работы, меньше чем за сутки обнаружив и уничтожив террористов, которые прошлым вечером убили наследника. Уничтожено больше восьмидесяти преступников…

– Ложь, – тихо сказала Мюр. – Никогда их столько не было.

– Это газета, Мюр, а не Королевская энциклопедия. В газете не всегда важны факты, особенно если она служит государству. Двенадцать человек, в том числе и глава террористической ячейки, полковник Уильям Веллтон, приближенный прежнего дукса, опасный преступник, которого все давно считали мертвым, захвачены и арестованы. На предварительном допросе Веллтон признал, что именно он является самым разыскиваемым террористом Риерты – так называемым Хлестом.

Она не поверила моим словам, покосилась на буквы:

– Зачем Вилли это делает? Берет на себя всю вину?

– Договоренность с Уитфордом, возможно.

– Какие могут быть договоренности с этим ублюдком?!

– Поймать Хлеста дорогого стоит. Министру это выгодно. А Вилли мог согласиться, если ему пообещали что-то. Например, не трогать остальных пленников. Или же… понимаешь, – я понизил голос, наклонившись к ней, – возможно, министр вод не желает связывать Хлеста с Артуром, потому что если потянуть за подобную ниточку, то довольно быстро она приведет к тебе. Вилли это тоже важно, защитить свою подопечную, и будь я на его месте, то заключил бы такое соглашение.

Она хмуро шагнула в прибывший речной трамвай, заплатив за меня и за себя, села у входа, рядом с открытой дверью, когда паровая лодка, покачиваясь, начала отходить от пристани, направляясь по тридцать четвертому маршруту, в сторону Оборотного канала.

– Что-нибудь еще пишут?

– Ни слова про Айана и других уцелевших.

– Они радуются, – сказала Мюр, указав на других пассажиров, обсуждавших случившееся. – А всего лишь несколько лет назад поддерживали Хлеста. Но теперь его ненавидят.

– Ненавидят того, кто убил сына дукса, парня, который ни в чем не был виноват. Ненавидят ненастоящего Хлеста.

– Увы. Это для нас с тобой они два разных человека. Вил-ли только что перечеркнул все, что сделал Артур. Все хорошее, за что его уважали люди! Даже если твоя теория верна и он спасал меня, пойдя на сделку… лучше бы всего этого никогда не было. Я просила его. Умоляла ничего не делать, даже во благо мне! И теперь платится невообразимая цена.

Угу. И никакого результата они не добились, сделав все лишь хуже. Знакомо. Такое происходит сплошь и рядом. Люди только и умеют, что убивать друг друга да творить глупости. И лишь редкие порой совершают какое-нибудь доброе дело.

Например, спасают котят.

– Думаешь, он солгал мне насчет того, где прибор? – тихо спросила Мюр и пояснила: – Брайс.

– Не исключаю такой возможности, но, полагаю, он говорил правду. Поставил на кон свою искренность, чтобы заполучить тебя по-хорошему. Если бы ты осталась – он ничего не потерял, а если бы попыталась уйти – плакальщик и «Якорь» тебя остановили.

– Но ты спутал все их планы. Спасибо.

– Пожалуйста.

– И за то, что убил – тоже спасибо.

За то, что я кого-то отправил в мир иной, меня благодарили только в армии. Странные ощущения, спустя столько лет вернуться к тому же самому. И также не испытывать никакого удовольствия от подобной признательности.

После событий в доме на мелях мы решили не откладывать дело с прибором Хенстриджа в долгий ящик. Неизвестно, кто еще знал о логове Брайса. Газеты пока молчали о смерти великого ученого, все новости были посвящены трагическому убийству наследника престола и тому, какой молодец Уилбур Уитфорд. Сенсаций и так было достаточно на несколько дней, и некоторые отложили на более позднее время. Но когда информация о том, что Брайс отправился в мир иной, всплывет, кто-нибудь может наведаться в его вотчину и похитить разработку.

Предпочитаю это сделать быстрее других.

Лодка минут сорок плыла, ныряя под арки мостов, переходя из канала

в канал и подбирая людей на тех остановках, которые не утонули в сезон высокой воды. Один раз на палубу вошел патруль из четырех жандармов. Они внимательно осмотрели всех присутствующих, у пятерых пассажиров, показавшихся им подозрительными, попросили на проверку документы.

На берегу, в Светляках, жандармов было более чем достаточно. Их вывели на улицы, поставили на перекрестках, хорошо вооружив. Кроме них здесь нашлось место и военным – люди в серых шинелях то и дело попадались на глаза, выделяясь в массе гражданских жителей Риерты лакированными армейскими касками.

Впрочем, несмотря на обилие служителей закона, напряженности после новостей о ликвидации террористов больше не чувствовалось. Комендантский час в северных районах города сохранялся в ночное время, во всем остальном жизнь текла своим чередом.

Кроме солдат на улицах встречалась и техника. Я видел несколько бронемобилей с пулеметами, а недалеко от пристани, куда причалил наш речной трамвай, стоял мотоход.

Вокруг новой машины собралась гурьба зевак. Самые смелые мальчишки крутились возле механических ног, и никто из военных их не гонял. Правительство решило продемонстрировать доселе невиданную технику своим гражданам.

– Днем она не такая уж чудовищно огромная, – сказала Мюр.

– Возможно. Но это все тот же металл и то же оружие. Опасная штука.

Девушка насмешливо сморщила нос:

– Сказал мой спутник, который совсем недавно за несколько секунд уничтожил такой мотоход. И кто из вас двоих более опасен, скажи на милость?

Капитан Обжора, все это время спавший, выразил свое недовольство стесненными обстоятельствами в сумке. Мюр купила на алавитском лотке куриное мясо, запеченное в тесте, и на ходу кормила котенка. Жрал он действительно как Обжора, только со званием, на мой взгляд, ошиблись – такой аппетит более присущ полковнику.

– Подержи. – Мюр сняла с плеча сумку, сунула мне оставшуюся половину булки. – Мне надо зайти в гостиницу.

– Зачем?

– Там есть телефон, хочу позвонить.

Прозвучало это как-то довольно уклончиво, что не могло не вызвать моего подозрения.

– Ты ведь понимаешь, что кроме тебя и собеседника всегда есть телефонистка, и она не глухая.

– О, не волнуйся об этом. Сторонний слушатель ничего не заметит.

– Почему именно сейчас? Теперь она не отвела взгляд:

– Помнишь, я сказала утром, что настало время принимать решения, о которых я пожалею?

– Так не делай того, в чем придется раскаяться. Это же так просто.

– Даже если мой поступок спасет много людей в будущем? Я королева без королевства. Может, наивная, романтичная и не слишком умная, но моя кровь требует делать хоть что-то, чтобы моей стране стало лучше. Любыми способами, пускай вопреки тому, что я чувствую.

– Ты словно оправдываешься.

– Ты прав. Я оправдываюсь. Перед собой в первую очередь, но это не повод менять решение. Ведь так?

Я мог бы ей сказать, что никогда не поздно остановиться. Не делать тот последний шаг, который приведет тебя к падению в пропасть. Но… некоторые не могут иначе, и Мюр была как раз из таких людей.

К моей большой печали.

Книжный магазин «Апостроф» оказался довольно респектабельным заведением, если учитывать репутацию района Светляков. Слишком шикарная обстановка, куда больше подходящая Бурсу, Академии или Земле Славных. Много дерева, мрамора, витражных стекол и ламп с точно такими же плафонами.

Стеллажи уходили под потолок и вились лабиринтами через несколько сводчатых залов.

– Могу вам помочь? – спросил продавец, отвлекшись от чтения. – Ищете что-то из новинок? Привезли свежие выпуски из типографий Сплава и Республики.

– Боюсь, что мы сегодня не интересуемся книгами, – без всякого наигранного сожаления сказал я. – Мы ищем лестницу на второй этаж.

– В конторы? Вы новые помощники господина Картени?

– Именно так. – Зачем разубеждать человека в его заблуждении?

– Конечно, конечно. Пройдите вон в тот зал, там дверь на лестницу. Контора номер четыре.

Я уже слышал эту цифру от Брайса. Мы переглянулись с Мюр.

– А господин Картени сейчас там?

– Прошел мимо меня пять минут назад, – любезно ответил продавец, вновь уткнувшись в книгу.

Очень хотелось задать вопрос, один ли тот был, но чем больше спрашиваешь, тем больше у людей возникает подозрений. Сложно оказалось не пуститься галопом, наплевав на приличия, чтобы как можно

скорее оказаться наверху, пока какой-то сукин сын обчищает покойника Брайса (чем, собственно говоря, должны были заниматься мы).

Но я миновал книжный зал степенным шагом, и только на лестнице мы ускорились, не обращая внимания на громкий протест Капитана Обжоры, потревоженного в сумке. Перед тем как открыть дверь с цифрой «4», я нащупал ребристую рукоятку «Стука», и Мюр, вооруженная револьвером, быстро кивнула мне, отвечая на невысказанный вопрос, готова ли она.

Контора оказалась небольшой, с окном, выходящим на Оборотный канал. Внутри царил форменный бардак и пыль, было видно, что пользовались этим местом не так чтобы часто.

Господин Картени, человек в приличном костюме, стоял на коленях перед маленькой стальной дверью в стене, до этого скрытой столом, который сейчас был отодвинут в сторону, а бумаги, лежавшие на нем, разлетелись по дешевому ковровому покрытию.

Незнакомец подключил к замку какое-то странное устройство с проводами и лампочками, пытался вскрыть хранилище, то и дело двигая рычажки и наблюдая, как за маленьким стеклышком бегают две зеленые точки, не желающие сходиться между собой.

– Как успехи? – вежливо поинтересовался я, и он, дернувшись, обернулся, а его рука тут же начала движение, и я попросил, подкрепляя свои слова пистолетом, направленным ему в лицо: – Господин Кражовски, пожалуйста, не вынуждайте меня останавливать вас пулей. Оружие на стол! И без глупостей!

Он с неохотой выполнил требование, увидел Мюр и спросил:

– Мисс Бэрд, что вы здесь делаете?

– К стене, – сказал я ему, указав нужное направление. – Руки за голову.

Я тщательно обыскал его. Пускай он и выглядит как какой-нибудь учитель гимназии, не стоит сбрасывать со счетов его революционное прошлое. Выяснилось, что я прав, в кобуре на голени нашлась дамская смертельная игрушка двадцать второго калибра. Надо было показать, кто тут хозяин, и я саданул рукояткой пистолета ему по почке.

– Что непонятного в словах «оружие на стол», господин дурак?!

Кражовски зашипел от боли, и я отволок его к креслу возле окна, бросив в него, точно уголь в топку. Он скрючился, приходя в себя, а я решил врать.

– Неужели вы считали, что раз мы пошли навстречу господину Брайсу, отпустив вас из тюрьмы, то забыли обо всем?

Ученый, тяжело дыша сел, поправил перекошенный пиджак,

посмотрел злобно, с вызовом:

– Помню вас. Вы были в соседней камере, в Гнезде, господин из тайной полиции. Наблюдали за мной?

Как я уже сказал чуть раньше, порой не стоит разубеждать людей в их заблуждениях, особенно если они идут тебе на пользу.

– Мисс Бэрд. Я слышал, что полковник Веллтон и его люди попали в неприятности. Так, значит, это все благодаря вам… удивительная юная леди. Удивительная.

– Что? – не поняла она.

– Давно вы работаете на охранку? – презрительный кивок в мою сторону.

Ее ноздри раздулись от гнева, но ответила она ровно, ставя сумку с котенком на стол:

– Куда меньше, чем вы на Брайса. Прознали, что он мертв, и решили еще раз похитить чужую работу?

– Вы ошибаетесь. Эта работа давно принадлежит мне не меньше, чем Хенстриджу или Брайсу. Прав у меня на нее вполне достаточно.

– Читайте газеты. Уже год права на моторию и все связанные с ней технологии, изобретенные после тысяча девятьсот десятого года, собственность государства, – напомнил я ему. – Серьезное преступление, господин Кражовски. И теперь нет Брайса, который вас защищал.

Он словно оплыл и расползся по креслу, точно медуза на камнях.

– Чего вы хотите?

Я бы хотел, чтобы его не было здесь.

– Посидите спокойно.

– Вы не откроете сейф, замок на питании от мотории, таких в мире всего несколько штук. Потребуются часы, чтобы его взломать.

Мюр протянула мне ключ, и я погрузил черный прямоугольный стержень в ячейку, больше похожую на прорезь копилки для монет. Вспыхнула лампочка на дверной панели, где-то в стене загудел мотор, а затем раздался громкий стук ригелей, словно ударил маленький молот. Я повернул ручку, и дверь мягко открылась.

Пришлось встать на колени, чтобы изучить содержимое. Сперва я вытащил объемистый металлический кейс, занимавший большую часть внутреннего пространства хранилища. Он был невероятно тяжелым, словно в нем лежали золотые слитки, и я напряг руки, чтобы поднять его и положить на стол.

– Вы не из тайной полиции! – внезапно сказал Кражовски. – У вас акцент уроженца Королевства, а иностранцев, даже получивших

гражданство Риерты, не берут в эту организацию.

Так. Шок прошел, и его голова стала трезво мыслить.

– Вас это как спасает? – вежливо поинтересовался я. – В ситуации ровным счетом ничего не изменилось. Это тот самый прибор?

– Да, – кисло ответил ученый. – Я советовал Брайсу хранить его в Первом банке, но он куда больше доверял книжному магазину, чем государственному учреждению. Не хотел, чтобы о технологии узнал Мерген.

– Почему?

– Мы с Иоахимом не были друзьями, и он не собирался со мной откровенничать, знаете ли. Я человек, которого обстоятельства вынудили работать на него. – Он попытался встать, но Мюр указала коротким стволом револьвера ему на место. – Как бы то ни было, перед вами лабораторная модель проекта.

Я повернулся за разъяснениями к Мюр, как человеку, куда более близкому к Хенстриджу, чем я.

– «Лабораторная модель проекта» звучит как-то не очень обнадеживающе.

– Это означает, что прибор подтверждает теории и расчеты, которые были проведены на бумаге, но все еще далек до финального образца, – любезно сообщила она мне. – Как… новая модель винтовки, если играть аналогиями. В теории, да и на практике, она стреляет, но мимо мишени и, к примеру, затвор заклинивает. Требуется работа, чтобы все довести до идеала.

– Это разработка Белджи. Он знал, как все сделать, но Белджи мертв. Хенстридж мертв. Теперь и Брайс мертв. – В голосе Кражовски прозвучала злость. – Смерть каждого ученого такого уровня отбрасывает проект назад на годы.

– И сколько потребуется времени, чтобы он, – я похлопал по чемодану, – начал работать в полную силу?

Понимая, что общается с идиотом, помощник Хенстриджа устало повторил:

– Это лабораторная модель проекта. В масштабе… а впрочем, не буду нагружать ваш мозг цифрами. Для того чтобы создать технологию, ту, какой ее задумывал Белджи, требуется мощь целого государства. Финансовые вливания, производство, территория размером со сталелитейный завод и много мотории. Иначе все это так и останется на уровне исследования, научной диссертации и чемоданчика. Потребуется не одно десятилетие. Возможно, результат увидит только следующее

поколение.

– Или никто, – сказал я.

– Или никто, – согласился Кражовски. – При худшем из раскладов разработка будет вестись даже еще дольше, чем я рассчитываю. Тогда проект закончат ваши внуки. Или правнуки. Даже если сейчас все уничтожить. Понимаете, любезный господин, не знаю вашего имени, наука имеет такое свойство – развиваться, и идентичные идеи приходят в голову разным людям. Найдется человек, который дойдет до того же, что и Белджи. Это просто вопрос времени, но, по сути, время ничто перед вечностью и технологиями.

Я отвернулся к ящику, доставая из него четыре толстых потрепанных тетради – дневники Хенстриджа.

В дверь постучали. Стук был вежливым, но решительным, и я, бросив бумаги на пол, убрал пистолет за спину.

Сайл вошла мягко и осторожно, точно кошка, заглянувшая на псарню. У нее не было больше прически «фокстрот», волосы оказались длинными, до пят. Такие я видел лишь раз, в трюме «Мандрагоры». Глаза у искирки тоже стали… специфическими. Словно впитали в себя свет обеих лун.

Кражовски также их заметил и сказал:

– Господи! Да она же на ингениуме!

– Мистер Шелби. Простите, что прерываю.

Я иногда очень быстро просчитываю варианты событий. Никакой слежки не было. Готов отдать обе руки и даже голову – я проверил несколько раз. Совпадение тоже невозможно, а значит, надо признавать неприятные и очевидные вещи.

Во-первых, что я наивный дурак. Во-вторых… Я покосился на Мюр, которая так и не удосужилась опустить пистолет и продолжала целиться в Кражовски:

– Как ты с ней познакомилась? В доме Дайсонов?

– Ты не удивлен, – ее голос стал хриплым от волнения.

– Удивлен. Но не думал, что по телефону ты звонишь ей.

– Ах, оставьте, мистер Шелби! – перебила меня Сайл. – Не будем устраивать сцен и станем придерживаться холодной логики.

– Вы играете с огнем.

– Огонь это эмоция, мистер Шелби. А логика такова, что даже если вы превратите меня в головешку, я убью девушку. Мне хватит сил сделать это и будучи уже мертвой. Готовы к такому раскладу?

Я посмотрел на Мюр:

– Значит, в этой ставке на кону твоя жизнь. Желаешь проверить,

насколько я тобой дорожу?

– Не желаю. Но это единственный вариант.

– Я предлагаю вернуться к сделке, – напомнила о себе Сайл.

– Мы заключили ее! – резко ответила ей Мюр. – Так что извольте подождать. Твоя ненависть к ним слишком сильна, но я ненавижу Мергена больше.

– Я не предлагал отдать прибор в его руки. Мы могли бы просто его уничтожить.

– Не желаю его уничтожать, Итан. Брайс был прав. Это шанс для многих людей, хороших людей, таких как ты, жить с ингениумом дальше, а не сходить от него с ума. Я не могу обречь их на гибель, лишь опасаясь, что люди с даром изменят человечество. В конце концов, мы должны меняться! А Мер-ген, если ему отдать в руки такую силу, сделает все только хуже. Его власть станет сильнее, а мы все окажемся под контролем плакальщиков или еще большего зла.

Я скривился и убрал пистолет в карман пальто. Право, сейчас не время для пуль, как бы ни была разочарована моя тень.

– Империя не вариант.

– Мы просвещенная страна, господин Шелби. У нас есть ресурсы, чтобы закончить работу Хенстриджа. Именно к нам он обратился, надеюсь, вы помните.

– Вы закроете эту технологию, спрячете на Плеядах, и никто из Старого Света больше ее не увидит.

– Конечно, – не стала отрицать Сайл. – Но потом ее у нас украдут. Королевство. Или Конфедерация Отцов Основателей или та же Риерта. Так было с паровым двигателем. Пулеметом. Аэропланом. Монополия на технологию вещи очень зыбкая, и она становится достоянием общества куда быстрее, чем мы хотим. Я служу своей стране, Итан, она будет первой в появлении новых людей, не больных безумием, как мы с вами, и мне приятно это осознавать. Мы с мисс Бэрд заключили сделку, и я обещала, если обстоятельства меня не вынудят, не пытаться вас убить. Признаюсь, я не желаю вашей смерти. Поэтому, будьте любезны, передайте мне тетради, мы уйдем, никто не пострадает, а вы сможете и дальше стараться мне помешать и продолжите ненавидеть мой народ.

Я показал ей пространство между моим указательным и большим пальцем левой руки, зазор всего лишь в дюйм, в котором появилось маленькое лиловое семечко сонного пламени.

И почувствовал возбуждение тени, наблюдающей за всем происходящим из хранилища Брайса. Она едва не тонула в экстазе от того,

что я делал. Она знала, к чему это меня приведет, и я услышал, как клацнули чьи-то зубы, и от этого звука мурашки ужаса пробежали по моей спине. Но я не собирался отступать и, улыбаясь Сайл, разжал пальцы, роняя семечко на дневники Хенстриджа.

Огонь родился, тяжело вскрикнул и угас, оставив после себя лишь черные пленки вместо страниц.

– Нет! – быстро сказала Мюр, встав на пути Сайл, закрывая меня от нее. – Кражовски! Он сможет все восстановить!

Мы все одновременно посмотрели на сжавшегося человечка и среагировали практически одновременно. Двигалась Сайл не так быстро, как Мюр, но куда быстрее, чем мне бы хотелось. Она сгребла ученого за секунду до того, как я сжег весь угол комнаты, обратив его в домну вместе с креслом, обоями и шкафом с посудой. Пламя задело ее волосы, и искирка, словно падающая комета, «вышла» в окно вместе со своим трофеем, под звон осколков, хрустальной радугой на мгновение сверкнувших в свете вечернего солнца.

Я швырнул пламя за ней вдогонку, оно упало во внутренний двор, взорвалось, растопив снег и разнеся сараи с каким-то барахлом, копотью ударив в небо. Но, подозреваю, ни искирки, ни Кражовски не коснулось.

Когда я обернулся, Мюр двумя руками держала тяжелый кейс, стоя возле распахнутой двери. Она-то бежать точно не собиралась.

– Прости, если сможешь.

– Твое сожаление вряд ли что-то изменит. Уверен, что, если начать все сначала, ты поступила бы так же. – Я с трудом сдерживался, огонь, бушующий в комнате, заставлял меня действовать необдуманно. – Могла бы просто сказать мне.

Она устало ответила мне в тон:

– Уверена, что, если бы я даже это сделала, мы бы пришли к тому же. Ты не послушал моих доводов. Иногда мне кажется, что ты живешь, только питаясь ненавистью к искирам, как я питаюсь своим отвращением к Мергену.

– Это медленно убивает нас. – Становилось жарко, дым стелился по полу и щекотал ноздри. – И приводит лишь к потерям.

– Но мы не можем отказаться от того, во что верим? Ведь так? – Она подняла голову, решительно взглянув мне в глаза. – Наступает момент истины, и у тебя последний шанс остановить меня.

Она выждала несколько секунд, но я ничего не сделал, и девушка, понимающе кивнув, «прыгнула», унося с собой разработку Хенстриджа.

В ее сумке, брошенной на столе, встревоженно пискнул забытый

котенок. Мы с Капитаном Обжорой остались в пустой комнате, и один из нас явно еще и в дураках.

Я взял его с собой и направился к выходу прежде, чем сюда нагрянут жандармы.

Иногда надо отказываться от ненависти, чтобы не причинять вред другим. Мюр сегодня сказала, что она оставляет за собой лишь осколки. Это так. Но кто-то ведь должен был остановиться первым, чтобы не множить их еще больше? Я не хотел превращать то немногое, что у меня есть, в битые черепки.

Глава двенадцатая
РУКА ИЗ ТЬМЫ

– Вид у вас неважный, мистер Хеллмонк, – без всякого сочувствия произнес Маклиди. – И вам не помешало бы сменить костюм. Этот выглядит… удручающе.

Он был настолько вежлив, что не стал вламываться в мою квартиру и ждал меня прямо на лестнице, скрашивая свой досуг двухпинтовой бутылкой сидра и куриными яйцами, маринованными по мандаринскому рецепту. Алого цвета, такими, что во рту от них пожар, но в то же время чуть белые и немного зеленые. Не слишком привычная для большинства еда. Судя по количеству скорлупы, сложенной на газете, аккуратно расстеленной на ступени, здесь уничтожили целый десяток.

– Рианна сказала о моей берлоге?

Он сделал глоток из бутылки, протянул мне, но пить с ним не хотелось, так что я мотнул головой, отказываясь.

– Надеюсь, это не вредит вашим интересам.

Нет. Не вредит. Поменять квартиру ничего не стоит. Право, тайна моего временного места жительства меньшая из существующих проблем. Куда большая проблема – человек, служивший в SWS и теперь исполняющий поручения нового министра вод. Вряд ли подобные персонажи приходят к тебе на порог, чтобы приятно перекусить перед сном. Путей окончания такого разговора было множество, и часть этих дорожек вела в место не самое приятное, а конкретно – на кладбище.

Нечто лежащее под газетой, но не укрывшееся от моего взгляда это доказывало. Сделаем вид, что я не замечаю подготовленного пистолета.

– Она жива?

– Какой-то неуместный вопрос. В чем причина его возникновения?

– Читаю новости.

– А… – лениво протянул Маклиди, чуть изменив позу, и я подумал, что, запусти он мне в голову тяжелой бутылкой, это дало бы ему лишние секунды. – Она хороший солдат, и я ценю ее работу. С ней все в порядке. Думаю, она свяжется с вами, если захочет, сэр. Но, право, я не большой дока в любовных делах и поведении женщин. Моя жена мне часто это говорит.

Я порой беспокоюсь о людях, которые так или иначе попадают в круг

моих близких знакомых. Если Маклиди считает это любовью, не планирую его разубеждать.

– Обычно подобные нам редко женятся.

– Сам удивляюсь, что это случилось, сэр. Я больше причиняю неудобств жене, чем помогаю ей. Она слишком часто волнуется из-за моей работы.

– Понимаю ее. Здесь вы тоже по работе?

– К сожалению, сэр. – Он взял последнее из куриных яиц, стукнул о каменную ступеньку и начал неспешно чистить треснувшую скорлупу толстыми пальцами, глядя на меня с прищуром, точно просчитывая каждое движение. Мы оба сейчас занимались тем, что моделировали будущее, стараясь предугадать действия друг друга. – Господин Уитфорд передает вам наилучшие пожелания.

– Очень любезно с его стороны вспомнить меня, – вежливо ответил я, думая, куда эти пожелания министр вод может себе засунуть и насколько бы было здорово, если бы он забыл о моем существовании.

– Так и есть, мистер Хеллмонк. – Мой тон не обманул Маклиди. – Он интересуется, где сейчас мисс Бэрд.

– Не смогу помочь в ее поисках.

Маклиди помолчал, откусил половину яйца с полупрозрачным белком вкуса рыбьего жира, запил сидром, сказал негромко, прислушиваясь к хлопнувшей внизу двери:

– Охотно верю. Особенно если знать эмансипированность нового поколения. Юные леди теперь не терпят, чтобы их опекали. Этот феминизм, профсоюзы и либеральные свободы погубят нашу цивилизацию, – он приподнял подбородок. – Как так случилось, что нам теперь приходится считаться с мнением дураков и беречь их чувства, Хеллмонк? Разве ради этой хрени мы воевали?

Он в первый раз перешел на «ты», отказавшись от показушной вежливости. Я не был согласен с его мнением, но споры о политике и естественных свободах любого разумного человека – утомительное дело. И бесполезное. Особенно между теми, кто ничего не решает.

– Большие войны меняют историю человечества. Мы входим в них одними людьми, а выходим совершенно другими.

– Хм. Мы изуродованы войной, тут ты прав. – Он понял меня иначе. Такое бывает с людьми. Они слышат совершенно не то, что ты им говоришь. – Но сейчас не время для философии. Девушка была с тобой еще вчера.

– А сегодня нет. Такое случается с юными леди. Они порой очень

ветрены и изменчивы в своих поступках. – В этом я ничуть не кривил душой насчет Мюр.

– Не очень верится, что ты не знаешь, где она.

– Мы не сошлись во мнении по некоторым вопросам, и мисс Бэрд не оставила обратного адреса.

Маклиди неспешно, так, чтобы я не заподозрил ничего плохого, сунул два пальца в правый карман распахнутого пальто, вытянул носовой платок вкуса недозревшего огурца, вытер им руки и губы.

– Вот в это охотно верю, зная мисс Бэрд. Что же, если вдруг у вас все наладится, дай знать. Или передай, чтобы она связалась с мистером Уитфордом. Ты ведь видишь, что сейчас творится в городе. Мой начальник, что бы ты о нем ни думал, крайне заинтересован в благополучии мисс Бэрд и пытается защитить ее от возможных проблем в будущем. Уверен, что ни он, ни ты не желаете ей ничего плохого.

– Так и есть. Если увижу, передам твои слова. – Хотя я, конечно, сомневался, что еще раз встречусь с Мюр после ее союза с Сайл. – Что-то еще?

– Могу заглянуть в квартиру?

– И даже в шкаф и под кровать, но там ты ее не найдешь. – Я отпер дверь, впуская его в снятые комнаты.

Прежде чем войти, наемник Уитфорда собрал яичную скорлупу, ссыпав ее в платок, убрал мусор в карман и подхватил с пола газету, да столь ловко, что скрывавшийся под ней пистолет так и не показался мне на глаза.

Он не постеснялся проверить шкаф, а вот под кровать смотреть не стал и, отряхнув пыль с рукава, сказал вроде бы невзначай:

– Шеф просил передать, что заинтересован в сотрудничестве.

– Это как?

– Ну… теперь у него много власти и возможностей. Но ему всегда нужна маленькая сплоченная команда профессионалов. Действующих независимо и автономно от государства.

Угу. Как на острове Вилли и… еще черт знает где.

– Я не служил в специальных отрядах.

Маклиди пожал плечами:

– Это не важно. У нас ветераны разных родов войск. Подумай о предложении. Сейчас, когда работы нет, профсоюзы устраивают стачки, и не за горами время, которое конфедератские газеты называют экономической депрессией, – хорошие деньги для человека с опытом не будут лишними.

Наемником Уитфорда я не стал бы даже за все деньги мира.

– В ближайшие дни я планирую вернуться в Хервингемм. В Риерте у меня больше нет дел.

– В ближайшие дни это не получится. В связи с серьезным положением в государстве, активизацией террористов и зарубежных шпионов, выезд из города разрешен лишь тем, у кого есть документ с личной подписью министра вод. Рукав Матрэ перекрыт, на перевалах посты, авиасообщение отменено.

– Это не будет продолжаться вечно.

– Конечно, – согласился Маклиди, выходя обратно в подъезд. – Закончится, как только дукса оставит паранойя. Может, пара недель, может, месяцев. У тебя будет время все хорошенько обдумать. Еще увидимся.

Он стал спускаться вниз, когда меня посетила идея.

– А сотрудники посольств? На них это правило распространяется?

– Суровые времена, Хеллмонк. Настолько суровые, что даже угроза дипломатического скандала не отменит распоряжения дукса.

Угу. В первые-вторые сутки. Затем то же Королевство надавит на множество болезненных точек, и запрет для посольских представителей снимут. В качестве одолжения. Но пока все «заперты» в Риерте.

В том числе и господа из посольства Империи. А это был мой шанс все исправить.

– Если я передумаю, как мне с тобой связаться?

Маклиди не удивился, что я так быстро поменял решение, и протянул мне карточку. Бюро путешествий. Забавно. Я-то считал, что такие люди, как сержант SWS, могут отправлять только в одном направлении – в могилу.

Маклиди был прав, мой костюм после целых суток приключений выглядел довольно непривлекательно для любого мало-мальски приличного человека. Даже тень, сейчас шнырявшая за окном по пустым цветочным горшкам, считала мой вид неподобающим.

Современное общество диктует определенные правила поведения, так что пришлось нагреть воды, побриться и сменить одежду. Свежая майка, сорочка, галстук, штаны, подтяжки, жилетка, шерстяной пуловер, пиджак. По пальто пришлось пройтись щеткой, кепка выглядела вполне нормально и за ночь не успела пострадать.

Когда я вышел на улицу, уже стемнело, но до ночи было все еще очень далеко. Время сейчас дорого стоило, куда дороже денег, так что я не скупился, нанял катер – посудину более быструю, чем обычная лодка или

водный трамвай, еще и приплатил, чтобы меня домчали до нужного места в самые кратчайшие сроки.

Черепашья Кладка, улица, знаменитая букмекерскими конторами, барами и пабами для простонародья, окруженная со всех сторон доходными домами, казалась мрачным окном в преисподнюю, в которой из-за нерасторопности чертей погасли почти все костры.

Редкое пламя из угольных корзин давало на стены отблески света. Они были вкуса алавитского апельсина, и люди, точно тени грешников, появлялись в моем поле зрения, чтобы тут же исчезнуть. Короче, темно, как в заброшенном подвале, – окна всех заведений закрыты плотными ставнями так, что не проникало и полоски света, а тусклые огоньки в фонарях под вывесками едва давали возможность прочитать буквы.

Я остановил свой выбор на «Великом спящем», пабе в узком проулке. С тяжелой дверью, которую следовало давить плечом, чтобы открыть. Внутри было шумно, душно, играла скрипка, и электрический свет экономили настолько, что две слабые лампочки горели только возле барной стойки. Весь остальной квадратный зал освещали по старинке – свечами и масляными лампами (последние в целях безопасности были не на столах, а закреплены на стенах, подальше от драк и пьяных работяг).

Мужики здесь расслаблялись под пиво и виски, и, как и во многих пабах, контингент был постоянным, все друг друга знали, так что новое лицо (то есть я) привлекло к себе внимание. Эдакий классический rub-a-dub-dub[41], где в девять вечера нальют стаут, в десять поставят фингал под глазом, в одиннадцать угостят виски с предложением дружбы после хорошей драки, а в двенадцать выкинут в сточную канаву из-за того, что ты начал швыряться стульями.

Двое, наблюдавшие за игрой в дартс, совершенно трезвые, подошли ко мне, когда я еще не добрался до продавца[42].

– Не видели тебя здесь. По делам? – Тощий тип в котелке смотрел на меня с любопытством, но без какого-либо негатива.

– Отдохнуть.

Нейтральный ответ его не очень устроил, и он, почесав нос, сказал:

– Здесь собираются активисты профсоюза. Пойми меня правильно, если ты штрейкбрехер[43], то просто уйди мирно, пока все не началось. В противном случае ребята распалятся и…

– Я по делам Старухи.

Они точно палки проглотили от этой новости.

– Извини. Приятного вечера.

Разведчики вернулись к своим, а я сказал человеку за стойкой, как раз выставившему на нее несколько тарелок с горячими йевенскими шницелями:

– Скажи, что Итан Хеллмонк ищет встречи с Капитаном.

Он кивнул мне на высокий стул, унес тарелки в сторону гомонящей компании, рассеянно вытирая пальцы фартуком, вернулся:

– У нас тут пьют.

– Устричный стаут.

Он до краев наполнил огромную кружку, так что пушистая шапка пены вздулась, накренилась и, не удержавшись, дорожками вкуса сахара и желудя потекла по холодным стеклянным стенкам.

Про меня забыли. Хозяин уходил, возвращался, выполнял заказы, уносил подносы с полными кружками стаута и эля, возвращался с пустыми, складывая их на тележку, которую, стоило ей заполниться, помощник увозил на кухню. Скрипка пела, замолкала, опять начинала уже знакомую мелодию, но в уютном зале это совсем никого не напрягало.

Мое пиво закончилось, и продавец, такой же невозмутимый и холодно-равнодушный, как прежде, поставил передо мной полную кружку. Отказываться я не стал, впрочем, как и налегать. Спустя какое-то время сходил прогуляться во внутреннее помещение паба, где накурено было похлеще, чем в основном зале, а когда вернулся, скрипка молчала и люди уже не гомонили в полную силу. На соседнем с моим стуле восседал господин в костюме и пальто вкуса черники со сливками. Шляпа точно такого же вкуса лежала на стойке, которую расторопный хозяин протер от всех капель (чего он не делал весь последний час).

Теперь продавец крутился в отдалении, не желая никоим образом находиться поблизости от нас и слышать возможный разговор.

Мы с этим господином уже однажды встречались. В здании старой таможни, где он возлежал на диване, охраняя покой Капитана. Все то же худое, умное лицо, выдающиеся усы и начищенные до блеска штиблеты, к которым, казалось, опасается приставать уличная грязь.

Он чуть склонил голову, когда я сел рядом, но не произнес ни слова приветствия, просто дал понять, что узнал меня. Осторожно поднял указательный палец левой руки, и продавец, едва не рухнув от торопливости, бросился к нам.

– Граппы.

– Э-э-э, – замялся хозяин и снова вытер руки об фартук.

– Это паб. Простой выбор – пиво, виски и джин. Еще есть настойка Клеверного графства, если предпочитаешь картошку. Никакой виноградной

водки здесь нет, – сказал я ему.

– E poi tutti in Regno si meravigliano perché nessuno può sopportare le loro tradizione noiosi. Perché le diffusero anche nelle loro colonie precedenti[44].

Смысла я не понял, ну кроме того, что он недоволен и является уроженцем Ордена Марка.

– Ничего не надо. Обойдусь, – отказался телохранитель Капитана. – Пошли.

– За счет заведения, – сказал мне продавец, но я оставил ему деньги. Это люди Старухи пусть не платят, если не хотят.

– Тебя народ побаивается, – сказал я усачу, когда мы оказались на темной улице.

Тот поднял воротник:

– Просто уважают. Есть разница.

Уважение выражается иначе, но кто я такой, чтобы спорить с человеком, чья репутация вкуса угля?

– Как мне тебя называть?

– Никак. Разговаривать с тобой мне не поручали.

Ну что же. Я не буду набиваться к нему в друзья.

Небольшой театр, в двух улицах от паба, был, прямо скажем, не самым популярным культурным заведением в городе. Ему далеко до своих старших братьев из Бурса и Садов Маджоре – настоящих дворцов из мрамора и хрусталя. Для простых трудяг все делали гораздо проще, поэтому стены были испещрены трещинами, штукатурка обвалилась, а на самодельных афишах разместились надписи о встречах женского клуба классического пения, выступлении варьете и постановке театрального кружка прядильной фабрики. Не слишком посещаемые мероприятия, скажу вам честно.

Пожилой старик, сидевший на стуле за стеклом маленькой кассы, пропустил нас без слов.

Зал, куда мы пришли, не очень напоминал театральный.

В нем тяжело пахло табачным дымом, перегаром, едким потом и совсем немного кровью. В роли ринга здесь выступал обычный участок пола, ограниченный лишь веревкой. Людей порядком, все преимущественно рабочие – клетчатые кепки, темные жилетки, часто докерские штаны из грубой ткани, фабричные угловатые ботинки и дешевые подтяжки. Самая соль folk devils[45] и основа моего государства. Они такие же, как я, если честно. Просто вкалывают больше на тяжелой работе и у них не было шанса пойти выше, стать хотя бы коппером и

посмотреть на чуть иную сторону жизни.

Они развлекались, пили, пускай и умеренно, переругивались, смеялись и делали ставки, наблюдая за тем, как такие же простые мужики бьют друг другу морды за цинтуры.

Сейчас был перерыв между боями, ринг пустовал, и букмекеры писали на грифельной доске новые коэффициенты, а также корректировали прежние. Пузатый господин в очках громогласно призывал делать новые ставки, девицы в скромных закрытых платьях вывезли тележки с пивными бутылками, крем-содой и закусками: солеными орехами, запеченными устрицами, каштанами и кукурузой. Еда и выпивка пользовались спросом.

Для зрителей здесь поставили лавки, но те, кому достались места сзади, стояли, чтобы видеть происходящее. Капитан в мундире таможенной службы сидел на первом ряду, лузгая семечки и бросая шелуху на пол, как это было принято в подобных местах.

– Итан, рад видеть. Как поживает Сибилла?

– Вполне хорошо, насколько я знаю, – нейтрально ответил я и сел рядом, в то время как усатый господин расположился за нами.

– Что стряслось? – Человек с глазами как у хаски был просто само участие.

– Есть разговор к Старухе.

– Говорите, и я ей передам.

– Разговор к ней, а не к вам, Капитан. Если, конечно, вы – это не она.

Он задумчиво хмыкнул:

– Даже если бы это было так, я не стал бы сразу признаваться. Встретиться с ней не настолько просто.

– Давайте постараемся, чтобы это произошло.

Капитан нахмурился:

– Хорошо. Мне надо несколько минут, чтобы все обдумать. Вернемся к этому после боя. Вы ведь боксировали, насколько я помню. Не желаете сделать ставку?

Я посмотрел на боксеров, готовящихся выйти на ринг. Такие же простые ребята, как и те, что пришли поставить на них. Крепкие, широкоплечие. Обоим не было еще тридцати, и они находились в одинаковом весе, насколько я мог судить.

– Не делаю ставок наугад.

– И даже не сможете предположить, кто победит?

Я прищурился:

– Бой будет честным?

Бывший ротмистр от кавалерии хмыкнул:

– Старуха не слишком жалует мошенничество с ее… подданными. Работяг мы не обманываем.

Обманывают. Но это не бой-сенсация, где крутятся огромные деньги, а значит, нет резона утруждаться и рисковать ради мелкой монеты.

– Предположу до того, как первый из трех раундов минует середину. Мне надо посмотреть, что они умеют.

Гонга не было, дули в свисток. Классические стойки, старый стиль Королевства, ничуть не похожий на ту ерунду, что придумали конфедераты, меняя правила старого доброго бокса.

Парень с пушистыми баками был типичным аутфайтером. Легкий в ногах, техничный, осторожный, использовавший джеб[46] левой рукой и берегущий правую, он старался держать противника на дистанции и все время двигался, не желая вступать в ближний бой или тем паче обмениваться ударами. Возможно, знал о сопернике и том, как тот бьет, куда лучше, чем я.

Второй все время держал руки перед собой, старался сократить расстояние и пока отличился лишь одним неточным ударом. Было видно, что он пытается подстроиться под стиль первого и не желает раскрываться раньше времени.

– Ну? – спросил Капитан, когда истекло полторы минуты. – Кросби или Болдуин?

– Второй. С подтяжками вку… желтого цвета. Он выиграет.

– Болдуин?! Не смеши. Кросби быстрее и техничнее. Уже трижды попал в голову.

– Один раз. Два прошли по подставке[47]. Второй умнее. Он уделает живчика.

– Итан, увалень даже по лицу Кросби не достанет. Тот слишком быстр.

– Это решаемо, – пожал я плечами. – Если Болдуин не дурак, он будет работать по печени, а не по челюсти. Со сбитой дыхалкой много не набегаешь, да и точность джебов сразу упадет. Кросби не сможет удерживать противника на расстоянии, а в ближнем бою… нет ничего лучше хорошего апперкота.

Парень с баками пропустил крепкий удар в корпус, выбросил вперед правую, но его противник сделал нырок под несущийся на него экспресс, не мудрствуя, ударил туда же, куда и в первый раз, и тут же закрылся.

В боксе не надо торопиться, если, конечно, ты не действуешь нахрапом, рассчитывая отправить в нокаут первым же попаданием. Такие ребята тоже встречаются, они тяжелые и малоподвижные, и не дай бог

получить их перчатку себе в челюсть. Все сразу же закончится прежде, чем ты что-нибудь поймешь. Здесь ситуация другая, а поэтому надо действовать точно рудокоп – бить киркой в одну точку, пока каменная порода не даст трещину.

К середине второго раунда Кросби растерял всю свою резвость и дышал уже с трудом. Он оставался физически силен, но большей заботой для него было не положение рук или движение ног, а возможность набрать в легкие кислорода и хоть как-то отрегулировать вдох и выдох.

В такие моменты уже не до тактики.

Несмотря на это, Кросби умудрился трижды попасть по Болдуину. Перчатки были жесткими, так что рассечение и кровь не заставили себя ждать, но в общем-то на этом все и закончилось.

Кровь, заливавшая Болдуину левый глаз, его совершенно не смутила, и он выдал хорошую, плотную серию в ближнем бою, отправив Кросби на пол. Кто-то одобрительно захлопал, проигравшие засвистели и выбросили клочки бесполезных квитанций.

– Неплохо, – одобрил Капитан. – Зря ты не поставил деньги.

– Всех денег не заработать.

– Тоже верно. Сам не хочешь? Я готов договориться о бое прямо сейчас.

– Это в прошлом, – усмехнулся я. – Они моложе меня, да и я давно не в форме. Предпочитаю оставаться теоретиком и не превращать лицо в боксерскую грушу.

– Будет еще три боя.

– Я здесь не за этим. Старуха обещала мне помощь.

– И все же, Итан, она не встречается с любым желающим, даже если должна. Вам придется хоть как-то обозначить свои цели.

– И вы решите, говорить ли ей?

Капитан сдержал улыбку:

– Так вопрос не стоит. Я не являюсь человеком, который принимает решения за нее. Это довольно рискованный уровень своеволия, как вы можете подумать. Она узнает о том, чего вы хотите, вне зависимости от моего мнения.

Я наклонился к его уху, сказав едва слышно:

– Мне нужно несколько кукол для того, чтобы до наступления утра напасть на посольство Империи.

Смешок, который раздался из-под моей лавки, был очень явственным и мерзким. Тень, кажется, просто не верила своему счастью.

Капитан даже не удивился.

– Надо позвонить.

Он ушел из зала, и я закрыл глаза, чувствуя легкий дискомфорт. Пламя, живущее во мне, вместо того чтобы заснуть, лишь разгоралось все сильнее. И требовало выхода. Быть может, именно это подталкивает меня искать проблем? Как ребят из проекта тень толкала все чаще и чаще использовать ингениум, пока тот не убивал их?

Я прятался от тени много лет, боролся с ней и пытался выжить. Не пора ли перестать? И сделать хоть что-то полезное. Например, не дать Сайл вывести Империю в лидеры всего просвещенного мира.

Когда Капитан вернулся, то с улыбкой произнес:

– Целых три поединка. Наслаждайтесь, Итан.

Я понял, что требуется время на ответ. И «наслаждался» боями, думая о Мюр.

Ее предательство не обидело меня. Возможно, прозвучит странно, но я слишком хорошо понимал девчонку. Мы с ней как два тяжело раненных в прошлом зверя. Раны зажили, но до сих пор болят, а когда мы видим охотников, то теряем разум. И мы идем на все, не считаясь с потерями и тем, что можем навредить окружающим.

Слышала бы меня Сибилла, сказала бы, что я пытаюсь оправдать Мюр. Спорить не стану, но… положа руку на сердце, Мюр хотя бы знает, как далеко она может зайти ради своей цели.

Я же не знаю этого до сих пор.

Как-то мы долго разговаривали со стариной Уолли, пока я помогал ему менять емкости стаута для его пивных кранов. Он тогда озвучил интересную мысль, с которой бы никогда не согласился Кроуфорд: чтобы побороть ненависть в себе – надо найти более серьезную ненависть к чему-то иному.

Уолли далек от разговоров, что такое лечится прощением и покаянием. В этом мы с ним несколько похожи.

Последняя схватка подошла к концу, кровь на плитках засыпали мелкими опилками, Капитан вновь ушел, а затем, появившись у дальнего дверного проема, откуда выходили уборщики, поманил меня за собой.

В маленькой комнате со стенами вкуса заплесневелого хлеба нас ждала женщина в широких темных штанах, плаще вкуса сахара с лимонными вставками, накинутом на голову капюшоне и плотной вуали, скрывающей ее лицо. Она была босая и сидела на стуле словно примерная гимназистка – с ровной спиной, положив ладони себе на колени, застыв, точно она всеми силами внимает знаниям, которые исходят от невидимого мне преподавателя.

Едва мы вошли и Капитан негромко кашлянул, женщина, сильно увлеченная чем-то за гранью моего понимания, с трудом отвлеклась и повернула голову в нашу сторону.

– Удачи вам, Итан. – Таможенник, сочтя, что его дело сделано, вышел.

Значит, он не Старуха. Честно признаюсь, были у меня такие мысли. И раз здесь кукла, меня ждет аудиенция у королевы ночной Риерты.

Было холодно.

Интересно, сколько раз я уже это повторяю за нынешнюю осень и начавшуюся зиму? Человека, порождающего огонь, терзает холод.

Смешно.

Все-таки во влажном климате Риерты любое падение температуры ощущается так, словно ты залез на самую высокую гору северных областей Королевства, зарывшись для порядка в сугроб, при этом облив себя ледяной водой.

Не знаю, куда мы плыли, на моих глазах была плотная повязка, и я лишь слушал, как гудит двигатель старой паровой лодки да плещется вода за бортом. Кроме этих звуков, вполне понятных и объяснимых, присутствовали и те, которые я бы с осторожностью мог назвать «странными».

Возможно, это не к месту разыгравшиеся предвестники шутили со мной. Щелканье зубов, смешки, тихий шепот. По счастью, я умею держать в узде свое воображение и не пугаться мало-мальски подозрительного шороха из-под кровати, но довольно трудно не дергаться, когда нечто прижимается к твоей спине и обнимает за шею ледяными руками.

Ей не удалось меня смутить, и, понимая это, хмыкнув, она тут же отпустила, отошла куда-то в сторону. Моя тень росла, смелела, и мне начинало казаться, что она приобретает человеческий силуэт.

Когда кукла сняла с меня повязку, я подумал, что предвестники разыгрались еще сильнее и мой мозг сошел с ума.

Это была церковь.

Нет.

Настоящий собор. Затопленный водой, темной и казавшейся густой, точно старая древесная смола, которую не тревожила лодка, не породившая ни одной волны, ни одной мелкой ряби. Словно мы скользили по льду или ровному зеркалу.

Несмотря на ночь, внутри без всякого огня были различимы детали. Собор пребывал в крайне плачевном состоянии: алтарь сожжен, витражи выбиты – вместо них темные провалы, все стены в широких трещинах, вьющихся точно дикий виноград, уходящих вверх и грозящих обрушением

всей колоссальной конструкции. Именно эти трещины едва не доказали мне, что я сошел с ума и мне все чудится.

Они сияли вкусом мятного мороженого, и в этом сиянии мне виделись бесконечные мириады звезд. Текущих в «венах» вверх, словно кровь собора, невероятная, волшебная и смертельно опасная.

Передо мной была мотория, то первичное вещество, которое когда-то получил в пробирке Баллантайн, к которому прикасался Хенстридж и которое сделало меня тем, кем я теперь являюсь.

Кукла внимательно следила за моей реакцией, казалось, ее взгляд жжет прямо через вуаль, а затем я понял, что это не она, а тот огонь, что живет во мне, откликается на каждое мерцание несуществующих галактик. Рвется к ним, чтобы слиться с этими трещинами в единое целое.

Кукла (кажется, она была той самой, что когда-то отвела меня на встречу с Капитаном) протянула мне на ладони, обтянутой перчаткой, два больших кубика льда.

– Спасибо.

Это было просто спасением. Один кусок я сунул в рот, другой, ничуть не смущаясь, распустив галстук – за ворот расстегнутой рубахи. Будь здесь айсберг, я бы обнял его и так бы и провел с ним вечность.

Почти сразу отпустило, и желание что-нибудь сжечь, возникшее столь внезапно, точно так же внезапно исчезло.

Я довольно хорошо знаю Риерту, но не мог понять, в каком районе находится собор. Он слишком огромен, слишком необычен, чтобы о нем не говорили в городе. На островах просто нет подобного места, но тогда где оно? Ведь плыли мы не очень долго. Что передо мной? Странная изнанка Риерты, о которой никто не знает?

Я мог бы гадать до бесконечности, но, боюсь, никогда не узнаю правды об этом месте и тех, кто, возможно, создал его благодаря своему ингениуму.

Лодка проплыла через весь неф, вдоль рядов ребристых колонн, мимо скрытых в нишах статуй изуродованных влагой святых, чьи нимбы и руки сияли от мотории, давая веру в настоящее чудо. Возле хоров, на упавшем потолке части апсиды, торчащем из воды каменными глыбами, стояли люди с фонарями.

Обычные люди. Четыре крепко сбитых мужика в потертых пальто и клетчатых кепках, с автоматами, курили, поджидая нас. Рядовые бойцы королевства Старухи. Армия граждан Риерты, занимающихся не самыми законными делами.

Я с сожалением выплюнул лед, ощущая, как от холода сводит зубы.

Второй кусок остался за воротом, он таял, и вода стекала вниз, по животу и бедру, пропитывая штанину и носок. От него я избавляться не спешил.

Двое помогли кукле спуститься, протянув ей руки. Я спрыгнул сам, благо было невысоко, отдал им оружие, терпеливо выдержал тщательный обыск.

Никто из них с нами не пошел, оставшись с лодкой, я же, следуя за моей босой провожатой, подхватившей один из электрических фонарей, пригнувшись, чтобы не удариться головой о низкую притолоку, отправился в путь через внутренние помещения собора.

Дорога вела через множество лестниц, таких узких, что плечи то и дело касались шершавого камня. Мы поднялись на открытую площадку, под режущим морозом ветром и редкими звездами миновали перекинутый через провал деревянный мостик и остановились рядом с грандиозным куполом, состоящим из множества граней. Отсюда мне показалось, что размерами он не уступает собору. Возможно, так оно и было, я видел лишь его покатый бок, но не вершину.

Кукла нырнула в какой-то закуток, где пряталась еще одна дверь, и ввела меня во внутреннее помещение, в котором, судя по видимому пространству, вполне можно было устраивать конские скачки.

Здесь отсутствовали трещины-вены и не текла мотория. Огонь в грандиозном камине, перед которым на полу в беспорядке навалили целую гору дров.

В прямоугольнике света стоял стул, одинокий и шаткий. Кукла указала мне на него, оставив фонарь возле входа.

Я сел, а она встала за спиной, опустив ладони мне на плечи. Ее пальцы лежали нежно и почти невесомо, но, допускаю, если бы я решил сделать что-то, что она посчитает опасным для того, к кому я пришел разговаривать, эти хрупкие руки оторвали бы мне голову.

Противоположная часть зала была темной, я не мог рассмотреть никаких деталей. Проходила минута за минутой, но ничего не происходило, я чувствовал лишь легкое дыхание куклы у себя на волосах, когда она наклонялась ко мне достаточно близко.

– Здесь холодно, – наконец сказал я, глядя прямо во мрак и надеясь, что смотрю в правильную точку. – Пусто и неуютно. Если честно, я думал, что столь влиятельная особа живет в куда более комфортных условиях.

– Комфорт нестабилен, мистер Шелби, – прозвучало из темноты.

Голос был странный. Он походил на перестук камушков в горной реке. Не женский, но и не мужской.

Неестественный.

– К нему не стоит привязываться таким людям, как мы с вами. Я чувствую, что ваш Зверь пробудился.

– Я справляюсь со своим ингениумом.

– Все мы так считаем, мистер Шелби. Хотим считать, пока не становится слишком поздно. Могу помочь вам, если хотите. «Якорь» – решение вашей проблемы.

Я облизал разом пересохшие губы:

– Благодарю, но мне нельзя проявлять слабость в данную минуту.

– Кто говорит сейчас вашим ртом, мистер Шелби? Ваша ускользающая логика или ваше подкрадывающееся безумие?

– Я пока не сумасшедший.

Мрак зашевелился, и я не смог угадать очертаний, глаза обманывали меня, делали все скрытое в тенях более крупным, чем оно являлось.

– Сумасшествие, мистер Шелби, слишком часто незаметно окружающим. Особенно когда оно становится нормой.

– Ингениум не норма.

– Пока. С каждым годом таких, как вы, появляется все больше.

– И большинство из нас погибает, не протянув и пары месяцев, – напомнил я ей.

– Пока, – вновь повторили мне. – Люди совершенствуются. Мы делаем маленькие шаги, осторожные, неуверенные, но движемся, а не стоим на месте. Идем через неизвестный лес, полный Зверей, и они пожирают многих из нас, но те, кто пройдут через чащу, будут знать безопасный путь и смогут помочь остальным.

– Вы избежали хищников и нашли дорогу из леса? – сделал я предположение.

Смешок был, точно камешки стукнули друг об друга.

– Я прошла весь путь. Но хищники увязались за мной. Как и за многими другими. Думаю, безумие все же слишком близко к вам, раз вы решили просить меня о таком.

– Но все же вы согласились принять меня.

– Я родилась в трущобах Риерты, мистер Шелби. Росла, жила, выживала и стала тем, кто я есть. Одна из причин того, что я все еще жива и что мое дело держится на плаву, – это способность остановиться и осмыслить ситуацию. Я не отметаю даже безумных предложений лишь потому, что хочу сказать «нет». Слово «нет» контрпродуктивно, оно не дает никакого движения, сковывает и лишает возможностей. Умные люди говорят, что нельзя тратить пули без веской причины. Я же считаю, что иногда проще потратить много пуль, чем сказать «нет». Последствия могут

быть крайне плачевными для твоего бизнеса. Ваше предложение столь безрассудно необычно, что я готова узнать о причинах, побудивших вас решиться на такой шаг, как атака посольства Империи.

Я рассказал. И про старину Хенстриджа, и про Сайл, и про прибор. Старуха была не тем человеком, с которым стоило играть в недомолвки, если тебе требуется помощь.

– Почему мои куклы? В городе полно наемников, готовых на грязную работу.

– У искиров есть кадзе.

– Сколько?

– Как минимум одна.

– Если вы получите назад технологию, что вы планируете с ней сделать?

От ответа зависело довольно много:

– Моя цель – чтобы она не попала искирам. Оставьте ее себе, если угодно.

– Очень щедро.

– Отдавать то, что тебе не принадлежит? – усмехнулся я. – Не спорю.

– Дело в том, что для меня подобная технология бесполезна. В моей организации много талантливых людей, но среди них нет светил науки, которые смогли бы превратить проект в рабочую модель.

Я позволил себе улыбку, и она это заметила:

– Ваш повод для веселья ускользает от меня, мистер Шелби.

– Даже недействующий он представляет ценность. Такой человек, как вы, легко может превратить его в тысячи цинтур.

– Вы ошибаетесь насчет моей организации. Обогащение не является нашей основной целью, хотя деньги и дают возможности, которых лишены другие. Мы помогаем жителям Риерты, тем, кто живет выше канала Меча. Да, Старуха – власть в этих районах, да, мы ведем дела, которые нельзя назвать беспорочными. Но мы стараемся защитить их от несправедливого отношения правительства, даем им работу, в которой они так нуждаются, контролируем часть фабрик, просим некоторых аристократов не борзеть слишком сильно, помогаем семьям, лишившимся кормильцев, и тех, кого сослали в Старую Академию. Я руковожу людьми и иногда веду себя жестоко, но большинство знает, что без меня им бы было хуже, чем со мной, поэтому такие, как я, существуют и дальше. Я не трогаю юг, а юг не трогает север. Это очень шаткий баланс, тонко откалиброванный, чуткий механизм, который долго выстраивался на основе взаимных договоренностей, клановых связях, выгодах и угрозах. Вы видите лишь

одну из тысяч сторон, что создают наш город. Здесь множество игроков, и у каждого свои интересы. А теперь вы предлагаете бросить в и так неспокойную воду связку взрывчатки. Слишком опасно для моего дела. Понимаете, что я хочу сказать?

– Понимаю. Вам надо найти покупателя, и это будет сильный игрок, скорее всего, какая-то из стран, заинтересованных в проекте. На вас обратит внимание государство.

– Хрупкий баланс окажется нарушен. Никакие деньги этого не стоят. Я заинтересована в том, чтобы прибор заработал и ингениум был очищен. Чтобы мои куклы продолжили жить и не сходили с ума. Но, забрав у искиров проект, я ничего не добьюсь. По мне, лучше бы он остался у Империи. У них есть все возможности довести до конца разработку.

Я почувствовал разочарование:

– Это то самое «нет»?

– Пока только размышления. У нас деловой разговор, мистер Шелби. Я описываю вам риски. Если готовы что-то добавить, я вся внимание.

– Если прибор останется у искиров, ваши куклы ничего не получат. В ближайшие лет пятнадцать уж точно.

– Если прибор останется у меня, они тоже ничего не получат. По уже озвученным причинам. Так сохраняется какой-то шанс. Я не буду выступать продавцом бриллианта, за которым охотится весь мир, мистер Шелби. Впрочем… – рокот горного потока стих, и тишина длилась и длилась. – Мне надо время, чтобы просчитать варианты.

Из мрака выступила кукла, как и все они – босая, но гораздо выше той, что стояла у меня за спиной. Она положила мне в руку завернутый в бумагу горячий хлеб с мягким козьим сыром, ветчиной и базиликом. Я понял, что не ел целую вечность.

– Мои манеры оставляют желать лучшего. Ешьте, мистер Шелби. Я приму решение в ближайшее время.

– Благодарю.

Кукла вернулась обратно, во тьму, и я подумал о том, сколько еще их там может скрываться.

Нет ничего вкуснее только что выпеченного хлеба. Я завтракал, обедал и ужинал, пока в невидимой мне части собора шло неслышное обсуждение. А затем ждал и ждал, пока руки куклы на моих плечах не показались тяжелыми гирями.

– Мистер Шелби, я узнала свои выгоды, – вновь пробудились камушки в речном потоке. – Хочу обозначить ситуацию, вы должны ее понимать.

– Слушаю.

– Только что я говорила, что основа стабильности моей организации – не привлекать к себе внимания властей, насколько это возможно. Где-то мы не замечаем друг друга, где-то идем на сделки, а где-то сотрудничаем. Это естественный процесс существования двух хищников в одном лесу, пока им хватает еды и они не нарушают территорию друг друга. …Но если произойдет нападение на посольство, по сути, мне придется напасть на другую страну, а искиры не потерпят такого. Правительство Мергена станет искать виноватых, и это разрушит мое предприятие.

– Понимаю. Как бы ни была сильна Старуха, но мощь государства нельзя сломить, и, если они захотят, они вас уничтожат. Пускай и большой кровью.

– Все так, мистер Шелби. Утрируя, можно сказать, что охотник наденет очки и наконец-то увидит дикого леопарда у себя под столом. Клыки против ружья плохие помощники, и нам придется уйти в подполье на долгие годы. У вас имеется решение, как избежать подобных неприятностей?

– Это довольно просто. Никто не должен думать на вас, и, когда начнутся поиски, улики должны привести в совершенно иную сторону.

– Мудро. Осталась малость – сделать так, как вы говорите.

– Это значит, что вы мне поможете?

– Я склоняюсь к такому решению, если сложится несколько факторов. У меня есть условия, мистер Шелби. Прибор принадлежит мне, и все, что я сделаю с ним, – это мое дело. Обещаю лишь, что в Империю он не попадет.

– Не имею возражений.

– Вы должны осознать, что я минимизирую риски, а поэтому все, кого мы встретим, – не должны стать свидетелями. После себя нам придется оставить лишь трупы.

Я повертел в голове эту неприятную мысль. И так. И эдак.

– Если мы сделаем все до рассвета, то людей на территории будет гораздо меньше, чем днем.

– Значит, поторопимся.

– Но… – Я поднял палец. – Там может быть…

– Помню. Ученый. Кражовски. Вы пойдете с нами, чтобы указать на него. Ему жизнь сохраним.

– А еще есть небольшой шанс, что там окажется девушка. Со шрамом на левой щеке. Она работает на меня, и ее нельзя трогать.

– Приемлемо.

– Тогда возражений нет.

– Теперь поговорим о вашей плате, мистер Шелби.

Что же, я ожидал, что с меня попросят. Старуха ведет дела жестко и с выгодой для себя. Она сделала так, что, забирая прибор, оказывает мне услугу и не считает его своей наградой за столь рисковую операцию.

– Продемонстрируйте свои способности, будьте любезны.

Мне совсем не понравилось ее предложение.

– Это так необходимо?

– Да.

– Кукла, что стоит рядом со мной, не так давно дала мне лед. Она скажет вам…

– Что я и так уже знаю – ваш Зверь бодрствует и вы не в самом лучшем своем состоянии. Но я должна увидеть, что вы умеете. Если мне понравится демонстрация, то я помогу вам. Если же ваши способности не заинтересуют меня, мы расстанемся.

– Не понимаю. Как мои умения могут…

– Просто покажи ей, – сказал женский голос из темноты.

Мне не хотелось пробуждать пламя, но я решил не спорить и глубоко вдохнул, освобождая своего демона. Хватанул немного, лишь по верхушке, но все равно перестарался, и вся груда дров, что лежала возле камина, вспыхнула, пламя, ревя, скакнуло вверх, к потолку, жар ударил по мне, и я почувствовал, как ставшие стальными пальцы куклы на мгновение разжались, когда она отшатнулась назад.

Круг света расширился, и я увидел расплывчатые женские силуэты. Их было больше десяти, а еще там был кто-то почти неразличимый, кажется сидевший в большом высоком кресле. Я не стал присматриваться к деталям, опустил глаза, раз Старуха хочет сохранить свое инкогнито, лишь усилил огонь, чтобы он быстрее пожрал дрова.

Через минуту на каменном полу мерцало целое поле почти прогоревших углей, а свет сжался до привычного мне прямоугольника.

– Ценный дар, мистер Шелби, – проронила Старуха. – Порождающие огонь умирают всегда быстро. Гораздо быстрее, чем мне требовалось, чтобы узнать о них и встретиться.

– Мой ингениум достаточно интересен для вас?

– Вне всякого сомнения. Я хочу его получить в качестве платы.

Предвестники сводят меня с ума. Слышатся всякие странности.

– Простите? – на всякий случай поинтересовался я.

– Ваш дар, мистер Шелби. – В голосе прозвучала неожиданная улыбка, точно ее позабавило мое потрясение. – Он мне нужен.

Значит, мне не послышалось.

– Вы способны его забрать?

– О… мне следовало выражаться яснее. Забрать – неподходящее слово. Я не могу забирать у людей их способности. Лишь копировать с разрешения носителя.

Ого! Получается, у нее есть ингениум, и ее дар попросту уникален!

– И сколько раз вы такое уже проделывали?

– Не важно. Вам не о чем беспокоиться, процедура совершенно безопасна для вас.

– Верю. Но моя способность и последствия ее применения – опасны. И для тех, против кого она направлена, и для того, кто использует.

– Ваша забота о моем здоровье делает вам честь, мистер Шелби.

– Кроме того, есть нюансы в ее использовании.

– Мои куклы быстро учатся.

– Куклы?!

Она что-то сказала, тихо и резко, и из мрака начали выходить босые женщины. Две. Пять. Девять. Четырнадцать. Семнадцать. Высокие и низкие. Стройные и плотные.

Они смотрели на меня через вуали, и я почувствовал, как холодок пробежал по спине.

– В Риерте многие считают их чудовищами, мистер Шелби, – произнес мрак. – Хотя они всего лишь женщины, в которых вопреки их желанию пробудилась знакомая вам сила. Они согласились работать со мной и принять от меня скромные дары, что я собрала у других.

Я посмотрел на каждую. Куклы. Женщины с ингениумом. Незнакомки, чьих лиц никто никогда не видит. Они живут в городе, ходят по улицам. Мы встречаем их в магазинах и трамваях, в театрах и в парках. Возможно, кто-то из них из богатых семей, а кто-то из бедняков. Молодые. И старые. У кого-то должны быть дети, кто-то замужем. Некоторые из них стараются вести нормальную жизнь, которая продолжается до тех пор, пока их не призывает Старуха. Та, кто наделяет своих кукол разными дарами, что используются во благо владычицы преступного мира.

– Они забирают не один дар.

– Верно. Конкуренция, мистер Шелби. Надо быть ровней плакальщикам, а для этого хрупким женщинам требуется много сил и совершенно разных умений.

А потом они сходят с ума и становятся не нужны. И их убивают свои же.

– Он смешно думает, – внезапно сказала одна из кукол. Голос у нее оказался юный и звонкий, точно у гимназистки. – Считает, что ты нас используешь.

– Вы заблуждаетесь, – произнесла кукла, стоявшая ближе всего к камину. – Она дарует нам жизнь, а мы даруем ей.

– Они больше чем мои дочери, мистер Шелби, – прошептала Старуха. – Куклы – это я. Мы каждая по отдельностиивтожевремя мы все вместе, та, кого вы называете Старухой. Мы живем благодаря друг другу, и каждый знает, какую цену он должен заплатить за этот союз.

Хотел бы я увидеть их лица, не меньше, чем узнать, кто говорит со мной за них всех.

– Я дам вам свои способности.

Мрак зашевелился, и из тьмы ко мне протянулась рука, необычайно длинная и совершенно не похожая на человеческую. Скорее она напоминала тонкую сухую ветку, обтянутую полупрозрачной кожей, под которой виднелись сетки темных вен. Ладонь широкая, точно лопатка, а пальцев было семь.

– Вы не удивлены, – решила Старуха.

– Удивлен. Контаги теряют разум и личность.

– Так считается. Возможно, я просто исключение, ведь мой разум берегут мои куклы.

Она переплела пальцы с моими, и моя рука казалась рукой ребенка, утонувшей в отцовской ладони. Я отметил про себя, сколь горяча и суха кожа Старухи и насколько это необычно, когда ее шестой и седьмой пальцы, точно наручники, смыкаются у меня на запястье.

Такой хват точно не сбросишь.

– Ваше сердце бьется ровно, и вы не боитесь. Сибилла была права – вы интересный человек, мистер Шелби, раз вас не смущает присутствие контаги.

– Сибилла? – Уж ее-то имя я не ожидал услышать сейчас.

– Вы живы лишь потому, что она просила за вас. И Мосс тоже. В моем бизнесе надо быть жестокой, но иногда следует идти на уступки и оказывать любезности ценным сотрудникам. «Кувшинка» дает хороший доход, а ваши действия в прошлом, если отбросить эмоции, все же принесли больше пользы, чем вреда.

Ее рука стала еще горячее, и в моих ушах появился нарастающий звон. Тепло поднималось по телу, словно моя кровь начала нагреваться, и тихий стон тени, той, что пряталась все это время, показал, как ей не нравится все происходящее. Я не сопротивлялся, лишь постарался дышать поглубже.

А потом все кончилось.

– Спасибо. Сделка заключена, – шепнула Старуха ослабевшим голосом, ее рука скрылась во мраке, а куклы отступили следом за ней.

Глава тринадцатая
СОЛНЦЕ В КРОВИ

Вас когда-нибудь запирали в ящике вместе с гориллой? О, поверьте – не самое приятное соседство. В первую очередь ты сразу думаешь: насколько она смирная и дружелюбная? И не слишком ли глупой идеей было сесть напротив нее?

Соли внешне напоминал гориллу. Крупнее и тяжелее меня, настоящий шкаф, забытый всеми в углу антикварного магазина. Когда он сжимал кулаки, то даже танковая броня должна была чувствовать себя достаточно неуверенно и опасаться, что она не переживет удара таким молотом. Лицом он и вправду немного походил на обезьяну – низкий лоб, маленькие злые глазки под густыми бровями, выдвинутая вперед челюсть и сплюснутый нос.

Его внешность создавала впечатление опасного громилы, слишком обделенного разумом, хотя говорили, что он умен, хитер и изворотлив. Но, если честно, я довольно сильно сомневаюсь. На мой взгляд, умный человек не пытается противостоять несущемуся на него бронепоезду. Соли примерно так и поступил, бросив открытый вызов Старухе.

Он счел, что его банда вполне может действовать в Риерте без оглядки на госпожу города. Не платя ей процент и не соблюдая негласные законы.

Я же говорю – идиот.

Он не придумал лучшего решения, чем напасть со своими ребятами на инкассаторов, которые привезли трехмесячную зарплату для рабочих огромного завода в Стальной Хватке. В принципе, могу предположить, что после этого дела они хотели покинуть город с деньгами, но это мечты вроде – «я встречу единорога в «Кувшинке».

Своими действиями он нарушил договоренности Старухи с властями и фабрикантами, обещавшей им безопасность на своей территории. Простые люди, надо сказать, были столь же недовольны, как промышленники, лишившись денег. Ей пришлось договариваться, и можете себе представить, насколько дурным у нее было настроение, да еще и после того как Министерство вод заполонило улицы жандармами, которые начали «замечать» то, что было «скрыто» от их глаз, вредя бизнесу, арестовывая сотрудников.

Деньги нашлись через несколько дней, рабочие получили свою

зарплату, чиновники обнаружили в письменных столах серьезные суммы, чтобы забыть столь неприятный инцидент, а возле жандармского участка, с приветом от Старухи, в один из дней материализовалась буквально из воздуха парочка приятелей Соли, перевязанных бечевкой, словно йевенская колбаса.

Достаточно заметные персоны, чтобы их показательно покарать и утопить, дабы власти не ощущали себя обделенными в осуществлении правосудия.

Остальных бандитов находили на улицах, в подъездах и даже на фонарных столбах, с засунутыми в рот пачками цинтур, отрезанными пальцами и вскрытыми шеями. Куклы нашли многих и позаботились, чтобы остальные поняли, что не стоит шутить со Старухой. Также говорили, что Соли и его ближайшим подельникам удается скрываться где-то на Заброшенных островах, но долго это продолжаться не будет.

Ночью я столкнулся с реальностью, а не со слухами. Соли и компания давно уже оказались в руках Старухи.

Было довольно странно видеть, когда громила, послушный точно пес, торопится за маленькой куклой и чуть ли не заглядывает ей в глаза, желая выполнить любой ее каприз. Он стоял на коленях возле камина и плакал, умоляя простить, и заплакал еще сильнее, поняв, что ему дают шанс все исправить.

Мордоворот не понимал, на что он подписывался. Старуха подставляла его под удар, отводя от себя любое подозрение в грядущем нападении. Было довольно просто просчитать результат, к которому придет Соли со своими людьми. Дурной будет результат, если, конечно, королева Трущоб вместе с даром огня не забрала у меня единственную капельку жалости к тем, кто ее не заслуживает.

Теперь Соли вместе с шестеркой уцелевших дружков, двумя куклами и мной сидел в тесном, душном закрытом отсеке маленького углевоза, ползущего по Трубному проливу. Куклы надели мужское платье, мешковатые пальто и котелки, на лица они повязали темные платки, точно настоящие грабители.

Та, что опекала меня всю ночь, оказалась уже немолодой, насколько я мог судить по морщинкам у ее очень светлых глаз. Она встретила мой взгляд с веселым вызовом, точно говорила: «Ну что? Удовлетворил свое любопытство?»

Я позволил себе улыбку уголком рта, и вторая кукла, темноглазая, протянула мне «Астру» и подсумки с магазинами, как бы настаивая, чтобы я сосредоточился на более важных задачах.

Вся банда Соли уже была вооружена, и это совершенно не беспокоило женщин.

– Стреляете, когда я говорю. Держитесь вместе, – сказала им «моя» кукла. – Ваша задача не дать никому покинуть здание без нашего разрешения. Ломаете, переворачиваете все, что можете.

– Это мы умеем, – пробурчал Соли. – Что делает он?

Его глазки обратились ко мне.

– Если он говорит, вы исполняете, – последовал ответ. – Все помнят описание людей, которых нельзя трогать?

– Да. Девка со шрамом на щеке и какой-то учитель, – проворчал тот.

Дверь распахнулась, в каюту заглянул один из тех, кто встречали меня в соборе:

– Будем через минуту. Готовьтесь.

– Жандармы на берегу? Нас много, мы заметный отряд. Когда спросят, что делать? – обеспокоился Соли.

– Не твоя забота, – темноглазая кукла мотнула головой, приказав мне, сидевшему с краю, выходить первым.

Из-за гондол, привязанных к вбитым в дно канала, чуть покачивающимся шестам, кораблик не мог подойти к берегу, и покидали мы его прямо на ходу, спрыгивая в лодки, а уже с них на влажную и скользкую от сильных волн набережную.

Было четыре утра, самое подходящее время для подобных дел. Кромешный мрак, все еще спят, мелкий дождь стучит по крышам и жестяным подоконникам, собирается в лужи под водосточными трубами, грозя превратиться в ледяную корку, стоит лишь слегка подморозить.

После войны, когда отношения между Риертой и Империей были восстановлены, искиры попросили дать им здание подальше от посольского квартала Земли Славных. Имперцы предпочли жилой район, тихий и зажиточный, каковой всегда была и оставалась Метель.

«Моя» кукла, не дожидаясь нас, сразу ушла вперед, мгновенно растворившись во мраке. За несколько часов Старуха разработала план, подняла верных людей, собрала всю возможную информацию о месте, куда надо было попасть, и попыталась узнать о Сайл. Лишь куклы были посвящены в детали, я оставался наблюдателем. Не то чтобы меня беспокоило, но я ощущал некоторую «подвешенность» своего положения и с малой толикой паранойи подозревал возможные последствия моей затеи.

Шанс, что Итан Шелби встретит рассвет на дне канала с проломленным затылком, с определенной долей вероятности оставался горькой реальностью. Что же, я сам сунул руку в корзину со змеями, и

теперь все зависит от того, готовы ли они тратить на меня свой яд.

Кукла, отправившаяся первой, ждала нас через четыре квартала, в сквере, летом полном белок, а сейчас пустом и столь же неуютном, как заброшенное кладбище.

С ней были двое, и, к своему неприятному удивлению, я знал обоих. Маклиди и его друг Йорки.

Что же. Превосходный ход со стороны Старухи. Заключить сделку с министром вод и действовать сообща. Она оказывает крайне ценную услугу государству, оставляя разработку Риерте, и мешает Империи выйти вперед в подобной гонке. Не знаю, что Старуха получит взамен, но что-то весьма важное для существования ее организации.

Лично я не удивляюсь. Власть и преступники порой заключают союзы, если видят выгоду, не мешают друг другу и действуют против общего врага. Такое было и в Королевстве, когда бандиты помогали Грейвплейсу сражаться с революционерами Клеверного графства, желавшими устроить покушение на королеву и подговорить профсоюзы начать всеобщую стачку в угольной промышленности. Или при ловле убийцы Маленькой Жары[48], когда весь Хервингемм был поставлен с ног на голову.

Основа нашего мира строится на взаимных договоренностях и услугах. И Старуха прекрасно это понимает и пользуется. Империи, даже такие незаконные, как ее, существуют, лишь если на них не ополчился весь мир.

– Сферы наших интересов постоянно пересекаются, сэр. – Маклиди коснулся края котелка, не став называть мое имя перед бандитами.

– На этот раз с выгодой для всех нас.

– Верное уточнение. Хотя наш общий знакомый остался удивлен вашим кругом общения.

– Как и я его. Вас только двое?

Он улыбнулся:

– Еще стрелок на точке нас прикрывает. Передает вам привет.

Значит, с Рин по-прежнему все в порядке. Хорошо.

– Но в большей степени сегодня мы здесь в качестве наблюдателей.

Что означает «мы пришли, чтобы забрать обещанное Старухой».

– Все готово? – спросила у него кукла.

Маклиди достал из кармана жилета довоенные часы. Щелкнув крышкой, посмотрел на бледно светящиеся стрелки вкуса яблочного желе.

– Как договаривались. Через шесть минут бандиты Хлеста попробуют захватить станцию дирижаблей. Поэтому жандармы из патрулей, ближайшего участка и даже охраняющие территории Первого банка

Риерты, телеграфа и посольства Империи будут отозваны. Для нашего города жизненно важно, чтобы столь опасные преступники не сбежали или, тем паче, не взорвали воздушную машину над дворцом дукса, как это случилось с «Бризом» в Королевстве.

Значит, у нас появится какое-то время и можно не опасаться, что на выстрелы примчит кавалерия.

Посольство Империи – двухэтажный аккуратный особняк, построенный на маленьком острове, отделенном от основного района Метели узким каналом. Кроме него здесь располагался старый монастырь, давно не действующий, несколько зданий которого передали в дар Обществу благоденствия[49], основавшему здесь же клинику помощи для умалишенных. Напротив, через канал, разбили парк и открыли мемориал солдатам Великой войны обеих сторон конфликта. Очень символично, на мой взгляд, – сделать подобное поблизости от посольства страны, которая все это устроила.

Мы прошли через него, направляясь к мосту, и Йорки, посмотрев на памятную стелу, на ходу снял котелок и опустил голову. Здесь я никогда не был, так что чуть срезал, прочитав в свете единственного на всю округу фонаря буквы на памятнике.

«Сошедшиеся для победы объединены смертью. В этом – слава солдат и судьба храбрецов».

– Им повезло больше, чем нам, – сказал мне Маклиди.

– То есть?

– Слава, память. Максимум, что нам светит, – это камень в самом дальнем углу погоста, среди бурьяна и расползающейся от паводков земли. А их будут помнить.

– Толку-то? – бросил я. – Мертвецам все равно.

– Не скажи.

– Сейчас меня больше интересует настоящее, а не будущее.

– Она там, – и, видя, что я не понимаю, пояснил: – Атташе по культуре, которая тебе известна как Сайл.

– Ты уверен?

– В квартиру она не возвращалась уже четыре дня, живет на территории посольства и ждет разрешения выехать в Империю. Запрос в министерство подали вчера поздно вечером, и искиры настаивают на срочном решении. Вот, возьми. – Он протянул мне миниатюрный пистолет, больше похожий на медицинский шприц, так как из «ствола» торчал кончик иглы. – Помогает уравнять шансы между нормальными людьми и… не очень. Там всего один выстрел, и смотри, не уколись.

– Вы хотите взять кадзе живой. – Я проследил, как куклы в сопровождении бандитов уже пересекают мост через канал. – Старуха отдает вам ее, как и все остальное.

– По правде говоря, я бы прикончил ее. Но мое дело исполнять приказы.

Жандармы возле ворот посольства отсутствовали, калитка осталась предусмотрительно незапертой. Но если внешний периметр охраняли риертцы, то само здание защищали солдаты искиров. И они не были дураками. Никто не распахнул дверь, никто не вышел навстречу, чтобы поинтересоваться, что здесь делают посторонние в час, когда еще даже не рассвело.

Кукла положила руки на дверь и через несколько секунд сказала:

– Восемнадцать. Восемь внизу, трое еще ниже, в подвале, семеро наверху. Никто не спит. Вооружаются. Один пытается звонить.

– Телефон отключен, – ответил Маклиди. – Ингениум?

– Чувствую. Где-то… там. Еще ниже.

– Подвал?

– Да.

– Начинаем.

– Мистер Соли? – Кукла продолжала касаться ладонями двери.

– Мы готовы, госпожа.

– Ты со мной наверх, – сказала мне вторая гончая Старухи и добавила для помощника Уитфорда: – Ты тоже. Никого не оставляем.

Дверь просто исчезла. Вот только что она была, массивная, прочная и незыблемая, а спустя мгновение ее детали побледнели, померкли и растаяли, словно ее взял невидимый почтальон и унес в свой мир.

Мы успели проскочить к лестнице, когда внизу началась пальба. Наверху, в коридоре нас уже встречали двое искиров в форме флотских[50] сержантов. Когда они подняли «Резуны», мы с Маклиди, действуя на старых инстинктах, шарахнулись за угол, совершенно не по-рыцарски оставив «мою» куклу в одиночестве.

Адские машинки взвыли, за секунды опустошив оба магазина, и по стенам, точно горох, застучали рикошетящие пули. Там творился ад, словно кто-то глупый ударил ногой по огромному улью и теперь рассерженные свинцовые осы выбрались наружу, чтобы наказать обидчика.

Несколько пуль, как мячики отскочив от твердых поверхностей, влетели к нам, «погасли», растеряв свою энергию, ударили в потолок и шкафы, побили цветочные горшки, но не коснулись нас.

Маклиди, надо отдать ему должное, мужик не робкий, высунулся в

коридор, пустил короткую очередь не целясь, лишь чтобы выиграть несколько мгновений, и заставил их отступить в смежную комнату. Дверь захлопнулась, загремела мебель, блокируя ее.

Кукла выжила, что было почти столь же невероятно, как выпрыгнуть из дирижабля с раскрытым дамским зонтиком и не расшибиться в лепешку. Она стояла на четвереньках, как собака, и с нее опадали крупные куски «скорлупы». Во всяком случае, именно так я в первую очередь подумал о том черепашьем панцире, что создал ингениум, чтобы защитить ее. Теперь же он казался мягким, истончающимся, буквально тающим, словно лед на жарком солнце, и оставалось только удивляться, как такая ненадежная штука могла спасти ее от пуль.

Когда она поднялась на ноги, несколько фрагментов этого странного материала осталось у нее на плечах и запястьях, точно рыбья чешуя. Кукла ударила кулаками в стену, и ее руки, не разрушив преграды, провалились… куда-то. Она походила на кошку, слышавшую мышей, но не видящую их и наугад запустившую когтистые лапы под диван, где пряталась ее добыча.

Когда ее ладони и предплечья снова оказались здесь, они все были в крови.

– Еще пятеро, – равнодушно сказала кукла, убившая сразу двух сержантов.

Она шла по коридору, как машина, с прямой спиной и немного дерганными движениями, и внезапно я, видевший работу куклы в первый раз, понял, почему этих женщин так называют.

Конечно же никакая не машина, а марионетка, которую дергает за ниточки невидимый кукловод.

– Справа. Один. Под столом. Пистолет.

Я заскочил в темный кабинет, светя себе фонарем и начав стрелять одновременно с пожилым искиром. Нас разделяло всего ярдов пять, но первые выстрелы друг в друга не возымели никакого эффекта, мы оба поторопились. Я взял выше, он же из неудобного положения, опираясь на локоть, сместил ствол далеко влево.

Эта игра в крепыша Клеверного графства[51] была фатальной забавой, так что я сместился и, обходя стол по кругу, пока он не догадался использовать его как укрытие, продолжил стрелять, опустошив весь магазин. Вся схватка вышла скоротечной, но мне показалась долгой и мучительной. Лишь одна моя пуля нашла свою цель, войдя ему чуть выше левой скулы, и перебив шейные позвонки.

Больше стрелять не пришлось.

– Еще четверо, – равнодушно сказала мне кукла, пока Маклиди ножом

обезвреживал брошенную в коридор взведенную мину, выплюнувшую на крючках несколько стальных лесок, перекрывших нам дорогу. Мы не могли двигаться вперед без опасения задеть струну и остаться на потолке.

Внизу продолжалась стрельба. Второй отряд тоже встречали не цветами.

– С хрена тебе понадобилось столько пуль, чтобы успокоить одного? – спросил он, но я не собирался оправдываться. Нож провернулся над пластинкой активатора детонатора, на мой взгляд, излишне грубо и рискованно. – Готово.

Он рванул стальную струну, перегораживающую проход, и кукла шагнула вперед, все так же водя руками перед собой.

– Двое. Через комнату.

Маклиди сунулся туда и тут же отшатнулся назад:

– Еще одна мина. Они времени зря не теряют.

Лампы мигнули и погасли, погрузив коридор во мрак. Кукла чуть склонила голову, словно прислушалась:

– Мы слишком долго возимся. Двое. Отходят к остальным. В большой зал. Пройдем иначе. Налево, через два помещения, прямо, через проходной балкон.

Она была как странный компас в человеческом обличье и вела нас, точно незрячих, по особняку, где искиры отрубили электричество, усложнив нам жизнь.

Возле закрытых двустворчатых дверей кукла крикнула:

– Пулемет!

Она скрестила запястья перед собой, словно пыталась остановить неизбежное, и загрохотал гром. Тяжелые пули разнесли деревянную преграду и врезались в полупрозрачное марево вкуса темной крови, созданное куклой.

– Ну же?! – рявкнула она нам. – Стреляйте! Прямо сквозь щит! Быстро!!!

Мы с Маклиди одновременно стали палить из пистолетов, ориентируясь на яркие вспышки в дверных проломах. «Щит» обладал избирательной проницаемостью. Сдерживал смерть с той стороны, но легко пропускал ее от нас, и огонь противника оборвался.

– Осталось трое. Два в той же комнате, один отступает по лестнице вниз. Ты. За ним. Останови его.

Она толкнула Маклиди в спину, развернув его в нужном направлении. И тот подчинился.

– Шелби! Руку мне на плечо! – последовал приказ.

Моя спутница двигалась все так же, как марионетка, дергано и рвано, но очень быстро. Я буквально бежал, чувствуя, как горит ее тело через одежду. Ингениума кукла зачерпнула порядком, и оставалось только догадываться, какая расплата теперь ее ждет.

Двое в комнате уничтожали бумаги. Работали суетливо, но четко, один пихал стопки листов в механическую машинку. Второй отчаянно крутил ручку на ней, превращая секретные документы в лоскутную нарезку, торопясь уничтожить как можно больше.

Это заслуживало уважения. Они были солдатами и исполняли свой долг, защищая страну, вместо того чтобы прятаться и бежать. И умерли, даже не поняв, что случилось, когда кукла одним движением руки превратила их в облако кровавых капель, которое разлетелось по потолку, стенам, полу и оставшимся бумагам.

Запах смерти был не из приятных. Точно я вернулся на войну и попал куда-то на поле, где снаряды перевернули все траншеи, вместе с теми, кто в них находился.

Кукла тяжело вздохнула и внезапно навалилась на меня, вцепилась обеими руками в предплечье так, что я поморщился от ее хватки и приобнял за талию, чтобы она не упала.

Внизу хлопнул одинокий выстрел.

– Все, – сказала кукла. – Объекты устранены.

– Идем вниз?

Она не отстранилась и не согласилась. Молчала, словно прислушиваясь к себе. Или еще к кому-то.

– У нас там проблемы. Но мне нужно еще десять секунд.

– Хорошо. Ждем.

Кукла положила голову мне на плечо, и дыхание ее стало быстрым и свистящим, а пальцы, которые все так же сжимали предплечье, просто стальными.

– Ты перебрала со способностями.

– Знаю. – Я в первый раз услышал хоть какую-то яркую эмоцию – раздражение на то, что я озвучиваю очевидные вещи. – Все. Могу стоять. Идем, Шелби.

Маклиди нашел распределительный щиток и, включив свет, ждал нас возле лестницы. Бой внизу закончился, в комнатах лежали тела искиров и бандитов. Гильзы валялись по полу и со звоном откатывались от моих ботинок, а помощник Уитфорда, держа пистолет наготове, с меланхоличным интересом заглядывал в каждое помещение.

Йорки, охранявший вход в посольство, внезапно оказался уже здесь и

тихо сказал:

– Район на ушах. Жандармов вызвали, но они будут мешкать какое-то время.

В кабинете посла, возле сейфа колдовал единственный уцелевший бандит Соли, а сам он сидел в углу и, поскуливая, обматывал обрубок левой руки сорванным со стены белым полотнищем, на котором было изображено алое солнце Империи. Тряпка намокала от крови, капли падали ему на штанину и собирались в маленькую лужицу.

Вторая кукла привалилась к стене, вытянув ноги, а ее голова, практически оторванная от тела, висела лишь на лоскуте кожи.

– Косоглазая сука, – просипел Соли. – Быстрая, как дьявол. Отрубила мне руку. Кажется, мечом. И эту… куклу прикончила, мать ее. Черт! Как будто огнем горит! Мне нужен врач!

У него был шанс выжить, так что я сдернул со стола скатерть, разорвал ее на лоскуты и начал накладывать жгут.

– Куда она делась?

– Ушла обратно в подвал.

Бандит ловко вскрыл сейф, подобрав комбинацию.

– Как вы просили, – сказал он, отступая в сторону и в то же время жадно заглядывая внутрь.

– Деньги есть? – спросил Маклиди.

– Не очень-то и много. Какие-то бумажки и печати.

Маклиди вопросительно посмотрел на «мою» куклу, и та ответила ему на невысказанный вопрос:

– Как договаривались. Делайте то, для чего вы здесь.

Признаюсь, стрелял он быстро и ловко, не целясь и держа оружие прижатым к бедру. Медвежатник упал лицом вперед, уже мертвым ударился о тяжелую дверцу сейфа, завалился на стол.

Вторая пуля угодила в лоб Соли, так близко от меня, что звук пробитого черепа заставил подумать, что это моя голова получила свинца. На щеку и висок попали горячие капли, и я, чертыхнувшись, встал, злясь на то, что зря потерял время, пытаясь спасти бандита.

– Ты с самого начала знал, что они приговорены, – равнодушно бросил мне Маклиди, доставая из сейфа пачку искирских купюр и разбрасывая их.

Я ничего не сказал. Все было понятно изначально. Им нужен козел отпущения, а эти идиоты лучший вариант. Ребята в ссоре со Старухой, их ищет правительство, и они достаточно отмороженны для того, чтобы напасть на посольство ради денег. Подозревать будут не тех, кого надо, точнее не появится повод обвинить реальных виновников произошедшего.

– Мистер Шелби, мою подругу здесь не должны найти. Сможете сделать так, чтобы она исчезла?

Я почувствовал, как внутри меня зашевелился мерзкий колючий еж, разросшийся за последние дни, и ощутил внезапную тошноту, видя темный силуэт, прячущийся за оконной занавеской. На этот раз он никуда не делся, не планируя убегать, – и я отвел взгляд.

Все хуже, чем предполагалось.

– Мистер Шелби. Время на исходе. Только ее. Остальные должны остаться.

Тяжелые времена требуют от нас тяжелых решений. Я с ненавистью создал проклятое пламя, оставляя от куклы лишь горячий серый пепел, и Маклиди наконец-то потерял свое спокойствие, отшатнулся назад, посмотрев на меня новым взглядом.

Плохим новым взглядом. Теперь он точно знал, чего опасаться.

Я, стараясь справиться с болью, криво усмехнулся и сплюнул на пол горькую слюну.

– Они уходят через подвал. Двое. Ты! – Кукла повернулась к Йорки. – Предупреди стрелка сменить позицию. На восток, она пройдет туннелями под больницей. Пусть встречает ее у Червивого канала.

Стальная дверь, ведущая в подвал, исчезла с нашего пути вместе со всеми засовами, стоило кукле коснуться ее. Они готовились к неприятностям и давным-давно разобрали кирпичную кладку, проникнув в старые монастырские подземелья, заброшенные со времен основания госпиталя и затопленные по щиколотку студеной водой.

Мы бежали по туннелю, освещая дорогу карманными фонарями, и кукла сворачивала на нужных поворотах, идя по следу, точно хорошая полицейская ищейка. От нее нельзя было скрыться, она «видела» то, что происходит за сотню ярдов, и гнала вперед так, что мы, два здоровых мужика, прошедших войну, не успевали за ней.

– Уходит! – крикнула кукла. – Уходит!

Я услышал и злость, и разочарование. Она бросилась вперед, и не сомневаюсь, что сейчас обогнала бы лошадь в галопе. В луче моего фонаря мелькнула ее спина, а затем кукла свернула в какой-то коридор и исчезла из нашего поля зрения.

– Поднажми! – посоветовал я, пытаясь ее догнать.

Черта с два мы кого-то нагнали. В этих затопленных лазах мы были отнюдь не самыми ловкими ребятами. Маклиди подпрыгнул, вцепился пальцами в выемку над маленьким окошком, похожим на амбразуру, подтянулся и посмотрел на улицу, пытаясь понять, где мы.

– Направо, – сказал он. – Червивый канал туда.

Сайл бросила Кражовски, а быть может, его отбила кукла. Как бы там ни было, но наткнулись мы на него, когда он полз в нашу сторону, а его нога была вывернута под совершенно неестественным углом.

Увидев нас, ученый закричал, выставив вперед руки:

– Я не вооружен! Не вооружен! Пожалуйста!

– Это тот человек? – Помощник Уитфорда светил фонарем прямо в лицо нашей добыче, но пистолет не опускал и палец на спусковом крючке был напряжен, а глаза холодны. От моего ответа зависела жизнь ученого, которого меньше чем сутки назад я планировал сжечь, чтобы только он не попал в Империю.

Но я заключил сделку со Старухой и не хотел лгать.

– Да, – неохотно ответил я. – Тот.

– Господин Кражовски. – Маклиди убрал оружие. – Мы не причиним вам вреда. Риерта предлагает вам полное помилование, предоставит защиту и возможности для продолжения работы.

– Я… – Ученый только рот открывал, пытаясь переварить услышанное.

– Лучше вам согласиться, – посоветовал я, и он, узнав меня, съежился, видно вспоминая, как едва не сгорел заживо.

– Согласен! – последовал быстрый ответ.

– Тогда посидите здесь. Мы заберем вас, как только разберемся с проблемой. И еще – надеюсь, вы понимаете, что, если попытаетесь сбежать, сделки не получится и вас запрут в самую глубокую камеру Инги-Вин. Куда более сырую, чем та лужа, в которой вы сейчас лежите.

– Я понимаю. И не буду бежать, – покладисто согласился он. – Эта женщина налетела на меня, сломала ногу… Кажется, она на ингениуме.

Кукла еще мягко с ним обошлась.

– Девушка, что была со мной. Она в посольстве? – спросил я у Кражовски.

– Нет. Ее с нами не было.

Уже хорошая новость.

Мы снова неслись по подземелью, стараясь угадать направление, ориентируясь на раздающийся впереди шум. Внезапно раздался страшный грохот, и через минуту бега я увидел, что они развалили стену подвала, ведущую на набережную канала, а теперь дрались на лодках и катерах, точно две дикие, безумные кошки, круша в предрассветном сумраке все, что попадалось под руку.

Сайл в разорванном платье была более опытна и сражалась, как и

множество других искиров, отчаянно и жестоко, уже не убегая, а желая только одного – прикончить свою противницу, как совсем недавно она прикончила ее подругу.

Кукла же, пускай и не такой профессионал, как женщина из Штаба оборонной разведки, обладала куда большим набором возможностей, подаренных ей Старухой. И просто бомбардировала соперницу способностями. Воздух дрожал и плавился от ингениума, казалось, превращался в эфир, стекал в неспокойный канал, изменял все, до чего мог дотянуться.

Это было жутко и абсолютно необъяснимо, но формы предметов менялись, выворачивались наизнанку, лопались и собирались во что-то совершенно непонятное, переваривая окружающую обстановку и превращая ее в пейзаж из снов безумца, запертого в Кавардаке. Вода поднималась столбами, застывала кристаллами вкуса свежей мяты, лопалась пузырями, взмывавшими в небо, и обрушивалась песком на израненные лодки, большинство из которых уже начали свой путь на дно. Все это сопровождалось тихим треском, надсадным скрипом, точно кто-то пытался ногтями распороть металлическую стену.

Вооруженная мечом Сайл нападала, буквально паря в воздухе, точно комета. Шлейф из ее призрачных, невероятно длинных волос наводил на мысли об ужасной бэнши. Кукла, и это было очень хорошо заметно, сражалась не в полную силу, лишь сдерживала атаки, желая захватить ее живой и не дать уйти.

Заметив меня, Сайл сделала движение, поднырнула под рукой куклы, ее меч с призрачным клинком скользнул по лбу противницы, которая в последний момент откинула голову, избежав смерти. В следующий миг искирка оказалась слишком близко ко мне.

Ее лицо вкуса сахара, с темными глазами и оскаленным ртом, словно у призрака, живущего, по легендам Империи, в горах Акаиси, было искажено ненавистью. Она поняла, из-за кого все эти неприятности, и желала моей смерти.

Я выставил между нами высокую огненную стену, и Сайл споткнулась, меняя направление движения. Маклиди выстрелил в нее из пистолета-шприца, дротик попал в спину, и искирка потеряла темп, но смогла бросить свое тело вперед, с громким плеском скрывшись под водой.

– Проклятье! Шелби! Убери огонь! – заорал Маклиди, закрывая лицо от жара.

Он скакнул сквозь дым, стоило пламени исчезнуть, произвел несколько выстрелов наугад, пока не разрядил обойму. Где-то на весах его

приоритетов произошла переоценка событий, и Сайл из колонки «цель для захвата» перешла в разряд «необходимо уничтожить».

Прошла минута. Другая. И я подумал, что он все-таки достиг желаемого результата. Когда маленькая фигурка появилась на противоположном берегу, помощник Уитфорда грязно выругался и посмотрел на куклу, чье лицо было залито кровью.

Она едва стояла, ингениум выпил почти все ее силы, но женщина в повязке сделала шаг вперед, не собираясь оставлять дело незаконченным, и в этот момент откуда-то сзади раздался ослабленный расстоянием винтовочный хлопок.

Фигурка пошатнулась, упала и больше уже не поднялась.

– Молодец девочка! – довольно произнес Маклиди.

Что тут сказать? Рин сыграла отведенную ей роль.

– Нет! – резко возразила мне кукла, когда я попытался помочь.

– Рана выглядит плохо. Надо перевязать.

Искирский клинок рассек ей кожу на лбу так, что под отошедшим лоскутом виднелась кость вкуса сахара. Кровь обильно текла, заливая правый глаз, прячась под платок, скрывавший лицо, пропитывая его.

– Уйди-ка! – Рианна оттеснила меня в сторону. – Я здесь помогу куда лучше.

Мы сидели на полу открытого цеха во внутреннем дворе мастерской, занимавшейся починкой и восстановлением старых лодок. Сюда нас пустили, не задавая лишних вопросов, стоило лишь кукле сказать нужное слово. Мы ушли, оставив Маклиди разбираться с Кражовски, телом Сайл, брошенным прибором Хенстриджа и всей той дрянью, что устроили этим холодным утром.

– Я помогу, – повторила Рин, глядя кукле в глаза. – Остановлю кровь. А дальше мы разойдемся в разные стороны.

– Хорошо. – Ее немного знобило, подозреваю, что больше не от раны или кровопотери, а от огромного количества ингениума, к которому она прикасалась.

– Надо снять платок.

– Нет. Я кукла. Мое лицо скрыто.

Рин вздохнула:

– Ладно. Попробуем так.

Она достала из армейской сумки шовный материал, ножницы, иглодержатель и марлю в бумажной упаковке.

– Итан, найди что-нибудь покрепче.

Я сходил к мастерам, сидевшим в подсобке точно мышки.

– Джин есть?

Они даже не удивились и достали из-под стола бутылку дешевого пойла местного перегона. Достаточно крепкого, чтобы убить любую заразу.

Рин шила ловко, прямо на живую, суша рану и накладывая стежок за стежком.

– Быстрее, – сказала кукла.

– Я стараюсь, чтобы шрам был незаметен. Нужна аккуратность. Понимаю, что это больно…

– Шрама не будет. У нас умеют лечить раны. Просто зашей и забинтуй, чтобы остановить кровь.

Когда все было готово, кукла сказала мне:

– На этом все. Старуха передает, что на ее территориях тебе окажут помощь, если это не будет мешать организации.

Я кивнул, но понадеялся, что больше никогда ее ни о чем не попрошу. Надо сказать, после всех этих событий я чувствовал себя отвратительно и не собирался искать себе никаких оправданий. Мы сделали грязное дело и порядком испачкались в чужой крови.

Мы ушли сразу за куклой, и Рин, взяв меня под руку, молчала, вдыхая свежие запахи пробуждающегося города.

– В последние дни все наперекосяк, – наконец сказала она.

– Это точно.

– Я сожалею о случившемся с друзьями Мюр. Я не ожидала такого поворота.

– Именно поэтому Уитфорд все так и устроил. Ты осознаешь, насколько опасно то, чем ты занимаешься?

Она вытащила пачку папирос, прислонилась к ограде и с удовольствием затянулась, раздумывая над своими словами:

– Я не оправдываюсь, но всем нужны деньги. Так уж вышло, что тем, кто стреляет, платят больше, чем тем, кто помогает лечить. Война изуродовала наши чувства. Мораль? К черту мораль. Моих чувств хватит лишь на тех, кто мне дорог, а таких совсем немного.

– Совершенно не планирую учить тебя жизни.

Рин благодарно кивнула, выпустила из ноздрей едкий табачный дым.

– Искирка выжила. Ты знаешь? Уитфорд был бы недоволен, если бы я ее убила.

Не скажу, что я расстроился.

– И еще. Увидела в прицел кое-что. Тот огонь… это ведь ты сделал?

– Я.

Она пальцем стряхнула пепел, задумчиво глядя на меня.

– Как ты с этим живешь?

С тенью? Той, что сейчас дышит мне в затылок, и от этого горячего дыхания у меня то и дело бегут мурашки по коже? И все время хочется обернуться и отмахнуться, лишь бы подальше отогнать тварь, подошедшую вплотную?

– Как и многие другие.

Рин печально вздохнула:

– Что-то затевается, Итан. Не знаю что, но нечто очень нехорошее. Сегодня мы сделали то, чего так стремилась избежать Мюр – отдали в руки Мергена серьезный козырь.

– Да. Но если быть честными, этого бы не случилось, если бы она не договорилась с Сайл. Я бы не пошел к Старухе, а она к Уитфорду, и… мы с тобой не стояли бы сейчас здесь.

Рин щелчком отправила недокуренную папиросу в воду.

– Не всегда мы можем просчитать последствия своих решений. Иногда кажется, что ты бросаешь человеку веревку, чтобы вытащить его из трясины, а он вместо этого на ней вешается.

– Возьми. – Я протянул ей ключ. – Ну же? Бери!

Она поколебалась, но сделала, как я просил.

– Ты сама сказала, что-то затевается. Это ключ от моей квартиры в Хервингемме. – Я назвал адрес. – Уезжай, как только правительство снимет запрет на выезд из города.

Рин попыталась возразить, но я остановил ее:

– Мы с тобой одного года, ты уже успела повидать жизнь и не настолько дура, чтобы не понимать, что стала свидетелем. О да, ты один из лучших стрелков, что я видел, но ты всего лишь стрелок, и они… – я кивнул куда-то в сторону Холма. – Они считают, что солдаты заменимы. Ты знаешь, что произошло на острове Вилли и что Уитфорд проворачивал с ним делишки. Знаешь про сына дукса, а теперь еще и о том, кто стоит за нападением на посольство. Ты опасна для министра вод.

По ее глазам я видел, что она тоже думала об этом.

– Не хочу забирать все лавры себе, Итан. Ты не менее опасен для него. Как и еще несколько человек.

– Знаю. Но я ему пока нужен. Маклиди пытался заручиться моей помощью, подозреваю, что Уитфорду требуется то, что я умею. У меня еще есть время, но его нет у тебя и у других, кто с тобой работал. Я не хочу, чтобы ты навсегда исчезла где-нибудь на дне этого озера, Рин. Просчитай вероятности, оцени последствия. И если поймешь, насколько велики риски, исчезни. Оставь ключ себе, аренда квартиры продлена еще на год, а

Хервингемм не самое плохое место для тебя. Понадобится помощь, сходи в «Шарлотку», она на этой же улице. Владелец паба – Уолли, мой старый сослуживец и друг.

Рианна убрала ключ в карман пальто, и я облегченно вздохнул.

– Ты приедешь? – спросила она меня.

– Да. – Я очень надеялся, что не лгу. – Да. Приеду.

Глава четырнадцатая
МОСТ СТРЕЛ

Снег падал беззвучно, крупными хлопьями, ничуть не страшась ветра, и я находил в этом холодном безмолвии погоды странное и немного горькое очарование. Большая площадь перед зимним дворцом дукса, с выходом на набережную Совиного канала, под завязку была забита народом.

Казалось, сегодня сюда пришла половина города. Я стоял далеко не в первых рядах, и передо мной волновалось целое море из зонтов, шляпок, котелков и кепок, которые мягкой периной укрывал снегопад. Но мой взгляд то и дело натыкался на высокие парадные фуражки жандармов и начищенные до блеска стальные каски гвардейцев.

Охраны сегодня предостаточно, в том числе и конной. Власти опасались возможных волнений, но мне кажется, они сильно перестраховывались. Народ на площади пребывал в прекрасном настроении.

Из репродукторов, установленных на площади, лилась музыка. Уже по второму разу ставили песни Кэрби Кэт, и это вызывало некоторый диссонанс, настолько популярная певица не подходила к моменту. Но людям нравилось.

Парень, что стоял чуть впереди меня, сунув в карман старого армейского бушлата газету, притоптывал ногами в такт ритму контрабаса, а дама в строгом пальто так вообще тихо напевала себе под нос знакомые ей слова.

Двое тощих студентов, все порывающихся забраться на фонарный столб, несмотря на неодобрительные окрики пузатого патрульного, вооруженного саблей, то и дело поглядывали на часовую башню, построенную на площади еще во времена крепостных стен, снесенных уже после того, как Риерта стала колонией Королевства. Стрелки часов вкуса первого снега, медленно ползущие по циферблату в виде звездного неба, неукротимо приближались к двенадцати часам дня.

Жандармский бронемобиль приехал с улицы Счастливой Надежды, миновал площадь по огороженному от толпы участку и остановился возле группы солдат, совсем недалеко от эшафота над водой, возле которого собрались газетчики с фотографами и привлекающий множество взглядов господин с устройством на треноге, которое должно записать все

происходящее на кинопленку.

Я был слишком далеко, чтобы рассмотреть лица тех, кого поднимали на эшафот, но низкую приземистую фигуру Вил-ли узнал. Музыка из репродукторов оборвалась, и спустя несколько секунд треска глубокий голос стал зачитывать обвинения, а затем и приговор по решению Чрезвычайного комитета Риерты.

Все вытягивали шеи, желая получше рассмотреть легендарного Хлеста, жестокого убийцу не только сына дукса, но и детей прежнего правителя, шпиона, революционера, террориста, кровожадного маньяка, предателя и прочая, прочая, прочая.

Обвинения звучали вполне правдоподобно, и большинство присутствующих не сомневались в услышанном. Лишь женщина, что стояла слева от меня, ежась от холода, шепнула подруге:

– Не мог он этого сделать. Хлест ведь не такой.

Но, заметив, что я прислушиваюсь к ее тихим словам, замолчала, опустила голову, а затем и вовсе поспешила прочь, увлекая за собой и спутницу. Разумное решение. В толпе должно быть полно тайной полиции, а некоторые вещи лучше не произносить вслух.

Итог был ожидаемый. Приговаривали к смертной казни через утопление. В том числе и Вилли. Остальных имен я не знал. Ни Айана, ни Белфоера среди привезенных арестантов не было. То ли они погибли, то ли их персоны сочли слишком незначительными для показательной экзекуции.

Я не проникся любовью и дружбой к Вилли. Он специфический человек, пускай и не самый плохой. Когда-то он спас одну маленькую девочку, рискнув всем, и я был благодарен ему за это. И пускай мое присутствие на этой площади никак ему не поможет, он даже не догадывается, что я здесь, но я собирался проводить его.

Как солдат солдата.

И, возможно, не только я. Где-то здесь, среди тысяч зрителей, скрывается Мюр. Думаю, он знает об этом и молится сейчас лишь о том, чтобы девчонка не выкинула какую-нибудь глупость. Рядом с приговоренными, на эшафоте, кроме палачей и военных замерли шестеро плакальщиков, внимательно оглядывающих толпу.

Осужденным завязали глаза, затем стянули ноги веревками, и солдаты, подхватив каждого преступника под руки, поволокли к краю помоста, нависающего над Совиным каналом. Там стояли небольшие стальные клетки, прикрепленные цепями к жандармскому катеру. Людей закинули в них, захлопнули двери, повесили замки, а затем раздалась дробь одинокого армейского барабана, сверкнули магниевые вспышки фотографов,

поднялись клубы дыма.

Барабан смолк, мотор катера взревел, цепь натянулась и балансировавшие на краю клетки, перевернувшись, рухнули в воду под дружной вздох подавшейся вперед толпы.

Все было кончено.

Через три дня после казни правительство открыло границы, и я мог уехать домой.

В теории.

На практике меня накрыло от последствий частого использования ингениума, что в принципе ожидаемо. Так я черпал способности лишь в то время, когда они у меня появились, и теперь вашего покорного слугу точно по ребристой стиральной доске возили. Как старательная мандаринка возит белье в прачечной, пытаясь избавить его от ужасных кровавых пятен.

Мне было хреновее, чем Юэну, если бы тот выкурил целый вагон серого порошка. Мир взбесился. Вкусы перемешались не только с цветами, но с запахами и тактильными ощущениями. Я начал забывать слова, от вида воды в стакане у меня едва не начиналась истерика. Я то впадал в ужас, забившись в угол, истекая едким потом и уткнувшись лицом в колени, то хватал пистолет (разряженный еще до того, как мое сознание слетело с катушек) и пытался палить по любой подозрительной вещи в комнате, будь то тень от фикуса или шорох занавески.

Агрессия сменялась страхом, страх апатией, апатия глубокой депрессией, а та пробуждала во мне ярость. Я часто впадал в прострацию, запутавшись в безумии моих чувств, пытаясь отличить вымысел от реальности, затем «оживал» на несколько часов, которых хватало лишь на то, чтобы напиться воды (в такие мгновения не казавшейся мне опасной) и поесть перед следующим нырком в бездну.

Содержимое из ампулы отправилось в путь по вене сразу же, как только меня скрутило, но на этот раз «Якорь» слабо помог, предвестники не пропали. Зато возникло ощущение, словно мне на лицо положили набитую пухом подушку и как следует навалились на нее сверху.

Предвестники безумствовали. Зловещий шепот раздавался из каждого темного угла, стоило мне закрыть глаза. Я слышал отдаленное пение монахов, то и дело заглушаемое колокольным звоном, от которого мое сердце билось в ребра, точно напуганная птица в клетке.

А еще была тень.

Она выросла. Сравнялась ростом с человеком и не очень-то скрывалась, просто забиралась в самые неосвещенные места комнаты и наблюдала за тем, как мой организм борется с тем странным ядом, что

порождает ингениум.

Некоторые участники проекта «Созерцатель» сходили с ума быстро, «сгорая» всего за несколько часов, но мне, старому волку, это не грозило. Я умел выживать, даже сорвавшись в пропасть и зацепившись за острый край лишь одной рукой.

Кроме «Якоря», как я уже говорил, я запасся льдом, сделав продавцам этого товара, возможно месячную выручку. Я вываливал его куски в заполненную холодной водой ванну, влезал в нее прямо в одежде и проваливался в ледяную пещеру, полную мрака, тишины и лишенную всякого намека на пламя, пытавшееся выжечь мой мозг.

Иногда я приходил в себя на кровати, но чаще всего на полу. Вокруг была ночь. Или день. Или вообще я не мог понять, где я и сколько времени прошло, а тень, что на четвереньках наблюдала за мной из-под стола, не показывая мне своего лица, лишь смеялась.

Я умер.

Затем воскрес, с ужасом понимая, что, несмотря на «Якорь», вот прямо сейчас могу коснуться огня и спалить к чертям собачьим дом вместе со всеми, кто в нем находится. Потянулся к нему, и тень, выпрыгнув, ударила меня кулаком в висок.

Я не смог защититься и увернуться, так быстра она была, моя голова откинулась назад, и я провалился в тяжелые грезы. Мне казалось… всякое.

Чаще всего, что рядом сидит «моя» кукла и вытирает лоб холодным полотенцем. Я все время хотел ей сказать, что очень любезно с ее стороны проявлять о старине Итане Шелби такую заботу, но, право, я не хочу ее утруждать. Однако разговаривать как-то не получалось. Я снова улетал в иные пространства, а когда приходил в себя, она несла меня на руках в ванную и с головой погружала в арктическое озеро, пока я не начинал захлебываться.

Затем вместо куклы был Кроуфорд. Большую часть времени он бормотал ругательства и смотрел на меня с мрачным ожиданием.

– Отлично ты себя довел, ганнери. Думаю, мне пора заглянуть к гробовщику.

Я крайне возмутился его мыслям. К чертям собачий гроб! В Риерте слишком мало земли, чтобы тебя закопали, а кладбища большую часть года прячутся где-то под водой. Лучший выбор любого разумного человека в этой дыре – крематорий.

Но он ушел, и мне оставалось только разговаривать с тенью.

Тикали часы.

Каждый стук секундной стрелки, бегущей по делениям, отсчитывал

мгновения новой жизни.

Я лежал на кровати, укрытый провонявшим потом одеялом, и чувствовал запах лимона. Кроуфорд, вопреки всем ожиданиям, пил не джин, а чай и проглядывал газету. Когда я пошевелился, он оторвался от чтения, сказав:

– С прибытием, ганнери. Твои миры лучше моих?

– Не могу сравнивать, – сказал я, осторожно садясь. – Серый порошок как-то прошел мимо меня, но, подозреваю, он гораздо приятнее, чем та наковальня, на которую я умудрился попасть в последние несколько дней.

– Дней? – усмехнулся он. – Я здесь месяц слежу за тобой. И еще неизвестно, сколько времени ты провалялся без меня. Добро пожаловать в новый год.

Я сказал веское слово. Очень веское. Затем добавил еще несколько, но как-то не полегчало.

– Спасибо, что не дал мне сдохнуть.

– Перестань. Мы должны помогать друг другу. Так от меня хоть какая-то польза.

– Что сейчас за окном?

– Конец января.

– Ну, значит, почти… два. Как ты меня нашел?

– Мне оставили записку. Твои друзья.

– В смысле? – соображал я не то чтобы очень.

– Подпись была такая – «Друзья Итана». Тебе лучше знать.

Кукла? Действительно приходила? Раз я видел Кроуфорда и он оказался здесь в реальности, возможно, и она тут тоже была?

Я посмотрел на свои руки, провел по лицу, чувствуя бороду.

– Не сказать, чтобы я отощал.

– Жрал ты как здоровый. Сейчас поставлю греть воду. От тебя порядком воняет.

На столе, рядком, точно почетный караул, выстроились семь пустых ампул, и я вытянул палец в их сторону, решив, что мои галлюцинации продолжаются.

– Друг, – вкрадчиво сказал я. – Это что?

– Твое лекарство. Получил его вместе с запиской.

– Ты вогнал в меня семь порций «Якоря» за месяц?!

– Ну да. Как было в инструкции, – он протянул мне мятую бумажку, но я отмахнулся.

– Странно, что я все еще жив.

Он кудахтнул:

– Именно эта штука тебя и спасла.

– Разбей их так, чтобы, если кто-то станет копаться в мусоре, ничего не нашел.

– Хозяйка требовала оплаты за квартиру. Я все покрыл.

– Прекрасно, капрал. Я твой должник.

Я подошел к окну, отдернул плотные занавески и, щурясь, посмотрел на город. Может, и прошло два месяца, но Риерта не особо изменилась. Воды в каналах все так же было по края, а снега на крышах едва-едва. Я услышал ослабленные расстоянием, редкие выстрелы.

– Что происходит?

– Ты же все пропустил. Была общая стачка, которую профсоюзы планировали всю осень. Ну вот, она началась. Фабрики остановились, и дукс направил на рабочих гвардию.

– Гвардию? Не жандармов?

– Наш общий знакомый публично поспорил с дуксом, что применять силу против рабочих, основы благосостояния государства, неразумно.

Я покачал головой:

– Его сместили?

– Нет. Многие из аристократии поддержали министра вод. Попросили дукса не рубить сплеча.

– Тогда почему стреляют?

– Ну… все немного вышло из-под контроля, – невинно улыбнулся Кроуфорд, словно речь шла о какой-то шалости. – Но уже считай, что закончилось. Для тебя, ганнери, тоже все закончится, если ты решишься продолжать. Сунешь руку в ад, чтобы зачерпнуть еще раз огня, так провалишься туда целиком.

Здесь он совершенно прав. Я не знаю, сколько попыток коснуться ингениума у меня осталось. Возможно, самая последняя, после которой я уж точно не выберусь и увижу, как выглядит тень. Так что стоит позабыть о том, что я умею.

Для своего же блага.

За прошедшие два месяца Капитан Обжора изрядно подрос и отъелся. Он вопросительным хвостом исследовал «Кувшинку», искренне считая, что все это принадлежит именно ему, а не ворчливой Сибилле, которая сперва была не рада новому постояльцу.

– Зачем ты его мне притащил, Итан? – спросила меня мать Арви, когда я принес ей зверя в то утро, перед самой казнью, словно предчувствуя, что мне станет не до забот о нем.

– С ним тебе будет не так скучно. – Я постарался улыбаться радостно,

словно мальчик, пришедший на день рождения с удивительно ценным подарком.

Она уперла руки в бока и посмотрела на меня с сочувствием, точно на умалишенного:

– То есть ты считаешь, что в этом вертепе, когда каждый день случается какая-нибудь ерунда, мне вообще может быть скучно?!

Я не смутился и протянул ей котенка:

– Конечно. Это рутина. А кот – он стабильная степенность. Когда вырастет.

Сибилла с сомнением подняла его одной рукой, внимательно изучила с видом скептика, которому на рынке зеленщик пытается подсунуть испорченные овощи.

– К тому же не потащу ведь я его с собой в Хервингемм.

Короче, я ее уломал, и теперь Капитан только и делал, что ел, спал, урчал и бегал за ней хвостом, подлезая под руку с требованием ласки. Хоть за кого-то в Риерте я мог быть спокоен.

Я собирался их покинуть, но все оттягивал неизбежное, и Хервингемм оставался так же далеко от меня, как прежде. Рин больше не появлялась, я надеялся, что она вняла моему совету и исчезла из поля зрения Уитфорда. Мосс носился по делам, оформляя последние бумаги на покупку парохода для будущего казино, и я вызвался помочь ему. Капралу нужен был надежный человек, а мне требовалось почаще бывать на свежем воздухе и приходить в себя после временного бездействия.

Обратно в квартиру возвращаться не хотелось, тень чудилась в каждом углу, стоило лишь скосить глаза, и я перебрался в «Кувшинку». Сибилла была рада, сказав однажды:

– Все как в старые, добрые времена. Когда ты здесь торчишь, Итан, я начинаю путать годы. Все время кажется, что Арви вот-вот войдет в зал.

Увы. Здесь был только я. Ну, еще иногда Кроуфорд. Он оставался удивительно трезв в последнее время, много читал, развалившись на диванах, когда «Кувшинка» не принимала клиентов, а еще порой не занятая работой Чой учила его игре в сянци[52]. Она была достаточно умна, чтобы обыгрывать его раз за разом, и тогда он негромко и незло ругался, расставляя фигуры на доске.

Как-то Сибилла спросила меня:

– А где тот мальчик, который забегал за тобой? Ни о нем, ни о Мюр я давно ничего не слышала.

– С Пшеницей все в порядке, – солгал я, не желая, чтобы она расстраивалась из-за того, что его больше нет. – Нашел себе хорошую

работу и заботится о семье.

– Ну, передавай, что может приходить сюда в любое время.

– Конечно. Он будет рад. – Врать иногда ужасно тяжело.

– Ты пойдешь смотреть «Атаго»? Весь район собирается на берегу возле «Кувшинки». Хочу поставить столы и продавать зевакам виски и пиво.

– Если только у тебя в подвале припрятана лишняя торпеда.

«Атаго» – новейший броненосный крейсер Империи – сегодня входил в акваторию города. После войны боевым кораблям искиров было запрещено приближаться к стране ближе чем на пятьдесят морских миль, но теперь правительству пришлось выкручиваться.

Итогом нападения на посольство и неспособности обеспечить его безопасность силами государства стало то, что дукс пошел навстречу очень настоятельной просьбе (точнее, требованию, но «просьба» в газете звучит куда как мягче) Империи. И теперь в Риерте, рядом с дипломатическим представительством искиров на постоянной основе будет расквартирован гарнизон в двести человек морской пехоты Императорского Флота. Кроме того, охранять их станет один из тяжелых кораблей Передового экспедиционного соединения.

Стоило посмотреться в зеркало в тот момент, когда я услышал эту новость. Иногда даже не предполагаешь, насколько иронично отзовется вселенная на твои действия. Посмотрите! Вот Итан Шелби, человек, который собственными руками распахнул для искиров дверь в Риерту.

Впрочем, я все же увидел «Атаго» стоящим на рейде. Вместе с Моссом приехав подписывать меморандум о передаче купленного прогулочного судна от продавца к покупателю. Когда мы вышли из здания Комиссии по планированию судоходства, то прошли по набережной. И такую махину сложно было бы не заметить – его мачты и надстройка возвышались над крышами домов всего района.

– Умеют они создавать красоту, – сказал Мосс.

– Тут ты прав. Только искиры способны сделать из бронированного чудовища изящную игрушку. Линии у нового крейсера и вправду радуют глаз. Но если он даст залп из главного калибра, половину Угла сметет огненным смерчем.

– Неуютно от такого соседства, ганнери?

– Пусть дукс беспокоится. Но, если честно, не думаю, что даже силами одного корабля и десантной группы они начнут войну.

– За нами, кстати, следят.

– За мной, – поправил я его.

– Кто твои друзья?

– Артур, в жизни должны оставаться загадки. Они слоняются за мной уже почти неделю, и я делаю вид, что не замечаю их.

Предполагаю, это те же самые ребята, ходившие за мной по Садам Маджоре перед тем, как мы с Мюр посетили поместье Брайса. Достаточно профессиональны и совершенно неназойливы. Раньше я подозревал в их «обеспечении» Сайл, но с тех пор как с ней случились неприятности, мне остается только гадать, на кого они работают.

Уитфорд? Тайная полиция?

Они ограничивались лишь наблюдением, а я не совершал ничего такого, чтобы беспокоиться о секретности. В конце концов, тот, кто направил их за мной следить, либо удовлетворится полученными сведениями, либо выйдет на контакт.

Предпочитаю не подстегивать чужую лошадь. Мало чего ей в голову взбредет.

Незнакомцы оборвали слежку, стоило лишь нам зайти в северные кварталы Верхнего.

– Ушли? – спросил Мосс не оборачиваясь, когда мы свернули на разбитую грязную улицу.

– Они тут как бельмо на глазу.

– Да ведь не дураки. Поняли, что мы их заметили.

– Одно дело – заметили. Другое дело – подошли с вопросами. Это чужая для них территория, а чужаков тут порой не жалуют, как в Трущобах.

В «Кувшинке» меня ждала записка.

От Мюр.

В уже знакомом мне «Белом кресле» на Одиннадцатой линии Бурса сегодня играл классический оркестр, людей было полно, и тихие разговоры, стук вилок и ножей о тарелки, звук вскрываемого шампанского и мягкие шаги официантов создавали атмосферу бесконечного благополучия мира, к которому ни я, ни, что там говорить, Мюр не принадлежали.

– Мисс Бэрд должна ждать меня, – сказал я администратору, когда лакей в мундире и фуражке забрал у меня пальто и кепку.

– О да, мистер Хеллмонк. – Человек сверился со списком. – Она арендовала кабинет с видом на обсерваторию Академии. Это на самом верху. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он привел меня на четвертый этаж, в идеально круглый кабинет, где весь темный потолок был украшен старыми курительными трубками, а в вазах стояли огромные металлические цветы чертополоха, сделанные из

бронзовой проволоки, пружин, шестеренок и вкраплений разноцветного стекла. Симпатично. Во всяком случае, уроженцы северных областей Королевства сейчас были бы рады увидеть свой самый любимый цветок, символ горцев.

На Мюр было платье вкуса… изумрудное. Оно хорошо подчеркивало ее фигуру и прекрасно сочеталось с коньячными волосами и глазами. Колье, браслет, серьги цвета весенней зелени – крупная непрозрачная бусина, мелкая прозрачная светлая, затем свисающий вниз вырезанный из незнакомого мне камня листочек с золотыми прожилками, а потом опять крупная непрозрачная.

Я плохо разбираюсь в драгоценностях, но эта штука была очень красивой, шла ей и, как полагаю, была очень старой, доставшейся в наследство от матери.

– Если вам что-то понадобится, просто позвоните, – сказал администратор, показывая на толстый шнурок из витых серебряных нитей, что висел над дверью. Он ушел, оставив нас наедине.

– Привет! – сказал я.

– Привет, – Мюр произнесла это слово с осторожностью, словно опасаясь, что я шучу. – Яненадеялась, что ты придешь. Что ты вообще в городе.

– Каждый раз, когда я собираюсь покинуть Риерту, то оказываюсь здесь. – Я сел за стол.

Повисло неловкое молчание. Мы изучали друг друга, словно видели впервые. Она изменилась за прошедшие месяцы. Стала взрослее и… несчастнее.

– Хочу извиниться, – наконец произнесла девушка, держа руки, затянутые в перчатки, на столе и постаравшись не сжимать пальцы в кулаки. – Что разочаровала тебя.

– Разочаровала. – Я не видел причин лгать ей, и уголок ее рта опустился. – Но… тебе не за что извиняться. Каждый из нас преследовал свои интересы. Я изранен памятью войны, в конце концов, надо признать то, о чем мне постоянно талдычит Мосс. Ты же с детства покалечена: тем, как поступили с твоей семьей и всем, что было тебе дорого. Я понимаю, почему ты это сделала – ненависть как пуля, она покинула ствол, она летит, и ничто ее не остановит. Даже тот, кто отправил ее в полет.

– Я хотела подорвать власть Мергена. Если бы только Империя получила монополию на создание…

– Таких существ, как мы, но лишенных тех пороков, что есть у меня, – безумия и скорой смерти. Да. В очень далекой перспективе это могло бы

повредить Риерте и ее технологиям, но… все в нашем мире занимает время, Мюр. Дожил бы дукс до этого? Велик шанс, что он даже не узнает о том, что произошло. Его династия сейчас под большим вопросом. Он немолод, наследника нет. Мерген умрет, к власти придет кто-то еще.

– Но…

Я поднял руку, прося ее остановиться:

– Мы рисуем на воде, Мюр, и строим теории, что произойдет или произошло бы. Как я сказал, я не злюсь на тебя и знаю причину твоих поступков. Ты хотела что-то изменить, и я не могу этого не уважать. Что до ошибок – мы все их совершаем. Я сам не без греха и совсем не идеальный герой романа. Мы слишком часто делаем больно тем, кто рядом. Так что твои извинения приняты.

Ее щека дернулась, и она кивнула, опуская глаза:

– Спасибо, Итан. Для меня это важно. И я рада, что ситуация для тебя изменилась.

– Прости? – не понял я.

– Что в итоге твоя цель достигнута, и искиры не получат разработку Хенстриджа.

Я хмыкнул, осмысливая сказанное:

– Ты общаешься с Уитфордом?

– Да. Он счел возможным мне рассказать. Я заварила глупую кашу, погибло много людей, военные Империи теперь в Риерте. А надо было идти не к Сайл, а к Уитфорду.

– Он служит Мергену. Как ты можешь радоваться? Все, что ты сделала, оказалось бесполезно. Технология у него в руках.

– Брайс мертв, хотя об этом до сих пор не сообщили официально. А Уитфорд не служит Мергену. Он служит только самому себе.

Мне оставалось только рассмеяться.

– Он не отдал то, что мы забрали у Сайл! Оставил себе!

– Да. Такие козыри умные люди не выбрасывают. В перспективе они могут изменить все. Помнишь лабораторию Хенстриджа на острове? Уитфорд выкупил землю еще месяц назад. Это его частное владение, теперь под охраной. Лабораторию восстанавливают после того пожара, что мы там устроили, а Кражовски уже работает.

– Я восхищаюсь этим ублюдком. Его хватка крепче, чем у механического погрузчика в порту. Взяв что-то в свою клешню, он уже никогда это не выпустит.

– Да. Уилбур именно такой человек.

– И он совершил государственную измену. Когда Мерген узнает, наш

общий друг завершит свою блистательную карьеру, несмотря на всеобщую поддержку переменчивого по настроению населения.

– Думаю, он прекрасно осознает положение вещей.

– Я несколько удивлен, что тебе удалось с ним поговорить. Думал, ты попытаешься пристрелить его, как только увидишь, за все, сделанное им.

– Поверь, я очень хотела, – ее голос упал, стал ниже и злее. – Очень хотела.

Теперь она смотрела в сторону:

– Но пришлось думать не о своих желаниях, а о жизни тех, кто мне дорог.

– Он убил Вилли.

– Да. Убил. Я хотела его спасти, Итан. Была на площади, совсем близко от эшафота. Хотела «прыгнуть», но у меня не вышло.

– Не вышло?

В ее глазах стояли слезы.

– Плакальщики. Они словно ждали, что кто-то может попытаться это сделать. Я бы с ними не справилась. Слишком много. И они перекрыли путь на эшафот.

Она резко встала, подошла к окну, отвернувшись от меня. Я дал ей время, чтобы успокоиться.

– Я выхожу замуж, – наконец сказала мне Мюр бесцветным тоном.

– Сукин сын, – произнес я. – Он все-таки добился этого. Что министр обещал выполнить за это?

– Освободить Айана. И Белфоера. Посадить их на первый же дирижабль и отправить на все четыре стороны. Они ему не нужны, если я буду проявлять лояльность в нашем браке.

– А ты будешь?

Мюр посмотрела мне в глаза:

– Я люблю Айна. И сделаю все, чтобы он жил. Остальное сейчас не важно.

– Уитфорд может не сдержать слово.

– Сдержит.

Я поразмыслил немного. Покрутил свои теории и так и эдак. Отсеял совершенно бредовые версии. Встал со стула и под ее удивленным взглядом резко распахнул дверь, выглянув в коридор.

Пусто.

– Когда он планирует это сделать? – тихо спросил я, возвращаясь и подходя ближе, так близко, что почувствовал легкий запах ландышей в ее духах.

– Свадьбу? Послезавтра.

– Не свадьбу. Когда он хочет убить Мергена? Устроить переворот?

Мюр втянула воздух сквозь сжатые зубы:

– Молчи.

Она подумала несколько мгновений:

– Проводи меня до трамвая.

Мы спустились вниз, и она оставила администратору щедрую плату, несмотря на то что никто из нас ничего не заказывал. Я же дал пару монет гардеробщику, когда он помог нам надеть пальто.

– Как ты понял? – спросила девушка, когда убедилась, что поблизости точно нет никого, кто мог бы нас подслушать.

Я не видел слежки, хотя допускаю, что она была. Но если так, они держались достаточно далеко, чтобы не беспокоиться о них.

По небу плыли дирижабли. Три огромные воздушные машины, воспользовавшись отсутствием ветра и хорошей погодой, заходили на посадку в Метель со стороны Тиветского моря. Хотелось сбежать на них как можно дальше из этого мерзкого, сожранного влагой города и Мюр с собой увезти.

Но… такое я мог сделать лишь в мечтах.

– Уже успел узнать, насколько велики его амбиции. Он ведь не любит тебя.

– Любовь, Итан, в высших кругах Риерты давно воспринимается как слабость. Он не любит, и я счастлива этому.

– Ты – потомок правящей династии, и если правильно разыграть карту, то многие воспримут твое возвращение благосклонно.

– Ты не знаешь законов Риерты. Они отличаются от Королевства. Женщины у нас не правят, даже если они последние в роду. Правят только мужчины.

– Я как раз к этому веду. Думаю, план у него созрел, как только он узнал, кто ты на самом деле. Многие не любят дукса и помнят твоего отца, они поддержат Уитфорда, если ты станешь его женой.

– Все так.

– Он получает очень много. Больше, чем только мог мечтать. Правитель Риерты.

– А я получаю жизнь Айана. И… жизнь человека, убившего моих родителей.

– Как он обойдет плакальщиков? Они защищают Мергена лучше всей гвардии и армии. Договорился со Старухой и использует кукол?

– Он не обсуждал это со мной.

– Ясно, – вздохнул я. – Как вообще министр собирается обставить твое появление? Для обычных граждан?

– Да как это и всегда делается. Через газеты. Сочинят какую-нибудь глупую историю, вроде того что дукс убил моего брата, а меня все эти годы держал в плену. И когда Уитфорд стал министром вод, то узнал государственную тайну, увидел меня, сразу же влюбился и решил вырвать из лап чудовища.

– Настоящий благородный рыцарь, – серьезно кивнул я. – Люди обожают такие сказки. Симпатизировать ему станут еще сильнее, чем сейчас.

– Я это понимаю. Меня поражает его целеустремленность, Итан. Мы видим лишь одно щупальце спрута, который прячется в глубине. Остается только догадываться, какие еще дела он сумел провернуть, чтобы настолько приблизиться к своей цели. …Я хотела попросить тебя об услуге, – неохотно добавила девушка, – хотя и понимаю, что не имею права этого делать. Насчет свадьбы…

Я хмыкнул, и сей звук можно было трактовать сотней разных способов.

– Я задам один крайне неприятный и, возможно, оскорбительный для тебя вопрос, Мюр. Ответь на него честно.

Она, несколько обескураженная, чуть наклонила голову, не сбившись с шага.

– Если бы Айан был мертв. Погиб вместе со всеми, казненный в Совином канале, ты бы приняла предложение Уитфорда?

– Ради того, чтобы сместить Мергена?

– Да.

– Нет. Сделки бы не было, Итан. Это достаточно честно?

– Ты видела Айана?

– Да. Неделю назад мы смогли встретиться на несколько минут.

– Ты настолько доверяешь слову Уитфорда? В том, что он отпустит твоих друзей?

– У меня нет выбора, – хмуро ответила девушка. – До этого он никогда не лгал мне и, если у нас были какие-то договоренности, всегда их выполнял.

– Нас осталось пятеро. Айан, Белфоер, я, Кроуфорд и ты. Все мы опасны для Уитфорда, потому что были свидетелями его союза с Вилли.

– Еще Маклиди, Йорки и Рианна.

– Верных псов убивают только идиоты. Но я попытался объяснить Рин ситуацию. Так что остаемся мы. Будь я на месте Уитфорда, я бы убил

Айана и Белфоера – они опасный груз, и очень велик риск, что на свободе расскажут о всех его темных делишках.

– Кто им поверит?

– Мюр. Смотри на вещи шире. Всегда найдутся те, кто поверят. И те, кто воспользуется этой щекотливой информацией в своих целях. Политические противники или даже другие государства. Этот козырь можно усилить газетами, устроить целую кампанию.

– Я прослежу, чтобы мои друзья остались живы и покинули Риерту. Что касается меня, я исключаюсь из списка, потому что у нас важный стратегически союз.

Я помолчал, давая пройти мимо семейной паре, гулявшей вдоль набережной.

– Я говорил с Юэном, но он послал меня к черту и сказал, что если ему где и умирать, то в Риерте. Впрочем, он готов скрыться на время.

А я… Уитфорд говорит о сотрудничестве из-за моего ингениума, но я не верю ему. Мне тоже надо уходить. Вот только я хочу поддержать девчонку, очень мне не нравится то, во что она влезает.

Мюр посмотрела на меня и сказала твердо:

– Все будут исключены из этого гадкого списка. Я поставлю ему такое условие. Даю тебе слово.

Мне думается, что Уилбур Уитфорд не тот человек, которому можно ставить какие-либо условия. Даже у нее это не получится, но я не стал продолжать тему.

– Так какая услуга тебе нужна?

– Для аристократии Риерты важно соблюдение старых традиций, и жених провозит свою избранницу под мостом Стрел. Там они произносят первые клятвы, а их семьи избавляются от груза, как мы это называем. В этом городе, кроме тебя, у меня не осталось ни одного близкого друга. Я хочу, чтобы ты был на лодке рядом со мной и подтвердил мои клятвы.

Смешной поворот.

– Скажу тебе правду, мне не хочется быть тем человеком, кто подтолкнет тебя в спину, чтобы ты упала в его объятия, – мрачно процедил я. – Лучшая помощь, которую я тебе могу оказать – увезти из города как можно дальше.

– К сожалению, я не смогу ее принять.

– Знаю. Ты из породы людей, которые сожмут зубы и пойдут до конца ради того, что считают правильным.

– Ты говоришь это с некоторым осуждением.

– Есть немного, – признал я. – Порой наши достоинства становятся

нашими недостатками и приводят к печальным последствиям. Но ты все это и без меня прекрасно понимаешь. Никого не смутит, что я не благородного происхождения?

– Да пошли они! – зло бросила Мюр. – Потерпят.

Я невесело рассмеялся:

– Ну, значит, так тому и быть.

Следует заметить, что костюм, пальто, ботинки и котелок, которые прислала мне Мюр, стоили целое состояние. На упаковке были вензеля одного из самых дорогих ателье Риерты, ткань и пошив оказались выше всяких похвал.

Сибилла, увидев меня, спустила очки на кончик носа, посмотрев поверх стекол:

– Подумала, кой черт какой-то благородный джентльмен забыл в моем клоповнике и какая из моих девочек сможет хотя бы близко к нему подойти. А глядите-ка. Это всего лишь Итан Шелби решил напугать старую женщину. Как ты себя ощущаешь?

Спросила она это с сочувствием, и я, обдумав свои слова, ответил честно:

– Словно иду на исполнение казни родственника. И что самое противное, я один из непосредственных участников.

– Не ходи.

– Она останется совсем одна. Я не могу так поступить.

– Девочка совершает глупость. – Сибилла не была в курсе всего происходящего, а поэтому судила слишком поспешно.

– Мюр пытается поступить правильно.

– «Правильно!» – фыркнула мать моего однополчанина, закрыв бухгалтерскую книгу и подвинув к себе рюмку с какой-то настойкой. – Послушай женщину, которая прожила на свете достаточно для того, чтобы знать, что с «правильно» начинаются все беды. Впрочем, ты «поступаешь правильно», не бросая ее.

Она усмехнулась всем тем скрытым смыслам, что вложила в эти слова.

– Давно я не видела ночных свадеб. Лет тридцать, наверное. Теперь аристократы предпочитают, как и нормальные люди, веселиться днем, а не при двух лунах.

– Лун на небе нет. Одни облака и снег. Обещают метель к утру.

– Хорошая зима, – довольно кивнула Сибилла, опрокинув в себя настойку и поморщившись от горечи. – Мой сын любил такую погоду.

Я не стал ей говорить, что, наверное, это было до того, как провел зимовку в Компьерском лесу. Никто из нас после этого не испытывает

приязни к снегам и метелям, кроме разве что Кроуфорда. По сравнению с джунглями и горами Рампонгтоха зимний лес ему показался курортным местечком.

Я ждал начала церемонии на высокой набережной Академии, где плещущая из канала вода замерзла от легкого мороза – и теперь рядами сосулек свисала с перил, цепей и фонарных столбов. Красиво, если подумать. Особенно в электрическом свете, главное не обращать внимания на мою неожиданно молчаливую спутницу, что мрачным призраком ходила за мною, то появляясь, то исчезая.

Теперь тень уже была не существом. Не маленькой проворной образиной, что носится по полу, точно осторожная крыса. Готов поставить свою жизнь, она слишком сильно стала похожа на человека, и в ее неясном приглушенном шепоте, сейчас очень редко, проявлявшемся лишь когда я сильно уставал, мне начали чудиться знакомые слова.

Маклиди подошел ко мне со стороны университетских ворот и шутливо коснулся кепки:

– Дама ждет.

Он тоже приоделся, хотя его костюм было не сравнить с моим. Маклиди на работе, тогда как я обязан присутствовать в числе почетных гостей.

– Ну, значит, не будем заставлять ее ждать еще дольше. Веди.

Он указал направление – на юго-восток по скользкой и пустой в это время набережной.

– Знаешь, что делать? – поинтересовался он у меня.

– Да.

Лед хрустел у нас под подошвами, и шли мы медленно и аккуратно.

– Ты давно видел Рианну? – внезапно произнес Маклиди.

– В день нашей совместной прогулки в Метель.

– Она не говорила, что уедет?

– Нет, – я добавил в голос тревогу. – Думал, что работает с тобой, потому и не выходит на связь. Ты ее квартиру проверял?

– Иначе бы не спрашивал. То есть ты не в курсе?

– Теперь в курсе.

– Не нравится мне это. – Маклиди сплюнул. – Солдаты не пропадают без причины.

Мне оставалось только порадоваться про себя. Рин послушалась совета и оставила Риерту к чертям собачьим. Хоть кто-то обладает достаточным разумом для этого, в отличие от нас с Мюр.

Она ждала меня на катере Уитфорда, борта которого были

задрапированы черной тканью, одетая точно королева северных сказочных земель. Белое длинное пальто, расшитое широкими серебряными нитями, белый мех на воротнике, рукавах и высокой шапке. Юбка, варежки, сапоги – все точно вылито из серебряного металла, столько в ткани было дорогой вышивки.

– Мисс Бэрд, – сказал я, – вы выглядите сногсшибательно.

– Благодарю вас, мистер Хеллмонк, – столь же вежливо ответила она, бросив взгляд на невозмутимого Маклиди, давшего сигнал капитану отчаливать. – Нам надо поговорить наедине. Не возражаете?

– Конечно, мисс де Моубрей. – Он подчеркнуто подобострастно поклонился. – Выполнить любое ваше желание сделает мне честь.

Он отошел к капитану на корму, туда, где не была слышна наша беседа.

– Де Моубрей, – Мюр словно пробовала звуки на вкус, и он казался ей странным, очень непривычным. – Меня много лет так не называли.

– И как тебе?

– Словно зовут чужого человека. Но я привыкну. Это гораздо проще, чем привыкнуть, что некоторых людей больше никогда не будет со мной рядом. Я говорила с Уитфордом. Он дал слово, что с вами ничего не случится. Сказал, это часть его свадебного подарка для меня, и он надеется, что его действия покажут, сколь он меня ценит, и это укрепит наш политический союз.

– Это делает ему честь, – нейтрально ответил я. – Ты знаешь что-нибудь о Сайл?

Девушка, сунув руки в пушистую муфту, немного удивилась:

– Не думала, что ты о ней вспомнишь. Я слышала разговоры, вроде бы искирка пока жива, но на «Якоре». Где ее держат – увы… нет такой информации. Она для чего-то нужна Уилбуру. Ее уже не спасти. Впрочем… ты ведь это и не планируешь? Искиры не находятся в сфере твоих интересов.

– Все так, – признал я. – Я не люблю их, а ты Мергена.

– Ты был прав, – она повела плечами, точно озябла. – Революции сейчас делают без крови. И я рада, что в итоге все идет к этому. К маленькому заговору среди больших людей, без привлечения граждан. Если все получится – я стану править и сумею изменить мой город к лучшему.

– Станешь? Но ты говорила, женщины не правят в Риерте.

– Пусть правит он. Но, вступив в брак, мы будем связаны друг с другом. Тайной. Я знаю, что он сделал, и ему придется прислушиваться ко мне.

Я покачал головой:

– Все время забываю, насколько ты юна и наивна. Революционеры придумывают себе свой мир, Мюр. Очень правильный, честный, но в реальности их мечты и стремления разбиваются об острые прибрежные скалы, точно спортивная яхта, подхваченная ветром, рвущим паруса. Уитфорд – хищник. В лучшем случае – он прислушается к тебе, если решит, что доводы логичны, разумны и идут на пользу ему. В худшем…

– Убьет?

– Ну… Тривиальнее всего лишь скажет что-то вроде «конечно, дорогая» и поступит по-своему.

– Он знает, что со мной это не сработает.

Катер сбавил ход, а затем и вовсе выключил двигатель, и к его борту причалила длинная гребная гондола с тремя мужчинами.

– Кто идет?! – крикнул я.

– Люди воды!

– Чего хотите?!

– Деву воды!

– Что дадите?!

– Серебро в воду!

– Готова? – тихо спросил я у Мюр, и она решительно кивнула.

Я подвел ее к борту, и двое мужчин протянули ей руки, помогая перейти на гондолу. Я перебрался сам.

– Дорогая мисс де Моубрей, – сказал Уилбур Уитфорд, самолично стоявший у шеста и облаченный в короткий алый плащ, широкие шаровары и шляпу с плоскими полями. – Позвольте вам представить моих близких друзей. Сэр Джонатан Гроу, владелец военных фабрик, и полковник гвардии дукса, мой сослуживец, наследник графов Уитти, сэр Марк Уитти.

– Большая честь, – поклонились два господина, влияние и состояния которых должны быть столь огромны, что, будь они при них, мы бы тут же ушли на дно.

– Сэр Уитти, сэр Гроу, – произнесла Мюр, усаживаясь на банку перед ними. – Вы оказываете мне большую любезность, присутствуя в столь важный для нас с дорогим сэром Уитфордом момент. Позвольте вам представить моего близкого друга, господина Итана Хеллмонка из Хервингемма.

Полковник Уитти, высокий закаленный ветеран, с густой бородой и баками, кивнул мне с благосклонной холодностью воспитанного человека. Его приятель Гроу, человек толстый и болезненный, наоборот, посмотрел на меня с большим интересом, точно жирный цыпленок, с которым

неожиданно заговорила аппетитная гусеница.

– Мистер Хеллмонк. Я очень благодарен вам за эту услугу. – Мне показалось, что Уитфорд говорит искренне. – Право, кто бы мог подумать во время нашего знакомства и последовавшего за ним приключения, что мы окажемся вместе с вами в одной лодке, по такому поводу.

– Всегда готов оказать вам достойную поддержку, сэр. – Итан Шелби порой бывает вежлив, точно настоящий джентльмен.

Уитфорд налег на шест, выводя гондолу на середину канала, туда, где ее подхватило течение. Этой огромной палкой, которая, по сути, являлась не шестом, а специальным веслом, он управлялся с удивительной ловкостью и сноровкой, ничуть не мешкая и с силой ведя нас вперед.

Уитти и Гроу зажгли факелы, и пламя в них плясало под редкими порывами ветра, пролетающего над Совиным каналом. Катер сопровождения полз за нами, отстав, а еще две лодки, я так понимаю с жандармами, охраняющими своего министра, шли впереди, приостанавливая редкое в этот поздний час движение. Они перекрыли перекресток, где наш канал пересекал канал Меча, и минут через десять слева от нас началась Земля Славных, а справа Бурс.

Лодка проплыла то проклятое место, где в городе казнили государственных преступников, омут, в котором утопили Вилли. Мюр сидела передо мной с прямой спиной, и я смог поймать ее взгляд – он был жесток и холоден, но в то же время я видел, что в глубине ее глаз тлеет гнев.

Она ничего не забыла. И когда-нибудь это станет проблемой для Уитфорда.

Мост Стрел, расположенный в самой узкой части Совиного канала, точно выплыл из-за нависающих над водой домов. Он был очень горбатым, алебастрово-белым, с двумя крепостными башенками по бокам и ребристыми перилами в виде дельфиньих плавников.

Оказавшись под ним, Уитфорд переместил шест, и гондола развернулась, встала поперек течения, а мы с Уитти взялись за концы канатов, закрепив их в бронзовых кольцах, надежно фиксируя лодку к опорам. Министр вод сел напротив Мюр.

– Мистер Хеллмонк, думаю, можно начинать, если вы не против.

– Серебро в воду, – сказал я, и толстый Гроу с улыбкой достал объемистый мешочек, сшитый из грубой холстины.

– Отдаем без сожаления и с пением в сердце, ликуя о новом счастье для достойного мужа этой страны… – Из мешка хлынул поток новых, блестящих в свете факелов серебряных монет, канувший на дне канала.

– Принимаем дар и вручаем сталь, чтобы скромная дева воды подтвердила свою чистоту железом. – Я извлек из кармана простой складной нож с деревянной ручкой и левой рукой, как это предписывали правила, передал его Мюр.

Она сняла левую варежку, полоснула себя ножом по безымянному пальцу, и Уитфорд поцеловал потекшую кровь, а после Уитти протянул девушке мужской шейный платок с вышитым на нем гербом жениха – маленькой темной птичкой на фоне лазоревого щита:

– Мы будем защищать кровь девы воды, ибо это теперь наша кровь.

– Мы признаем ее таковой, – согласился я, снимая меховую шапку с ее каштановых волос, уложенных в высокую прическу. Положив внутрь шапки стальной груз – большой круглый шарик, я выбросил ее в воду. – Одна семья стала другой.

– И обе семьи стали одной. – Уитфорд подал знак, и Гроу протянул девушке дамскую шляпку с белым пером.

– Подтверждаю это, – прокаркал он.

– Подтверждаю это! – куда громче сказал полковник гвардии.

По старым законам Риерты, чтобы брак между аристократами был скреплен, не нужен священник. Достаточно ритуала и слова трех человек, видевших происходящее.

– Подтверждаю это, – завершил я под их взглядами. – Три клятвы произнесены, и вода их приняла, а двоих удержала. Три свидетеля сказали свое слово. И так будет до скончания веков. Поздравляем, мистер и миссис Уитфорд.

Глава пятнадцатая
ПЕРВАЯ ЛЕДИ РИЕРТЫ

Общество почти целиком состояло из мужчин. В холодном, необогретом зале, при свечах, с окнами, закрытыми шторами, в доме, где не находилось ни одного слуги, собрались человек тридцать, и женщин среди них, не считая Мюр, было всего лишь четверо.

Никаких парадных нарядов, драгоценностей, вина, закусок. Никто ничего не собирался праздновать, в воздухе было разлито ощущение тревоги, напряженности и еще чего-то… чего-то мне непонятного, но крайне возбуждающего для моей тени, прячущейся за спинами незнакомых мне людей.

Большинство из них носили военную форму. От капитана до адмирала. Я видел нашивки всех родов войск, гвардии и жандармерии. Зрелые, пожилые и совсем молодые. Наследники известных фамилий, фабриканты, члены правительства. Некоторые негромко разговаривали между собой, другие поглядывали по сторонам, изучая соседей, запоминая и стараясь не удивляться, что те тоже оказались здесь.

Маклиди стоял в противоположной стороне зала, возле закрытых дверей. Я и Йорки – у второго входа, подальше от толпы. Напарник Маклиди скучал, опирался плечом о стену и смотрел поверх голов гостей. По его виду казалось, что он хочет свалить как можно быстрее, но это всего лишь впечатление – каждого нового входящего он ощупывал цепким взглядом.

Министр вод со своей избранницей вошли через нашу дверь, и Мюр, лицо которой казалось вырубленным из полутеней и бликов свечей, что плясали на ее скулах, посмотрев на меня, ободряюще улыбнулась. Прошло всего два часа с того момента, как она стала госпожой Уитфорд, но ночь только начиналась, и я мог лишь предполагать, что будет дальше. Происходящее совсем не напоминало мне торжественный прием.

Взгляды всех присутствующих обратились на эту пару. От них не укрылись традиционные свадебные одежды.

– Господа. Дамы. Позвольте вам представить мою молодую жену, миледи Элизабет Уитфорд. – Уилбур говорил с легкостью аристократа. Чуть иронично, вежливо, благосклонно, но в то же время непререкаемо и авторитетно. – Господа Уитти, Гроу и Хеллмонк присутствовали на нашем

маленьком торжестве и являются поручителями того, что брак вступил в законную силу. Я приношу вам свои извинения, что все произошло столь быстро, внезапно, без объявления для вас. Но, как вы понимаете, время сейчас такое, что порой стоит поспешить. Особенно с браком.

Раздались тихие смешки, затем аплодисменты, приветствующие молодоженов. Все смотрели на Мюр, женщину, завоевавшую министра вод. Незнакомую для большинства. Но я заметил на лицах адмирала флота, седого генерала и немолодой дамы странную задумчивость – кажется, они увидели что-то во внешности Мюр и теперь пытались вспомнить, где встречали это раньше.

А может, и не пытались. А уже вспомнили.

– Разумеется, когда мы разберемся с делами, состоится венчание и полноценное большое празднование. И вы все приглашены.

Снова аплодисменты.

– Мне приятно видеть, что вы ответили на мои письма и нашли в себе силы прийти. Вас здесь гораздо больше, чем я рассчитывал, а это доказывает, что я поступаю правильно и лучшие люди Риерты поставят ее на верный путь. Но прежде, чем мы с вами начнем наше предприятие, моя дорогая супруга хотела бы сказать несколько слов. Быть может, они помогут тем, кто в душе еще колеблется, решая, как поступить.

Это было удивительное заявление, и все теперь смотрели только на нее, ожидая, что скажет эта незнакомка.

– Господа. Дамы. Я Элизабет-Мария Уитфорд. В девичестве Элизабет-Мария де Моубрей, графиня Ток, дочь Александра де Моубрей и Мюреол де Моубрей, правителей Риерты, заявляю о наших с мужем претензиях на Венец из капель, захваченный узурпатором генералом Мергеном, называющим себя дуксом Риерты!

Взрыва не произошло, гости лишь выдохнули, как одно живое существо, подались вперед, рассматривая ее еще внимательнее, и я увидел, что немолодая дама улыбается довольно, подтверждая тем, что не ошиблась в своих догадках.

Я же лишь подумал о том, что теперь у Мюр не будет обратного пути. Никогда.

– У вас всех есть недовольство его правлением. Претензии к тому, к чему он ведет нашу страну. Вы видите, что с каждым годом становится только хуже, и, как разумные люди, понимаете, что проблемы касаются не только обычных граждан, но и ваших семей, карьеры, дохода, будущего. Это кольцо, – она подняла руку, демонстрируя всем тяжелую печатку, – печать дукса, передававшаяся в моей семье несколько поколений. Вы все

его прекрасно знаете. Мой брат Артур хранил кольцо, пока люди Мергена его не убили! Это доказательство того, что я не самозванка.

– Полноте, миледи! – сказал адмирал. – Какие еще нужны доказательства тем, кто помнит вашу мать? Вы ее копия. Я подтверждаю, что перед нами дочь его милости.

– И я! – сказала старая дама.

– И я! – Генерал вышел вперед, опускаясь на колено. – Семья Брансон была и остается верна вашему отцу. И если я сомневался до последней минуты, то сейчас скажу: мы поддержим род Моубрей в их законных притязаниях на Венец из капель. Гарнизон Арсенала будет на вашей стороне, миледи Уитфорд.

– Я ценю это, дорогой сэр Роберт, – тихо произнесла Мюр, и генерал, довольный тем, что она знает его имя, с некоторым трудом поднялся.

Они все, один за другим, подходили к ним, вставали на колено и клялись в своей верности. Мюр благодарила каждого, называла по имени, а если кого-то забывала, Уитфорд ей подсказывал.

Уж он-то был доволен. Точно леопард, перед которым налили целое озеро сметаны. Или навалили пару сотен свежих стейков из антилоп. Это был почти что звездный час, и я его понимал. Породнившись с ней, получив подтверждение трех свидетелей, приобретя поддержку влиятельных людей города, он в шаге от трона.

Пускай этот шаг пока очень широк, но факт остается фактом. Даже если с ней что-то случится – у Уитфорда теперь есть право занять трон Риерты по законам этой страны.

– Господа и дамы, – сказал министр вод, когда со стихийной церемонией было покончено. – Прежде чем мы отправимся менять судьбу нашего города, я хотел бы вручить своей невесте один из свадебных подарков, что приготовил для нее. Дорогая, любезное общество, позвольте представить тем, кто не знаком, моего хорошего друга, капитана Ричарда Рэка.

Я не узнал его без усов, но это был именно он – человек, навещавший меня в Гнезде, и тот парень, в квартиру которого я залез вместе с Артуром и Юэном, вызвав недовольство Уитфорда.

В руках у него был небольшой саквояж из старой потертой кожи, с двумя ремешками и бронзовыми защелками. Рэк поцеловал руку Мюр и передал саквояж министру.

– Господин Рэк в течение года выполнял мое задание, проводил расследование и искал крайне важную вещь для нашего мероприятия. Я нисколько не ошибся в талантах нашего славного капитана и его

сотрудников. И теперь результат перед вами. Я хочу, чтобы вы сохраняли спокойствие, господа. Нет никакой опасности.

Уитфорд кивнул Маклиди, и тот распахнул двери, впуская в зал новых гостей.

К чести присутствующих, они и вправду сохранили спокойствие. Во всяком случае, никто не стал хвататься за оружие или выпрыгивать в окно, когда четырнадцать мужчин в мерцающих плащах, с птичьими масками на лицах, прошли мимо них и встали полукругом перед четой Уитфорд.

Мюр не скрывала своего потрясения. Она, как и все мы, понимала – только что Мерген лишился своей самой главной охраны. Лишился так же, как когда-то ее отец.

Уитфорд с улыбкой протянул супруге маленький темный пузырек. Один из многих, находящихся в саквояже.

– Мудрость и сила полководца пустое, если его солдаты бегут. Он обязательно проиграет свое сражение. А мы выиграем. Ну же? Берите! Вы ведь так долго этого ждали.

И она, больше не колеблясь, взяла емкость, и первый плакальщик сделал шаг, принимая плату за свою верность.

– Мистер Шелби, – сказал Уитфорд, в то время как Маклиди застегивал ему заклепки тяжелого стального нагрудника[53]. – Вы уже очень помогли нам сегодня, и теперь я смею считать вас своим другом. Я знаю, что вы не хотите поддерживать какую-либо сторону. Если желаете, то вольны оставить нас прямо сейчас. Йорки проводит вас через патрули.

Я желал. Как и любой трезво мыслящий человек, примерно зная, к чему все приведет. Вероятно, он считал меня не слишком разумным, но я оценивал последствия своих действий. Понимал, что будет, если уйду сейчас. Представлял, что случится, если уйду чуть позже. Итог один, и не слишком приятный. Так зачем гнать мобиль?

– Я бы предпочел остаться. Возможно, моя помощь понадобится миледи Уитфорд. Разумеется, если нет возражений с вашей стороны.

– Нет. – Он быстро посмотрел на Мюр. – Мы не ожидаем никакого сопротивления, гарнизон и вся охрана на нашей стороне. Думаю, риски минимальны, но хорошо, если вы и ваши таланты окажетесь рядом.

Я не стал говорить ему, что не смогу воспользоваться ингениумом без риска отправиться на тот свет.

– Я иду с вами, Уилбур, – проронила Мюр, уже сменившая торжественный наряд на свою обычную одежду.

– Извольте. Но вам придется надеть нагрудник. На всякий случай. Йорки, найди подходящий вариант для миледи. Право, моя дорогая, не

думаю, что это мероприятие вас чем-то обрадует. Оно скучно и обыденно до зевоты. Почти все люди во дворце на нашей стороне, никакого сопротивления не ожидается. Проблемы возникнут лишь с командующим полком, расквартированным в Ветродуе, и его людьми, он целиком за Мергена, с несколькими семьями, занимающимися моторией, и их личной охраной, а также четырьмя членами правительства из одиннадцати. Нам же – просто надо пройти коридорами и добраться до покоев Мергена. Без крови. Дыма. И стрельбы.

– Вы арестуете его? – спросила Мюр.

– Буду с вами честен, дорогая. Никаких арестов и судов не будет. Суды – это очень утомительная трата времени. Они покажут нашу слабость, дадут возможность ошеломленным сторонникам Мергена подготовиться, а некоторым странам предоставят шанс не признавать нас с вами законными правителями Риерты. Начнутся долгие дипломатические вальсы, они будут требовать выгодные условия для себя, мы потеряем позиции и влияние. Люди вокруг нас пострадают куда сильнее, чем… просто исчезновение одного не самого хорошего человека.

– Что же. Я не стану возражать вам в этом вопросе.

Уитфорд довольно улыбнулся и отошел с Маклиди в другой конец караулки охраны, где мы ждали нужного сигнала.

– Осуждаешь меня? – спросила девушка.

– За то, что ты поддерживаешь смерть незнакомого мне человека? Мне плевать. Честно. Уже много раз говорил – не моя война и не мои враги. Я здесь только из-за тебя. Хочу убедиться, что все прошло хорошо, а после я уеду домой.

– Не думала, что плакальщики будут на моей стороне. Это так… дико. Видеть их послушными.

– Лишь до тех пор, пока вы контролируете антидот. Затем ручные псы снова станут дикими. Сейчас ты просто используешь их, как полезный инструмент, и я надеюсь, вы сможете удержать их на цепи. Для своего же блага.

– Я продолжаю считать их опасными. Такими же опасными, как контаги, которых следует уничтожить.

– Уничтожить? – Уилбур, направлявшийся к нам, услышал последнее слово. – Кого желает уничтожить моя дражайшая супруга кроме узурпатора?

– Мы говорили о контаги.

– Вы, должно быть, шутите, моя дорогая?

– Отнюдь.

– В нынешнем положении, когда благосостояние государства зависит от производства мотории, мы не можем избавиться от жителей Старой Академии. Во-первых, многие граждане из-за пропаганды газет Мергена и сфабрикованных докладов ученых Брайса продолжают считать, что контаги можно вылечить и вернуть им человеческий облик. Они надеются, что их сыновья, мужья, дочери и жены вернутся к ним. Вычисти мы сейчас этот район огнеметами, и нас возненавидят. Во-вторых, мы не можем отказаться от производства мотории и если поступим так, как вы предлагаете, то закончим, как ваш отец, миледи. Фабриканты, банкиры и семьи, которые нас поддержали, сразу же отвернутся. Лояльность большинства людей к своим правителям строится на возможности заработать деньги и взять немножечко больше власти, чем у них есть. Если мы лишим их прибыли, нас растопчут.

– Может быть, вы и «Город без контаги» не планируете отменять? – нехорошо прищурилась Мюр, но Уитфорд примиряюще улыбнулся, хотя глаза его оставались точно холодный металл.

– Дорогая жена, не кажется ли вам, что мы торопим события? Я обязательно обсужу с вами все важные для страны решения, но чуть позже. Давайте пока, сейчас, сосредоточимся на главной нашей с вами цели.

Не знаю, понимала ли она то, что он ничего не собирается с ней обсуждать. В любом случае Мюр решила не спорить об этом в столь неподходящее время.

– Как скажете, милорд. Но я хотела бы, чтобы вы выполнили свою часть обещания, насчет Айана и Белфоера.

– Конечно. Их содержат во дворце. Они будут освобождены, как только мы закончим. Вас это устраивает?

– У меня нет других вариантов, милорд.

Вернулся Йорки со стальной кирасой для нее, помог облачиться, и разговор прервался. Я старался ни во что не вмешиваться. Просто наблюдал за ними.

За нервничающей Мюр. За ее мужем, к которому то и дело подходили посыльные, передавая сообщения и слушая новые распоряжения. За Маклиди и его людьми – группой потертых жизнью, познавших вкус войны, закаленных смертями мужиков в обычной гражданской одежде. Их было больше двадцати, все с автоматическим современным оружием, подтянутых и собранных, словно сторожевые псы, готовые броситься на того, на кого укажет хозяин.

Когда в комнате появились два плакальщика, большинство отвлеклись от своих дел, а Йорки, бравший из ящика фосфорные ручные бомбы[54],

буркнул, обращаясь ко мне:

– Тебя от них оторопь не берет, иностранец?

– Мне все равно. – Это было правдой. – С таким же успехом ты можешь бояться вот этих штук.

Я указал на цилиндры, которые он клал себе в подсумки.

– Ну, может быть. Но эти штуки ничего мне не сделают, пока я не выдерну чеку. А эти… Шеф доверяет нелюдям, а я как-то больше привык держаться от них подальше.

– Ну вот потому он шеф, а мы с тобой так и останемся исполнителями.

– Тоже верно, – усмехнулся Йорки.

Через несколько минут Уитфорд скомандовал:

– Выступаем!

Они с Мюр шли под охраной плакальщиков и людей Маклиди. Ворота во дворец открыли, гвардейцы на постах отдавали честь, пропуская отряды солдат и жандармов, рассредоточивающихся по коридорам и этажам. Слуги не показывались, сопротивления со стороны охраны, перешедшей на сторону заговорщиков – тоже, разумеется, не было.

Вот то, о чем я как-то говорил Мюр. Революция без крови.

Почти без крови. Но на такие мелочи не будут обращать внимания и постараются забыть. «Тиранов» убивать в бескровных революциях считается вполне себе правилом хорошего тона любого порядочного джентльмена.

Маклиди на ходу отправлял своих людей в смежные коридоры, и до роскошных дверей на четвертом этаже мы дошли в достаточно поредевшей компании. Стражники возле них в начищенных кирасах, в которых отражались наши фигуры, молча отошли в сторону, взяв оружие на караул.

– Миледи, желаете отправиться вместе со мной?

Мюр, оказавшаяся в шаге от того, что мечтала совершить много лет, старалась держаться решительно, но выглядела подавленной, чувствуя себя не так, как должен ощущать победитель. Я ее понимал. Не так она представляла революцию, переворот, торжество справедливости.

Наверное, в ее воображении все это было с флагами, с боем, громкими лозунгами, с Вилли и Пшеницей, с братом, с друзьями, когда кровавый диктатор, в ужасе от свершившегося возмездия, стреляется в своем кабинете, пока молодые, юные, жаждущие свободы сердца сражаются с последними солдатами, защищавшими зло, несправедливость и жестокость.

На деле же – бывшего властителя предали, точно так же, как предыдущего. И теперь им предстояло убить одинокого старика. Это куда

как далеко от революционной романтики, на которой воспитано достаточно большое количество не самых плохих, но довольно наивных людей, чей единственный недостаток – молодость и неопытность в том, каким местом к человеку обычно повернута жизнь.

Уитфорд это тоже понимал.

– Миледи, нет ничего зазорного для юной девушки в том, чтобы не участвовать в событиях столь неприятных, даже если в них вершится правосудие.

– Я иду, – приняла она решение, считая его слова вызовом.

– Всем остальным остаться, пожалуйста.

Уитфорд, Мюр, один из плакальщиков и Маклиди распахнули двери, а затем закрыли их за собой, оставив немногочисленную свиту в коридоре. Ему не нужны были лишние свидетели того, что произойдет дальше. Я хотел пойти с ней, но второй плакальщик преградил мне дорогу, едва заметно покачав головой.

Пришлось подчиниться.

Выстрелов не было, во всяком случае, я ничего не услышал, но минут через пять дверь приоткрылась, и Маклиди поманил Йорки и меня, приглашая войти. В душной библиотеке было сильно накурено, следы дыма щекотали мне ноздри.

Уитфорд быстро и резко говорил по телефону, пистолет, из которого, как я полагаю, он стрелял, был брошен на стол. Тело Мергена лежало на полу, укрытое сдернутой с карниза темной шторой, я видел лишь подошвы его ботинок и не собирался рассматривать что-либо более внимательно.

Все мертвецы одинаковы и похожи друг на друга тем, что теперь они мертвы. Я повидал их достаточно на своем веку. В смерти мы все одинаковы. И трубочисты, и правители.

Плакальщик стоял в углу, ожидая распоряжений, а Мюр находилась на балконе с видом на Совиный канал и бесконечные крыши Бурса. Ее пальцы едва заметно дрожали, а дышала она так глубоко, что мне показалось, она никак не может набрать в легкие ледяного зимнего воздуха.

– Ты как?

– Ощущаю себя немного… гадко. Точно вся испачкалась в крови. Впрочем, так и есть. Испачкалась.

– Понимаю.

Она стремительно развернулась и направилась к Уитфорду, просившему телефонистку соединить ее с начальником авиаполосы в Арсенале и теперь ожидавшему ответа с того конца провода.

– Милорд, вы обещали.

Он кивнул:

– Да. Помню. Но на юге нам оказано неожиданно серьезное сопротивление. Команда лояльного Мергену эсминца перекрыла Рукав Матрэ. Береговые батареи в Садах Маджоре и на Белой Скале тоже не отвечают, бои идут на улицах Восточного и Холма. Я не могу сейчас отвлекаться на ваших людей, моя леди. Время дорого и, если до пяти утра у нас не получится подавить недовольных, все может очень затянуться. Я должен руководить этим, не отрываясь на мелочи.

– Вы обещали, Уилбур!

Он мгновение подумал, сказав в телефонную воронку:

– Ждите!! …Хорошо. Если вы столь настойчивы, не буду препираться по пустякам. Мистер Шелби, окажите мне услугу, пожалуйста. Миледи Уитфорд вам доверяет, не могли бы вы сходить и привести людей, которых она так жаждет видеть? Мои ребята покажут дорогу.

– Конечно. – Я не стал показывать настоящих эмоций на предложение, смысл которого был мне слишком откровенно ясен. – С удовольствием.

– Я тоже пойду, – сказала девушка.

– Нет, миледи. Пожалуйста, – попросил Уитфорд. – Во дворце, возможно, еще не совсем безопасно, и я не хочу рисковать вашей жизнью.

– Мне проводить, сэр? – спросил Маклиди.

– Нет. Ты мне нужен здесь. Пусть Йорки сделает.

– Как скажете, сэр.

Я улыбнулся Мюр, которая с тревогой хмурилась, скрестив руки на груди.

Йорки молча выслушал приказ, позвал с собой двоих парней. Один лысый, с тощей шеей и крысиным лицом, другой по глаза заросший бородой, с татуировкой на запястье, гласившей: «Сегодня свинья – завтра бекон».

Йорки вел нас по коридорам, затем по лестницам, куда-то вниз. Я сосредоточенно запоминал дорогу, затылком чувствуя, как эта парочка сопит у меня за спиной, стараясь не отставать.

– Где их держат? – спросил я по пути.

– Хрен знает, – неохотно ответил помощник Маклиди. – Я тут тоже впервые. Ниже еще на этаж, там подвал и резервная караулка.

Здесь был узкий Т-образный коридор и несколько дверей, ведущих в какие-то подсобные помещения.

– Пришли, – сказал Йорки.

Лысый начал возиться с замком, но из-за полумрака никак не мог попасть в скважину. Двое других стояли ко мне излишне близко, и я

чувствовал их напряжение, а моя тень поглядывала из-за угла, точно ожидая какой-нибудь куда большей дряни, чем она сама.

– Эй! – сказал мне лысый. – Ни хрена не вижу. Посвети.

– У меня нет зажигалки, – сказал я, и он с удивлением посмотрел на Йорки, сбиваясь с намеченного плана.

В другом случае можно было бы возблагодарить провидение, что я не курю. Но здесь все так просто кончиться не могло.

Йорки достал портсигар, щелкнул крышкой, взял папиросу, чиркнул огоньком и, закурив, протянул мне зажигалку:

– Чем богаты.

Я с ухмылкой вытащил папиросу у него изо рта, заставив его опешить от столь неожиданного хода, и легким щелчком пальцев отправил на пол куда-то слева от себя.

Забавно. Некоторые люди очень предсказуемы в своих реакциях.

Все трое проследили за ее полетом, словно это была волшебная фея, которая внезапно почтила нас своим присутствием.

Я ударил Йорки прямым в челюсть, и то, как он, «клюнув» носом, упал плашмя, точно разделочная мясницкая доска, с высоты своего роста ударившись лицом об пол, сказало мне, что я отправил его в глубокий нокаут.

– Черт! – Бородач отшатнулся назад, но я успел дотянуться ему по скуле кулаком, и тут же зашипел, когда бедро обожгло вспыхнувшей болью, а уши накрыло густой вязкой волной.

Лысый воткнул в меня шприц с «Якорем» и сейчас доставал пистолет, поднимаясь с колен. Я ударил его ногой под подбородок, так что его голова запрокинулась, а висок врезался в дверь, которую он пытался «открыть», предлагая мне наклониться над замочной скважиной и подставить затылок для Йорки.

От удара его зубы громко клацнули, он сполз обратно на пол, и я вытащил «Стук», всадив пулю ему в башку, не заботясь о том, что кто-то может услышать выстрелы в той бетонной кишке, куда меня привели на убой.

Борода уже бежал прочь, хотел спрятаться за углом, и я хладнокровно послал ему три пули в спину, подошел и выпустил четвертую в лоб, перезарядил на ходу на полную обойму, хотя в старой оставалось еще четыре патрона.

Йорки был как вялое растение. Он сильно разбил лицо, ударившись об пол, сломал нос, и вся его рожа и одежда были залиты кровью. Челюсть у него уехала набок, была перекошена под совершенно странным углом, и я

понял, что здесь слишком перестарался, сломав и ее. Наемник все еще пребывал в отключке, и, к сожалению, у меня не было времени с ним возиться.

Выстрелы могли привлечь ненужное внимание, так что я не стал ждать, когда он очнется, чтобы задать несколько вопросов. Мне было все понятно. Уитфорд ждал подходящего момента, чтобы избавиться от меня. А случайная пуля от «сторонников Мергена», прятавшихся во дворце – отличный вариант решения проблемы.

Я достал из подсумка Йорки фосфорную бомбу, убрал к себе в карман пальто, из второй выдернул чеку и бросил на наемника. Сегодня во мне что-то не осталось никакого сострадания и жалости.

Тень, которую больше не смущало то, что во мне теперь «Якорь», придвинулась ближе. Затем резко отвернулась от меня, так что я смог на мгновение заметить ее обнаженную спину, но и этого мне хватило, чтобы пойти прочь.

Не желаю видеть никаких подробностей.

Позади хлопнуло, звук был гораздо слабее пистолетного выстрела, и сразу же загудело пламя, точно в доменной печи. Белый фосфор получил доступ к кислороду. Когда тела найдут, от них останутся лишь обугленные кости.

Следовало уходить, и, думаю, у меня получилось бы покинуть дворец, если бы во мне не зародилось еще одно сомнение. Возможно, я сильно недооценил министра вод. Конечно, можно убеждать себя, что «быть того не может», но логика подсказала, что «как раз может»иянеошибаюсь в своих подозрениях. Даже если я уйду сейчас, Мюр спустя совсем короткое время узнает, что ни Айана, ни Белфоера больше нет. И Уитфорд представляет, что последует за этим. Он не оставит ее с собой рядом. Не позволит ей выжить.

Первый же патруль гвардейцев остановил меня, но я сказал, что человек Маклиди и иду к сэру Уитфорду с личным докладом. Даже больше, попросил проводить меня назад, чем избежал потери времени на поиск дороги и беседы с каждым встречным солдатом или жандармом.

Перед дверьми все так же скучали охранники в кирасах, на стуле восседал плакальщик, но они, помня, как я выходил из покоев Мергена, не остановили меня. Внутри ничего не изменилось, Мюр стояла на балконе, Уитфорд отдавал распоряжения по телефону, плакальщик торчал в темном углу.

– Сэр?! – Окрик Маклиди, взявшего пистолет в руки, прозвучал как удар хлыста, заставив всех обратить на меня внимание.

– Мистер Шелби? – Уитфорд даже не удивился. – Как я понимаю, Йорки не справился.

– Что происходит? – спросила Мюр. – Итан, где Айан?

– Боюсь, он мертв уже какое-то время. – Я смотрел на равнодушного министра вод, который не испытывал ни раздражения, ни радости, ни печали от того, что я и так давно знал.

Она поверила. Сразу.

– Уилбур! Вы дали мне слово!

– Простите, миледи. Но личные интересы гораздо важнее обещаний, данных людям, которые уже выполнили свою задачу.

Я просчитал правильно. Она ему не нужна, и ей подписан такой же приговор, как и всем, кто был в курсе его дел с Вил-ли. Мюр пыталась бы влиять на его политику, возможно, управлять им, благодаря тому, что ей известно, и ему проще избавиться от столь досадной помехи в ночь захвата власти, чем терпеть ее и делиться тем, что, по его мнению, принадлежало лишь ему.

В конце концов, некоторым доставляет удовольствие быть вдовцами.

Но они ничего не знали о некоторых «особенностях» новой первой леди Риерты.

– Мюр! Уходи!! – Я достал из кармана фосфорную бомбу, сунув палец в кольцо чеки, но Уитфорда это нисколько не тронуло. – Я смогу разобраться с проблемой. …Иначе они убьют тебя!

– Право, мистер Шелби. Вернувшись, вы лишь на какой-то час ускорили для нее неизбежное. Маклиди, он под «Якорем».

Наемник счел это приказом, и его пистолет выстрелил. Мюр вскрикнула – от ярости, не от боли. Я швырнул гранату под ноги плакальщика, переместившись в сторону, а Маклиди, сместив прицел следом за мной, продолжил автоматическую стрельбу короткими злыми очередями.

В меня врезался ураган, лопнул в боку, и мир, смазавшись в одну размытую кляксу, завертелся как бешеный. Я смог удержать равновесие, когда мы оказались на крышах Бурса, на противоположной стороне Совиного канала. Она прыгнула снова, унося нас дальше.

И еще раз.

И еще.

Когда она закончила, я уже не мог стоять, упал прямо в снег, чувствуя, как он обжигает мне руки и лицо. Боль в спине была ничто по сравнению с тем, как пульсировало режущими ударами под ребром. Не надо быть гением, чтобы понимать: Маклиди достал меня, и кровь, текущая из раны,

пропитывая рубашку, просто нестерпимо горячая.

– Сейчас… – Мюр стояла согнувшись, уперев ладони в бедра и пытаясь отдышаться. – Сейчас передохну… и снова прыгнем.

– О черт! – сказал я с тоской.

Она не удержалась, опустилась на колени, да так и осталась, а воздух со свистом выходил и входил в ее легкие.

– Мы слишком близко… – Девчонка потрясла головой, словно прогоняя туман перед глазами. – Надо уйти дальше.

Я с трудом встал, что есть сил локтем прижимая пальто к ране, хоть как-то стараясь остановить кровотечение и чувствуя, что на спине тоже горячо – пуля прошла навылет. Доковыляв до Мюр, опустился в снег, подпер плечом, не давая ей возможности завалиться на бок.

Мы молчали с минуту, стараясь удержаться в нашем мире.

– У меня есть вера, – сказала она.

– Вера? – не понял я.

– В тебя. Артур говорил, что удача проходит через минное поле, а вера… вера перепрыгивает через него точно задорная девчонка. Я уверена… ты перепрыгнешь так далеко, как не прыгаю даже я. Ты знаешь, что… произошло. Знаешь причины всего случившегося… и желания Уитфорда. Он ничуть не лучше Мергена. Ты прав. Исправь, что я сделала. Если сможешь. Мой город достоин лучшего… правителя. Чем он. Чем я…

Кровь текла у нее изо рта по подбородку сплошным потоком, так что она не все слова смогла четко проговорить и начала захлебываться ею. Я приобнял девушку:

– Об этом можешь даже не волноваться.

Ее дыхание прерывалось все чаще, вдохи становились реже. Потом она просто затихла, уронив голову мне на плечо, а кровь все еще продолжала течь из пробитых легких, смешиваясь с моей.

Глава шестнадцатая
ТЕНЬ ИНГЕНИУМА

Вода наконец-то устала и начала снимать осаду с Риерты, медленно отступая к своим более привычным границам, отпуская из ледяных объятий улицы, площади, отходя от мостовых, открывая землю, тротуары, трамвайные рельсы и туннели.

Снег давно растаял, стало тепло, апрель подходил к концу, птицы возвращались в город, окрестные острова, острый гребень Плавника и болотистые мели: дрозды, зарянки, гуси, утки, горихвостки, журавли, дупеля, кулики, вальдшнепы, бекасы и многие другие заселяли все больше берегов. Весна разлилась в воздухе тягучей карамелью, и солнце, наконец-то избавившись от долгого сезона туманов, прогревало всех, кто оказывался под его лучами, щедро делясь своим теплом с каждым.

Мой новый дом располагался на одном из безымянных клочков суши, среди тысяч точно таких же, разбросанных по бесконечному мелководью, на сотни миль раскинувшемуся восточнее Риерты. Дикий край, совершенно безлюдный и пустой, мир, каким, вполне возможно, он являлся на заре появления человечества. Единственным признаком внешней цивилизации в этой обители уже пробудившихся лягушек были дирижабли, которые порой появлялись на горизонте, приплывая вместе с облаками со стороны Тиветского моря, наконец-то успокоившегося после долгих зимних штормов.

Я же жил так далеко от благ прогресса, что порой ловил себя на мысли, что здесь, среди влажных бесформенных скал, бесконечных чаячьих гнезд, обширных зарослей волнующегося на ветру тростника и острой осоки, низкого колючего кустарника и затопленных лугов, где в достатке встречались проворные гадюки и травяные крысы, я словно застрял в безвременье.

Каждый день походил на предыдущий и говорил мне, каким станет следующий. Я терпел их как досадную необходимость, неделя за неделей, ожидая, когда наконец вернусь в форму, и лихорадка, поселившаяся где-то в моих костях и навещавшая меня каждую ночь, закончится.

Я делал все, чтобы восстановиться после ранения. Выполнял назначения моих «докторов», ел, старался двигаться. Мне повезло, что Вороненок и Желтая Черепаха знали о ранах куда больше, чем профессора

медицинских университетов. Пуля хорошо перепахала мне потроха, я потерял много крови, но братцы не пустили меня в долины предков или в ад, это уж кому как удобнее считать.

Я смог выкарабкаться сперва из агонии, затем из недельного бреда и долгого лежания на мокрых от пота одеялах, а после медленно, слишком медленно, возвращался к выздоровлению. На пятьдесят седьмой день наконец-то сняли швы, и во мне больше не было дырки, через которую можно было бы свистеть, расположившись в правильном направлении к дующему ветру.

Но порой внутри внезапно постреливало и приходилось быть довольно избирательным в еде. Так что стоит поблагодарить старину Кроуфорда, что он не ленится кормить меня собственноручно сваренной ухой.

Именно Юэн и притащил меня сюда, кстати говоря. Это логово он нашел вместе с Вороненком – остров со старой, давно заброшенной хижиной то ли контрабандистов, то ли рыбаков, то ли охотников за птицей. Земляной пол, крыша в одной из двух комнат течет, вместо окон – щиты из ржавого тонкого железа. С воды ее не заметно, просто еще один большой замшелый камень в окружении кустарников. Впрочем, замечать некому. За все время, что мы здесь находились, мимо не проплыла ни одна чужая лодка.

Порой я оставался в полном одиночестве, когда Кроуфорд увез Вороненка, а затем делал вылазки в город, чтобы пополнить запасы продовольствия и джина да узнать последние новости. Впрочем, не стоит врать самому себе, один я не был. Несмотря на проведенные мной в беспамятстве дни, тень и не думала исчезать, и на этот раз Желтая Черепаха ничего не смог с ней сделать.

Она существовала сама по себе, словно ожидая чего-то и не сильно докучая мне. Жила рядом, порой подходя так близко, что я чувствовал на коже ее дыхание. Маячила, иногда попадалась на глаза темной фигурой, чье лицо я не мог рассмотреть, и исчезала, перестав играть со мной в свои дикие игры.

Кажется, она устала от меня точно так же, как я от нее.

Я наслаждался весной. Солнце припекало, точно летнее, впрочем, и неудивительно – Риерта расположена намного южнее Королевства. Сидел на бревнышке, без рубашки и майки, измазав заросшие щеки бурой грязью и водя над рубцом дощечкой с выдолбленной в ней бороздкой, где лежал порошок из молотой травы и еще какой-то дряни, о которой я ничего не хотел знать. Порошок следовало поджечь и окуривать себя легким сизым

дымком.

Наверное, увидь меня сейчас старина Уолли, он бы решил, что я окончательно чокнулся. Я походил на одичавшего моряка, пережившего кораблекрушение. В какой-то мере так оно и было – кораблекрушение я пережил, пускай и образное. И этот одичавший моряк, свихнувшись от всего, что на него свалилось, создал языческий культ и теперь поклонялся ему, будучи активным и единственным его адептом.

Вороненок вернулся на кладбище кораблей, как только понял, что я не собираюсь помирать, и на прощанье оставил мне свои рекомендации. Я не понимал их, но верил, что соблюдение не очень хитрых правил поможет мне. Так и случилось. Шаманское «колдовство» стало для меня обычным ежедневным ритуалом, несмотря на все недовольное ворчание Кроуфорда.

Закончив, я умылся, вытерев руки и лицо довольно несвежим полотенцем, неспешно оделся и прошел к берегу. Расстелив на камнях пальто, Юэн удил рыбу с помощью самодельной удочки. Рядом лежал тяжелый шестизарядный «Лорд» в потертой кожаной кобуре и видавший виды армейский бинокль.

– Не клюет ни хрена, – буркнул он и протянул мне стопку газет, которые я «заказал» ему привезти из города. – Они старые, как просил. За февраль еще, когда ты валялся в бреду.

Я сел рядом, развернул первый из выпусков «Риертского вестника», отслеживая всю цепочку событий после переворота.

– Она была права, – сказал я. – Это преподнесли как историю любви. Освобождение из плена у Мергена. Благородство Уитфорда, брак сразу после захвата власти и внезапная гибель всего лишь через час после того, как тиран был смещен.

– Его любят в городе. И сочувствуют ему в этой потере. И простые люди, и благородные. Он сочинил хорошую жалостливую сказку, которая не может оставить равнодушным ни одного сострадательного человека. Я бы тоже проникся, если б не знал правду.

Я продолжил просматривать новости. Прощание, похороны, открытие памятника, расследование ее убийства, новые законы, перестановки в правительстве и прочее.

– Министерство вод обвиняет в убийстве жены дукса наемника Мергена, – сказал я, откладывая газету. – Итана Хеллмонка. Мою настоящую фамилию они не стали называть.

– Это могло привлечь внимание к Королевству. Гражданин другой страны, убивший последнего потомка прежней династии… Уитфорду сейчас не нужны возможные дипломатические скандалы. Тебя до сих пор

ищут. По городу висят цветные плакаты с твоим лицом, и, надо сказать, ты похож на себя достаточно, чтобы тебя опознали на улицах.

– Он не дурак и использует любые возможности себе на пользу. Большая награда?

– Двадцать пять тысяч цинтур тому, кто поможет в поимке жестокого убийцы. Это все для публики, ганнери. Прошло много времени, большинство людей в жандармерии считают, что ты уже покинул страну.

– Но они продолжают искать.

– Поэтому я и привез тебя сюда. Меня тоже искали, но не так активно. Приходили в мою лачугу, даже беспокоили Мосса. Но без последствий. Он под защитой Старухи, а Уитфорд не трогает ее предприятия.

– Пока не трогает. Черт вырвался из табакерки, и вопрос времени, когда новый дукс начнет конфронтацию с хозяйкой Трущоб.

Юэн вытащил из воды крючок, обновил червяка, забросил снова. Звук на открытой воде распространялся далеко, так что шум приближающегося мотора мы услышали загодя.

– Лучше бы тебя не видели, – сказал мне мой капрал, расстегивая пуговку на кобуре, так что показалась рифленая рукоять тяжелого пистолета.

Я вернулся в хижину и размотал ткань, в которой лежал «Резерв». Сунул дополнительную пачку в карман докерских штанов и вместе с карабином вышел на улицу, устроившись в подготовленном Кроуфордом «гнезде» – замаскированной в кустарнике огневой точке, из которой можно было легко простреливать всю прибрежную зону.

Снял с предохранителя, взвел затвор, переставил деления прицела на отметку «50», думая совсем о другом: о Мюр и ее портрете в одной из просмотренных газет. Она там мало на себя походила из-за высокой прически, слишком кудрявых волос и отсутствия шрама на щеке. Иной человек. Совсем не тот, кого я знал и который умер у меня на руках.

Человек для газеты. Для публики. Легенды. Для укрепления власти Уилбура Уитфорда. Человек, который для тысяч людей теперь станет реальным, а та, какой она была на самом деле, останется в памяти лишь тех немногих, кто был знаком с ней и остался жив.

Лодка могла пройти мимо. Соседними протоками, к десяткам других безымянных островов, но она целенаправленно двигалась к нам, и я видел через прицел, что в ней сидят двое. Кроуфорд посмотрел на гостей в бинокль, изучал пристально секунд двадцать, после застегнул кобуру, говоря этим, что опасности нет.

Я поставил карабин на предохранитель, переместился к камням, все

же решая дождаться, пока и я смогу рассмотреть гостей.

Это был Мосс, который приезжал сюда лишь раз, забрать Вороненка, и сам Джейк Осмунд Вильям Третий, растрескавшаяся лодочная банка которому подходила точно так же, как вагон первого класса «Лавандового экспресса»[55] для угольщика.

– Итан, мой друг, – прогудел он, тряся мою руку, а во второй держа «саквояж путешественника» из конской кожи. – Вижу, вы пошли на поправку. Хорошо! Очень хорошо! Господин Мосс был так любезен, что довез меня к вам. Можем ли мы где-нибудь поговорить?

Я посмотрел на Артура, который привязывал посудину к наклонившейся над водой иве, на Юэна, не желающего замечать конфедерата, и предложил:

– Пойдемте в дом.

– Далеко вы забрались от Риерты. Мы плыли больше двух часов, это место – настоящий дикий край. Какое… интересное у вас обиталище.

– Не впечатляет? – усмехнулся я, прислонив карабин к стене.

– Думаете, я ценю только комфорт? Ценю, конечно, мой друг. Но в прежние годы мне пришлось бытовать и в крайне скромных условиях. На Великих равнинах, плато Гризли или пустынях южных штатов я спал у костра, под открытым небом.

– Любили путешествовать?

– Любил воевать. Молодость склонна к глупым развлечениям. Так что ваша хижина – настоящий дворец. Впрочем, спешу сказать, что мои негры на плантациях живут в куда более достойной обстановке. Без земляного пола и дырявой крыши.

– Как Олауда? Не вижу его при вас.

– На нем все заживает как на собаке. Сейчас он руководит погрузкой моих вещей на дирижабль и спорит с метрдотелем по поводу меню. Признаться, помощь моего раба в некоторых вопросах совершенно бесценна. За те годы, что он служит мне, Олауда прекрасно успел узнать все мои вкусы и привычки. – Осмунд с опаской сел на табурет, который, по его мнению, не был достоин доверия.

– Означает ли это, что вы решили уехать?

– Да. Я покидаю этот чудесный и странный город. Сперва в Хервингемм, потом… – Его глаза стали задумчивы. – Как получится. Мир велик, и я с радостью посмотрю каждый из таинственных уголков, о которых лишь читал в книгах моего детства.

– Подозреваю, следующая ваша поездка будет туда, куда скажет Управление стратегии Казначейской службы, – улыбнулся я.

Он негромко хохотнул, распахнул приятно щелкнувший саквояж, поставил на стол пузатую бутылку с темной этикеткой, на которой было написано «Порт Кэльпи», и две похожие на тюльпаны рюмки.

– Я впечатлен. Вы изменили бурбону ради айлэнда.

– Ваш друг Артур говорит, что вы предпочитаете его. – Он разлил пахнущий жженым мхом и солью напиток по рюмкам. – Вы ведь выпьете со мной?

– Охотно. Хочу выпить за вас, Джейк. Я жив только благодаря вашему участию.

– Полноте, – ухмыльнулся он, отсалютовал и опрокинул напиток себе в глотку, тут же сморщившись. – Ах, блади! Всегда забываю, насколько суровая дрянь пользуется спросом в Королевстве! Точно грызешь железнодорожную шпалу!

– Привыкайте к классическим вкусам Старого Света, мой друг.

Он хмыкнул и налил еще:

– Последую вашему совету, Итан. И я рад, что вы не обижаетесь на меня за наблюдение.

– Вы организовали слежку за мной, и в итоге именно эти люди нашли меня истекающим кровью. Было бы глупо обижаться на то, что это сделали господа из сыскного агентства, а не жандармы, люди Уитфорда или сама смерть. Мне крупно повезло благодаря вашему вниманию к моей персоне. Я ваш должник.

– Буду с вами честен. Мои ребята не смогли отыскать вас, при всем желании, в ту ночь. Это заслуга вашего индейца. Точнее, его брата. Голова как заговоренная бесконечно повторяла о месте, которое ей подсказывали предки. Я счел возможным проверить это, и мы нашли вас там. – Он опустил глаза. – Мне, право, жаль, что не удалось спасти… мисс Бэрд. Все случившееся – большая трагедия.

Мы замолчали, и я думал о том, как какие-то незнакомые люди тащили меня от ее тела и как я хотел их всех убить. Потом было забвение. Затем черное лицо Олауды, запах лекарств, громкая ругань Осмунда, голос Артура, лодка, забытье и песнь Вороненка. Да. Мне тоже жаль, что так и не удалось попрощаться с девчонкой.

– Я читал газеты, но не верю тому, что в них написано. Мисс Бэрд ведь погибла из-за глупой случайности?

– Увы, мой друг, – сказал я. – В гибелях правителей обычно нет случайностей. Она должна была умереть, и ее убили.

Он лишь вздохнул.

– Вы приехали попрощаться? Я ценю это.

– Если честно, Итан, у меня есть несколько причин, почему я здесь. Кроме того, чтобы сказать «до свидания».

– Что же. – Я постучал ногтем по стеклу. – У меня есть масса причин, чтобы никуда не торопиться и выслушать вас.

Конфедерат провел пальцами по лохматой брови, словно собираясь с мыслями:

– В нашу прошлую встречу вы сделали ряд предположений. О том, что Конфедерация заинтересована в проекте Хенстриджа.

– Верно.

– Дело в том, что Конфедерация была, кажется, единственной влиятельной страной, к представителям которой старик не обращался. Думаю, у него насчет нас было некое предубеждение.

Он замолчал, давая мне возможность сделать выводы.

– Хорошо, – осторожно заметил я, прокручивая вариант за вариантом.

– Ваш солдат. Красно… мухенок. Благодаря вам он связался со мной, и я покончил с делами в Риерте. Он улетает тоже завтра, на том же дирижабле, что и я. Вы заботитесь о своих людях, и я хотел бы рассказать о том, что с ним будет.

Я цокнул языком и сокрушенно покачал головой:

– Джейк. Я готов поверить, что вы столь добры. Но сами видите – все звучит несколько… наивно? Зачем вам передо мной держать отчет? Рассказывать вещи, в которые я не посвящен и о которых так никогда бы и не узнал?

Он заворчал, словно старый пес, повозился на табурете, прежде чем ответить:

– Вы правы, Итан. Я не тот человек, кто любит отчитываться перед людьми, особенно теми, кому не стоит знать некоторых подробностей. Но ваш индеец… Короче, я успел узнать и его, и его странного братца, чтобы понять, что не смогу обмануть их. Уже пытался и… Гм… – Конфедерат чувствовал себя неловко. – Мне жизненно важно привезти его, а для этого между нами должны быть доверительные отношения. Вороненок просил вам передать, где он будет и как его найти, я обещал это сделать. Если совру – они поймут, и наши договоренности окажутся под вопросом. Так что я счел, если вы будете знать некоторые детали моей услуги государству и не станете распространять их дальше, то ничего страшного не случится.

Это был полувопрос, и я подтвердил:

– Ничего не случится. Обещаю.

– Если захотите с ним повидаться, то теперь он живет в Керкубри-Росс.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать информацию и рассмеяться.

– Северные графства! Конфедерат работает на Королевскую службу?! Давно я так не ошибался!

Он вежливо улыбнулся, поддерживая мое веселье.

– Да. Ваши выводы оказались несколько неверны. Довольно странно было бы предполагать, что представитель одной стороны согласится работать ради разведки другой.

– Даже не хочу спрашивать, как вы до этого дошли, как вам поверили и как вас используют.

– Мудро, – согласился Осмунд. – История выйдет слишком долгой, и она, уж поверьте, достойна пары романов. Боюсь, нам потребовался бы целый ящик этого виски, чтобы рассказать обо всех причинах, что заставили меня так поступить.

– Так это Королевству нужен Вороненок.

– Верно. Его способности уникальны. Затем с его помощью мы постараемся перевезти представителей племени мухеноков в Старый Свет. Это вполне реальный проект, тем самым ваша страна, Итан, получит интересных… специалистов и их бесконечные таланты. Графство Керкубри-Росс ничем не отличается от тех мест, где привыкли жить индейцы. Холодно, снежно, есть горы, есть леса, сколько угодно пустошей, озер и рек. Правительство уже купило и передало в дар вашему солдату больше сотни акров земли. Если он будет сотрудничать, то племя получит еще больше, это вопрос, одобренный самой королевой. Им дадут самоуправление и полную свободу на их территории. Хотят – пусть хоть вигвамы там ставят, ни один сосед-сквайр или джентри даже слова не скажет. Захотят бизонов – мы привезем их с Великих равнин, пусть гоняются за ними при свете луны, если им так хочется. Понимаете, к чему я клоню, Итан?

– Королевство предоставляет мухенокам новый дом.

– Да. И это не идея какого-то мелкого чиновника из министерства. Это уровень премьер-министра и Ее Величества. Так что судьба вашего воина в принципе устроена. Он готов на сотрудничество. И тухлая голова это подтверждает.

– Желтая Черепаха, Джейк.

– Ну разумеется.

Я сделал скупой глоток:

– Хорошо. Вы рассказали и выполнили просьбу Вороненка. Передайте ему, что я навещу его, когда вернусь домой. Если вернусь.

Джейк печально поджал губы:

– Вы все понимаете, Итан.

– Я понимаю, что моя страна провела обыск в моем кабинете, нашла у меня «Якорь» и подставила меня перед тайной полицией Риерты. Почему они меня не арестовали в Хервингемме?

– Могу только предполагать. Говорят, вы сожгли целый корабль. Быть может, они опасались вас спровоцировать, спихнув это на другое ведомство. Впрочем, я сомневаюсь в такой версии. В конце концов, есть «Якорь». Хенстридж пришел к вам, никто не знает, о чем вы беседовали, и поэтому не стали торопить события. Понимаете, во всех отделах полно бюрократии, чиновников и другой странной для нас с вами волокиты. Никто не хочет принимать последнее решение, все боятся ответственности и держатся за свои кресла. Пока они возились, вы покинули страну. Я так понимаю, они пытались узнать, кто вы, откуда у вас дар…

– Узнали?

– Про ингениум? – быстро взглянул на меня Осмунд. – Насколько я понял, нет. Вас решили вывести из игры, меня попросили прощупать почву, пока мы путешествуем вместе.

Я подумал о том, что Хенстридж появился у меня исключительно благодаря рекомендации от инспектора Юарта из Грейвплейса. Я подумал о том, не работает ли и Юарт на Королевскую службу, и…

– Вы слушаете, мой друг? – Голос конфедерата вернул меня в реальность.

– Да. Конечно.

– После взрыва Гнезда вы выпали из зоны внимания. Вас сочли погибшим.

– Вы им не сообщили?

– Нет. Я не работаю на них. Лишь оказываю услуги по идейным соображениям. Люди, которых я нанял следить за вами, из местного агентства, и они никак не связаны с Королевством. Разумеется, сейчас там знают, что вы живы. Газеты писали о вас, пускай там и было иное имя. Но несмотря на то, что ведомства очень инертны, информация уже в Хервингемме. И меня попросили найти вас и убедить вернуться.

– Хм… И вы нашли меня?

Теперь уже он задумался, прежде чем ответить.

– Мой дорогой друг. Я пообещал вашему индейцу разные вещи, и я уверен, что все это будет выполнено. Но вы… человек крайне сомнительной природы. Люди из нужного отдела тоже несколько… сомнительны. Я не знаю их целей и не могу давать никаких гарантий.

Возможно, вас встретят с оркестром, вручат орден и сделают генералом. Но предполагаю, что шанс того, что вас запрут для изучения – куда более реальный. Или выдадут дуксу в обмен на что-то существенное. Или станут использовать ваши способности в своих целях. Я уверен в одном – не собираюсь рисковать и везти вас куда-то силой. Если вы готовы вернуться, посольство оформит бумаги, и вы сможете покинуть Риерту, несмотря на розыск. Но, как друг, я бы не рекомендовал вам отправляться в Королевство в ближайшее время. И вообще в страны Союза. Езжайте куда-нибудь на Плеяду. Или в Конфедерацию Отцов Основателей. Пусть вас хорошенько забудут, а затем уже сами решите, но я не тот человек, кто обрадовался бы, если бы вас пустили на опыты.

– Я ценю ваш совет.

Мы уговорили бутылку за час, проведя время в ничего не значащей беседе. Когда он встал, собираясь откланяться, и взял со стола шляпу, то, помяв поля, поинтересовался:

– Какие у вас планы насчет нового дукса?

– Никаких, – спокойно ответил я ему. – Есть дела, которые невозможно закончить, мой друг.

Он от души хлопнул меня по плечу:

– Золотые слова! Именно так и следует поступать. К тому же у Королевства имеется интерес к Уилбуру Уитфорду, и они были бы крайне расстроены, если с ним что-то произошло.

– Интерес?

– О да! Они готовы признать его притязания на трон. И добиться от других стран Союза того же самого.

– Как я полагаю, в обмен на моторию.

– Правильно. Блади мотория, великолепный способ договориться. Или же убить друг друга. Королевство хочет долгих и крепких отношений с Риертой. Сейчас им представился такой шанс. Право, жаль, что с технологией Хенстриджа ничего не вышло.

Он задумчиво посмотрел на меня, но я хладнокровно «пропустил» его взгляд, за что заработал от него одобрительную ухмылку.

– Полагаю, что искиры все-таки добыли тот прибор. Они самые упорные люди на земле. Я бы даже сказал – упертые. Как машины будут двигаться к своей цели, пока остается завод в механизме или его не ломают сторонние силы. Подозреваю, именно это с ними и произошло. Их сломали. Ну… посольство и технология теперь у нового дукса. А значит, Королевству придется дружить с ним.

– Вы так говорите, словно оно не очень радо такому раскладу.

– Не радо. Но предпочитает подождать, когда появится возможность скопировать информацию. До этих пор – мы лучшие друзья. Конечно, можно было бы поступить иначе. Прийти к капитану «Атаго», сообщить ему о том, что нападение на посольство его страны санкционировал министр вод, что существует свидетель, что подданная Империи находится в заключении где-то на территории фабрики мотории… – Еще одна улыбка.

– Но Королевство так не сделает?

– Я так не сделаю, – конфедерат выделил это «я». – Мое донесение потеряется, Итан. Потому что подобная информация спровоцирует искиров. Черт побери! Лучшего способа спровоцировать напряженность не найти! И к чему это приведет?

– К возможной новой войне между Риертой и Империей. А затем подтянется весь Союз.

– Никто не хочет войны, мой друг. Особенно после той, что была. Слишком мало времени прошло, чтобы она успела забыться. Поэтому все останется как есть, и будут работать дипломаты, шпионы и черт знает кто еще, но не военные. Их время сейчас не пришло. И, надеюсь, не придет еще долго. Люди хотят мира.

– Я вполне их понимаю.

– Проводите меня?

– Это меньшее, что я могу для вас сделать.

Возле лодки он крепко пожал мне руку:

– Всего доброго, мой друг. Знаете… мне нравилась та маленькая девочка. Она была бойкая и не стеснялась спорить со мной. Считайте это сантиментами, но я был бы рад, останься она жива. Поэтому я буду последним человеком, кто попытается вас остановить.

– Остановить?

Он по-отечески улыбнулся мне, хлопнул по плечу:

– Надеюсь, мы еще когда-нибудь сможем выпить, и на этот раз только бурбон!

Лодка плыла по озеру, и Риерта, оставшаяся за кормой, словно погружалась на дно, туда, где когда-то нашли руду, благодаря которой создали моторию. Огни города гасли, теряясь во мраке, сливавшемся в единое целое с водной гладью, а та, в свою очередь, с небом… так что я потерял на какое-то время всяческое представление о сторонах света.

Было впечатление, что я, точно выпущенный снаряд, несусь сквозь пустоту к только мне известной цели.

Когда из-за гор появились два молодых месяца, стало чуть светлее, и Кроуфорд, сидевший на моторе, добавил скорости, направляя посудину все

дальше и дальше на север. Он разумно держался середины озера, не спеша приближаться к берегу.

Не сказать, что он был доволен моим решением, но, по счастью, не стал спорить. Я сказал ему, что так надо, и он по старой привычке проронил:

– Ты командир. Сделаю.

Я не знаю, как он ориентировался, для меня вся береговая линия казалась совершенно одинаковой, но в нужный момент лодка резко изменила курс, мотор заработал на максимальных оборотах, сжирая последние капли топлива из бака, а нос то и дело выпрыгивал из воды, точно мы скакали на норовистой лошадке.

Затем наступила тишина, и наша скорлупка, движимая силой инерции, заскользила как конькобежец на льду, приближаясь к суше.

– Возьми руль! – сказал мне Юэн, сам перебираясь вперед и чуть ли не перевешиваясь за борт.

Когда киль мягко коснулся песчаного дна, он спрыгнул прямо в воду, выволакивая нас как можно дальше на берег. Управлялся он с этим так же ловко, как аристократ с битой для крикета. Я помог ему, а затем мы накрыли борта армейской маскировочной сетью, хотя в такой час с озера ничего не видно, даже если бы мы подняли лодку на руках у себя над головой.

– Надо пройти милю на север. Ближе подплывать не стал, двигатель бы услышали с патрульных катеров.

Я проверил карабин, укоротил ремень, и мы углубились в лес, довольно быстро найдя подходящее место для остановки.

– Жаль, что я не могу пойти с тобой, ганнери. Вороненок мог сделать и больше перьев.

– Он и так сделал больше. Две штуки мы потратили с Мюр. Остался лишь один пучок. Только на меня. Извини, дружище, но так даже лучше. Одному мне будет куда сподручнее, даже несмотря на все твои навыки. Я зайду, сделаю дело и выйду. Возможно, никто меня и не заметит.

В лесной тьме было сложно понять его выражение лица. Оба мы осознавали, что все крайне рискованно. Но шанс у меня все-таки имелся.

– Буду ждать здесь, – сказал Юэн, присаживаясь возле деревьев.

– Если не вернусь с рассветом, уходи.

– И без тебя разберусь. – Он достал фляжку, и я услышал, как откручивается крышка.

Незнакомая дорога через ночной лес оказалась не самой простой. Шагая, я думал о том, что, даже став новым дуксом, Уитфорд не изменил

своей осторожности. Я следил за публикациями в газетах, где по традиции писали, на каких мероприятиях он бывает, с какими послами встречается, какие совещания проводит.

Он был очень осмотрителен, жил не в Риерте, лишь приезжая в нее, а большую часть времени проводя в летнем дворце – бывшем особняке Дайсонов. Писали, что у господина Уитфорда глубокий траур по его молодой прекрасной жене и он не хочет, чтобы его беспокоили какое-то время.

Траур… Скорее уж крокодил будет соблюдать траур по только что съеденной антилопе, чем Уилбур Уитфорд по кому-либо, кроме себя. Он знал, что меня так и не нашли, был в курсе моих способностей и, думаю, предполагал, что я могу потребовать с него платы за чужую жизнь.

Как я говорил уже не раз, дукс был не лишенным здравомыслия человеком.

Потому что я потребую.

В хижине на воде у меня было достаточно времени, чтобы все хорошенько обдумать и решить, как следует поступить.

Когда я только узнал, что Мюр выходит замуж за этого мерзавца, то испытал некое разочарование. И не только оттого, что она так и не поняла: с некоторыми людьми нельзя договориться. Невозможно надеяться на выполнение сделки после произошедшего на острове Вилли – и в этом она не захотела услышать меня, оставаясь все той же романтичной революционеркой, видевшей даже в плохих людях нечто хорошее.

Да, девчонка должна была стать взрослее и перерасти это. Как выросла из своего обожания к Вилли, отказавшись пойти с ним убивать того, кого она считала непричастным к этой войне и мести. Полковник виноват сам – он нарушил ее моральные принципы. Девушка была против, а он пытался руководить ею, как полезной пешкой. Не собирался слушать того, кого сам называл будущей правительницей Риерты. И сделал все, чтобы оказаться на эшафоте. Но она… будем честны, она не помогла ему, попытавшись приспособиться под ту ситуацию, которую выстроил для нее Уитфорд, взяв в заложники Айана. И в какой-то момент я начал задумываться о том, что и она, возможно, видит свою выгоду, ищет ее, способна ради нее забыть о своих товарищах, перешагнуть через них, идя к своей, личной, цели – получить власть.

Мюр допускала слишком много ошибок, и я ничего не мог с этим поделать. Она хотела поступать так, как поступила бы умная и хладнокровная королева.

Вот это и вызвало мое разочарование.

Лишь позже, размышляя над всем произошедшим, я понял, насколько все же сильна была ее вера в людей. В Риерту. И ее преданность тем, кого она могла бы назвать своими подданными. Обычно мы мало верим в моральные качества правителей. Мы считаем, что государства построены на обмане, коррупции, сговоре власти с преступными группировками и ее умении закрывать глаза на все тяготы обычных людей, на их поломанные жизни и даже, откровенно, на их массовую смерть. Для нас властители – это лишь череда сменяющих друг друга жестоких людей, борющихся только за то, чтобы физически уничтожить предшественника. Поэтому тяжело представить себе, что кто-то из этих властных фигур вдруг станет ставить окружающих людей выше себя, выше своих интересов. Мюр пыталась хоть что-то изменить, сделать город лучше. И могла бы быть достойным правителем.

Куда более чем «обычным».

Почему я говорю об этом так уверенно?

Потому что она не бросила меня.

До этого все ее слова отчасти были для меня лишь революционными лозунгами. Она всегда знала, что за ее спиной стоит поддержка. Многих людей, профессионалов. Что у нее есть тайный козырь – ингениум. Игра была опасной, не спорю, но мне казалось, что с ее стороны это и правда недопонимание. Не жизнь с умением видеть (и учитывать) ее разные стороны – а лишь игра.

Но произошедшее во дворце дукса доказало мне, что я ошибался.

У нее был кодекс. Той старой аристократии, которой уже почти не осталось, и у меня не сразу получилось его понять. Обычные люди привыкли к правилу – всегда стоять «за своих». Какими бы те ни были: плохими, хорошими, честными или совсем нет. Мюр следовала более сложной системе взаимоотношений. Я бы назвал ее «аристократической» честностью. Она принимала сторону лишь тех, в кого она верила и кому действительно желала помочь. Тех, кто не использовал ее доверие в своих интересах, уничтожая интересы других людей.

Да, она стремилась получить власть. Но не ради власти.

Хотел бы я знать, как бы развились события – уйди она из дворца, обвини Уитфорда в попытке убийства (уже, конечно, оказавшись подальше, например, на территории Королевства, или Республики, или… Империи).

Впрочем, вряд ли бы она пошла на шаг, который мог привести к войне с ее народом.

Оставались пути тайного свержения очередного дукса, она бы получила поддержку, уверен в этом… Или… если бы ничего не

получилось, оставалась просто жизнь где-то в другой стране, под другим именем, пускай и с постоянной угрозой, что Уитфорд разыскивает ее, чтобы убить.

Но вся эта история была бы уже без меня. И я никогда бы не увидел, как сложились события.

Впрочем, как не увижу и теперь.

Потому что этого будущего – нет у Мюр.

Уитфорд отобрал у нее эту возможность. Лишил шанса новой жизни Риерту. Всех ее граждан.

И вот этот его шаг достоин того, чтобы потребовать с него расплаты. Я хочу убить его не за то, что он забрал у мира красивую девчонку, которая была мне симпатична. А потому, что он лишил мир множества новых хороших возможностей.

Впрочем… все равно в моем поступке слишком много личного, которое гораздо сильнее блага для миллионов. Для Итана Шелби, к сожалению, приземленные цели не менее важны.

Я живу по правилам простых людей. И я готов до конца стоять за своих. Мюр же могла прыгнуть сама, уйти, оставив меня. Но она предпочла спасать человека, который помогал и доверился ей. Не струсила. Не сбежала. Сделала то, что (в моей системе ценностей) сделал бы каждый командир для своих солдат. Она не лгала, когда говорила, что будет защищать любого из своих подданных. И защищала меня.

Девчонка меня спасла.

А я сделаю то, что делает каждый солдат для своего командира.

Уж точно я после такого не стал бы дальше влачить свой век, зная, что мог кое-что изменить, но ни хрена не сделал. Так что сегодня у меня есть хорошая возможность забрать у Риерты очередного дукса.

И я собираюсь ею воспользоваться.

Весь берег хорошо освещался, и ни одна лодка не прибыла бы незамеченной. Пристань, которую я когда-то сжег, давно отстроили заново, а вот павильон из стекла так и не восстановили, поставив вместо него укрепленный жандармский пост, выглядевший здесь совершенно уродливой конструкцией.

Прожектор ударил в лицо, и я поморщился, отвернувшись, когда мощный луч скользнул по мне, отправляясь дальше, заливая светом деревья и кустарники, склоны холмов и самые темные и дальние уголки леса, до которых мог дотянуться.

Вокруг было много людей. Они ходили вдоль берега, по пристани, дежурили возле тяжелого спаренного пулемета с массивным бронещитком.

На воде пришвартовался знакомый мне катер Уитфорда, а чуть поодаль, жандармский, с револьверной пушкой. Это скоростное чудовище везде сопровождало посудину дукса, обеспечивая надежную охрану.

Мимо прошел патруль с псом йевенской породы – приземистым и мощным, водящим носом из стороны в сторону. Я был от них ярдах в шести, но благодаря перьям Вороненка зверь меня не почуял.

Мы оказались здесь вдвоем. Я и тень, кравшаяся следом, не отпускавшая меня ни на миг вот уже несколько суток. Она все так же заставляла меня ежиться, особенно когда оказывалась слишком близко и я начинал различать (или думать, что различаю) слова, которые та говорит мне.

Тень, порожденная моим ингениумом, жаждала чужой смерти. Огня. Запаха обугленного мяса. Она хотела жить. Ощутить свободу, которой я ее лишал долгие годы – и наброситься на любого, чтобы больше никогда-никогда не прятаться. Теперь ей казалось, что такой момент наступает, но я собирался испортить ее ожидания.

Никакого огня. Прошло столько месяцев с января, а предвестники продолжают бушевать, хотя должны были давно заткнуться. Так что я видел реализацию плана как «Стук» – поглотитель звука – пуля. Без всякой ингениумной хрени.

Тихо пришел, тихо ушел. Не надо усложнять задачу.

Вместе с тем я чувствовал в тени перемены. Мой призрак, которого на самом деле нет, который лишь болезнь мозга, истощенного ингениумом и умирающего от него, перестал вести себя как дикая обезьяна, где-то успев пройти все этапы эволюции. Что значит – она стала коварнее, хитрее. И, думаю, это не обещало мне ничего хорошего…

Я спешил по широкой дороге, серпантином поднимающейся по горному склону, совершенно пустой и темной. Когда-то вместе с Мюр мы проделали этот путь на мобиле, и я подумал о том, что у нас так и не выпало возможности, чтобы она научила меня управлять машиной. Сожаление – одно из свойств человеческой натуры. Я жалел, что некоторые вещи нельзя изменить или исправить.

Не знаю, сколько было охранников в засаде вдоль моего пути, но я заметил лишь один из секретов, когда человек, находившийся во мраке за деревьями, негромко кашлянул.

Затем проехал мобиль сверху, выскочил из-за поворота, прогнал тень светом своих фар, пронесся мимо, поскрипывая рессорами и дребезжа пустыми емкостями в кузове. От него в воздухе остался легкий запах персиков, горячего масла и пыли, поднятой колесами.

Подъем для меня, совсем недавно оправившегося от ранения, оказался тяжелым и долгим. Слишком долгим. Так что я был рад, когда началась знакомая прямая аллея, а затем появилось и само поместье.

В отличие от ночи Праздника Звезд, сейчас оно не выглядело гостеприимным. Территория хорошо освещалась, а вот окна в самом здании горели не везде. Я представлял, какая большая работа мне предстоит, чтобы найти Уитфорда на такой огромной территории, но догадывался, что стоит начать с той лестницы, по которой когда-то поднималась Мюр на встречу с Дианой Дайсон.

Возле ворот застыл бронемобиль с выключенным мотором, перекрывая путь для любой техники или экипажа, желающих въехать внутрь. Обшитый листами стали, с башней и пулеметом, он походил на грубо сколоченный гроб с множеством острых углов и на жабу из-за бесконечного количества заклепок на его бортах.

Рядом, у пропускной будки, стояли на часах два гвардейца. Я спокойно прошел мимо них, опустив взгляд, миновал маленькое помещение, внутри которого дежурил еще один солдат, занятый тем, что пытался не заснуть, – и оказался на территории садов.

Военных было удивительно много, плюс, несмотря на поздний час, шли работы по монтажу какой-то конструкции. Как я подозреваю, инженеры собирали основу «зубной щетки», и я слышал, что они ругаются о стационарном потенциале электрода и его отклонении от необходимых значений.

На лугу остались глубокие отпечатки тяжелых металлических ног – мотоход находился где-то поблизости, патрулируя, и я слышал его отдаленные шаги.

Плакальщики, полагаю, тоже находятся в летнем дворце родителей Мюреол. Я гадал, сколько их оберегает дукса. Два? Три?..

Чтобы попасть внутрь, пришлось простоять больше десяти минут, я не хотел привлекать к себе внимания тем, что дверь откроется сама по себе. И вошел вместе с краснолицым лейтенантом, сразу прижавшись к стене, пропуская его вперед.

Я помнил, что здесь множество коридоров, лестниц, проходных комнат и залов. Они выглядели иначе без света, слуг, музыки, украшений, гостей, блеска драгоценностей. Приходилось все время представлять себе «прежний дворец», чтобы понять, в каком направлении двигаться.

Вот здесь Мюр обернулась, здесь рассмеялась, а тут я почувствовал легкий запах духов от ее шеи. Порой я напоминаю себе человека, которому ампутировали руку, но он до сих пор чувствует ее и видит отсутствующие

пальцы.

Во мне проснулась эта странная фантомная боль, как просыпалась она у многих солдат, когда их конечности сжигали в печах на окраине медицинских госпиталей на всех фронтах Великой войны.

В каждом коридоре обязательно находился вооруженный охранник, и мне приходилось вести себя осмотрительно, не шуметь, чтобы не тревожить солдат. Там, где двери были заперты, ловить момент, чтобы проскочить, когда они отвлекались, или же искать новый путь.

Я встретил плакальщика возле бара, где когда-то разговаривал с Сайл. Он пересек зал в своем странном плаще, низко опустив голову и подергивая ею в такт семенящей походке. Странная нелепая птица, хрупкая и невысокая, он совершенно не казался опасным, но можно было представить, что бы случилось, если бы я оказался в его поле зрения.

Плакальщик не заметил меня, точно так же как все остальные, и скрылся за поворотом, а я не двигался, пока не стихли его шаги.

Комнаты, где господа играли в бильярд, балкон, откуда наблюдали салют, зал, в котором танцевали конфедератские танцы. Лестница. Наконец-то.

Мюр поднималась по ней в своем красивом платье, и серебряные волосы маски ее матери мелодично звенели в такт легким шагам. Теперь, все еще видя девушку перед собой, мне казалось, что прошли не месяцы, а годы.

Наверху гвардейцев не было. На охране только ребята в штатском, по выправке похожие на бывших военных, при оружии и с тем взглядом убийц, который порой отличал и вашего покорного слугу.

Они, в отличие от многих охранников внизу, не создавали впечатления сонных или расслабленных людей. Наемники серьезно подходили к своим обязанностям, постоянно находясь в движении, внимательно смотрели по сторонам.

Пока я шел коридорами, насчитал тридцать пять человек. Маленькая личная армия Уитфорда, в том числе благодаря поддержке которой он оказался на самой вершине власти Риерты.

На Маклиди я наткнулся случайно, заглянув в смежный зал со стеклянным потолком и большим сияющим глобусом, медленно вращающимся, из-за встроенного механизма издававшим низкий, но не раздражающий, мягкий гул.

Он разговаривал с каким-то человеком, и я подошел ближе, чтобы расслышать детали.

– Что на вторник? – спросил незнакомец, лицом похожий на забавного

ангелочка, каких обычно рисуют на поздравительных открытках.

– Все улажено, мистер Чапмэн, – ответил ему Маклиди.

– Превосходно.

– Мне следует переговорить с дуксом по поводу графа Елагина.

– Он собирается пропустить прием у рузского посла, как я слышал.

Маклиди остановился и посмотрел на своего собеседника сверху вниз:

– Мы делаем одно и то же дело, мистер Чапмэн. Работаем на него. Но я начинаю подозревать, что вы хотите мне помешать.

Удивительно, но мелкий чиновник с кожаной папочкой под мышкой даже не дрогнул.

– Отнюдь. Я уважаю вашу работу, но в данный момент его милость проводит телефонные переговоры с премьер-министром Королевства. Я не буду его беспокоить из-за события, которое, возможно, не состоится.

– Я его начальник охраны…

– А я его секретарь, мистер Маклиди. Ваше рвение достойно восхищения, но в ближайшие два дня он планировал остаться здесь. Я внесу вас в график встреч на завтрашний вечер. А пока обеспечьте, пожалуйста, безопасность на этой территории.

Я мог бы выстрелить в него. В человека, ранившего меня и убившего ее. Это было просто, надо было всего лишь прицелиться, иянепромахнулся бы ему в висок с десяти шагов.

Мне очень хотелось это сделать, но я прошел мимо, оставив этого ублюдка за спиной. Люди часто распыляются в своей жизни. Не могут понять цели, которую желают достичь. Хватаются то за одно, то за другое и в итоге терпят крушение всех своих планов, не достигая запланированного результата.

У меня была цель – Уилбур Уитфорд. И как бы я ни желал отправить Маклиди в ад, это действие могло привести к тому, что главный виновник выкрутится. Потому что если начальника охраны найдут на полу с пробитой башкой, в луже крови, очень велик шанс, что меня остановят гораздо раньше, чем мне бы этого хотелось.

Через длинную галерею с искусственным прудом, в котором мерцали странные камешки, я увидел высокую дверь и стоящую перед ней охрану. Скорее всего, моя цель там, но пройти напрямик я не мог – вода в пруду была проточной, в нем работал маленький фонтан, и перья у меня во рту сгорели бы в мгновение ока, сунься я туда.

Пришлось углубиться в особняк, проходя через темные комнаты, картинные галереи и заставленные статуями павильоны с мягкими диванами. Я ошибся. Повернул не туда. Вернулся. Нашел другой путь,

через четвертый этаж.

Тень шла впереди, делая все, чтобы я ее заметил. Ей так хотелось, а мне было не до того, чтобы играть в ее игры.

Большинство вещей, оставшихся от прежних хозяев, свалили тут в беспорядке и спешке, чтобы новый владелец въехал как можно скорее и ничто ему не мешало. Сотни картонных коробок, чехлов с одеждой, сундуков и коробов, ненужной мебели, посуды. Пришлось пробираться через все эти завалы, злясь на потерю времени. Карабин, болтавшийся за спиной, теперь мне сильно мешал, норовил задеть какую-нибудь ненадежную стопку книг или обрушить целую архитектурную конструкцию, собранную из настольных ламп и предметов декора.

Наконец я выбрался из этой ловушки и повернул бронзовую ручку на тяжелых дверях, а тень, о которой я и думать забыл, оглушительно и совершенно неожиданно крикнула мне в ухо.

Неведомая сила схватила меня за левое предплечье, я лишь почувствовал, как стальные пальцы сжимаются, пронзая его болью, и тут же среагировал – ударил что есть силы правой и, вырвавшись, отскочил, врезавшись спиной в груду разлетевшихся шляпных коробок, едва не разжав зубы и не выпустив перья. Не знаю, что там у меня было – трещина или перелом, но боль не давала шевелить пальцами, хотя не помешала мне двигаться, точно встревоженная змея.

Иногда можно быть очень проворным. Даже удивляясь самому себе.

Затем я остановился.

Замер, стараясь дышать ровно и негромко, правой, здоровой рукой достал «Стук» из кармана, а левую, в которой боль лишь нарастала и начала пульсировать, прижал к груди.

Я стоял на коленях и смотрел в зал, а зал смотрел на меня, не видя. Мы находились в равном положении, но я надеялся, что плакальщик сделает свой ход первым, как-нибудь выдаст себя.

Черт. Все же попался. Затаившийся под плащом плакальщик увидел поворачивающуюся дверную ручку и сложил два и два. Люди с ингениумом вряд ли были ему в новинку.

Но для меня уже не было другого обходного пути.

Как-то Мюр говорила мне, что, когда плакальщики двигаются, можно увидеть мерцание их плащей или как пылинки в этом месте ведут себя точно обеспокоенные пчелы.

Я осматривал темные углы, «тропинки» среди залежей вещей, тяжелые портьеры, приоткрытую дверь с яркой щелкой света, проникающего в полутемный зал. Искал его, как, уверен, он искал меня, злясь на свою

ошибку, что не сумел удержать незнакомца и не убил его.

Знакомое дыхание на щеке, тень, такая же напряженная, как и я, надвинулась, забавляясь этой игрой. А затем ее странные сухие пальцы, не холодные и не горячие, обхватили мои виски крепко, точно тисками, и я в первый раз за время нашего знакомства не отшатнулся и не сбросил этот хват. Подчинился, позволяя повернуть голову туда, куда она хотела, покоряясь ее нажиму.

Она предлагала мне вид на непримечательную стену шагах в двадцати от древнего клавесина, накрытого цветастой тряпкой. Я смотрел и смотрел, направив ствол пистолета в ту сторону и стараясь, чтобы мой палец на спусковом крючке не подрагивал. В какой-то миг мне почудилось неясное движение, но я сдержался, медленно, словно пугливый зверь, вставая с колен. А затем перед моим взором пробежала легкая рябь, и я начал стрелять.

«Стук» мягко и едва слышно хлопал, отправляя пулю за пулей, и падающие на пол гильзы, звеня, издавали куда более громкие звуки, чем выстрелы.

Уже второе попадание оказалось успешным, полыхнула яркая вспышка, когда пробитый маскировочный плащ перестал действовать, и плакальщик материализовался из воздуха. Он бесстрашно бросился на выстрелы, и я попал еще четырежды ему в центр груди, прежде чем отступить в сторону.

Давай, ублюдок. Погоняйся за мной. Ты, видно, привык, что раньше все боялись тебя, не видя. Теперь не видишь ты. Побудь немного в шкуре своих жертв. Я опустошил обойму ему в спину, и он зло вскрикнул, разворачиваясь, кидаясь с ножом туда, где меня уже не было.

Надо сказать, эффективность пуль была слабой. В голову я попасть не смог – он, словно чувствуя опасность, все время был в движении, начал рыскать по все возрастающей спирали, пытаясь найти меня, размахивая перед собой клинком.

И слушая.

В теории я мог бы перезарядить пистолет одной рукой, пусть и не так быстро. Но он бы засек, как я меняю обойму и взвожу затвор. Нет. Так не пойдет.

Я осторожно снял с плеча ремень карабина, оставив оружие на полу. Он только мешает.

Почувствовал раздражение тени, что вожусь здесь, пытаясь убить его пулями, вместо того чтобы воспользоваться кое-чем другим. Тем, что ее так порадует.

Она знала, как его можно уничтожить, а значит, знал и я.

И это заставило меня мешкать, в попытке подыскать альтернативное решение.

– Я найду тебя, – сказал плакальщик, озираясь и извлекая из-под плаща пистолет. – Мы найдем тебя.

Выстрелил он наугад, а затем еще раз и еще, поворачиваясь во все стороны, и, полагаю, грохот пальбы слышали многие. Скорее всего, этого он и добивался, предупреждая охрану.

К черту плакальщика. Я и так слишком застрял с ним, а теперь дорога каждая секунда.

Я расшнуровал ботинки, чтобы двигаться еще тише, босым покинул зал, пока он искал меня в противоположном конце. А затем побежал коридорами, мимо встревоженных патрулей, спешащих на звуки выстрелов.

Прямо. Вперед. Через танцевальный зал. Пустую зеркальную комнату. Открытую веранду под самой крышей, с которой открывался вид на огромный бассейн, лежащий внизу.

Плакальщик, от которого я убегал, точно чуя меня, в рваном плаще, почти без следов крови на одежде, ворвался следом и испустил долгую, переливчатую трель, совсем непохожую на человеческую речь.

Второй спрыгнул с карниза, тяжело приземлившись на перила, так что его плащ взвился в воздух, точно крылья ворона. И остался сидеть на корточках, легко балансируя и склонив голову набок. Смотрел он прямо на то место, где я застыл. А мой преследователь ожидал решения товарища, и нож в его руке зловещим металлическим клювом покачивался из стороны в сторону.

Наконец тот, что на перилах, едва заметно покачал головой, извернувшись точно бескостная ящерица, спрыгнул вниз, на следующий этаж, к бассейну, а тот, что обнаружил меня, разочарованный неудачей, метнулся в другую сторону, рявкнув мало что понимающим людям Маклиди:

– Он невидим! Слушайте звуки! Заприте каждую дверь! Рассредоточиться! Ты! Предупреди начальника охраны! И достаньте «Якорь»! Он где-то здесь!!

Тень злилась из-за неудачи, а я думал, что сейчас еще не поздно уйти. Это будет сложно, но у меня получится оставить их с носом. Куда легче, чем добраться до дукса.

Эта подлая мыслишка возникла и тут же была отброшена. Черта с два я отступлю!

Дворец теперь был точно растревоженный улей. Думаю, Уитфорда уже предупредили, и весь вопрос, как они поступят теперь – займут оборону, спрячут его или постараются увести подальше от опасного места.

Несколько гвардейцев в касках и защитных нагрудниках протопали мимо меня по лестнице, ругая чертовых расплодившихся чудовищ. Я спустился на этаж, туда, где, по моим представлениям, находились покои дукса.

Тень снова подтолкнула меня. Легко, в плечо, указывая нужное направление, не давая блуждать. Кажется, она знала это место куда лучше, чем я. Мне пришлось ей довериться, и мой путь привел в длинный зал-оранжерею, настоящий тропический парк. Я прошел почти половину, когда впереди появились четверо охранников.

Я остановился, но меня смутили не они, а брошенный шланг для поливки растений. Вода из него продолжала течь, превращаясь в широкий ручеек, перерезавший мне дорогу.

Чертова вода!

Я развернулся, соображая, как еще можно добраться до моей цели, но лишь увидел, как два плакальщика перекрывают мне путь, а третий отрезает последнюю возможность к отступлению, навалившись на тяжеленную дверную створку.

Она захлопнулась со звуком крышки гроба.

– Мы знаем, что ты где-то здесь. – Голос у плакальщика был точно шорох уходящего времени. – И либо мы убьем тебя, либо ты сдашься и ответишь на вопросы. Кто тебя послал? Чего они хотели? Твои таланты интересуют нас, и, если будешь разумен, возможно, ты пригодишься. Не обязательно все заканчивать своей смертью!

Тень стояла рядом со мной, я мог бы ее увидеть, если бы скосил глаза. Она ничего не хотела. Ничего не просила.

Созерцала.

Наверное, я всегда знал. С того самого мига, как решил прийти сюда. Была надежда на чудо, но… жизнь и чудеса часто не желают идти бок о бок, становиться проводниками людей. Обычно нас ведут куда более реальные силы.

Жизнь и смерть, например.

Мы чем-то начинаем. И чем-то заканчиваем. А я хочу закончить правильно.

Плакальщики двинулись вперед, чуть расставив руки, в которых были ножи. Они шли цепью, контролируя свободное пространство зала, и люди на противоположной стороне остановились, держа оружие наготове.

Пройти дальше, через воду, я мог только без перьев.

И я выплюнул их.

Выплюнул вместе с в кровь разодравшим мне горло лиловым семечком. Оно падающей летней звездочкой пролетело через зал, разрослось, ревя и сжигая воздух, а затем с грохотом взорвалось, создавая смерч, и пламя объяло людей.

Я чувствовал ликование тени. Ее поддержку. Одобрение. Счастье. Радость. Жажду. Стремление не останавливаться.

Она стала мной, единым неделимым целым Итаном Шелби, который так долго отказывался от самого себя.

Плакальщики подошли уже близко, и я через глазницы выжег мозг ближайшему ко мне, превратил в факел второго, и тот рухнул дымящейся грудой в зарослях саговника. Третий атаковал меня ножами, но я превратил металл в капли, а его самого в пепел.

Теперь здесь мы оставались вдвоем. Я и тень, нетерпеливо переступающая с ноги на ногу, торопящая меня вперед, туда, где были еще люди. Где можно жечь не останавливаясь.

О да. Теперь нам было с ней по пути.

Я легонько «толкнул» своим ингениумом дверь, преграждавшую мне путь – ивнеевврезалась комета. Деревья, кустарники, прекрасные цветы, искусственный пруд с карпами перестали существовать. Они были уничтожены, испарены, обуглены, превратились в стекло и угли. Огонь полз по потолку, обгоняя меня, завиваясь невероятными смертельными узорами, точно морозные рисунки на окнах Хервингемма в моем детстве.

Саламандры. Ящерицы. Драконы. Я повелевал ими всеми, а тень, потрясенная этим зрелищем, завороженная, молчала.

Она продолжала созерцать.

Все пылало. Пламя пожирало деревянные барельефы на стенах, вилось по потолочным перекрытиям, и окна, не выдерживая, лопались одно за одним, указывая мне дорогу. Я черпал его щедрыми горстями, точно сладкий мед, готовый раздать в дар любому, кто встретится у меня на дороге. Оставляя за собой лишь ад.

Дым услужливо стелился у меня под ногами, точно ковер перед почетным гостем, одежда тлела, но это была такая малость в сравнении с тем, что я собирался сделать.

Впереди показались створки дверей, у которых собралась многочисленная охрана. И плакальщики. Они хотели меня остановить. Защитить того, кто прятался за их спинами.

Маклиди был среди них, он первым прицелился в меня, и я сжег его

пистолет, его руку, а затем и его самого превратил в лепестки пепла, о котором никто и не вспомнит. Плакальщик взорвался изнутри, шрапнелью расплавленных точно сталь ребер посек товарища, но тот встал, лишь для того, чтобы превратиться в огненную птицу, беззвучно пробежавшую через зал и упавшую куском спекшейся плоти у моих ног. Я подарил пламя каждому встреченному, черпал его щедрыми горстями, и от него нельзя было скрыться. Им оставалось лишь принять этот дар и оказаться в аду. Любому, кто желал помешать достижению моей цели.

Справедливости.

Правосудия.

Тень моего ингениума шагала передо мной точно чудовищный дирижер. И больше никто не вставал у меня на пути. Но в спину мне они все-таки смогли попасть. Дротик с «Якорем» воткнулся под левой лопаткой, однако тень с раздражением вырвала его из меня, и пламя, бушующее в крови, сожгло яд, не дав ему никакого шанса. Она вела меня вперед, торопила, молила, чтобы я не мешкал.

И я не мешкал.

Люди исчезли, а двери не являлись для меня преградой. В кабинете оставался лишь один человек. Бледный, растрепанный, с безумным взглядом, не верящий, что все, чего он достиг, теперь не имело смысла. Переставало принадлежать ему. Что его расчет, логика, подлость, интриги и жестокость не могли противостоять ингениуму. Тени. И чужаку, который вмешался в его планы.

Я зачерпнул еще, так что кровь в моих венах превратилась в огонь, а сердце вспыхнуло, точно солнце, сгорая все, без остатка. Я стал пламенем, чистым, невероятно сильным, адским вестником, что пришел сюда сообщить этому человеку передо мной об окончании его пути.

И он не выдержал моего взгляда…

Револьвер в его руке был просто жалок, я расплавил летящую пулю, взорвав целое крыло здания. И на что бы ни посмотрел – все начинало плавиться, трескаться, обугливаться и гореть. Окна давно лопнули, я знал, что пламя распространилось и вверх, и вниз, захватывая этажи, и оно не предаст меня, не отступит перед водой, которой его будут пытаться тушить. Оно уничтожит здесь все.

Потому что я этого хочу.

Я могу брать ингениума сколько пожелаю, сейчас у меня неограниченный кредит на него.

Тень передо мной обернулась, и я не стал отворачиваться. Она была лучшим компаньоном, что когда-либо сражался вместе со мной. Давала мне

силы, мощь, забирала боль и помогала выжить. Она и была моим боевым братством.

Я наконец решился посмотреть ей прямо в глаза и улыбнулся …а она улыбнулась мне в ответ. У нее было лицо Мюр. И больше я не боялся того, что ждало меня впереди.

Август 2016 – март 2018

---

notes

1

Название Военно-морских сил Риерты. — *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Здесь: паровоз серии «Кукушка», медленный и уже устаревший.

3

«Б о л д с» – марка джина.

4

По традиции с позапрошлого века роты Двадцать первого полка Ее Величества носят названия эскадронов. В полку четыре эскадрона, в каждом эскадроне по четыре отряда.

5

На первых телефонах с семизначными номерами три начальные цифры заменялись буквами, с которых начиналось какое-то слово. Это было сделано для того, чтобы новые в то время номера (казавшиеся очень сложными) легче запоминались. По сути, Маклиди говорит «TREmont 7106», что соответствует номеру 873-7106.

6

Жетон с личным номером жандарма, номером участка, именем и должностью. Обязателен для ношения всем нижним чинам. Кроме информационной роли играет еще и роль защиты, так как больше похож на стальной воротник, закрывающий часть шеи.

7

QARANC (Queen Alice Royal Army Nursing Corps) – Королевский армейский сестринский корпус имени королевы Элис.

8

VAD (Voluntary Aid Detachment) – Добровольческий медицинский отряд. RAMC (Royal Army Medical Corps) – Королевский армейский медицинский корпус.

9

Униформа сестер милосердия Сестринского корпуса.

10

«Лонгерфильд» – армейская дальнобойная винтовка, разработанная в Королевстве и использовавшаяся в последний год Великой войны, в основном на Восточном фронте.

11

SWS (Special Water Service) – Специальное подразделение вооруженных сил Королевства. Легендарный Двадцать первый полк, большинство солдат которого погибло во время Великой войны. Проводит разведку сил противника, диверсионные операции и пр.

12

Диафрагма – часть пролета моста.

13

Б ы к и – промежуточные опоры, устои – береговые опоры.

14

Стоун – мера веса, равна 14 фунтам, около 6, 350 кг.

15

Имеется в виду номер жандармского участка.

16

Добившийся успеха, разбогатевший выскочка.

17

Снукер – разновидность бильярдной игры.

18

Серия – последовательность результативных ударов.

19

Шпиговальная игла.

20

Алкогольный коктейль, появившийся после Великой войны в Республике. «Семьдесят пять» в данном случае – калибр орудия. По мнению создателя коктейля, его эффект точно такой же, как выстрел из пушки. В основе коньяк, шампанское, лимонный сок, сладкий сироп.

21

Земля Марии – первый штат на территории Конфедерации.

22

О н и – название демонов у искиров.

23

Верблюжий корпус – кавалерийская бригада Ее Величества, личный состав формирования продвигался на верблюдах и вел сражения на западе континента алавитов. В первый год Великой войны попал в окружение и был уничтожен искирами меньше чем за сутки.

24

«П л а н е т а» – Королевский оперный театр в Хервингемме.

25

Вес пистолетной пули в метрической системе Королевства.

26

Тип конфедератских миноносцев, участвовавших в Великой войне.

27

Подкладка на бортах, которая предназначена защитить корпус судна во время удара о пристань или другое судно.

28

Во времена Итана свитерами моряков назывались шерстяные водолазки, которые первыми использовали моряки Клеверного графства, а во время Великой войны Адмиралтейство позаимствовало эту одежду, сделав ее обязательной для всего состава флота в осенне-зимний период.

29

Поза миролюбия. Индеец будет оставаться на корточках до тех пор, пока его не увидят и не покажут своих намерений.

30

Приветствие и прощание у индейцев, обращенное к родственнику.

31

Роспись краской лица женщин зависит от правил и традиций того или иного племени или союза племен. Так, в северной группе племен, в том числе и у мухенока, наложить на щеки и подбородок красную краску во время праздников или важных событий женщина может, лишь если ее муж убил не менее десяти человек и стал воином.

32

Самоназвание всех коренных жителей Северного континента.

33

Нита – медведица гризли.

34

Чернокожие.

35

Управление стратегии Казначейской службы – разведывательное управление Конфедерации Отцов Основателей.

36

Осмунд ошибается, так как система письма микмак не относится к иероглифам, а является пиктограммой.

37

Самый большой и колючий кактус в мире, разрастающийся до колоссальных размеров в южных штатах.

38

Баллистическая таблица содержит информацию о поправках прицела в зависимости от дистанции до цели.

39

Метод пешей слежки за объектом.

40

Хендлбар, или «велосипедный руль» – густые усы, кончики которых закручены вверх при помощи укладки и помады для волос.

41

Язык простонародья Хервингемма, фразу можно перевести как «место терки увальней».

42

Частое название бармена в классических пабах Королевства.

43

Стачколом, человек, которого нанимает администрация, чтобы препятствовать забастовке и профсоюзам тем или иным способом.

44

А потом в Королевстве удивляются, почему никто терпеть не может их скучных традиций. Потому что они распространили их даже на свои прежние колонии.

45

Здесь: народные бесы, прозвище простонародья в Королевстве.

46

Прямой удар.

47

Подставка – защита, когда удар попадает в блок перчаток, предплечий, локтей.

48

Убийца Маленькой Жары – неизвестный преступник, убивший летом 1891 года двенадцать подростков в районе Маленькая Жара.

49

Гуманитарная организация, оказывающая помощь малоимущим и нуждающимся. Основана на пожертвования меценатов, во время Великой войны являлась аналогом Красного Креста.

50

Армия Империи разделена на собственно Армию и Флот. Это две совершенно разные, не связанные между собой структуры, с разведкой, вооружением, техникой, инженерами, разрабатывающими оружие, партиями в правительстве, влиянием на аристократические семьи, финансами, обучением, идеологией, социальным составом и целями. Часто они конкурируют друг с другом, вплоть до устранения идейных противников в противоборствующем лагере и боевых столкновений. По традиции именно флотские охраняют государственных чиновников, посольства и пр.

51

Крепыш Клеверного графства – дворовая игра в бедных районах, обычно среди молодежи или взрослых на деньги, когда люди поочередно бьют друг друга в лицо, до тех пор, пока один из них не упадет.

52

Настольная игра-стратегия для двух человек.

53

Переходная стадия индивидуальной защиты солдата между кирасой и бронежилетом. Обладал внушительным весом, но, в отличие от устаревшей кирасы, выдерживал попадание легкой пули из современного оружия.

54

Гранаты, начиненные белым фосфором, – тип зажигательных боеприпасов.

55

«Лавандовый экспресс» – скоростной поезд, ходящий по маршруту Хервингемм (Королевство) – Алх-Зани (Алавит). Считается самым быстрым, комфортным и дорогим в своем классе.